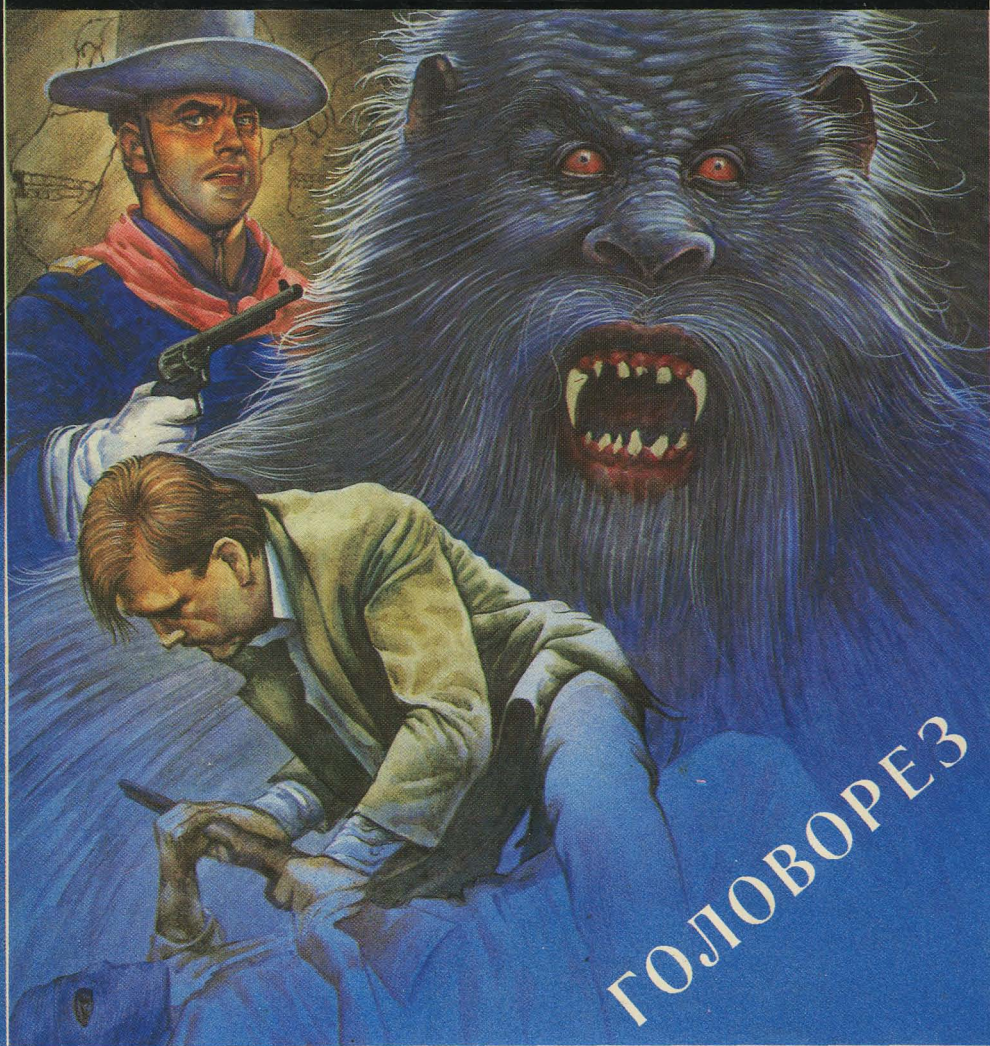

МАЙКЛ СЛЭЙД

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Майкл Слэйд

ГОЛОВОРЕЗ

Львов
СИГМА
1996

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 41

Майкл Слэйд
ГОЛОВОРЕЗ : роман

Copyright © by Michael Slade

ISBN 0-451-14752-6

Часть первая

Череп

Нет сомнения, что способность мозга делать выводы и предвидеть последствия в ходе эволюции человека чрезвычайно возрастает. Она ведет его к величайшим открытиям о закономерностях в явлениях природы и в жизни самого человека. Привычка задавать вопросы — плод древней потребности к овладению знаниями, как гарантии безопасности, что есть характерная и, временами, болезненная отличительная черта человечества... Она ведет человека по меньшей мере к двум величайшим открытиям: с одной стороны, к тому, что каждый индивидуум умрет, а с другой — к тому, что было время, когда не существовало ни одного человеческого существа. Подобное знание продолжает поражать нас, и многих повергает в такое отчаяние и неуверенность, что они начинают искать утешения в мистике, что человечество, должно быть, делает с тех самых пор, как начало говорить и мыслить.

Дж. З. Янг «Введение в изучение человека»

СКОЛЬЗКАЯ ТРАВА

Долина реки Литтл-Бигхорн, округ Монтана
воскресенье, 25 июня 1876 г. 1:00 пополудни

Стрела вонзилась ему в левый глаз, оперённое древко глубоко вошло в голову, спина, дёрнувшись, выгнулась назад, руки раскинулись широко в стороны, а его конь встал на дыбы, сбросив солдата из седла на землю, так, что у того хрустнули кости, прямо под ноги подполковнику Джорджу Армстронгу Кастеру.

— Где, дьявол его побери, Рено? — заорал Кастер среди усиливающегося шума битвы, развернувшись и выпалив из своего «Уэбли» по несущемуся на него шайену. Выстрел оказался удачным.

Полковник стоял у гребня холма севернее Медсин-Тэйл-Куули, его желтоватые волосы коротко подстрижены, небритые скулы покрыты въевшейся пылью после трёхдневной езды по дикому краю. Пыль покрывала его бакенбарды, бриджи, заправленные в тупоносые кавалерийские сапоги, и красный, с пятнами пота платок, повязанный на шее. Его когда-то белая, с загнутыми широкими полями шляпа, упавшая в пылу схватки, теперь валялась растоптанная в шалфее у его ног.

Тот, кто погибал сегодня, был искусным, хорошо вышколенным кавалеристом, приведшим Седьмой полк к победе в 1868 г., когда, вырвавшись из бушующей бури, они уничтожили лагерь Чёрного Чайника, раскинутый на берегу реки Уошито. Оказавшийся на месте человека, ранее имевшего репутацию лучшего в армии США усмирителя индейцев, был уставшим, неопрятным солдатом, отчаянно дерущимся за свою жизнь, выкрикивающим команды молодому горнисту, стоящему рядом с ним.

— Плотнее, чёрт вас побери, плотнее!
— Во имя Господа, парни, не бежать! Что это? Поражение?
— Пусть люди Келхауна спешатся и развернутся, как пехотинцы!

Сержант Роберт Хьюджес из роты К держал боевое знамя Кастера.

Развевающееся знамя с красными и голубыми полосами и двумя скрепленными саблями своим присутствием указывало на то, что полковник был на поле брани. Когда Кастер переломил, открывая, свой «Уэбли», чтобы зарядить его патронами 45-го калибра из патронташа на поясе, Хьюджес закричал: — Иисусе милостивый! Том получил своё! — Капитан Том Кастер, брат полковника, получив удар между глаз, забрызгал кровью и мозгом всего перепуганного знаменосца.

— Они приближаются сюда! — выкрикнул горнист. — Чёрные, как черти, и их полно, словно травы! О, Боже, мы погибнем!

Вид, открывавшийся Кастеру на индейский посёлок, вытянувшийся вдоль реки, с высокого обрыва, позже известного как Гребень Битвы, ограничивался зарослями высокой сухой травы. Глядя сверху на невероятную резню, продолжающуюся внизу, он понял, что там было гораздо больше жителей, чем он ожидал. Неизвестные полковнику сиу и шайены располагались семью кольцами протяжённостью четыре мили, образованными, когда три союзных племени — каждое ходившее по своей охотничьей тропе, как было ясно по их размерам — соединились вместе незадолго до кавалерийской атаки.

Кастер был заносчивым человеком непомерных амбиций. Командиром, для которого атака и победа были синонимами. Отступление с поля брани было просто не в его правилах. Три дня назад его следопыты обнаружили свежую охотничью тропу, и тогда он отдал приказ Седьмому полку следовать по ней через опалённые солнцем Волчьи горы к тому месту, где индейцы разбили лагерь. Его план заключался в том, чтобы захватить их врасплох внезапной кавалерийской атакой с двух сторон, и для этого он разделил своих 615 солдат на три батальона. Возглавив лично головной отряд, в то время как колонна Рено должна была напасть с фланга, полковник галопом направил свой батальон на лагерь, где оказались не только те индейцы, которых они преследовали, но также и воины других союзных племён. Его люди оказались в меньшинстве в пропорции один к десяти. «Удача Кастера» отвернулась от него.

Словно пчёлы, вылетающие из улья, сиу и шайены устремились в яростную контратаку. Неистовые сиу, такие, как и Чёрный Месля, Король Воронов и Гал — Яростный Воин полуодетые устремились из своих типи* на строй вооружённых длинными саблями солдат; на некоторых из них были боевые головные уборы равнинных племён, у других были перья в волосах, собранных в пучок, что означало «перерезаю глотки и снимаю скальпы», или разделённых, что указывало на то, что их владелиц «перенёс много ран». Шайенские храбрецы, вроде Тупого Ножа, Плоского Бедре и Ледяного Медведя, дико вопили, чтобы заставить врага отступить, некоторые — паля из «винчестеров», другие из более старых, заряжающихся с дула ружей; кое-кто был вооружён луками со стрелами или длинными украшенными перьями копьями, а остальные размахивали двусторонними томагавками. Бешеные Лошади, сиу из племени огалаа — их лошади были украшены отрезанными пальцами, чтобы похвастаться количеством убитых врагов — галопом неслись за Кастером и его отброшенными людьми, размета белых по склону. Среди облаков дыма, пыли и какофонии битвы Дождь-В-Лицо, Пеммикан, Хэмп и Рождённый Лаской выкрикивали боевой клич «Хока хэй!», в то время как другие улюлюкали или пронзительно свистели. Сиу, которого звали Лёгкое, скакал в вышитой бисером куртке, отороченной человеческими волосами. Санари — безлукие — дрались с бледнолицыми врукопашную, их тела были украшены талисманами, придающими силы: клювами сов, подвешенными на ремешках, или шкурами койотов. Продвигаясь в этой мешанине из тел, выстрелов, ржущих лошадей, носящихся по полю битвы с пустыми сёдлами, прибыли Скверная Похлёбка, Приходящий Снова, Низкий Пёс, Пятнистый Орёл; в бой вступили Оперённое Ухо, Голые Рёбра, Реющий Ястреб и Железный Гром; появились Голубое Облако и Толстое Брюхо, и Человек-Который-Гуляет-Со-Своей-Собакой... бесконечная череда неистовых всадников, летящих принять участие в резне, вырезающих кавалеристов поодиночке, раненных и умирающих, молящих о пощаде. Битва превратилась теперь в беспорядочное бегство от реки вверх по склону... Прямо по направлению к гребню, где стоял Кастер... дерущиеся и падающие, вертящиеся и стреляющие во все стороны солдаты спасались бегством, в то время как преследующие их по пятам сиу окружали их.

* Типи — вигвам, жилище североамериканских индейцев

— Играй построение! — выкрикнул Кастер.

Когда горнист не подчинился, он влепил ему пощёчину. Трубач упал на колени, истерически зарывав.

— Какой, к чёрту, в этом толк, сэр?

— Здесь я командир! — Кастер снова его ударил. — Дуй в этот чёртов горн!

Звук горна созвал уцелевших к гребню холма. Раненые солдаты брели среди залитых кровью кустов, а мимо проносились индейские лошади, вслед за чем на белых обрушивались томагавки. Те, кто ещё оставался в сёдлах, пристреливали своих лошадей, чтобы укрыться за их трупами. Один из кавалеристов скорчил страшную гримасу, когда копьё пронзило его грудь; затем уздечка, подпруга, седло и попона сорвались с его лошади, бросив его на землю под копыта лошадей шайенов.

Пули впились в шалфей, выбивая фонтанчики пыли. Воздух почернел от порохового дыма. Семьдесят пять обречённых на гибель людей образовали оборонительный круг, передние — став на одно колено, чтобы задние могли стрелять. Мэйзи, Слэпер, Фретт, Джирард и Эдгерли упали. Лютер Хар закричал: — Чёрт, моё ружьё заклинило! — И моё тоже, — выкрикнул Эдвард Годфри, и тут индейская пуля разворотила ему лицо.

Один за другим карабины «Спрингфилд» Седьмого полка замолкали. Раскалившиеся выбрасыватели заклинивало, оставляя стреляные гильзы в затворе. — Револьверы! — заорал Кастер, когда круг разорвался. Те, кто услышал его, выхватили свои «Кольты» 45-го калибра.

На поле битвы стало теперь так дымно, что индейцы и белые вполне могли стрелять в своих собственных людей; и друзья, и враги были всего лишь тенями в клубах дыма. Седьмой полк уменьшился до двадцати солдат, всё ещё остающихся на ногах, когда несколько из них попытались прорваться с гребня. Остающиеся тут же повернули свои револьверы в сторону дезертиров.

Один из попытавшихся бежать был гражданским — Фрэнсис Паркер. Этот нервный долговязый мужчина встретился с воинской колонной незадолго до схватки. Во время безумного решения Кастера он остался сзади и оказался вовлечённым в битву только тогда, когда солдаты были отброшены назад.

Другой, лейтенант Харрингтон, отобрал лошадь у раненного. Прорвавшись сквозь сну, он галопом поскакал в долину реки Литтл-Бигхорн. Индейцы во главе со Старым Медведем погнались

за ним, но лошадь Харрингтона со страха понесла, и, казалось, ему удастся ускользнуть, когда неожиданно лейтенант поднял свой револьвер и выстрелил себе в голову. Он умер в соответствии с неписанным воинским кодексом: «Когда сражаешься с индейцами, оставь последний патрон для себя».

Высоко над обрывом Кастер и Хьюджес остались только вдвоём. С перчаткой на одной руке, с револьвером во второй, полковник стоял над лежащим в траве горнистом, шайенская стрела торчала в горле трубача. Стоя на одном колене, Хьюджес судорожно сжимал флаг, направляя свой разряженный револьвер в сторону сиу. Когда томагавк раскрыл ему череп, он со стоном уронил знамя.

Разозлённый видом своего славного знамени, втопанного в пыль, полковник закричал: — Будь оно всё проклято, если я должен буду погибнуть от рук язычников-краснокожих!

Подскакав так близко, что порох из ружья обжёг кожу Кастера, Дождь-В-Лице выстрелил ему в голову.

Со смертью Кастера битва индейцев с Седьмым полком закончилась, но ещё с полчаса они кружили по полю, гортанно переключаясь, наспигивывая тела стрелами или стреляя в них из ружей, крутясь вокруг «Последней Стоянки», словно речная вода у камней на быстрине.

За то время, что прошло от начала битвы до её завершения, солнце сдвинулось всего лишь на ширину нескольких стрел.

Последующее заняло больше времени.

Широкоплечий и сильный, Лёгкое был главным знахарем тонских сиу. Взявшись на холм, он сбросил свою расшитую бисером куртку и теперь стоял обнажённый по пояс под жгучими лучами солнца. Окидывая взором поле битвы, он думал: *Кровь в жилах моих людей кипела сегодня, но их сердца холодны.*

Болтающие скво раздевали трупы белых. Вокруг них были навалены груды военной добычи, приготовленной к перевозу: табак, часы, бумажники, виски, оружие, сёдла, флаги и фотографии. Более сильные женщины увечили мёртвых, отрезая конечности и головы у тех, с кого уже сняли скальпы воины. Трое мужчин проехали мимо с трофеями, привязанными к их копьям, один из них держал высоко над головой отрезанную щеку с бакенбардой армейского майора. Последний уцелевший представитель Седьмого полка ковылял по полю: это был вороной жеребец по кличке Команч ка-

питана Майлза Коха. Раненый конь был полумёртв от потери крови.

Из всех убитых, валяющихся на земле, тело капитана Тома Кастера было в наихудшем состоянии. Брат полковника лежал лицом вниз недалеко от гребня холма, его череп был проломлен многочисленными ударами томагавков. Все, до последней пряди, волосы с его головы были срезаны на скальпы, за исключением пучка на затылке. Дождь-В-Лицо вырезал и съел сердце капитана — действие, которое, как считалось, передает победителю мужество его врага.

Труп полковника был единственным, который не должен был быть оскальпирован. Вместо этого кто-то воткнул ему в уши иглы, чтобы помочь духу «Жёлтого Волоса» лучше слышать протесты индейцев. На теле полковника было две раны, от выстрела в череп и дыра в груди. Пока Лёгкое бормотал, обращаясь к труп, остеклевшие глаза Кастера неподвижно глядели на него.

— Иногда, *Фыркальщик*, сны бывают мудрее пробуждения. То, что случилось сегодня, было предсказано.

Лёгкое отмахнулся от роя мух.

— Чёрные горы — это для нас не тающий в руках снег. Они служат домом для Вакан-Танки, самого могучего из всех богов. Реки гор — это слёзы из его глаз; земля и то, что в ней находится — вместилище его души.

— Когда Луна стала круглой, ты сказал Красному Облаку, что горы принадлежат нам до тех пор, пока растёт трава и текут реки. Большой Военный Вождь обещал, что вы не ступите на наши земли, и всё равно вы ходите везде, будто горы — ваши. Этот жёлтый металл, которому вы поклоняетесь, эта земля, которая сводит вас с ума, стоит ли всё это той цены, которую все мы должны платить? Ты всё говорил, говорил, но, в конце концов, твои слова оказались подобны дуящим ветрам.

В вышине над полем закружился первый стервятник.

— Вакан-Танка во сне сказал Сидящему Буйволу, что вы придёте. Теперь же он посылает Буйволу видение множества длинных ножей, едущих отомстить за то, что вас вырезали. Буйвол говорит, что мы должны пересечь Медсин-Лайн, за каменными холмами, где красные куртки охраняют Землю Великой Белой Матери.

— *Фыркальщик*, человеческая мечта захлебнулась сегодня твоей кровью. Ты выгнал нас с нашей земли. Но пройдёт много лун, и

мы, лакоты, вернёмся. В конце концов, земля — это единственное, что пребывает вовеки.

Лёгкое был привлечён испуганным вскриком. За несколько месяцев до этого дня битвы на Скользкой Траве Сидящий Буйвол предложил племенам севернее Медсин-Лайн присоединиться к нему в борьбе против белых. Черноногие отказались, но равнинные кри согласились, и один из них, Белая Сова, как раз снимал скальп.

Среди солдат лежал мужчина, одетый в штатскую одежду. Когда кри схватил его голову, чтобы срезать волосы, белый издал ужасающий вопль боли. Крик привлёк нескольких находящихся рядом скво, поскольку их делом было притащить уцелевших в лагерь, для пыток. Завывание можно было услышать и за рекой, и вскоре ещё один голос присоединился к хору.

В то время как штатский молил о пощаде, кри сорвал с него одежду. Из одного из карманов, незамеченная, выпала записная книжка и осталась лежать в кустах. Когда человек был раздет до нижнего белья, скво увели его, но не раньше, чем Белая Сова получил свой скальп. Кри, швырнув заплочную сумку на землю, вывалил наружу её содержимое, надеясь на трофеи. Из неё вывалились книга и огромный жёлтый череп. У журнала Паркера была книжная кожаная обложка.

Череп был в два или три раза больше человеческого. На его макушке был сагиттальный гребень, по форме напоминающий клок волос на скальпах ирокезов. Ископаемое было завернуто в рыболовную сеть, чтобы удерживать на месте челюсть. Зубы, напоминающие собачьи, выступали вперёд, словно клыки.

Издав гортанный звук удовлетворения, Белая Сова затолкал журнал и одежду Паркера в сумку. Перебросив лямки через плечо, он вскочил на свою лошадь. С черепом, болтающимся у него на ремне, он повернул лошадь к реке и покинул поле битвы.

СНАЙПЕР

Сан-Франциско

вторник, 14 марта 1987 г., 8:12 пополудни

«Вальтер-WA2000», стреляющий патронами в 120 гран от «Винчестера Магнума» 30 калибра, имеет начальную скорость вылета пули 3000 футов в секунду и начальную энергию пули 3600 фунтов на фут. Другими словами, «Вальтер» свалит даже медведя-гризли. Ствол — самая важная часть любой винтовки, поэтому ствол, который держал снайпер, был подогнан к его руке и имел форму, наиболее отвечающую предъявляемым к нему требованиям. По всей длине его проходили желобки для того, чтобы лучше рассеивать тепло и противостоять гармоническому эффекту. Затвор и шестизарядный магазин упирались в подбородок убийцы, скрытый под маской. Рукоятка, похожая на пистолетную, имела отверстия для пальцев, для большей точности стрельбы, а сам магазин помещался в жёстком футляре, так что приклад был естественным продолжением патронника. Отдача при выстреле направлялась прямо в плечо снайпера, давая гарантию того, что выстрел попадёт точно в цель. Оптический прицел, установленный перед его глазом и дающий двадцатипятикратное увеличение, был нацелен с крыши отеля круто вниз. Он был направлен сквозь стеклянную крышу музыкального салона пятнадцатую этажами ниже, перекрестье смотрело в лоб докладчика, в данную минуту находящегося на подиуме. Указательный палец убийцы плотнее лёг на спусковой крючок.

Внутри музыкального салона отеля «Карлтон-Палас» происходило собрание Американской Ассоциации Адвокатов. Гудение тысячи голосов эхом отдавалось в сводчатом помещении, пока юристы и законники потягивали напитки

в ожидании того, когда обеденные приборы будут убраны. Музыкальный салон начал свою историю с 1909 г., когда заменил танцевальный зал, пострадавший в землетрясении 1906 г. Роскошный салон с позолоченными стенами, бархатными портьерами, хрустальными светильниками — его потолок был сложен из десяти тысяч листов стекла. В этот вечер комната, уютно раскинувшаяся под звёздным балдахином, была тускло освещена, если не принимать во внимание светильники подиума. Президент ААА обратился к собранию.

— Леди и джентльмены, уважаемые судьи члены Ассоциации и гости. Я с удовольствием представляю вам сегодняшнего докладчика, несомненно, самого передового юриста с времён Лорда Деннинга; будьте любезны приветствовать мистера судью Хэттона Мэрдока, члена Апелляционного Суда Британской Колумбии.

Пока длились аплодисменты, он предоставил сцену мужчине лет пятидесяти пяти, одетому в смокинг. Когда суровое умное лицо судьи появилось в свете огней подиума, шум среди собравшихся затих до шёпота. Его присутствие подействовало на собравшихся, словно появление Ф. Ли Бэйли или Эдварда Маршалла Холла.

— Господин президент, коллеги, члены коллегии адвокатов. Наде действительно повезло, что она имеет в качестве соседа Соединённые Штаты, так как ваша Конституция на столетие старше. И, таким образом, у нас есть то преимущество, что мы можем учиться на ваших ошибках.

Когда я говорю «ваших ошибках», я не имею в виду ничего обидного для вас, так как каждая нация выковывается на ковальне своей истории. У нас есть то преимущество, что мы можем ознакомиться с вашими экспериментами, прежде чем составлять проекты своих собственных законов: преимущество, недоступное тем, кто идёт впереди. Сходство между нашими двумя странами — результат конституционной концепции, заимствованной нами у вас, в то время как различия отражают те аспекты, которые мы отвергли.

Сперва о различиях.

Америка — это республика, родившаяся в революции. По этой причине ваша Конституция гарантирует вам право на ношение оружия. Сегодня мы видим результаты этой статьи закона, и, хотя население Канады в десять раз меньше населения Штатов, в 1985 г. мы имели лишь пять случаев смерти от личного оружия по сравнению с вашими 8092. За последние пять месяцев 135 единиц

оружия были изъяты у американских туристов, пересекающих границу из штата Вашингтон, поскольку наша Конституция — учитывающая ваш опыт — не гарантирует и никогда не будет гарантировать этого права.

Когда Америка в восемнадцатом веке разделила политическую власть между Конгрессом и штатами, ваша Конституция предоставила штатам контроль за уголовным законодательством. Сегодня вызванная этим путаница приводит к тому, что убийца, пересекающий границы штата, должен быть выдан, в то время как в зависимости от того, где он убил свою жертву, он может либо распрощаться со своей жизнью, либо через день оказаться на свободе.

Представьте, насколько в Америке было бы безопасней, если бы, подобно нашей конной полиции, ваша полиция могла беспрепятственно преследовать преступников от побережья до побережья? От океана до океана наши уголовные законы одни и те же, поскольку мы — снова учитывая ваш опыт — предоставили эту власть центральному правительству.

Один из подвыпивших членов аудитории громко крикнул: — Ваши законы многих из нас оставили бы без работы. Кому нужна безопасность, если юристы окажутся безработными?

Мэрдок проигнорировал его.

— Америка завоевала свой Дикий Запад, открыв ворота авантюристам, готовым на всё. Естественно, вам пришлось побороться, чтобы взять воцарившийся в результате хаос под контроль. Ваши легендарные герои Запада — Вьятт Эрп, Джордж Кастер, Бэт Мастерсон — все они сами по себе были ренегатами, и поэтому то, как вы завоёвывали свою территорию, породило ситуацию, когда вы позже вынуждены были отвечать огнём на огонь. Уровень преступности в США сегодня показывает уменьшение уважения к закону, поскольку ваша экспансия делала нормой этики пренебрежение к властям.

Подвыпивший снова выкрикнул: — О чём болтает этот зануда?

Мэрдок на мгновение умолк, чтобы глянуть на мужчину. Собравшиеся повернулись, чтобы взглянуть на того, кто прервал оратора: развалившегося в своём кресле, сбивающего пальцем на пол пепел сигары, со стаканом красного вина, закапавшего белую рубашку. Прельщённый пятнадцатиминутной славой, обещанной ему Энди Уорхолом, пьяница слегка поклонился толпе.

Судья снова обратился к своим пометкам.

— В начале 1870-го года в наших прериях западнее Манитобы не было ни одного белого поселенца. Канада как государство сложилась только в 1867 году, и уже тогда правительство побоялось разрешить то, на что вы могли махнуть рукой на Западе: занимать наши незаселённые земли. К тому моменту американские торговцы виски уже окопались в Форте Вууп-ап, который сейчас называется Альбертой.

После Ръельского восстания 1870 г. армия на исходе зимы послала двух британских офицеров — Уильяма Батлера и Вилфреда Блэйка — через прерии, чтобы они доложили о тамошних условиях. Когда они посоветовали образовать Северо-западную конную полицию, то в 1873 г. её личный состав был набран. В том же году она выступила Великим Маршем на Запад для уничтожения Форта Вууп-ап.

Поскольку конной полиции предстояло двигаться по индейской территории, люди были одеты в алые мундиры. Исторически кри и черноногие с уважением относились к Красным мундирам королевы Виктории. Во время своего продвижения к Скалистым горам конная полиция организовывала посты вдоль своего пути, и, таким образом, когда первые поселенцы прибыли позже для освоения Запада, они обнаружили, что здесь правит закон. От вас мы научились не выпускать событий из-под контроля.

Канада традиционно страна законопослушных граждан. Какая ещё нация известна прежде всего своей полицией? Все наши легендарные герои Запада — Джеймс Уолш, Сэм Стил, Уилфред Блэйк — все они были офицерами Северо-западной конной полиции...

— Вы забыли ещё одного.

Пьянчужка снова был при деле.

— Как насчёт Кинга — пса Престопа? Он тоже был вашим героем?

Мэрдок сделал паузу, предложив вывести смутьяна вон.

Толпа недовольствующе зашумела, так как ничто не доставляет законникам большего удовольствия, чем не знающая словесных ограничений устная перепалка.

Находящийся пятнадцатую этажами выше снайпер нажал на курок.

Поскольку «Вальтер» был снабжён глушителем, единственным звуком, нарушившим тишину ночи помимо звука разбитого стекла, был ультразвуковой свист высокоскоростной пули.

Пуля пробила крышу музыкального салона, расположенного внизу, и разнесла голову судьи, разбрызгав его мозг.

Кровь и осколки костей забрызгали шокированных членов ААА, сидевших за передним столиком.

Некоторое время обезглавленное тело судьи стояло в свете огней сцены; затем то, что осталось от канадца, исчезло из поля зрения.

За час до того, как прозвучал выстрел, Чак Фрэзер был удивлён, наткнувшись на Мартина Квана. Их пути пересекались в коридоре за дверями музыкального салона.

— Эй, Мартин.

— Привет, Чак.

— Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты. Обманиваю налоговое управление.

Фрэзер ухмыльнулся. — Только не я. Я здесь живу. У меня не предвидится отпуска до следующего года.

Мартин покачал головой, подняв бровь. — Чак, ты, похоже... помолодел. Я с трудом узнал тебя.

— Чудеса современной науки, приятель. Просто тебе ровно столько лет, на сколько ты выглядишь. Если бы ты дал мне знать, что приезжаешь, я бы отложил некоторые дела.

— Поездка решилась в один момент. Я не знал, что полечу, до конца прошлой недели.

— Ты здесь один?

— С сестрой. Она недавно эмигрировала из Гонконга и захотела посмотреть Сан-Франциско.

— Ты должен представить меня ей. Как её зовут?

— Лотос.

— Очень красиво. Она тоже юрист?

— У-гу. По деловому праву.

— В какой отрасли она работает?

— В фармакологии. Она сбежала от Фанквань Чжу.

Чак Фрэзер был поверенным, специализирующимся на транстихоокеанских финансах и делах иммигрантов из Азии. Его офис в Сан-Франциско — у него была контора и в Японии — занимал целый этаж одного из небоскрёбов, вздымающихся высоко над Монтгомери-стрит. Помешанный на витаминах чужак, каждый день играл в сквош, Фрэзер держал личного повара-немца и пару гейш.

Следуя философскому высказыванию «если не можешь победить, присоединись», он был на встрече сегодня ночью, чтобы продемонстрировать своё теперешнее подтянутое лицо и вживлённые волосы. Чак испил из того источника, который принимал в эти дни за Фонтан Молодости.

Мартин Кван — с точки зрения Чака — был «молодым турком» в правлении, представителем азиатского стиля. Ему было лет двадцать пять, на овальном азиатском лице светились холодные, хищные глаза. Его чёрные волосы, тщательно подстриженные, были уложены на одну сторону; напоминающие лук Купидона губы и ямочки на щеках кривились в высокомерной усмешке. Кван был одет в угольно-чёрный костюм от Честера Барри стоимостью по меньшей мере две тысячи баксов, гармонирующий с бледно-розовой рубашкой и соответствующим шелковым галстуком. Фрэзер представил себе его на рассвете, обращенного спиной к желтовато-розовому небу, легко избегающего по 108 ступенькам Тайского храма, готовящегося в один прекрасный день выпустить кишки североамериканской промышленности. Он был безжалостной акулой, что Чака весьма устраивало.

— Как твой дед будет узнавать новости? Я хотел бы оказаться ему полезным.

— Он послушался твоего совета. Сейчас у нас есть и другие возможности.

— Надеюсь, он понял, что дело не в нашей системе квот. США могут принимать за год только горсточку иммигрантов из Гонконга, и потому список ожидающих забит на тринадцать лет вперёд, но при хороших связях всё это можно обойти. Если бы ваша компания не была связана с Ханоем, я смог бы помочь ему въехать в страну.

— Не нужно оправдываться, Чак. Он всё понимает.

— Вечная проблема с единоличными владельцами компаний. Хозяин не имеет представления, чем занимается компания.

— Мы знаем, что ты сделал всё, что смог. Но есть номера и в других гостиницах.

Фрэзер извиняясь пожал плечами. — Фанквань поставляла Северному Вьетнаму до тридцати процентов их наркотиков, включая трипентал, использовавшийся при допросах наших военнопленных. Подобного рода коммерцию американцы ещё не готовы простить.

Кван глянул на свои «Ролекс» в платиновом корпусе. Фрэзер понял это как сигнал сменить тему.

— Я слышал, Фанквань творит поразительные вещи с трансплантируемыми органами. Недостаток доноров у нас делает рынок безнадежным. Есть у меня какой-нибудь шанс заработать гонорар, если я возьмусь продвигать ваш бизнес в этом направлении?

— Сколько?

— Скажем, двадцать процентов от общей стоимости.

— Хватит и десяти.

— Пятнадцать.

— По рукам.

Кван снова глянул на «Ролекс». Потом на гостиничные часы. Он совсем было собрался извиниться и уйти, когда Фрэзер сказал: — У меня есть клиент-японец, который — как и твой дед — не слишком желателен в Штатах. Подумай, ты не мог бы вместо этого протолкнуть его в Канаду?

— У него есть деньги?

— Конечно. Иначе он не был бы моим клиентом.

— Он считается уголовным преступником в Японии?

— Кое-какие проблемы со Штатами, но обвинений ему никогда не предъявляли.

— Надеюсь, он не депортировался из Канады в прошлом?

— Он ни разу и ногой не ступал из Японии.

— Тогда не должно быть никаких проблем с его въездом. Наше иммиграционное законодательство поощряет зарубежных инвесторов. Если он поместит 250 000 долларов в иностранный Канадский инвестиционный фонд или вложит такую же сумму в развитие местного бизнеса, иммиграционная виза практически гарантирована ему и его семье. После трёх лет натурализации они получают полное гражданство.

— И это всё? Никаких квот?

— Никаких, если у твоего клиента есть деньги. Квоты касаются какой-нибудь Сьюзи с конвейера, а не финансовой элиты. Оттава кланяется каждому, у кого есть солидный счёт.

Фрэзер подмигнул. — Я вижу, ты уверен в себе. Но ведь это мечта любого юриста.

— Двенадцать тысяч канадских паспортов будут высланы в Гонконг в этом году. Денежный поток из-за рубежа составит миллиарды долларов в каждом финансовом квартале. Лотос приехала на прошлой неделе из Гонконга как раз в связи с этим. Естественно, я поручился за нее в свете программы по воссоединению семей.

Фрэзеру показалось, что здесь что-то нечисто. Если Мартин, гражданин Канады, мог быть поручителем своей семьи, и если его дед легко мог купить себе право на въезд в Канаду, почему годом раньше Кваны обратились к нему, чтобы он помог им получить разрешение на въезд в Штаты?

Уже в третий раз Мартин глянул на свои часы. — Я должен идти, Чак. Лотос исчезла. Я пытаюсь разыскать её уже полчаса.

— У меня та же проблема. Твой соотечественник Смоленски где-то здесь. Он должен быть за передним столиком, когда будет выступать Мэрдок.

Они присоединились к остальным за сорок пять минут до выстрела.

8.21 *полудни*

Арни Смоленски был очень счастливым человеком. Именно так.

Арни, юрист, специалист по Филиппинским островам и защитник кутил из Уэлли, Британская Колумбия, был полным мужчиной сорока шести лет с мясистым носом, пронизательными глазами и блестящей лысиной, обрамленной остатками редющих волос. Дома его ожидали толстая жена, содержавшая салон по уходу за собаками, трое сопливых детей, которые считали своего отца большим докой, и процветающая, хотя и скучная адвокатская практика, ограничивающаяся гражданскими делами. Поскольку канадские юристы сотрудничали с ААА, один или два раза в год он посещал собрания адвокатов США, где у него вошло в привычку действительно «срываться с привязи». Срываться с привязи для Смоленски означало набираться в гостиничном баре, где частенько он объединялся с другими адвокатами, охотящимися за «кисками на каблучках», образуя группу из трех-четырёх «славных мушкетёров», которые шпаялись по всему городу, в котором происходила встреча, по бесчисленным, следующим друг за другом кабакам, приставая ко всем водителям, чтобы они нашли им «самое горяченькое место в городе», до тех пор, пока в обязательном порядке не «слетали с катушек» в пять утра в каком-нибудь ночном китайском кабаке.

Так бывало всегда, но не на этот раз.

Вчера, после составления плана того, как выдержать пытку в суде, Арни вёл себя вполне благопристойно и спокойно спал до по-

лудня. Проснувшись, он быстро оделся для обеда, даваемого членам ААА в музыкальном салоне — чёрный костюм, белая рубашка, красный в горошек галстук — и только потом наведаясь в гостиничный бар за порцией скотча. Всего одно мгновение потребовалось глазам Арни, чтобы привыкнуть к задымленному полумраку, затем он заметил китайскую «куколку» и чуть не спустил в штаны.

Какова лисонька! — подумал он.

На его взгляд китайская «куколка» была самым лакомым кусочком из тех, что ему когда-либо доводилось пожирать глазами. Она сидела в одиночестве у края стойки, потягивая сингапурский коктейль. Одетая «куколка» была в красное шёлковое платье восточного покроя с высокими разрезами на бёдрах, её длинные ноги были соблазнительно скрещены, так, что одна алая туфелька покачивалась взад-вперёд. Тёмные глаза были широко посажены на золотистом лице, а за ярко-красными губами виднелись, напоминающие жемчуг, зубы, в свободно распущенных чёрных волосах была заколота белая гардения — Арни решил, что это ожило видение из его «мокрых снов».

Со своим «большим мальчиком», сделавшим в его штанах стойку, он направился к стойке бара.

Двумя часами позже они находились в номере Арни на верхнем этаже отеля. Восторженный законник раскинулся на королевских размеров кровати, его «большой мальчик» «выдав свою смазку» был расслабленным, словно спагетти. Прислушиваясь с эротическим предвкушением к шуму душа за закрытой дверью ванной, Смоленски думал: *Да, господа, жёлтые кошечки лучше всех.* Он до сих пор удивлялся, что ему удалось уговорить Лотос Кван забраться между простынями.

Сегодняшняя ночь ознаменовала собой первый раз, когда Арни «отведал восточного окорока». Если не считать чёрной шлюхи, назвавшейся Полночью, которая выпотрошила его во время последней апрельской конференции на Каймановых островах, сексуальный опыт Смоленски ограничивался «уютной задницей» его жены. А также его книжонками и журналами.

Дома, в нижнем ящике его рабочего стола, запертом от Банни, его секретаря, Арни держал «помощь страждущему», которую он закупал каждый месяц. Не «Плэйбой» и «Пентхауз», этот никому не нужный мусор, а высококлассные издания вроде «Хастлера», «Клуба» и «Гента», журналов, по которым можно изучить девушек — действительно досконально изучить их, не отвлекаясь ни на

что, кроме того, что помещалось между их ног. Арни был истым почитателем порноиндустрии, приносящей миллиарды долларов ежегодно. Он считал себя «знатоком».

Иногда, когда его жена уезжала из города, а дети были в школе, он любил одеваться в «исподнее» Вэнди, чтобы посмотреть, как он выглядит. Его жена носила вязанные панталоны, вздувавшиеся на талии, и плотный лифчик, предназначенный для того, чтобы поддерживать, а не для того, чтобы показывать. В своём воображении Арни видел себя в прозрачных или коротеньких кокетливых мини-трусиках, держащемся на тоненьких бретельках кружевном бюстгальтере, открывающем соски, с бёдрами, ласкаемыми чувственно-красным или порочно-чёрным поясом. Сетчатые чулки облегли его ноги — погружая Арни в низменный и грязный мир фантазии.

Лотос Кван явилась такой фантазией, внезапно воплотившийся в жизнь.

Всё произошло так, словно азиатка поджидала его в баре, заранее готовая к соблазнению. Могла ли их встреча быть predetermined, подстроена Эросом, явиться ожившей «мечтой сладострастника»? Всё, что бы Арни ни попросил Лотос сделать, китайская кукла выполняла с готовностью. Словно Кван так же нравилось «выставлять напоказ свои прелести», как Арни смотреть на них.

Когда дверь ванной комнаты открылась, Смоленски повернул голову. При виде обнажённой Лотос у него захватило дух. Кван демонстрировала себя так долго, что он начал опасаться, что это было игрой его воображения, сексуальным видением, пока он задремал. Стараясь, чтобы его голос не сорвался, словно у юнца, он смог прохрипеть: — Хочешь сделать это снова?

— Сделать что?

— Ты знаешь. Как раньше.

— Скажи мне, Арни. Мне нравится слышать слова.

— Покорми меня, — произнёс он, подвигав языком. Лотос плавно опустилась на колени, её ноги раздвинулись над его лицом. — Горячая чертовка, — прошептал Арни, когда «мисс Киска» прильнула к нему. Давно, в начале сороковых, когда Арни пошёл в школу, один из старших парней сказал ему, что китайки отличаются тем, что «цель у них проходит с востока на запад, а не с севера на юг». Арни как раз находился в процессе опровержения надуманной теории (на самом деле он сделал это значительно раньше, но какая разница, верно?), в глубине души желая того, чтобы,

«имея козочку вроде этой», сменить свою практику адвоката на работу, к которой он всегда стремился — фотографировать «муфты» для своих любимых журналов — когда дверь пожарного выхода, соединяющая его номер с общей галереей — та самая пожарная дверь, которую он забыл запереть после попойки минувшей ночи — распахнулась, и Макс Кавэндиш, член ААА из Канзас-Сити, всунул свою голову, чтобы возвестить:

— Арни, Мэрдока застрелили!

ГЛАЗ СЫЩИКА

8:41 пополудни

Когда-то были времена, когда все сыщики, гонящиеся за убийцами, были крупными, сильными людьми, когда нельзя было стать копом из отдела по расследованию убийств, если ты не выглядел настоящим деревенским сукиным сыном. Какое-нибудь ничтожество сидело бы в комнате во Дворце Правосудия, холодной, словно лёд зимним днём, зная, что его люди носят как угорелые, обеспечивая ему прыжок отсюда, как только подстроенная им ловушка захлопнется; аплодируя тому факту, что девяносто процентов констеблей, участвующих в засадах, должны буквально повеситься от зависти, если свет за дверью внезапно исчезнет. Умник выглянул бы в коридор за дверью, и единственное, что он увидел бы, была темнота. Затем постепенно до него дошло бы, что это из-за того, что пижон в дверях загоразживает собой весь проход. Сыщик сказал бы вежливо и мягко: — Я хочу с тобой потолковать, — и секундой позже умник валялся бы в ногах у Мужчины, готовый вздёрнуть себя из-за своего собственного бойкого языка.

Когда позже дело попало бы в суд, адвокат ничтожества спросил бы: — Инспектор, вы не считаете, что угрожали физической расправой? — На что сыщик из отдела по расследованию убийств, забавляясь, ответил бы: — Ваша честь, я ничего не могу поделать со своим ростом. Но я могу вас заверить, что я не дотрагивался до вашего клиента. — Правда состояла в том, что в те дни — в противоположность тому, что утверждают легенды — сыщикам не нужно было извлекать резиновые дубинки. Правда состояла в том, что *вид* Мужчины в сочетании с ростом громилы действовал не хуже резиновой дубинки.

Потом настали шестидесятые, и всё изменилось. Профессиональное образование затронуло США. Вскоре каждый смог получать одинаковую зарплату на любой работе, поэтому сыщик тех дней мог быть четырёх футов роста, съесть за обедом конфетку вместо мяса и пить «калифорнийский прохладительный» вместо неразбавленного виски. Вот черт, даже балетный танцор мог бы быть ишейкой этих дней.

Двое мужчин в «Седане» без номера напоминали о добрых старых временах. Инспектора из отдела по расследованию убийств департамента полиции Сан-Франциско, они приняли вызов на четвёртом этаже Дворца Правосудия и теперь находились менее, чем в квартале от отеля «Карлтон-Палас». Впереди десяток патрульных машин перегородил проспект, пока патрульные с ручными фонарями обследовали крыши. Радио в «Седане» захлёбывалось от оживлённых переговоров в эфире.

— Крист, надеюсь, это займёт не больше часа, — сказал Мак-Гвайр.

— Имеем работёнку, — согласился Мак-Илрой.

— Помнишь, в прошлом году? Старую калошу на верфи? Чуть не пришлось праздновать там День Всех Святых.

— Какое дельце! Одно из твоих лучших.

— Только такого новичка, каким был *ты*, могло вывернуть на собственную рубашку.

— Заткнись. Пошли к остальным.

Подведя «Форд» к бровке, Мак-Гвайр заблокировал колёса и затянул ручной тормоз. Если повезёт, когда они вернутся, машина будет всё ещё здесь, а не на расстоянии мили, всгустнув на берегу у подножья холма. Когда оба гиганта выбрались наружу, ночная прохлада коснулась их щёк.

Мак-Гвайр, ростом шесть футов четыре дюйма и весом 260 фунтов, был американским ирландцем, родом из Нью-Йорка. Блондин с голубыми глазами, он приехал в Калифорнию, когда бичбои упивались солнцем, серфингом и развлечениями, удовольствиями и разгулом. Когда Дни св. Патрика быстро миновали, его голова была занята ежегодными заботами. «Отдел по расследованию убийств» хорошо звучит только для какого-нибудь набитого придурка на следующий день после попойки у Мака. Сыщики, болтающиеся по улицам, все были настоящими висельниками.

— Попробовал «Квелладу»?

— А?

— Ты всё время чешешь промежность.

— Думаю, что «Кремниевая Джуди» принесла мне неудачу.

— Тебе и твоим надеждам на офицерство, — сказал Мак-Илрой.

— Вот у одного моего друга однажды случилась неудача. Он был полевым геологом. Нарвался на неё в тот день, когда заблудился в джунглях. Самолёту пришлось искать его целый месяц. Ему пришлось брить мошонку ножом и лить керосин себе на яйца.

Рост шесть футов три дюйма, вес 240 фунтов, напарнику известен как «Козьявка». Давно, в 64-м, когда работал в паре со Стенфордом, за решёткой был известен как «Штука». Имя Мак-Илроя на гэльском диалекте ирландского означало «сын рыжеволосого парня», весьма подходящая кличка, так как он был рыжий, словно морковка. Когда сыщики подошли к отелю, он вздрогнул при мысли о Маке, бредущем себе мошонку после одного из своих вечеров.

Красный-синий-красный-синий — сигнальные фонари на крышах автомобилей высветили их лица.

«ЗОЛОТОЙ ВО ВРЕМЯ МИРА, ЖЕЛЕЗНЫЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ» гласил испанский девиз на значках, приколотых к их курткам.

Когда коп, охранявший вход в отель, посторонился, чтобы пропустить их внутрь, один из газетных фоторепортеров встрепнулся и сфотографировал их.

Вспышка блеснула как раз в тот момент, когда Мак-Гвайр скрёб у себя в паху.

Вестибюль внутри был экстравагантным, с позолотой, высоким, украшенный фресками, лепным потолком и мраморной лестницей. В фонтане возле конторки портье херувим писал в бассейн обрацаемой по кругу водой. Сразу за вестибюлем располагалось фойе с гардеробом, а рядом с ними — бильярдная под названием «Пузырьки шампанского». Толпа напоминающих муравьёв служителей закона роилась в танцзале, пока инспектора и полицейские пытались определить, кто есть кто, кто что видел и кто где был в тот момент.

Помощник окружного прокурора встретил сыщиков у дверей, ведущих к месту убийства. Его одежда и загорелое лицо были забрызганы кровью. Расположенная рядом комната была пуста, если не считать Мэрдока и тех, кто расследовал его смерть. Медик из службы коронера стоял, склонившись над останками. — Мак, Мак, — сказал окружной прокурор, узнав обоих копов.

— Добрый вечер, Стэн, — сказал Мак-Гвайр, разворачивая брикет жевачки «Ригли'э».

Мак-Илрой кивнул. — Ну, так что здесь произошло?

Расстроенный прокурор ослабил узел своего галстука. — Жертва — канадский судья, выступавший сегодня вечером. Он выступал перед нами в тот момент, когда был застрелен. Пуля прошла сквозь потолок; стреляли, должно быть, с крыши. Я был за передним столиком, рядом со сценой. Когда толпа запаниковала и бросилась к дверям, я позвонил в мэрию по прямому телефону и вызвал службу безопасности. Отель был оцеплен раньше, чем кто-либо смог из него выбраться.

Мак-Гвайр выдул пузырь.

Мак-Илрой произнёс: — Хорошая работа. Толпа на улице была похожа на пойманную рыбу в садке.

— Не разделяю твоего веселья, — сказал окружной прокурор. Тема конференции — «Как сделать улицы Америки безопасными». Основным докладчиком прошлым вечером был сам помощник губернатора.

Трое мужчин пересекли музыкальный салон и подошли к телу Мэрдока. Вместе с ними подошли несколько санитаров из патологоанатомической лаборатории. — Ну и месиво, — сказал Мак-Гвайр. — Где верхняя часть его головы?

— Вы на ней стоите, — сказал медик. — Смотрите не поскользнитесь на крови.

Мак-Илрой согнулся над телом.

— Глаз ищейки, — сказал Мак-Гвайр, прикрывая веко и показывая на свой глаз.

Медик воспринял это как чёрный юмор, обычно распространённый среди копов. Как своего рода двойную мораль отдела убийств. В действительности же Мак-Гвайр говорил: «Не упусти ничего». Оба Мака так давно работали вместе, что у них выработался свой собственный язык.

Мак-Илрой показал на отверстие в полу. Эксперт сфотографировал находку под всеми возможными ракурсами, затем один из баллистов извлёк пулю. — Крепкая пуля, — сказал он. — Ни одной вмятины. А должны были бы появиться при пробивании стекла.

Помощники coronера приступили к работе со своими носилками и мешком для тела. После того, как останки Мэрдока оказались на пути в морг, тот же техник воспользовался лазерным ружьём, чтобы проследить линию от отверстия в полу до отверстия в потолке. Мак и Мак последовали за большинством членов бригады на крышу отеля, ступая в облаке пыли, когда дверь лифта открылась.

— Чёрт поberi! — воскликнул один из экспертов по волосам и волокнам, проклиная ветер, который завывал над головой. Любой след, который убийца мог бы оставить, был стёрт ветром.

Лазерный луч снизу падал на край крыши, отслеживая траекторию пули до того места, с которого стрелял убийца. Плотной группой техники приблизились к лучу. Портативный купол был развёрнут так, чтобы накрыть выступ, затем спецы по волосам и волокнам откачали воздух при помощи роторного насоса. Мешок размерами сто на один фут не поместился бы в лаборатории.

Следующими вступили в дело эксперты-дактилоскописты и трассологи, которые засыпали выступ порошком. Им нужно было подождать, пока работа насоса не приведёт к тому, что порошок проявит любые возможные следы. И наконец баллисты определили место выстрела.

— «Винчестер Магнум»-30, — заявил баллист.

Оба Мака повернулись. Оба уставились на расположенный внизу музыкальный салон. Сквозь стекло им было видно сцену, на которой Мэрдок произносил свою речь.

— Сложная задача, — произнёс техник, держа гильзу, помещённую в пластиковый пакет. — Только один выстрел. Стрелок что надо.

Сыщики по убийствам оставили бригаду, занятую на крыше, делать своё дело. Пока они ждали лифт, Мак-Гвайр сказал: — Посмотри-ка вокруг, Мак. Куда стрелок пошёл? Ему некуда было деваться, разве что сигануть на улицу.

— Должно быть, ускользнул в отель или спустился по пожарной лестнице.

— Если в отель, то он затаился внутри.

— А если по пожарной лестнице, то он давно сбежал.

— Что ты скажешь на то, чтобы проверить аллею? — спросил Мак-Гвайр.

В дверях, ведущих на аллею, они наткнулись на Джоан Пассалья — шефа экспертов по пороху. Это была похожая на матрону дама с очками, висящими на цепочке, которая напоминала Мак-Гвайру его тётку Би в Поукипси. Пассалья держала детали винтовки, завернутые в прозрачный кулёк.

— Эй, Джоан. Что это вы раздобыли?

Мак-Илрой сморщил лицо. — Фу. Воняет, будто кто-то разбил тухлое яйцо.

— «Вальтер-WA2000», — сказала Пассалья. — Настоящий образец искусства, и стрелок оставляет его на месте преступления? Я

нашла это на аллее, в сломанном состоянии. Снайпер после выстрела сбросил его с крыши. Ствол и затвор упали в бак для мусора, выставленный позади здания. Там, куда выходит служебный выход ресторана «Восхитительные морские кушанья».

Снаружи работала другая бригада экспертов. — Леди и дж'менны, — сказал Мак-Гвайр, здороваясь с ними. Оба конца аллеи были перекрыты полицией. Пожарная лестница была справа от них.

Как только они оказались вне пределов досягаемости для чужих ушей, Мак-Илрой произнёс: — Не нравится мне всё это, Мак. Профессиональный убийца приканчивает судью-иностранца прямо перед зданием тюрьмы. А предшествующей ночью помощник губернатора говорит: «Давайте очистим улицы». Что-то подсказывает мне, что этот приятель собирается заварить горяченькую кашу.

— Похоже на то, — согласился Мак-Гвайр.

— Внутри, должно быть, находится с тысячу законников, которых предстоит допросить.

— Если это не кошмар копа, то тогда я уж не знаю, что им может быть.

— Давай-ка выбросим это из головы, — сказал Мак-Илрой, когда они приблизились к пожарному выходу. — Нужно быть совсем уж пустоголовым, чтобы надеяться воспользоваться этим случаем для карьеры.

Мак-Гвайр выплюнул жевачку в ближайшую урну и в этот момент заметил пьянчугу, поскользнувшегося на лестнице. Не видя ничего кругом, он выкрикивал ругательства во все стороны.

— Самое время заглянуть в закон, — сказал Мак-Илрой. — Если мотив находится в Канаде, то не выходит ли это за пределы компетенции штата?

Глаза Мак-Гвайра скользнули по пожарному выходу, от пьянчуги до самой крыши.

— Раз уж мы впутались в это, — сказал Мак-Илрой, — давай-ка привлечём сюда и конную полицию. Кому-нибудь из них придётся приехать сюда. Незвестный их заинтересует.

СУНДУК

Западный Ванкувер, Британская Колумбия
вторник, 14 марта 1987 г. 10:50 пополудни

Днём раньше у ДеКлерка раздался неожиданный звонок. Было восемь часов вечера, и он сидел, задрав ноги, в оранжерее своего дома в Западном Ванкувере, «Лунная соната» Бетховена сопровождалась тихим постукиванием дождя по наклонному стеклу крыши, его мысли были целиком заняты пятой главой «Завоевания Галлии» Цезаря, когда размышления были прерваны звонком телефона.

— ДеКлерк, — сказал он, повернувшись к микрофону, расположенному возле его кресла.

— Роберт, это Джек Мак-Дугал.

— Джек, мы давненько не виделись.

— Да уж, четыре года, не меньше. Я тебе помешал?

— Только в чтении книги.

— Уделишь мне пару минут? Это очень важно.

— Запросто.

— Я в Дундараве. Через десять минут я смогу быть у тебя.

— Кофе или чай?

— Кофе, пожалуйста.

Джек Мак-Дугал, вспомнил ДеКлерк, был человеком деревенским и западным. В доме был только один альбом, который соответствовал его вкусу, кассета, которую брат Дженни прислал ей шесть лет назад. Сварив кофе, ДеКлерк поставил в стереомагнитофон «Идя туда, куда уходят одинокие» Мерла Хаггарда.

Джек Мак-Дугал, который постучал в дверь, явно недавно несколько раз поскользнулся. Обычно он тщательно одевался в стиле времен короля Георга, но сегодня ночью его синий блейзер и серые фланелевые брюки были измяты, словно

пижама. Значок канадской королевской конной полиции, приколотый к нагрудному карману блейзера — голова буйвола под короной, окружённой кленовыми листьями — был в жёлтых подтёках от пролитого виски. Бессонница сделала его лицо опухшим, одутловатым и отвисшим.

— Знаю, я выгляжу, как пропойца, — сказал он, проходя вслед за Робертом через холл в гостиную и из неё в оранжерею.

Кроме «Ла-Зи-Бой» возле лампы для чтения ДеКлерка, все кресла в оранжерее были плетёными. Мак-Дугал занял место возле немецкой овчарки, спящей на персидском ковре. ДеКлерк тем временем наполнил две чашечки на кофейном столике. — Ну, а теперь рассказывай, — сказал Роберт, пододвигая одну из чашечек к Джеку.

— Член депутатской комиссии хочет вытурить меня из Сил.

— Почему?

Мак-Дугал немного поколебался. — Потому что я предпочитаю мужчин. — Тень неловкости пробежала по лицу ДеКлерка, что Джек ошибочно связал со своим признанием. Служа фоном, Мерль исполнял «Магазин одежды», вскоре должна была последовать «Половинка мужчины» Вилли Нельсона. *Неудачный выбор*, подумал ДеКлерк.

— Как он узнал об этом?

— Петер рассказал ему. Петер Brent. Мой любовник до недавнего времени.

— Мотив?

— Злоба и кокаин. Это длинная грустная история.

Не нужно было объяснять реакцию окружного судьи. КККП — гражданская полиция, подчиняющаяся военным порядкам, их традиции нисходили к армии Британской империи, откуда были набраны первые добровольцы. Гомосексуалистам не разрешалось вступать в Силы, а член депутатской комиссии был твёрдым приверженцем традиций.

— Петер — гимнаст, который не смог принять участие в Олимпиаде-84. Он начал применять стероиды, готовясь к 88-му, попался, и его исключили из гимнастической команды, после чего он начал нюхать кокаин. Когда я узнал об этом, мы поссорились, и тогда, что называется, угодили из огня да в полымя. Он обвинил меня во всех своих проблемах, в том, что я разрушил его мечту, потому что, боясь неприятностей, старался держать нашу любовь в тайне. Прежде чем убраться, он заявил, что намерен заставить ме-

ня уйти из полиции, смешав с дерьмом. Он позвонил депутату, и теперь я вынужден уйти из Сил.

Мак-Дугал наклонился, чтобы почесать Наполеона за ухом. С моря раздался гудок противотуманной сирены. Луч маяка Пойнт-Аткинсон скользнул по его лицу, на мгновение осветив усы. Чайка села на крышу и принялась прохаживаться взад-вперёд.

— Это скверное положение дел, — сказал ДеКлерк, — которое должно быть изменено.

— Что мне делать, Роберт? Мне нужен твой совет. Если я хочу сохранить свою пенсию, депутат настаивает, чтобы я согласился уйти в отставку. Не поднимая никакого шума, никакого скандала. Чинно и благородно. Если я заупрямлюсь, он клянётся, что вышвырнет меня, и тридцать лет службы пойдут коту под хвост.

— Ты можешь подать на него в суд.

— И облить грязью Силы? Это перечеркнуло бы всё, что я делал до сих пор. Кроме того, я не могу обойти тот факт, что солгал при поступлении в полицию.

— Жизнь стала бы непростой для тебя, если бы ты остался. Чиновники не любят проявлять снисходительность к нашему прошлому. К примеру, женщина, участвовавшая в Музыкальном марше. Порочащая фотография была сделана, когда она спала. Другая нашла пластиковые груди, при помощи её же собственноручно значка с номером приколотые к столу. А они обе были безупречны.

— Я не боюсь предрассудков. Но я лишусь своей пенсии — вот что, чёрт побери, меня пугает. Я слишком стар и мало подготовлен, чтобы сделать карьеру где-нибудь ещё. В глубине души я не прочь подраться, но, полагаю, согласие — это единственный реальный выход.

ДеКлерк был в долгу перед Мак-Дугалом после дела Охотника За Головами.* Он был героем в отставке: человек, который справился с тем ужасающим психопатом. Только несколько человек знали о том, как он напился, наглотался пилкуль и засунул в рот ствол револьвера. Джек навёл наряд полиции на след, когда он отвалил в сторону. Теперь, приглядываясь к этому потерявшему сон копу, он вспомнил мудрый совет Сэмюэля Джонсона: *Мужчина, сэр, должен держать свою дружбу в постоянной готовности.*

* См. роман Майкла Сэйда «Охотник За Головами»

— Отправляйся домой и поспи немного, Джек, а проблемы предоставь мне. Позвони мне завтра около полудня, и я, быть может, к тому времени придумаю выход.

После того, как Мак-Дугал ушёл, ДеКлерк снова поставил «Лунную сонату». Он разжёл в гостиной потрескивающий огонь, затем стал перед ним, греясь и глядя на камин. Над ним в серебряных рамках висели три фотографии. На одной была Кэйт, его первая жена, играющая Ребекку на Бродвее в ибсеновском «Росмерсхольме». Снимок запечатлел центральную сцену той ночи, когда они встретились. На втором фото была Джейн, должно быть, года в четыре, сидящая в ворохе осенних листьев, с солнечными бликами в кудряшках. Фотограф подкараулил мгновение, когда она слегка улыбалась, повернув голову назад. Последний портрет изображал Женевьеву, вторую жену ДеКлерка, на побережье Западного Самоа во время их медового месяца. Её загорелое тело контрастировало с белым бикини, в который она была одета. Дженни прижимала к уху огромную океанскую раковину. Пламя освещало фигуру Роберта, отражавшуюся от стекла в рамках.

Он критически оглядывал своё отражение. Волнистые волосы быстро поседели, тонкий нос стал несколько более костистым, чем раньше, худые щёки отвисли там, где челюсти переходили в шею: время определённо брало свою дань. И всё же, несмотря ни на что, он был доволен собой — такое трудно было себе представить пять лет назад.

вторник, 28 декабря 1982 г. 2:00 пополудни

Дождь лил со свинцово-серого неба сильными струями, которые бились в землю и собирались в сплошные лужи. Струи отскакивали от чёрных зонтиков молчаливых участников траурной церемонии, затем обвивались вокруг ботинок ДеКлерка, прежде чем стечь в глубокую яму, вырытую в сырой земле. Конный полицейский неподвижно стоял рядом с вырытой могилой, всей душой стремясь туда, где он ляжет однажды, и наблюдая за тем, как гроб его жены опускается в яму. — Благослови эту могилу, — произнёс священник, в то время как тучи проносились со стороны моря, а небо заливало гроб сплошными потоками воды, — ...и пошли Своих ангелов следить и охранять покой нашей сестры... — в то время,

как сердце Роберта ДеКлерка разрывалось на части и изливало свой собственный чёрный дождь.

— Мы можем гордиться.

Комиссар Франсуа Шатран стоял по другую сторону от могилы, озабоченный тем, что ДеКлерк был единственным, кто не склонил голову. Это был уже второй раз, когда он присутствовал при том, как его друг хоронил свою жену, впервые это произошло в Квебеке двенадцать лет назад, когда Кэйт и его дочь Джейн были убиты террористами.

Комиссар живо помнил то яркое осеннее утро: солнечные лучи на клёнах, уже окрашенных осенью, запах дыма, доносящийся в утренней свежести, прозрачный воздух; каким маленьким казался гроб Джейн рядом с гробом её матери. Было бы настоящей удачей, если бы ДеКлерк когда-нибудь оправился от этого; учитывая теперешние последствия дела Охотника За Головами, Шатран опасался, что его друг может отправиться домой и пустить себе пулю в рот.

— Аминь, — сказал священник.

— Аминь, — эхом откликнулись участники похорон.

По очереди они ступали вперёд, чтобы бросить горсть земли на крышку полированного гроба.

Пока священник заканчивал торжественную католическую молитву, — «Обрати на неё свой вечный свет, Господи, дозвожь её душе и душам всех верующих из милосердия Твоего почтить в мире», — ДеКлерк нагнулся и положил красную розу на длинном стебле на крышку гроба над остановившимся сердцем Женевиевы.

Когда служба окончилась, участники похорон начали объединяться в маленькие группки. У подножия холма пожилая женщина в чёрной накидке опиралась на руку мужчины значительно моложе её. Стоя на склоне Холибэрн-Маунтин, кладбищенский капеллан окинул взглядом город. Силуэты матери и сына проступали в немного поредевшей пелене дождя, который сёк по водам Английской бухты и по деревьям в парке Стенли. Когда ДеКлерк подошёл к ним, женщина потупила глаза.

— *Voulez-vous venir avec moi?** — спросил он.

Мать Женевиевы покачала головой. — *Mon fils a une auto. On préfère être seuls.***

* Не желаете ли поехать со мной? (фр.)

** Мой сын на машине. Лучше мне поехать с ним. (фр.)

Шатран задержался, приотстав, остальные участники церемонии тем временем расходились. По двое, по трое они подходили к вдовцу, чтобы выразить ему свои соболезнования, прежде чем направиться к стоянке. Только когда ДеКлерк остался один у могилы Женеьевы, Шатран подошёл к нему. — *Viens avec moi, Robert. Il faut qu'on se parle.****

— Она ненавидит меня. Так же было и с матерью Кэйт.

— Ты не виноват ни в чьей смерти, — ответил Шатран, автоматически переходя с французского на английский.

— Где они? Те, кто послал к ним убийцу?

Полицейские в молчании прошли к машине комиссара. Лимузин выехал с кладбища по Хэдден-драйв и свернул на Тэйлор-вэй, чтобы спуститься с горы к грохочущему океану. Сидя сзади с ДеКлерком, Шатран курил одну сигарету за другой, его мысли вертелись вокруг предложения, которое он собирался сделать. Тусклый послеполуденный свет преображал струи дождя, стекающие по стёклам, в клубок змей, подкарауливающих мужчин. Как только «Кадилак» свернул на Марин-драйв, взгляд ДеКлерка скользнул по Эмблсайд-Бич позади зданий на набережной. В довершение ко всему, за машиной с лаем погналась собака, и не оказалась под колёсами только благодаря тому, что водитель резко нажал на педаль тормоза.

Когда они добрались до ворот ДеКлерка, Шатран попросил шофера подождать.

Здесь, рядом с Тихим океаном, шторм производил более сильное впечатление. Гигантские волны обрушивались на ступеньки помоста, ведущего к дому, который бешено раскачивался на ветру, в то время как фонари, освещающие переднюю дверь, отбрасывали мечущиеся тени на участок леса. Гудронное покрытие у них под ногами превратилось в бурную реку, а почти горизонтальные струи дождя вывернули зонтик Шатрана наружу. Оба мужчины промокли насквозь за то время, что ДеКлерк отпирал дверь.

— Виски?

— Да, пожалуйста.

— С водой?

— Нет, только со льдом.

— Через минуту я присоединюсь к тебе.

ДеКлерк вышел из холла в кухню.

*** Поедем со мной, Роберт. *Послушай меня.* (фр.)

Шатран прошёл прямо в гостиную, расположенную со стороны океана и обращённую к Английской бухте. Справа, в сторону берега выступала оранжерея. Внутри были видны кусты роз, выведенные самим Робертом, а теперь завядшие из-за недостатка внимания. Рождественская ёлка, стоявшая возле дверей оранжереи, рассыпавшаяся наполовину, засыпала сухими иголками деревянный пол. Напольные часы возле камина остановились на четверти десятого.

Шатран стоял в комнате с тем же ощущением, что и прежде: место убийства, где смерть остановила время. Единственным отличием было то, что тут ещё оставался кто-то живой, кто мог двигаться. Глазами отыскивая признаки угрозы, он подмечал мельчайшие детали. Стереозаписи были не классикой, которую предпочитал Роберт, а альбомом, отвечающим вкусам кого-нибудь лет на двадцать моложе. Бетховен, Брамс и Моцарт уступили место «Астрал Вико» и Соломону Бэрку. Камин был освобождён от всех предметов, за исключением трёх фотографий — Кэйт, Джейн и Женьевы. Цветы из оранжереи лежали возле каждой из рамок, а на столе перед камином стоял пустой аквариум.

— Я нашёл это в её туалетной комнате, — сказал ДеКлерк из холла, — когда искал, во что её одеть. Там была ещё инструкция, как содержать рыбок. Это, должно быть, был рождественский подарок Женни для меня.

Шатран сделал глоток из стакана, протянутого ему Робертом. Он почувствовал облегчение, увидев, что ДеКлерк налил себе имбирного пива. — Что тебе нужно, так это тропики. Яркое солнце, игра красок.

— Может быть, скоро я так и сделаю.

ДеКлерк распалил камин, затем подбросил в него ольховых поленьев. Пока он разжигал огонь, Шатран сказал: — На прошлой неделе мне позвонил этот голливудский продюсер. Он собирается воскресить «Сержанта Престопа с Юкона» для ТВ. У него родилась блестящая идея сделать новые серии. Престон, которому теперь пятьдесят, будет пересекать арктическую тундру на собачьей упряжке, а его племянник, состоящий на службе в полиции Аляски, будет использовать компьютер, чтобы помочь дяде проехать по излучинам рек.

— Один из тех, кто думает, что снега начинаются, стоит только пересечь границу, да? — произнёс ДеКлерк.

— Парень был поражён, когда я сказал ему, что мы смогли бы разместить всю компьютерную систему Аляски в одном углу наше-

го здания Управления. Он рассердился, когда услышал, что мы получили новейшее оборудование Пентагона годом раньше американских копов. Я не сказал ему, что мы едва не утратили этого преимущества.

— У нас есть проблемы, Роберт. Эта путаница со Службой Безопасности не должна больше продолжаться. ККП решила отделить Силы от их контрразведки. Мы пронизаны насквозь шпионажем, и ты знаешь, что это означает.

Шатрану не нужно было пояснять более подробно. В своей книге «Люди, одетые в туники» ДеКлерк описал преимущества, которые КККП извлекала из своей двойственной роли. В США и Британии гражданская полиция и разведка были разделены. У американцев были ФБР и ЦРУ; у британцев — Новый Скотланд-Ярд, и МИ-5 и МИ-6.

В Канаде обе функции объединялись в КККП, что не только делало конную полицию причастной к иностранной разведке, но также предоставляло ей для расследований последние достижения техники.

— Так всегда бывает, — сказал Шатран, отодвигая стул. — Внешняя безопасность всегда первой получает лучшее оборудование. И только через несколько лет внутренняя полиция получает то, что не нужно разведке.

— Тебя беспокоит, что утрата наших шпионских функций приведёт Силы к упадку?

— Так оно и будет, Роберт, если внезапно в нашей сети обнаружится брешь. Если мы будем вынуждены вымалывать любое новое оборудование, подобно всем остальным. И закончим, подобно британцам и янки, тратя половину нашего времени в ближнем бою с новыми шпионами премьер-министра. Я войду в историю как комиссар, ослабивший Силы; как человек, командовавший в то время, когда цыплята моего предшественника вернулись домой, чтобы стать петушками.

В течение 1970 г. в своём рвении разоблачить «подрывные элементы» в Квебеке служба безопасности КККП прибегла к «грязным трюкам». Конная полиция похитила динамит, свалив это на подозреваемых террористов, и сфабриковала фальшивое коммюнике, призывающее к вооружённому сопротивлению правительству. Был взорван какой-то амбар, чтобы предотвратить встречу между радикальным крылом «Фронта освобождения Квебека» и «Американскими Чёрными Пантерами», затем совершён

налёт на офис «Партии Квебека», чтобы похитить список её членов. Потеря службы безопасности должна была стать расплатой за всё это.

Что я собираюсь сделать, — сказал Шатран, — так это прибрать наиболее ценных людей до того, как они перейдут в другие руки. Теперь каждый десятый работает в службе безопасности. Каждый из них прослужил по несколько лет, прежде чем стать шпионом. Я собираюсь создать новое подразделение, способное вести расследование за пределами наших границ. Это будет спецотдел «Х» — специальная внешняя секция КККП. Его сотрудникам, имеющим связи с лучшими умами за рубежом, будут поручаться самые сложные задания. У них будет выбор: или остаться в Силах, или присоединиться к списку шпионов премьер-министра. Мы сохраним все свои внешние контакты, а Оттава получит полную свободу начинать всё с самого начала.

Роберт, я хочу, чтобы ты возглавил спецотдел «Х».

Снаружи ветер завывал и свистел в ивах. Дождь барабанил по крыше оранжереи, словно военный барабан. Когда пламя в камине разошлось, ДеКлерк сказал: — Ты можешь не беспокоиться, Франсуа. Я не покончу с собой.

Комиссар моргнул. — А разве я сказал, что ты мог бы это сделать?

— Нет, но таков скрытый смысл твоей терапии при помощи работы.

Шатран осушил свое виски и поставил стакан. — «Спецотдел Х» — это вовсе не предлог для твоего спасения. Ты наиболее подходящий для этой работы.

— Я восхищён тем, что ты делаешь, но дело в том, что я покидаю Силы.

— Ты был в уединении более трёх месяцев!

— И я по-прежнему остаюсь в нём.

— И что же ты собираешься делать? Сидеть в одиночестве и пить весь день до тех пор, пока у тебя будет хватать средств?

— Нет. Я буду писать.

— Ты коп, а не писатель. Ты уже говорил так, когда взялся за дело Охотника За Головами.

— Я ошибся, и посмотри, к чему это привело.

ДеКлерк снял с камина фотографии Кэйт и Джейн. Затем поставил их на стол рядом с аквариумом. — Я не покончил с собой, когда они умерли, — сказал он. — Вместо этого, вот эти фотогра-

фии стали на мой стол, за которым я пишу. Я слишком верил в трудотерапию — в зависимость от работы. День за днём коп наблюдает самые мрачные стороны жизни. И вскоре работа зароняет свои семена в закоулки его разума. Я сунул пистолет себе в рот из-за дела Охотника За Головами потому, что оставленное уединение воскресило мою вину в том, что произошло в Квебеке.

ДеКлерк достал с камина портрет Женевиевы. — Когда я встретил Женни, я не мог поверить своему счастью. Только немногим мужчинам удаётся хоть однажды встретить любовь в своей жизни, я же нашёл её дважды. Она собрала вместе разбитые куски и снова склеила их. Теперь эта работа стоила мне её.

«Люди, которые носят туники» достали меня через Кэйт и Джейн. Чем глубже я погружался в историю, тем больше я забывал прошлое. Франсуа, ты был хорошим другом, поэтому постарайся, пожалуйста, понять. Всё, что мне нужно — это время и место, чтобы я смог зализать раны. Взятие на себя спецотдела «Х» прикончит меня.

ДеКлерк вышел в кухню, чтобы наполнить стакан Шатрана. Он вернулся с экземпляром книги в другой руке. Раскрыв её на отрывке, отмеченном синим цветом, он повернул её так, чтобы его друг смог прочесть:

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ИСЧЕЗНУВШИЙ ПАТРУЛЬ

Вилфред Блэйк был лучшим детективом в Северо-западной конной полиции. Он был лучшим следопытом среди всех «Всадников равнин». Офицер отличался честностью, дисциплинированностью, преданностью и самопожертвованием; инспектор воплощал в себе то сочетание патриотизма с «воинствующим христианством», которое создало Британскую империю. Он был бойцом Сил как раз такого сорта, который требовался для установления закона на Канадском Западе.

То, как Блэйк поступил со сбежавшими сиу, которые пересекли границу Канады, преследуемые за «Последнюю стоянку Кастера», родило миф: «конные всегда получают своих людей».

Легенда о Блэйке дошла до наших дней в значительной степени из-за его таинственного исчезновения. В мифологии Сил этот случай известен, как «Исчезнувший патруль».

Спустя двадцать лет после того как отряд Кастера был вырезан на Литтл-Бигхорн, конная полиция сломила последнее сопротивление индейцев белым поселенцам на Западе.

Всемогущий Голос, индеец-кри, был арестован в 1895 году за убийство вола. Той же ночью он сбежал из караульной комнаты Сил на Утином озере, Саскачеван, и сержант Колин Колбрук поспешил за ним, чтобы привести обратно. Несколькими днями позже, когда Колбрук нашёл беглеца, тот прострелил ему горло из двустольного карабина. На последующие два года он исчез из виду.

В конце концов, весной 1897 года он был замечен в резервации вождя Одна Стрела возле Утино озера.

Вместе с тремя молодыми спутниками Всемогущий Голос был загнан к обрыву и окружён. Когда их попытались взять штурмом, после того как прибыло подкрепление, двое полицейских и гражданский доброволец были убиты. Уцелевшие индейцы окопались, чтобы дать отпор.

Весть о перестрелке достигла Риджайны во время бала, даваемого для смотра контингента Сил, направляемого в Лондон на юбилей королевы Виктории.

Движимый страхом перед равнинными кри (двадцать лет тому они присоединились к сиу и шайенам в битве против Кастера), комиссар Херчмер выделил двадцать пять офицеров и два орудия.

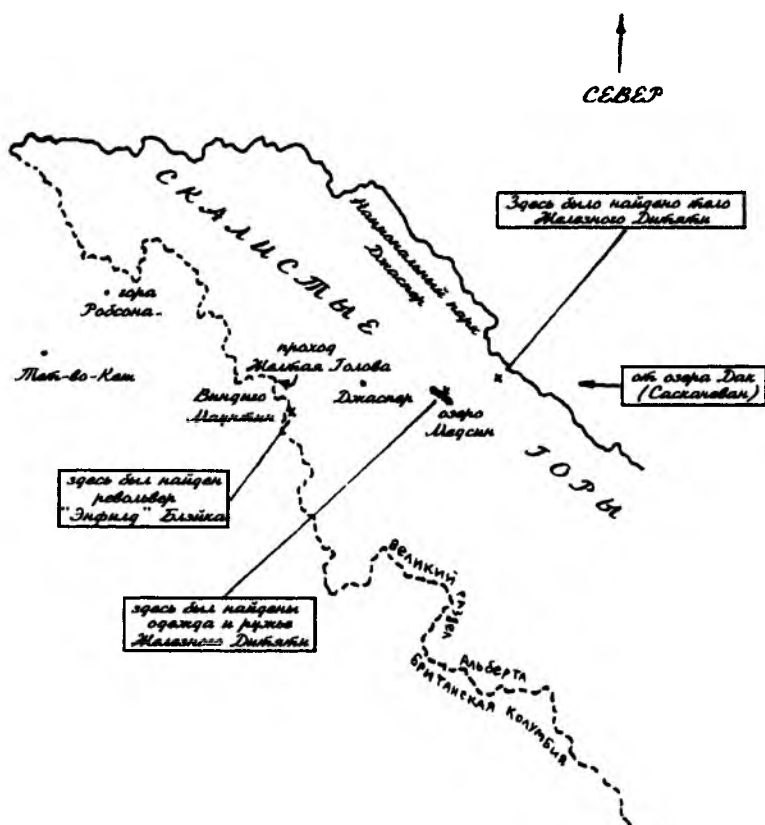
Прибыв на место той же ночью, 29 мая, пятьдесят два конных полицейских, тридцать четыре волонтёра принца Альберта и дюжина других белых окружили четырёх кри, укрывшихся у обрыва. Двадцатифунтовые пулемёты «Максим» были нацелены на восток. Бронзовые семифунтовые «Марк-II» были направлены на юг.

По команде оба орудия открыли огонь по обрыву и осыпали его шрапнелью до 7 часов утра. Затем орудия были поставлены в ряд, и заросли подверглись бомбардировке разрывными снарядами.

Позже, когда полицейские штурмом взяли заросли, были найдены три тела Всемогущего Голоса, Молотобойца и Стоящего-Под-Небом.

Четвёртый кри, Железное Дитя, каким-то образом спасся, уполз в течение ночи невредимым. Херчмер послал Вилфреда Блэйка притащить его обратно.

В течение шести месяцев инспектор преследовал молодого кри по прериям и Скалистым горам. Следующая схема отражает пройденный им путь до того момента, когда Блэйк исчез в декабре 1897 года:

Расположенное высоко в Скалистых горах озеро Медсин находится в центре области, известной теперь под названием Национальный парк Джаспера. Полицейские, посланные на поиски Блэйка, весной 98-го нашли останки Железного Дитяти — включая его ружьё и куртку из бизоньей шкуры — возле берега озера. Поскольку молодой кри скорее умер бы, чем выставил себя напоказ без своей куртки, мы можем сделать вывод, что именно в этом месте Блэйк наткнулся на него. Этот вывод подкрепляется тем, где было най-

дено обнажённое тело Железного Дитяти, наполовину засыпанное снегом в нескольких милях *восточнее* озера Медсин.

Кри был застрелен между глаз пульей 47,6 калибра из револьвера «Энфилд», служебного оружия Сил с 1883 до 1905 гг. Его правая нога была сломана, а вторая пуля задела голову. Возле тела были разбросано кое-что из снаряжения Блэйка, которое тот побросал, чтобы облегчить себе бег вверх по склону. Инспектор и его упряжка так и не были найдены.

В тридцати милях к *западу* от озера Медсин тянется Великий хребет, который отмечает границу между Британской Колумбией и Альбертой, и вздымается самой неприступной вершиной в Скалистых горах Виндиго-Маунтин. В декабре 1897 года мощное землетрясение раскололо её массив надвое, образовав ужасающую пропасть, которая теперь разделяет её вершины. Вообразите себе гигантскую остроконечную вершину скалы, вздымающуюся на двенадцать тысяч футов, отделённую от расположенного ниже массива расселиной глубиной четыре тысячи футов. Аэродинамические потоки вокруг пика настолько коварны, насколько это только возможно; нисходящие потоки воздуха создают разрежение, которое затягивает летательные аппараты. Вечно покрытая льдом и снегом, Виндиго-Маунтин таит в себе лавины, только и поджидающие случая для схода. С 1898 года пик был официально закрыт для всех.

Весной того года, через пять месяцев после землетрясения, один из изыскателей обнаружил револьвер Блэйка на дне пропасти на Виндиго-Маунтин. Если посмотреть на приведенную выше карту, то обнаружится только одно объяснение случившемуся. Блэйк застрелил Железное Дитя недалеко от озера Медсин. Затем он перевёз тело *восточнее*, к отрогам Скалистых гор, где по какой-то причине остановился, выбросил тело и своё снаряжение и погнал свою собачью упряжку на *запад*. Не на запад к озера Медсин, как если бы он что-либо забыл там, а к Великому хребту, находящемуся в тридцати милях от озера. Поскольку зимний климат в Скалистых горах — один из самых тяжелых на Земле, то что могло заставить его совершить это изнурительное путешествие? Такова неразрешённая загадка Пропавшего Патрульного.

Шатран закрыл книгу и сделал глоток «Джонни Уокера». — Это то, о чём ты собираешься писать? Об исчезновении Блэйка?

— Эта тайна не даёт мне покоя уже в течение года.

— Что ещё усугубилось, без сомнения, недавней находкой сундука Блэйка.

— Ты знаешь, что он у меня?

— Конечно. Поскольку я председатель Комитета по наследованию, ни одно разрешение такого рода не даётся без моего ведома.

— Хочешь посмотреть на него? Он в соседней комнате.

Корабельный сундук был того типа, что были популярны у британских солдат в девятнадцатом веке. Четырёх футов в длину, двух футов в ширину и двух футов в высоту; его побитые стенки были укреплены потускневшими медными уголками. Надписи мелом на дощечке, привинченной под крышкой, были иммиграционными отметками на нескольких языках. Имя «Блэйк» на дощечке было выравнено.

— Его доставили в тот день, когда была застрелена Дженни, поэтому я ещё не рассматривал его. У одной из стенок внизу стопкой сложены несколько дневников, хранившихся Блэйком. Тот, который я просмотрел, это записки о его приключениях в британской армии до того, как он вступил в Силы. Дневники могут содержать ключ к разгадке того, почему он пропал.

— А если нет?

Роберт пожал плечами. — Тогда я буду писать о чём-нибудь ещё. Батлер, Кок, Слей, Александер и Бонникасл опубликовали записи о своих подвигах. И благодаря этому мы знаем о жизни этих королевских солдат. Блэйк исчез раньше, чем его мемуары увидели свет. Используя эти дневники, я заполню пробел.

Шатран поднял крышку сундука, чтобы заглянуть внутрь. Он увидел книги в кожаных переплетах среди пыльной красной формы. В сером свете, проникающем сквозь забрызганное дождём окно, выходящее на берег, показалось, будто из сундука дохнуло самой историей.

— У моего деда был похожий сундук, — сказал Шатран. — Я нашёл его на чердаке в его доме. — Он пнул основание сундука Блэйка ботинком. — В нём было фальшивое дно, наполненное фривольными фотографиями.

Несколькими минутами позже ДеКлерк проводил комиссара до дверей. Остановившись под козырьком от дождя у дверей, Франсуа похлопал рукой по плечу Роберта. — В любом случае напиши свою книгу, дружище, если это то, что ты должен сделать. Если тебе понадобится кто-нибудь, чтобы поговорить, то я всегда у телефона.

Предложение возглавить спецотдел «Х» будет оставаться в силе. Запомни мои слова, ты ещё вернешься. Силы у тебя в крови.

Через некоторое время после того, как Шатран уехал, снаружи донёсся звук автомобильного сигнала. ДеКлерк открыл дверь и взглянул на дорогу. Сквозь струи дождя он увидел, как удаляется свет фар лимузина, затем он услышал настойчивый лай у своих ног.

— Ну ты и лиса, Шатран, — пробормотал он, глядя вниз.

На крыльце в проволочной клетке прыгал щенок, таякая, словно говоря: «Давай, приятель, выпусти меня отсюда». Когда ДеКлерк потянулся за запиской, засунутой между прутьями клетки, немецкая овчарка лизнула его руку.

Роберт...

Я не хочу говорить «Счастливого Нового Года», а только «Жизнь продолжается».

Его зовут Наполеон.

Он присмотрит за тобой.

вторник, 14 марта 1987 г. 11:02 пополудни

Прошло пять лет после похорон Женевьевы. ДеКлерк действительно написал книгу — «Волынки, кровь и слава» должны были быть напечатаны в «воскресном приложении» — и время, как говорится в поговорке, залечило его рану. Роберт был, наконец, готов принять предложение Шатрана, и поэтому утром, на десятый день после визита Мак-Дугала, он позвонил в Оттаву.

— Алло.

— Франсуа? Это Роберт ДеКлерк.

— Чтоб я так жил.

— Твой голос звучит ужасно.

— У меня был грипп. Пришлось бросить курить. Теперь я чувствую себя ещё хуже.

Мысленно ДеКлерк увидел перед собой Шатрана на фоне окна его кабинета на верхнем этаже небоскрёба, с видом на проступающее под ним в тумане реки Оттава здание Парламента. Судя по фотографиям в газетах, он чертовски располнел, и его по-военному коротко подстриженные волосы поседели. Франсуа трудно было себе представить без «Галуаза».

— При двух пачках в день ты будешь на ногах до конца недели.

— Не могу, — прохрипел комиссар. — Я заключил договор с Господом.

— Такой закоренелый грешник, как ты?

— Это был вопрос жизни и смерти. Мой грипп заигрывал с пневмонией до тех пор, пока в один прекрасный день я не почувствовал, что не могу дышать. Хотя я и скверный католик, всё же я действительно упал на колени и молил милосердного Господа даровать мне возможность дышать, пока моя физиономия не посинела, и чёрт меня подери, если моё обещание бросить курить не прочистило мои лёгкие. Боюсь, если я нарушу его, гнев Господень достанет меня и сквозь крышу дома.

ДеКлерк фыркнул.

— Ну, так почему ты звонишь?

— Поинтересоваться, остаётся ли в силе твоё предложение насчёт спецотдела «Х»?

— Ха! Так я и знал! Силы — у тебя в крови.

— Раньше, чем ты начнёшь ликовать, есть кое-какие условия.

— Например?

— Я хочу работать здесь. Не в Оттаве.

— Не стану осуждать тебя за это. Ужасное место. Парень по имени Голдвин Смит описывал его как арктический посёлок, превратившийся в политический кокпит.* Я не смог бы сказать лучше.

— Следующее, я хочу, чтобы у меня в команде были Авакомо-вич и Чан.

— Ого, ты пытаешься раздеть меня до трусов, или как?

— Всего лишь слегка, Франсуа. Немного живой крови.

— Чан — лучший программист из когда-либо имевшихся у нас. И Джо тоже великолепный спец, ты ведь знаешь.

— Я хочу получить свою долю.

— Очень на тебя похоже. Что-нибудь ещё?

— Я хочу, чтобы моим заместителем был Джек Мак-Дугал.

Шатран прочистил горло. — Это создаёт проблему.

— Да, я слышал. И всё же я настаиваю.

— Я в одной упряжке с членом депутатской комиссии. Он поручился за меня, когда Оттава давала мне эту работу. Мне не хочется отменять его распоряжение, которое он отдал, следуя проводимой политике.

— Это обязательное условие. Нет Джека — нет меня.

* Кокпит — арена для проведения петушиных боёв

- Ты выдвигаешь тяжкое условие.
- Ну так пошли меня подальше.
- Чёрт побери, — произнёс Шатран. — Мне нужно закурить.

Специальный «Х» — *его* специальный «Х» — потихоньку формировался. На прошлой неделе Шатран прислал досье из Оттавы, и сегодня ночью ДеКлерк завершал свой список расстановки сотрудников. Этим вечером по крыше оранжереи снова стучал дождь, и снова раздавались противотуманные гудки судов в заливе. Досье, которое больше всего интриговало его, было досье с данными Цинка Чандлера, инспектора спецотдела «Х» в Британии. ДеКлерк читал между строк — стараясь представить себе, что произошло в логове Вурдалака — когда Наполеон напомнил, что пришло время для прогулки. Натянув макинтош, старший суперинтендант последовал за собакой к океану.

Около получаса немецкая овчарка носилась вдоль берега. Владения ДеКлерка простирались до укреплённого брёвнами берега. На верхушке холма на берегу океана стояли древние солнечные часы и принесённый волнами стул. Когда Роберт сел на стул над бурлящим приливом, его пальцы пробежались по отметкам на циферблате солнечных часов.

В доме, не слышимый Робертом, звонил телефон.

ДеКлерк думал: *Мне нужен повод, чтобы отказаться от спец-«Х».*

Деления солнечных часов говорили: *Время гораздо более позднее, чем ты думаешь.*

* См. роман Майкла Слэйда «Вурдалак»

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Долина реки Литтл-Бигхорн, округ Монтана
вторник, 27 июня 1876 г.

Лагерь бригадного генерала Альфреда Терри был охвачен волнением. В отличие от предыдущего дня, индейцев не было видно, и только несколько сот индюшек кружили над ближайшими холмами. В семь часов войско выступило в боевом порядке, выслав разведчиков по флангам гораздо дальше, чем обычно. Среди эскадронов гуляли слухи, что полковник Кастер вступил в решительную схватку с краснокожими, пока, наконец, в миле вниз по реке солдаты не наткнулись на опустевший индейский лагерь.

Всё, что осталось от семи колец, атакованных Кастером, это мрачные покинутые типи и раскиданный вокруг хлам: одежда из бизоньих шкур и гниющие остатки еды; накидки и кухонная утварь; стрелы, ружья, роговые ложки, разбитая глиняная посуда. Кольцо мёртвых лошадей окружало палатки, а рыскающие по лагерю, похожие на волков одичавшие собаки рычали на приближающихся белых.

Трое любопытных солдат покинули строй и лёгким галопом поскакали вперёд. Среди останков один из них нашёл пару залитых кровью стремян, подписанных «Старгис — 7-ой Кав.». Пока он верхом скакал обратно, чтобы доставить находку Терри, другой высунул пепельно-бледное лицо из одной из палаток. Внутри он обнаружил тела пяти обезглавленных белых, подвешенных обнажёнными к палаточным шестам.

К пересечению шестов были привязаны пять чёрных шаров. Отогнав рой мух, он увидел, что это были отрезанные головы. Связанные вместе черепа явно не одну милую тасили за лошадьё по земле.

— Обыскать холмы, — в ярости распорядился Терри. — Найти виновных в этом дикарей и вздёрнуть их.

Капитан Джерико Шарп получил задание осмотреть всё и закартографировать лагерь. Подверженный нервному тикку, возбудимый, получивший библейское воспитание Шарп был мужчиной с женоподобной фигурой, в неопрятной форме. Заострённый нос и синеватые губы доминировали на его лисьем лице, левый глаз которого выступивал азбуку Морзе.

Шарп провёл около часа в палатке, где висели тела замученных, наталкивая мысль на картины Ада из Ветхого Завета. Имя «Паркер», вышитое на шортах, свисавших с ног одного из мужчин, удивило его, поскольку ни одного Паркера среди эскадронов Кастера не было.

Около полудня, пригнувшись к луке седла, по мостику, переброшенному через реку, галопом прискакал один из разведчиков. Он не бросил поводьев и не спешил до тех пор, пока не напёрл Терри, разговаривающего с генералом Гидеоном Праттом.

— Господин генерал! — прервал их разведчик, отдавая честь обоим мужчинам. — Лейтенант Брэдли послал меня от обрыва за рекой. Он насчитал на гребне до двух сотен трупов.

— Краснокожие? — спросил Терри, глянув на Пратта.

Разведчик покачал головой. — Белые, господин генерал!

— Милосердный Боже! — воскликнул Пратт. — Но не из Седьмого полка?

Шарп наблюдал из-за полога палатки, как колонна двинулась, переправляясь через реку, чтобы подняться на крутой гребень.

Солнечный жар обрушивался на долину, искажая отдалённое изображение, словно мираж в пустыне. Вскоре последовало распоряжение Шарпу явиться к обрыву. Уложив свои приспособления, он взобрался на гребень вместе с одним из разведчиков, Арикаррой, на краю поля убийств натянув поводья, чтобы остановить лошадь. — Все мертвы. Боже правый, какими белыми они кажутся. Какими совсем белыми, — сказал он.

Место побоища являло собой картину чистой резни. Там, где резня была самой кровопролитной, на вершине холма, баррикада из застреленных лошадей, ноги которых торчали словно столбы, окружала разлагающиеся трупы. Сухая песчаная земля впитала в себя всю пролившуюся кровь, пока налетающие стервятники отъедались на иссушенных останках. Заглушающее всё жужжание мух напомнило Шарпу о том, как он ещё мальчиком охотился на

опоссумов, шатаясь за своим отцом, армейским священником, по болотам штата Теннесси. Машинально он нашупал свою Библию.

Новый пост Шарпа был в центре поля. Здесь он разложил карту, на которую наносил окружающую обстановку. Позже другие воспользуются собранным материалом для того, чтобы расследовать, что же случилось на Последней стоянке Кастера. Двенадцать солдат работали на поле, доставляя к нему свои находки.

В полдень на гребень въехал репортёр «Хелена Таймс». Шарп сидел на пне, дополняя свою карту, когда солдаты сделали перерыв, сгрудившись толпой вокруг репортёра. — Будьте уверены, это произойдет с «е», — услышал он чьи-то слова.

Шарп нагнулся, чтобы хлопнуть себя по икре над кавалерийским сапогом. Овод только что ужалил его в ногу. И в этот момент он заметил в кустах записную книжку, скрытую там, где она упала, когда с Паркера сорвали одежду. Подняв её, Шарп пролистал страницы:

"Путевые заметки"

записать в
журнал/25 июня

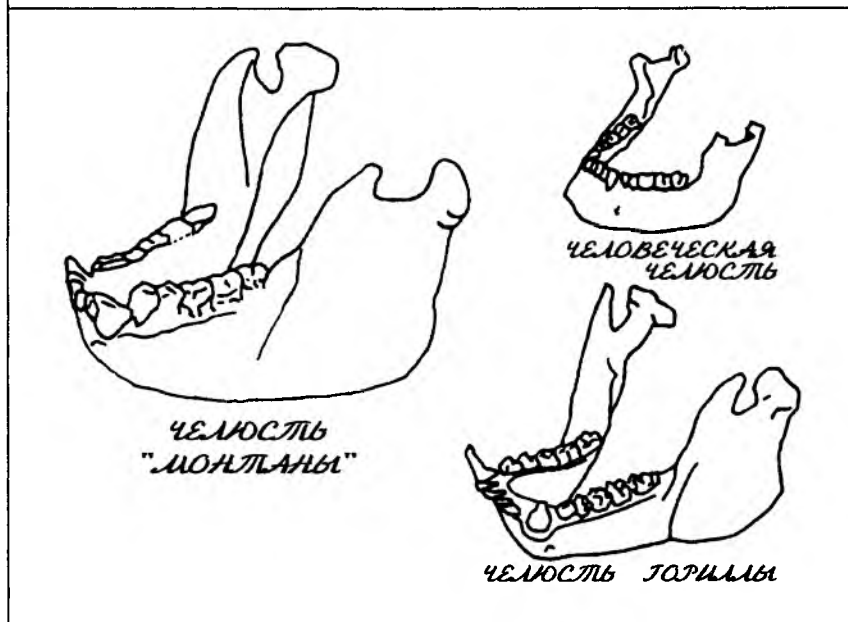
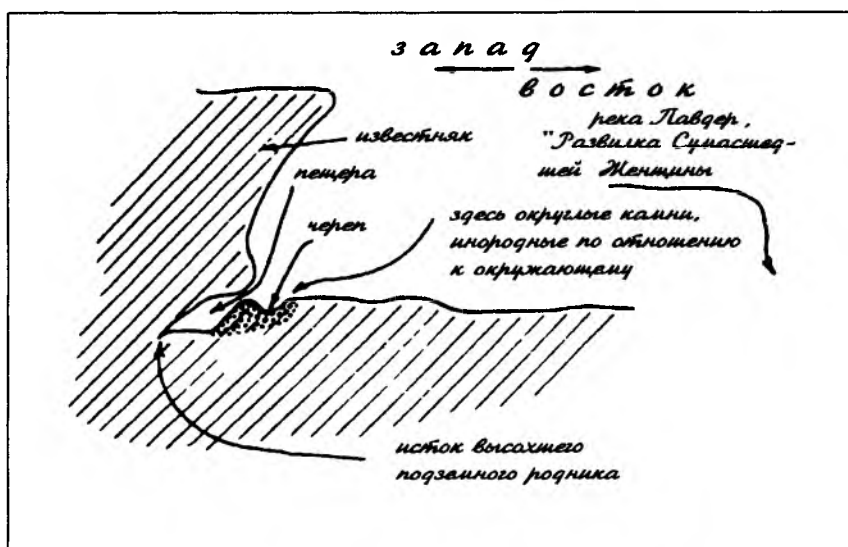
Собственность Фрэнсиса Паркера, Йельский университет, Нью-Хэйвен, Коннектикут.

В случае смерти вернуть профессору О. С. Маршу по вышеуказанному адресу.

Мистер Чарльз Дарвин
Даун-Хауз
Даун
Кент, Англия

(Зачем дважды писать
Даун?)

21 июня 1876 г. - "ЭВРИКА!!!" Наконец-то! Него-
стающее звено! Северо-западный берег, «Развилка
Сумасшедшей Женщины» реки Павдер, у зорья Бизхорн.
Округ Монтана 43 град. 54 мин. сев. шир.
106 град. 45 мин. зап. долг.

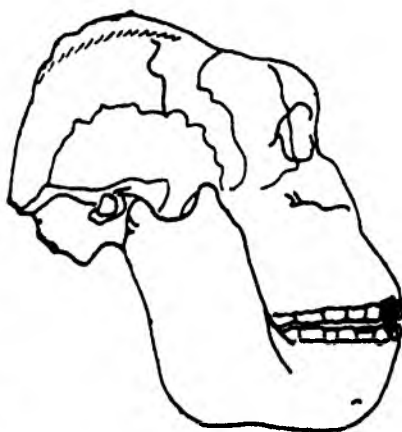
КОРЕННОЙ ЗУБ
"МОХЛАНЫ"

КОРЕННОЙ ЗУБ
ЧЕЛОВЕКА

ЧЕРЕП
ТОПИЛЫ

ЧЕРЕП "МОХЛАНЫ"

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ЧЕРЕП

Черновик письма

Дорогой сэр, — не стоит наверное и упоминать, как Виз, вероятно, удивления, так скоро получив от меня известия; однако надеюсь, что у меня есть новости, которые поконтат с критикой в Ваш адрес. Гершель может говорить, что Ваша книга — "в полном порядке", но мне кажется, так же, как без сомнения и Вам, что в данном случае весьма подходят слова м-ра Хаксли:

"Значительный промежуток времени, более чем десятилетие, отделяет нас от момента публикации Происхождения видов, и что бы ни думали или ни говорили о доктринах м-ра Дарвина или о манере, в которой он их проповедует, главное заключается в том, что за двенадцать лет Происхождение видов сыграло роль совершенно революционного в биологии, как, в своё время, Принципы... — в астрономии. Теперь, по прошествии времени, критикам Дарвина представился удобный случай. Смесь пренебрежения и высокомерия, которая на первых порах характеризовала значительное число нападок, с которыми он сталкивался, больше не является досадным отличием анти-дарвинистского критицизма".

Сэр, у меня имеется оружие, с помощью которого Виз сможете отразить все нападки! Как Виз можете видеть из заключения, следующего из этого письма, я обнаружил череп (первый в Америке, как мне думается), который при внимательном изучении оказывается черепом самой ранней формы человека; останками более ранними, чем череп, найденный в долине Неандер вблизи Дюссельдорфа в 1856 году, и не являющиеся останками столь же сомнительными. Нельзя

сказать ни то, что этот череп — останки деформированного человека, ни то, что он принадлежал одному из видов обезьян, поскольку форма этого черепа соединяет в себе признаки обоих видов, и человека, и обезьяны. К тому же, это очень большой череп.

Два года назад, когда профессор Марш находился здесь, в Западном Бэдлэнде, в поисках динозавров, он обнаружил, что местные индейцы очень обеспокоены. По отношению ко мне они проявили совершеннейшую недоброжелательность, и я опасался за свою безопасность более, чем однажды, когда разговор с индейцами вызвал у них подозрительность и недоброжелательность, поскольку они решили, что я ищу золото!

Назавтра я намерен прибегнуть к благам цивилизации, чтобы отослать Вам это письмо. Я узнал от местных торговцев (довольно скверная компания, конечно), что вскоре ожидаются силы кавалерии, которые нарушат покой дикарей. Возможно, мне повезет встретиться с ними.

С уважением и преданностью

Предоставим Господу быть правым, а всем людям — заблуждаться, подумал Шарп.

Он знал о Чарльзе Дарвине и о его ереси.

Не была ли эта книга внушена Антихристом?

Капитан, обрадованный тем, что остальные находились спиной к нему, хвастаясь своими подвигами репортёру, сунул «Путевые заметки» в свою седельную сумку.

Той же ночью эта книжка оказалась в руках генерала Гидеона Пратта.

РАСЧЛЕНЕНИЕ

Ванкувер, Британская Колумбия
воскресенье, 15 марта 1987 г. 2:00 ночи

Пендер-стрит между Главной и Клином — это самая утроба Китайского квартала. Торгующие творожными палочками с бобами, и дынными пирожными, и тысячелетними яйцами, торгующие устрицами и сладостями, ирисками и домашним миндальным печеньем; торгующие водяными орехами и экзотическими грибами, и засушенными анчоусами по сотне в корзине, все эти лавчонки были настоящим земным раем для местных эпикурейцев. Гомонящим роєм сновали по этой улице армии азиатских торговцев, таскающих огромные корзины и расталкивающих друг друга; в старании что-нибудь продать, они тыкали тонкими пальцами в выпуклые плоды на витрине: фей-хоа, мокко, корешки лотоса и плоды манго. В бархатных куртках и мешковатых куцых штанах, с пепельными волосами, заплетёнными в косичку на затылке, с ожерельями из раковин женщины в домашних тапочках шаркали по улице среди рыбаков, торгующих в розницу прямо из сетей или с корзинами шевелящихся крабов, поднятыми над головой, чтобы привлечь толпу. Только к ужину улицу словно выдувало.

Было два часа ночи, и Пендер-стрит была пустой.

Полупустая мясная лавка была заперта на ночь. За целиком зажаренной тушей свиньи и утками на вертелах, оставшимися висеть в окне, виднелись пустые и вычищенные прилавки. Находящаяся на уровне улицы зарешёченная отдушина открывалась в подвал, где свет мерцающих флюоресцентных ламп переходил в чёрные тени. Связки китайских колбас и расплюснутой, словно морской скат, домашней птицы были развешаны в копильных шкафах, стоящих

у стен. Ряды полок, уставленных банками с консервированной говядиной, тянулись от отдушины до задней части подвала. За ними большая деревянная дверь закрывала вход в морозильник. К ней была прибита свиная шкура, натянутая на округлую раму, вместо глаз животного были вставлены мигающие лампочки. Перед дверью над гудящей пилой стоял мясник.

Вокруг мужчины стояли ящики, заполненные оленьими рогами.

Груз прибыл тогда, когда он занимался уборкой.

Оставив грязную работу ради этой, более прибыльной, он распиливал олени рога на тонкие пластины.

Стоящий рядом столик был уставлен тарелками с говяжьим жарким, печёными яблоками и пивом из Циньтао.

Закончив распиливать рог, он каждый раз вытирал руки о свой забрызганный кровью передник и делал паузу, чтобы немного перекусить.

Он как раз был занят едой, когда мясницкий секач вонзился ему в рот.

В мерцающем свете убийство казалось похожим на дёргающийся чёрно-белый фильм. По сторонам и позади мужчины стояло трое панков-азиатов. Все они были одеты в чёрные джинсы, белые, подчёркивающие мышцы, рубахи и чёрные кожаные куртки. У всех трёх в левом ухе были серьги, а на руках — татуировки. Шум их проникновения внутрь, должно быть, заглушила гудящая пила.

Секач рассёк мясника по горизонтали. Его лезвие выбило верхние зубы, рассёкло щёки и язык и затем вонзилось в позвоночник. Под волосами, торчащими на манер Вуди Вудпекера, его глаза закатились так, что остались видны только белки. Тщетным движением он попытался схватить клинок. Когда панк рывком выдернул лезвие, кровь ударила из лица мужчины двумя фонтанами — секач перерезал обе сонные артерии. Мясник рухнул на пол, его ноги судорожно дёргались, а рассечённый язык подрагивал, как у змеи.

Панкам потребовалось пятнадцать минут, чтобы расчленить тело.

Пока один остался, чтобы вымыть пол, остальные двое затолкали останки мясника в подарочные сумки и отвезли куски на ричмондский строительный участок.

Там, возле лесопилки, был запаркован цементовоз, его барабан вращался в свете бесстрастной луны.

Одна за другой сумки были пропущены через лесопилку, превратившую кровавые останки в кашу.

Затем цементовоз вылил на них слой раствора.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Даун, Англия

пятница, 27 октября 1876 г 11:02 дня

Экипаж из Даун-Хауза ожидал возле станции. От ближайшей железнодорожной станции в Кройдоне, в десяти милях отсюда, генерал армии США Гидеон Пратт наслаждался поездкой среди холмов графства Кент. Этим солнечным осенним утром за окнами кареты проплывали живописные заросли пурпурного вереска и густые дубравы. Держа в руках Библию, Гидеон в дороге читал Книгу Бытия.

Даун-Хауз находился в узкой долине Вестерхем-роуд в четверти мили от Дауна. Население посёлка, насчитывающее несколько сот человек, жило в коттеджах, рядами сгрудившихся возле небольшой сельской церкви. Построенный в стиле времен короля Георга трёхэтажный дом с арочными окнами был увит плющом и обсажен вязами. Когда карета въехала во двор и Пратт вышел наружу, пожилая женщина открыла парадную дверь.

— Добро пожаловать в Даун-Хауз, генерал. — Её голос звучал осторожно.

— К вашим услугам, мадам. — Пратт снял шляпу.

— Мой муж в своём кабинете. Входите.

Будучи в свои пятьдесят с небольшим лет убеждённым евангелистом, Пратт выказывал высокомерие человека, лично избранного для служения Господу. Сегодня генерал надел свою лучшую парадную форму, выказывая больше блеска, чем обычно, поскольку это были Британские острова. Его стройное тело вегетарианца хорошо переносило любую погоду. Его длинные седые волосы сливались с чёрной с се-

диной бородой. Он не курил; не пил; зато вставал каждое утро до рассвета, чтобы приветствовать рождение нового дня. Шрам на его щеке был памятью о Битве с Бегущим Буйволом.

— Умоляю вас не провоцировать моего мужа, — сказала женщина, бросив взгляд на Библию в руке генерала. — Он не очень хорошо чувствует себя после публикации его последней работы. Если бы только критики знали, как сильно их шпильки задевают его.

Не двигаясь с места, Пратт отвесил джентльменский поклон. Он последовал за ней до дверей кабинета. Открыв её, Эмма Дарвин пригласила его войти.

Богохульник сидел за стоявшей у окна конторкой, на которой царил беспорядок, и глядел в сад. Годы борьбы оставили на нем свой след. Его брови сошлись от глубоких раздумий, плечи ссутулились под грузом злобной критики. Серебристо-белая борода и косматые брови словно компенсировали облысевший череп. Его окружали книжные шкафы, возвышавшиеся от пола до потолка, а каждый клочок свободного пространства стен был испещрен пометками. Оранжевый отсвет угля, горевшего в камине, падал на восковой глобус позади него, делая его похожим на луну. Когда генерал вошёл, натуралист встал, положив мензурку и пробирку, бывшие у него в руках.

— Вы оказываете мне честь, сэр, — сказал Дарвин, протягивая руку. — Как удачно, что вы пожелали повидаться со мной так же, как и я с вами. Разрешите выразить вам мою сердечную признательность за ваш приезд в Даун.

После рукопожатия генерал раскрыл свою Библию. — *И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему*, — прочел он. — Вам знакома эта цитата, сэр?

— Конечно, — ответил Дарвин. — Книга Бытия.

— *И сотворил Бог человека по образу Своему*. Означает ли это, что Бог похож на обезьяну?

— Позвольте мне ответить вам вопросом на вопрос, генерал. Если читать Библию буквально, то к кому относится местоимение «нашему»? Не есть ли в этом случае Бог всего лишь один из многих, как думали греки и римляне?

— Я предпочитаю знать с самого начала, каких взглядов придерживается мой собеседник. Вы продолжаете настаивать на том, что Бога нет и что наш Адам был обезьяной?

— Я агностик, генерал. У меня нет никакой теории о Боге. Равно как не стремлюсь я и повлиять на взгляды других. Если

«Происхождение видов» оскорбило вас, то это было сделано не намеренно.

Англичанин предложил американцу нюхательного табаку. Как человек, не подверженный порокам, Пратт отклонил это предложение.

— Не единожды я использую в своей книге слово «эволюция». Я избегал обсуждать вопрос о человеке, так как этот объект окружён предубеждением.

Генерал фыркнул, поднимая Священное Писание. — Возможно, но теперь вы опубликовали «Происхождение человека».

— Неужели признание изменчивости видов равносильно причастности к убийству?

— Сэр, ваша еретическая теория должна быть задушена в зародыше.

— Почему? — Дарвин усмехнулся. — Не потому ли, что она объясняет слишком многое?

Глаза Пратта сузились, сверля натуралиста. — Далее, я полагаю, королева Виктория произведёт вас в рыцари за вашу работу?

— Сомневаюсь в этом, — заметил Дарвин. — Ей не нравится моя теория.

— Так же, как и конгрегации баптистов-спасителей Теннесси.

Дарвин пересёк комнату по направлению к камину, чтобы взять коробку с табаком и прогулочную трость. Затолкав понюшку в нос, он громко чихнул. С увлажнившимися глазами он обратился к Пратту: — Каждый день перед обедом я совершаю прогулку. Составьте мне компанию, генерал?

Приверженец учения о создании человека Богом кивнул.

Даун-Хауз был окружён восемнадцатью акрами прилегающих земель. Сразу за ним простирались холмистые поля и живые изгороди, отделяющие их от фруктовых садов. На ближнем конце поля натуралист расчистил полосу земли длиной около трёхсот ярдов. Он обсадил её дубами и вязами, липами, каштанами и цветочными кустами. Вокруг этой своеобразной беседки, которую осень окрасила багрянцем, шла посыпанная гравием дорожка, которую он называл «Песчаная тропа». Пока они в молчании прогуливались, деревья и кусты вокруг них были наполнены естественной жизнью.

Идущие рядом мужчины являли собой совершеннейший контраст. Прямой, подтянутый Пратт шёл чётким, целеустремлённым шагом, заложив руки за спину, его глаза и уши полностью игнорировали окружающее. Изредка он останавливался, чтобы натуралист мог до-

гнать его. Внимательный ко всем деталям, Дарвин вникал во всё вокруг. Его прогулочная трость имела железный наконечник, который издавал ритмичное постукивание при каждом ударе о землю. На повороте дорожки была навалена груда камней. Каждый раз, проходя мимо, Дарвин отбрасывал один из них.

— Имя Фрэнсиса Паркера говорит вам о чём-нибудь, генерал?

Пратт глянул на Дарвина. — Нет, насколько я припоминаю.

— А как на счёт профессора О. С. Марша из Йеля?

— Чудака, которому нравится рыться в костях в Западном Бэ-лэнде?

— Два года назад Марш исследовал Блэк-Хиллз в Дакоте. Он слышал рассказы о доисторических чудовищах, захороненных там. Марш вернулся с двумя тоннами останков динозавров.

— Горы считаются священными у сиу. Ему повезло, что они не сняли с него скальп.

— Паркер был преуспевающим студентом, обучавшимся у Марша. В прошлом году он написал мне письмо из Йеля. Паркер, прочтя мои книги, пришёл к заключению, что подтверждение теории эволюции может быть найдено вблизи раскопок Марша. Наступающей весной он собирался отправиться в Блэк-Хиллз. Мне говорили, что он отправился в дорогу — но назад он не вернулся.

— Какое отношение, — спросил Пратт, — это имеет ко мне?

— Мы, англичане, любим читать о колониальных войнах. Наши газеты напечатали подробности, касающиеся вас — вашего настоящего прибытия. Если верить «Таймс», то вы прибыли в Лондон за поддержкой правительства её величества?

— Мы уверены, что ренегаты, истребившие Седьмой Кавалерийский полк, попытаются укрыться в Канаде. Поскольку правительство избегает вмешиваться в международные дела доминиона, то это должно касаться и нашего желания вернуть бежавших обратно.

— Не были ли вы с колонной, обнаружившей место резни?

— Мои эскадроны присоединились к эскадронам Терри накануне.

— Говорили, что ваши войска обнаружили тело, которое не смогли опознать.

— Такое тело действительно было найдено, но не на поле сражения. Оно было подвешено в палатке за рекой.

— Почему тело не было опознано?

— Оно было изуродовано до неузнаваемости.

— Это правда, что на человеке было штатское бельё?

— Да, но метки с именем были срезаны.

— Вы видели его кальсоны?

— Нет, я говорил с капитаном Шарпом, который описывал лагерь. Язычники часто так делают.

— Если этот человек был штатским, то кем бы он мог быть?

— Скорее всего, репортёром, ехавшим с людьми Кастера. Полковник, как вы, может, слышали, любил рекламу.

— Говорили, что корреспондент действительно был убит, и позднее опознан. Но он был с батальоном Рено и не участвовал в боище.

Пратт натянуто улыбнулся Дарвину. Он потёр нос. — Что заставляет вас думать, что тело принадлежало Фрэнсису Паркеру?

— Учёный привыкает работать головой, генерал. Паркер был штатским в Блэк-Хиллз. Он исчез в то же время. Что, если он присоединился к эскадронам Кастера, опасаясь за свою жизнь? А может, он присоединился к ним вовсе не из соображений безопасности? И если «Последняя стоянка» имела место вскоре после этого, то не объясняет ли это присутствие вашего загадочного штатского?

Пратт расхохотался. — Вы отчаянный человек. Критикам, наступающим вам на пятки, придётся попортить себе немало крови. Никого не удивит, что ваши теории полусырые, если это вы называете логикой.

Дарвин остановился и бросил взгляд на Пратта. Поскольку тот был его гостем, он придержал язык.

— Теперь вы знаете, сэр, почему я просил вас приехать сюда. Теперь, в свою очередь, скажите, почему вы согласились.

Сторонник божественного творения пристально посмотрел на натуралиста уничтожающим взглядом. Затем он поднял над головой Библию. — Если ваша ересь одержит победу, Человек будет обречён на полную деградацию. Без Священного Писания, направляющего его, деньги станут его божеством. Вскоре он уверует в то, что собственное благо есть высший смысл жизни. Прежние древние этические и моральные законы не будут стоять и пенса. Жадность станет его новым повелителем, Дарвин, и всё это — по *вашей* вине. Я приехал, чтобы лично познакомиться с новым змеем в Раю!

Учёный кивнул. — Вы не читали моих книг.

— Напротив, сэр, я прочёл их все.

— Тогда ответьте мне, почему Бог, создавая каждый вид, сделал некоторые из них такими похожими? Например, льва, тигра, лео-

парда, ягуара и обыкновенную домашнюю кошку? Конечно же, ответ может быть только один: потому, что они произошли от одного истока. Только естественный отбор объясняет, почему живые организмы имеют строение, полезное для них. Или вы полагаете, что Бог создал бессмысленные органы ради праздного удовольствия сделать это?

— Кто вы такой, чтобы спрашивать о побудительных мотивах Господа?

— Пратт, вы кажетесь мне здравомыслящим человеком. Разве вы не видите, что индивидуум с преимуществами перед другими имеет лучшие шансы на выживание и продление своего рода? Жираф с более длинной шеей достаёт больше плодов на деревьях. Грызун, имеющий окраску под цвет земли, скрывается от совы. Если «приноровившийся» передаст это преимущество следующим поколениям, то те, которые унаследуют эту характерную черту, явятся более вероятными представителями каждого вида, чем те, которые этого не сделают. Таким образом, естественный отбор сохранит тех, кто наиболее приспособлен к условиям своего существования, и со временем объединит характерные для выживания черты в *новый* вид. Рептилии превращаются в птиц. А обезьяны превращаются в людей.

Пратт схватил Дарвина за руку и потряхнул его. — Перестань ходить вокруг да около, Антихрист.

— Уберите руки, сэр.

— Вы говорите, что человек сам по себе прошел путь от обезьяны до человека? Где, скажите тогда, все эти промежуточные формы сегодня?

— Вымерли, — сказал Дарвин, когда Пратт отпустил его руку.

— И каким же образом?

Ученый отступил назад, держа трость, словно шпагу. — Жизнь — это борьба за пищу и пространство. Поскольку они питаются одной и той же пищей и обитают в одном и том же месте, то конкуренция сильна между представителями одних и тех же видов. Приспособившиеся, вероятно, убивают соперников, не обладающих новыми чертами. Так и человек поступил со своими промежуточными формами.

— Вы не поняли мой вопрос, — сказал Пратт. — *Где их кости?*

Англичанин оперся на свою трость, пораженный в свою ахилесову пятку. — Я признаю, что это слабое место моей теории.

— Слабое место! — Пратт выругался. — Да должны быть миллионы костей. Вы же написали «Происхождение человека» без единого останка этих обезьяно-людей. Отстаивать подобную ересь без доказательств — более чем не научно. Это просто безрассудно и безответственно. Вы самый страшный человек на Земле, и вы будете гореть в Аду за то, что пытаетесь сделать.

— Но есть ведь неандерталец.

— Ах, да, — сказал Пратт. — Кости из долины Неандер. — Когда он знакомился с теориями, с которыми был не согласен, его высокомерие было нестерпимым. — Может, это был идиот, страдавший рахитом или водянкой мозга? Или казак, погибший при отступлении Наполеона из Москвы? Или старый датчанин с остаточными признаками кельтской расы? Курьезы, подобные этому, можно увидеть на любой ярмарке.

— Да, это можно оспаривать, — уступил Дарвин.

— Не думаю, что Паркер писал, чтобы сказать, что он нашёл ваше «недостающее звено»?

— Нет, он только сообщал о своих планах.

— Он переписывался с кем-нибудь ещё?

— Похоже, что нет.

— Следовательно, вы весьма надеетесь, что он обнаружил останки при своих раскопках и что на «Последней стоянке Кастера» образцы были при нём?

— Признаю, — сказал Дарвин, — подобное приходило мне в голову. Вы ведь не станете отрицать, что останки, которые мы находим, представляют только немногие из видов, когда-либо обитавших на Земле? Только случайно любое существо оставляет долговременное свидетельство своего существования. Подавляющее же большинство умирает, не оставив никакого следа. Но с каждым годом мы открываем их всё больше.

Самодовольное выражение удовлетворения пробежало по лицу Пратта.

— Человеческие мысли — ничто, сэр. А вот откровение Божье — это всё.

— Одна кость, генерал, и ваша теория будет сокрушена.

— Не моя теория, Дарвин. Божья теория, вы имеете в виду.

Пратт отклонил приглашение Эммы остаться на ленч. Когда карета отправилась из Даун-Хауса обратно на станцию в Кройдоне, он сидел на заднем сиденье и сам себе улыбался. Итак, письмо Паркера к

Дарвину осталось в черновике. Оно не было отправлено ни с одним из торговцев в Блэк-Хиллз.

Единственными людьми, которые знали о «Путевых заметках» Паркера, были капитан Джерико Шарп и он сам. Они оба посетили воскресную службу в собрании баптистов Теннесси, когда армейский проповедник проклял ересь Дарвина. Оба они знали, как подействовало бы подобное «свидетельство» на умы не-христиан.

О, как бы обрадовались неверующие «Жёлтому черепу», прижимая к груди плод фантазии Паркера как доказательство эволюции.

Не вызывает сомнения, что его смерть возвела бы его в ранг святого в их глазах, превратила бы утраченное «недостающее звено» в их новый нечестивый грааль.

«Записать в журнал/25 июня», написанное Паркером в его «Заметках», приведёт слуг Сатаны на Проклятую Землю.

— Найти «Журнал», — завопили бы они.

— Найти «Жёлтый череп».

Нечестивый хор настаивает на том, чтобы забыть слово Господа.

За стенками экипажа протекало чудо божественного создания.

Дивясь ему, Пратт подумал: «Чтоб тебе гореть в Аду, Паркер».

Дарвин вошёл в столовую, куря сигарету. Это была привычка, которую он приобрёл среди гаучо Южной Америки во время плавания на «Бигле».

Одетая в строгое чёрное платье, со своими широко расставленными глазами и с локонами, падающими на шарф, повязанный вокруг шеи, Эмма Дарвин готовила мясо и фасолевый пирог.

— Чарльз, я слышала спор. О чём он был?

— Ни о чём, Эмма. Просто генерал оправдывает свой образ жизни. Людям, которые сделали войну своей профессией, требуется верить, что Бог на их стороне.

ЖАР И ХОЛОД

Бэнф, Альберта

воскресенье, 15 марта 1987 г. 3:57 пополудни

Возраст, подумал Цинк Чандлер, выплёскивая ковш воды на камни сауны. Пар обдал его, словно муссон, обжигая кожу.

День, один из тех хрустально ясных дней в Скалистых горах, которые заставляли даже неверующих поверить в Бога, Цинк провёл, катаясь на лыжах на самых сложных склонах Бэнфа, безграничное небо было ясным, если не считать лёгких облачков растворённых в его голубизне, голубой бездне; южное солнце палило ему в лицо, пока он мчался вниз по напоминающей стиральную доску трассе, виляя между высоко вздымающимися горными соснами и елями, паря над буграми, словно ястреб на крыльях, проносясь по снежной целине, по которой никто ещё не ездил, наклоняясь, изгибаясь и скользя под тихий шелест лыж, ощущая ту абсолютную свободу, которая появляется только при высокой скорости и от пребывания наедине с природой.

А затем он упал.

Цинк нёсся вниз к Адским Воротам на головокружительной скорости, устремляясь в сужение, которое вело на лицевой склон горы, когда появился лыжник, растянувшийся у него на пути. Неожиданная опасность вызвала в нём прилив адреналина; это был случай наконец проверить, кто управляет *его* судьбой, поэтому все его рефлексy сработали на то, чтобы объехать препятствие. Чандлер весь сжался, выкрикнул «Давай!» и прыгнул.

В заячем прыжке его лыжи оторвались от снега, их концы миновали растянувшуюся фигуру в каком-то дюйме

или двух, мышцы ног расслабились, чтобы смягчить удар при приземлении.

Вх-у-у-м! *Шв-у-у-ш!* — Есть! — воскликнул он, коснувшись снега... затем в коленном суставе у него щёлкнуло, нога начала дрожать, и на Бог-знает-какой скорости он слетел с трассы.

Внезапно Чандлер оказался оторванным от земли, не в состоянии что-либо сделать, жизнь преподносила один из тех уроков, которые она приберегает для смельчаков и глупцов; его тело с раскинутыми в стороны руками и ногами, с одной лыжей сверху, с другой внизу, танцевало на снегу до тех пор, пока — «ба-м-м-м!», «О-о-о-х!», «Иисусе!» — он не проскользил еще пятьдесят футов. Он шмякнулся вниз лицом и растянулся полу-мёртвый в снегу.

Голубая сойка насмешливо наблюдала за ним с сосны над головой.

Образованный им снежный ком начал принимать сидячее положение.

— Пытался убить меня, псих? — прорычал спускающийся лыжник, скользя мимо.

— Что произошло? — спросил Цинк у любопытной птицы.

Сидя в сугробе и проверяя, нет ли у него сломанных костей, отряхивая куртку и карабкаясь вверх по склону к арендованной кабинке, в которой он хранил своё снаряжение, запуская обогреватель, стаскивая одежду и втискивая своё разбитое тело в сауну, Чандлер хорошо себе представлял, что произошло. Он попал в поле зрения Большого 4-0, это было ясно.

— Возраст, — пробормотал Цинк. — Какое это дерьмо.

Звук бранного слова, сорвавшегося у него с языка, заставил его память вернуться в далёкое прошлое.

— *Возраст, я презираю тебя.* Шекспир, сын.

— *С возрастом не поспоришь.* Фрэнсис Бэкон.

Ворчливый возраст, думал Цинк. *Папа, ты наставлял меня правильно.*

Он снова стоял в доме своего детства на ферме отца, ему было лет десять, может, одиннадцать; он и его брат, Том, оба одетые для того, чтобы ложиться в постель. Отец сидел за столом со своими собутыльниками, разливая по кругу «Канадский клуб» из зажатой в руке бутылки. Вперив в Цинка ословевшие глаза, он невнятно бормотал:

*Таково вот время, отбирающее у нас
Нашу молодость, наше веселье,*

*Все, что только у нас может быть,
И расплачивающееся возрастом и тленом.*

— Живо, подумай, сын. Назови поэта.

— Сэр Уолтер Рэли, — ответил он.

Его мать вздохнула, отвлекшись от своих потаённых мыслей, от своих забот, далёких от всего, в то время, как её муж содержал хозяйство. — Бегите, мальчики. И не забудьте помолиться.

— Ставаю один против тебя, Чандлер, — сказал старый Мак-Киннон. Он был владельцем соседней фермы.

— Один бакс?

— Два.

— Три.

— Четыре, — двое мужчин бьются об заклад.

— Дурак и его деньги... ты, старый скряга, — пробормотал его отец.

Эд Мак-Киннон потянулся за толстым томом антологии, который служил арбитром в их игре. Моргая, чтобы сфокусировать свои налитые кровью глаза на поэме он прочёл:

*Что может быть ещё хуже,
Чем в старости ждущие беды?
Что меж бровей углубляет морщины?
Видеть, как покидают жизни страницы
Все, кто так тебе дорог,
И быть на земле одиноким, как ныне
Приходится мне.*

— Лорд Байрон! «Чайлд Гарольд» — с торжеством восклицает папа.

— Мимо, — ворчит Мак-Киннон. — Два из трёх?

Часами он слушал, как они пьянствуют за стенкой спальни, заключая пари, кто сможет узнать самые неизвестные поэмы. В конце концов почитателей поэзии так развозило, что они едва могли говорить, после чего отец начинал жаловаться на жизнь. Его речь была стандартной. Он не раз уже слышал это раньше.

Сперва его папа читал строфу из «Фонтана» Водсворта:

*Мудрого разум
Меньше скорбит о том,
Что возраст уносит с собой,*

*Чем о том,
Что он позади оставляет.*

Затем он пускался в яростную тираду по поводу тирании времени: о том, что жизнь такая безрадостная потому, что мы находимся на пике своих возможностей в двадцать один год, когда понятия не имеем обо всех прелестях, упуская лучшие годы своей жизни, блюдя чистоту своего тела и соскальзывая под уклон, сперва медленно, а затем всё быстрее, вступив в средний возраст. — Какой в этом толк? — обычно восклицал папа. — Ради чего мы барахтаемся? — Затем он обращал всю свою желчь на мать Цинка.

О, как он ненавидел папу за это. Лёжа на кушетке, которую он делил с Томом, он слушал, как старик ругает свою жену.

— Поверите ли вы, парни? Посмотрите на неё. Самая хорошенькая девушка в Саскачеване в тот день, когда мы обвенчались. Видите, что сделало безжалостное время? Оставило меня с морщинистой седой ведьмой.

Пока Цинк дрожал в темноте, сердце обливалось кровью. Почему мать взвалила на себя такую обузу? Ради своих детей? Потому, что боялась? Приказывая себе спать, он давал себе слово однажды заступиться за неё.

На следующее утро Цинк знал, чего можно ждать.

Обозлённый и не выспавшийся, папа заставит его вновь вспоминать бардов, ударяя его одной строфой за другой, чтобы поставить на колени, визвясь на мать, если она попытается вмешаться.

— Уйди, женщина, — прорычит папа. — Я не хочу вырастить неграмотного деревенщину.

*Брюзгливая старость и юность
Не могут жить вместе в согласье:
Юность полна удовольствий,
А старость заботы полна.*

— Ну-ка, живо, сынок. Назови поэта.

— Шекспир, папа.

В один из дней он взбунтуется против старика, скажет ему прямо в лицо, что он не заслужил такой жены, как она; жены, которая ухаживает за ним несмотря на засуху, голод, почти разорение и его нескончаемые брюзгливые упрёки; которая не только со-

здаёт для него домашний уют, но и защищает его от сплетен независимо от того, каким ослом он бывает.

Говоря всё это старику в глаза, он был обмочившимся телёнком, но порка, которую он получил за это, была столь жестокой, что заставила его мать вскрикивать, так что он никогда больше не отваживался произнести что-нибудь подобное, чтобы уберечь её от страданий.

Чтобы досадить старику, он стал копом.

Папа ненавидел полицию со времён депрессии, когда был избит дубинками до бесчувствия во время бунта в Риджайне.

Тик-так, подумал Цинк. Время идёт.

Обильно исходя потом, он выплеснул ещё один ковш на камни сауны. Когда пар обжёг его, он растянулся на кедровых досках, держа ковш словно импровизированное зеркало. С его блестящего доньшка на него уставилось его отражение.

*Возраст, подходящей,
в своих тисках меня сжимает,*

подумал он.

Суровый, с резкими чертами, он выглядел неплохо. Его естественные серовато-стальные волосы были такими от рождения, из-за их металлического оттенка он и получил свое имя. Со временем цвет волос стал скрывать красноречивую примету возраста, но ничто не могло скрыть сети морщин вокруг его серых глаз. При росте шесть футов и два дюйма и весе 195 фунтов его фигура была мускулистой от работы на родительской ферме в подростковом возрасте. Цинк делал сто пятьдесят приседаний и поднимал штангу каждый день, но обнажённым он напоминал жнеца, порезавшегося своей косой. Там и сям его кожа теряла свою эластичность, в то время как грубые волосы начинали виться там, где никогда не росли раньше. Двухдюймовый заживший шрам тянулся через скулу.

Проходящие годы произвели изменения и на ферме Чандлера. Девять лет назад папа скончался. Ферма принадлежала их семье более столетия; она была основана после Рельского восстания 1870 года. Отец Цинка воспитывал обоих мальчиков, полагая, что они унаследуют землю, и он так и не простил старшему сыну того, что тот оставил её ради поступления в Силы. Последние папины слова на смертном одре были: «По крайней мере, хоть один из них стал человеком».

Теперь, через двадцать лет после облачения в красное сукно, Цинк стал задаваться вопросом, почему он стал копом.

Было ли это ради того, чтобы «утверждать Закон» — это было девизом Сил — или для того, чтобы «пнуть старика по шарам»?

В эти дни он почувствовал, что Том сделал лучший выбор.

Младший брат Цинка модернизировал ферму. Со всеми двумя тысячами акров непрерывно приносящей урожай земли, у него была крупнейшая в округе коровья ферма. Поскольку Том вёл дело, постоянно используя последние достижения технологии (самоходный «Джон Дир Титан»-II с бортовым компьютером и гидростатическим управлением; пневмосеялка с радарным контролем глубины посева с точностью до 0,1 дюйма), он работал только семь месяцев в году. Офисом Тому служил трёхсотсильный, с четырьмя ведущими колёсами трактор «Кэйз» с плавающими сиденьями и кондиционером, дооборудованный убирающейся крышей и съёмными бортами. С приходом хорошей погоды во время сельскохозяйственного сезона он мог открыть кабину, стянуть рубашку и загорать под лучами солнца. Стереоустановка трактора могла создавать ужасающий рёв: средневолновый приёмник «Альпина» с усилителями, дающими до четырёхсот ватт, и десятидюймовыми динамиками, перекрывающими диапазон от 80 Гц до 160 кГц. Под Спрингстина или «Лэд Зеп», орущих так, что едва не лопались барабанные перепонки, Том мог курить классную сигару и вспахивать свои поля.

После окончания жатвы наступало время для отдыха. Пока Цинк тратил свою жизнь на возню с психами вроде Вурдалака (отпуск у него составлял несколько недель в году), Том проводил пять месяцев, жаря свою спину где-нибудь на юге, у Тихого океана, или ныряя в Карибском море. С весенней оттепелью он возвращался, рассчитываясь с наёмными помощниками и начинал весь цикл снова.

Если вступаешь в дерьмо, подумал Цинк, то часть его обязательно пристаёт к трости.

Он задумался, не вступает ли он в кризис середины жизни?

Воодушевляться — чем?

Арифметикой?

40 x 2 = 80 годам, при том, что мужчины в среднем живут 72 года?

Или это было вызвано посещением матери на прошлой неделе?

У Тома были две немецкие овчарки: Барк и Байт. Барк получил свою кличку* потому, что его лай был более грозным, чем у Байта.

* Барк (Bark) — лаять, лай (англ.)

Собаки сопровождали его от самых ворот, от нанятой им машины, затем по лестнице переднего крыльца и до дверей фермы. После того, как он постучал, его матери потребовалось долгое время, чтобы отворить.

Больше минуты он стоял снаружи на пронизывающем до костей холоде. Было заметно его дыхание на морозном воздухе. Ноги отбивали чечётку, чтобы стряхнуть снег с ботинок и согреть пальцы. Ты не мог подумать о том, чтобы взять машину с обогревателем? Оглядывая виднеющиеся поля, он снова почувствовал себя резвящимся мальчишкой, подкарауливающим сову, жившую в амбаре, когда она слетит вниз с соломенной крыши; ощущение невинности, потерянной навсегда, комком стало у него в горле. То было время, когда эта ферма была для него всем миром.

— Привет, сынок, — сказала мама, отворяя наконец дверь.

— Привет, ма, — ответил он, стараясь скрыть свой шок.

Прошло меньше года после его последнего посещения, но за это время она состарилась на десяток лет. Её волосы теперь были совершенно белыми с полосками тускло-жёлтого, узкие плечи сутулились, превратившись в горб. Когда он взял её руку в свою и поцеловал в щёку, запах перлового супа вновь напомнил ему детство. Он содрогнулся, ощутив в своих пальцах её слабую кисть и заметив жёсткие седые волоски на её верхней губе. За стёклами очков в проволочной оправе её глаза были затуманены катарактой.

Старик высосал её всю, подумал он.

Затем он вспомнил обещание, которое однажды дал ей.

Чувство вины за то, что не виделся с ней чаще, заставило его отвести глаза.

— От холода у меня ломит кости, сын. Ты войдёшь, или мне обогревать весь Саскачеван?

Он шагнул в дверь и закрыл её за собой.

— Садись в кухне. Это всегда была твоя любимая комната.

Дом не изменился с тех пор, как он был ребёнком. Том построил свой собственный на другом конце поля, предоставив дому их матери коробиться от времени. Та же обшитая сосновыми досками кухня, та же дровяная печь. Те же медные миски и кастрюли, развешанные по стенам. Те же банки с домашними заготовками на полке рядом с коробками с чаем. Единственное, чего не доставало — это энергии его матери.

— «Эрл Грэй», Цинк? Ты, должно быть, продрог?

— Не отказался бы от чашки. Но позволь мне заварить его.

— Я *всегда* сама заваривала чай в этом доме, — сказала она.

Ему было мучительно наблюдать за тем, как она дрожащими руками разогрела чайник, затем мучилась, наливая кипяток. Она выглядела такой изнурённой. Такой хрупкой. Такой обыденной. Придавленной тем, что день за днём вынуждена была бороться за то, чтобы доказать своему разуму, что её тело по-прежнему в состоянии позаботиться о себе. Что произойдёт, если, встав однажды утром, ты обнаружишь, что война проиграна? Не будет ли это днём, когда ты сведёшь счёты со своим желанием жить?

*До тех пор, пока старость, горе иль болезни
Плоть мою не обвенчают с тленом*

подумал он.

— Ты когда-нибудь думала о том, чтобы переехать в Роузтаун, мама?

— Нет, — сказала она резко, положив конец обсуждению.

— Ты ведь знаешь, зимой? Когда Том уезжает?

— Что мне делать в городе, Цинк? Вся моя жизнь прошла здесь.

— Ты бы приехала обратно весной, мама. Том мог бы захватывать тебя с собой, когда он...

— Ты помнишь снеговиков, которых ты лепил во дворе? Иногда я скучаю по их ледяным лицам так же, как и по твоему.

— По поводу Роузтауна, мама...

— Сын, я остаюсь здесь. Вы с Томом живёте своей жизнью. Я буду жить своей.

— Ты ведь не становишься моложе.

— Так же, как и ты. Скоро тебе исполнится сорок и ты вступишь в средний возраст. Ты понимаешь, что если бы ты был женат и твоя жена ждала сейчас ребёнка, то тебе будет шестьдесят, когда твоему ребёнку исполнится двадцать?

— Ладно...

— Ты не хочешь детей, Цинк?

— Мама, на это есть ещё достаточно времени. Мы говорим о тебе.

— Нет, сынок. Суть состоит в том, что мы говорим о нас. В твоей жизни есть женщина?

— Сейчас нет. Я всё испортил, подумал он. Я выбирал между Кэрол и Деборой и потерял их обеих.

Чувствуя себя неуютно от этой темы, он пересёк кухню и подошёл к окну. — Что ты скажешь, если после чая мы слепим

вместе одного? Ты будешь сидеть здесь и руководить мной во дворе?

— Снеговика, как в старые времена? Я любила это.

— А я люблю тебя, — сказал он обнимая её.

Его мама наполнила чайник и засунула «коричневую Бэтти» в стёганный чехол. Подойдя к столу, он толкнул отцовское кресло-качалку. Слушая её *скрип... скрип... скрип*, он подумал о папе, курящем трубку, с «Адманахом фермера», лежащим у него на коленях. То было время, когда Цинк боялся садиться в это кресло.

Фотоальбом лежал открытым на столе рядом с качалкой. Может, мама пролистывала его, когда он приехал? Опустив взгляд, он наткнулся на мгновение, запечатлённое навсегда: его отец, высокий и представительный, с гордым блеском в глазах, его мать — не старше двадцатипяти лет — в своём свадебном платье.

Он посмотрел на старую женщину, разливающую чай.

Он глянул на красавицу на фотографии.

Если бы только я мог отвести руку времени, подумал он.

Звонок телефона прервал его воспоминания.

Сперва он подумал, что телефон звонит в кухне фермы; затем он понял, что это — в лыжном домике.

Оставляя уют сауны, он завернулся в простыню и заплёпал через холодную кабину, чтобы ответить на вызов.

— Чандлер.

— Инспектор, меня зовут Роберт ДеКлерк. Я новый начальник спецотдела «Х».

— Да, сэр, — сказал Цинк. — Добро пожаловать обратно.

— Я хочу, чтобы вы вылетели в Сан-Франциско.

АКУПУНКТУРА

Ванкувер

8:50 пополудни

В квартале от лавки, где прошлой ночью исчез мясник, был склад человека, покупавшего и перепродававшего рога. Еще дальше по Пендер-стрит, на углу с Клином, между школой кунг-фу и рестораном «Счастливым случаем» втиснулась китайская аптека. Дожидаясь момента, когда через десять минут лавка закроется, трое молодых панков с серьгами в ушах и татуировками на руках стояли снаружи, разглядывая лекарства, выставленные в окне. Одеты в чёрные джинсы, белые тенниски и чёрные кожаные куртки, они называли свою азиатскую уличную банду «Демонами переулков». Китайские иероглифы, нарисованные на стекле, перечисляли обычные даосийские рецепты:

рога	плодородие и общее здоровье
костный мозг крокодила	роды и мышечные боли
медвежий желчный пузырь	болезни сердца и рак
питоний жир	фурункулы
печень ящериц	для выкидыша
кожа кобры и гадюки	успокоительное
рог носорога	стимуляция
	мужской сексуальности
петушиные гребни	загустение крови и
	болезни живота
клоп — вонючка	астма, болезни почек
	и селезёнки
желчь карпа	слепота и глухота
пенис тигра	образование семени

Китайский таэль составляет 1,3 унции. За окном виднелись ряды фаянсовых баночек. Некоторые из них содержали засушенных ящериц, змей, жуков и лягушек. Другие вмещали в себя копыта, хвосты и половые органы копытных. Напоминающие по форме свеклу желтовато-зелёные мешочки, медвежьи желчные пузыри, оценивались в 650 долларов. Рога лосей и карибу, разрезанные на тонкие пластины, шли по цене 550 долларов за таэль. Для тех, кто мог себе позволить подвергнуть опасности целый вид, рог носорога был доступен по цене 2900 долларов за таэль, а пенисы тигров — по 1800 долларов.

Витрина рядом представляла западную фармакологию. Пространство впереди занимали полки от пола до потолка с образцами здоровой пищи и упаковками с лекарствами. Здесь двое женщин-азиаток в свитерах с эмблемами Университета Британской Колумбии покупали подорожник, горец птичий и бенгальскую марену.

Позади, за стойкой, заполненной органами диких животных, аптекарь смешивал снадобья из аптекарских склянок. Традиционная даосийская медицина соединяла растительное инь и животное янь для уравновешенной пропорции рецепта. Акупунктура выполнялась в боковой комнате.

В пять минут девятого студентки УБК покинули аптеку. У одной из них была перевязана рука.

Двумя минутами позже был составлен последний рецепт. Человек, который заказывал его, поспешил к выходу.

Панки дождались, пока аптекарь останется один, затем вошли в лавку, когда он был в комнате для акупунктуры.

Тень, упавшая на противоположную от двери стену, заставила его обернуться от стола для акупунктуры.

Расширив в испуге глаза, азиат открыл рот, чтобы позвать на помощь, но один из панков вонзил блестящую иглу ему в глаз.

Инструмент для акупунктуры вызвал фонтанчик глазной жидкости, прежде чем пронзил глазное яблоко и погрузился в мозг.

На следующий день Ричмондскому управлению КККП было выражено шумное недовольство.

После того, как закончилось рабочее время, определяемое местным расписанием дня, лесопилка и бетономешалка работали уже на новой строительной площадке.

ЗОДИАК

Сан-Франциско

понедельник, 16 марта 1987 г., 11:04 утра

Рейс 51 «Канадиан Пасифик» из Калгари объединился в Ванкувере с 241, чтобы лететь до Сан-Франциско. Дожидаюсь в Ванкувере посадки на самолет, Цинк заметил киоскёра, распаковывающего новую книгу ДеКлерка. Он купил «Волынки, кровь и слава», чтобы почитать в воздухе, и как раз дошёл до места, где описывалось открывание сундука Блэйка, когда 737 приземлился в Калифорнии. *Миф побеждает пыль*, подумал он.

Имея шесть футов два дюйма, Цинк был того роста, которым могли похвастать не слишком многие мужчины. Но у пары гигантов в дверях фигуры были как у Халка Хогана. Встретившись с ними, Цинк почувствовал себя карликом.

— Мак-Илрой, — сказал рыжеволосый, расплуживая руку Чандлера.

— Мак-Гвайр, — сказал блондин, довершая дело.

— Зовите меня Мак.

— Меня тоже.

— Это легко запомнить.

Мак-Гвайр согнул свою бычью шею. — А где же лошадь?

— Не будь дураком, — сказал Мак-Илрой. — Она в багаже. Или ты думаешь, что конные позволяют своим звероюгам летать первым классом?

— Я вас знаю, — сказал Мак-Гвайр, ткнув пальцем в сторону Цинка. — Вы были в «Разгроме на Миссури» и в фильме ДеПальмы.

— Ширли Темпл был конным.

— Им был ещё Алан Лэдд.
— Нельсон Эдди.
— Том Микс.
— И Гарри Купер.
— Неверно, — сказал Чандлер. — Он играл Техасского Рейнджера.

— Кто-то звал меня?

Сзади раздался женский голос.

— Полегче, мальчики. Никакого рукоприкладства в аэропорту.

Сердце Цинка перестало биться.

В горле у него пересохло.

— Привет, детка.

— Мой Бог.

Чувствуя, что ладони у него вспотели, он обернулся.

Мак-Илрой глянул на Мак-Гвайра.

Мак-Гвайр пожал плечами. — Должно быть — Неделя Старых Друзей, — сказал он.

Специальный агент Кэрол Тэйт была шестифутовой амазонкой, родившейся и выросшей в Техасе. Голубоглазая, белокурая, с ямочками на щеках; её по-деревенски здоровый вид мог бы украсить коробку от кукурузных зёрен Келлога. Крупнокостная, гибкая от ежедневных занятий аэробикой, она двигалась с уверенностью эксперта по боевым искусствам. Своим внешним видом она напоминала Цинку Дэрил Ханну. Когда они впервые занимались любовью на Род-Айленде, она едва не сломала ему спину.

— Всюду ты успеваешь, — сказал Чандлер. — Я думал, что ты в Бостоне.

— Там я и была, пока они не вытащили меня прошлой ночью.

— Чтобы опекать меня?

— Другого выхода не было. Это убийство Мэрдока мерещится Вашингтону по ночам. Судья-иностранец, застреленный в Штатах — это уже достаточно плохо. Судья-иностранец, застреленный во время своего обращения к законникам — это ещё хуже. Судья-иностранец, застреленный в присутствии помощника губернатора — это уж выходит за всякие рамки.

— Ага, — сказал Цинк, смиряясь.

— Бюро не хочет в этом деле никаких промашек. Когда стало известно, что посылают тебя, компьютер связал меня с тобой. Я собираюсь выжать из тебя все соки.

Тэйт поцеловала его. Её губы были прямо как у Бардо.

Мак-Илрой глянул на Мак-Гвайра.

Мак-Гвайр пожал плечами. — Это мне не слишком нравится, Мак. Конные получают и своего мужчину, и нашу женщину.

— Должно быть, это из-за шпор.

2:55 пополудни

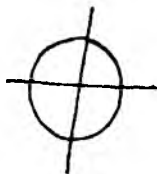
Полицейская работа базируется на Двух Правилах Юрисдикции. Правило Первое: когда коп принимает какое-нибудь дело, он ни во что не ставит других копов. Правило Второе: прежде чем взяться за какое-нибудь дело, он не думает о других копах, беря на себя эту ношу.

Правило Первое — это проблема типа «Эй-приятель-я-при-деле». Правило Второе заключается в том, что «Почему-меня-должно-беспокоить-что-у-тебя-его-нет?» Мак и Мак надеялись привести в действие Правило Второе; действительно, дело Мэрдока было выхвачено у них из рук, но не ФБР и не КККП, как планировалось. Вместо этого дело снайпера было узурпировано до этого временно бездействовавшим отделением полиции Сан-Франциско, занимавшимся Зодиаком. Мак и Мак остались в деле, но в самом низу иерархической лестницы. Кто сказал, что жизнь прекрасна?

Зодиак избежал лука Немезиды полиции Сан-Франциско. Со времён Джека-Потрошителя ни один убийца так не насмехался и так не обводил копов вокруг пальца. Прошло уже двадцать лет, а он всё ещё оставался на свободе.

Размах убийственного развлечения Зодиака был предметом споров. Хотя некоторые доводили счёт его жертв до сорока девяти, более осторожные придерживались мнения, что между 20 декабря и 11 октября 1969 года он убил пять человек и ранил двоих.

1 августа 1969 года две газеты Сан-Франциско, «Валейо» и «Таймс Геральд», получили первые письма, помеченные знаком зодиака: кругом, перечеркнутым крестом.

Написанные синим фломастером линиями-шифром, они описывали убийство четырёх любовников в одном из переулков с деталями, которые мог знать только убийца. Когда шифр был раскрыт, то прочли:

Я люблю убивать людей потому, что это так замечательно это много замечательнее чем игра в убийство диких зверей в лесу потому что человек самое опасное животное из всех убийство какого-нибудь доставляет мне самое потрясающее волнение даже лучше чем когда ты качаешься с девчонкой самое лучшее из этого эта то что когда я умру я попаду в рай и те убитые станут моими рабами я не назову вам своего имени потому что вы постараетесь отобрать или подчинить себе мою толпу рабов для потусторонней жизни.

7 августа убийца написал снова. Новое письмо начиналось словами: «Это говорит Зодиак...»

27 сентября 1969 года полиция была вызвана на берег озера Беррисса. Там они обнаружили Брайана Хартнела, истекающего кровью, и Сесилию Шепард, получившую двадцать четыре колотых раны.

Хартнел описал убийцу как одетого в чёрный колпак палача, украшенный белым крестом на фоне круга. Ранив их из ружья, человек вытащил нож. «Я собираюсь зарезать вас, ребята», — сказал он.

В следующем месяце, 11 октября, водитель такси Пол Стайн был убит выстрелом в голову. Тремя днями позже «Кроника» получила записку голубым фломастером:

Это говорит Зодиак я убийца таксиста на углу улиц Вашингтон и Мапл минувшей ночью для доказательства этого вот окровавленный лоскут от его рубашки. Я тот же человек который сделал людей в районе северного побережья... Школьники представляют собой великолепную мишень, я думаю что я нападу на школьный автобус однажды утром. Просто прострелить переднюю шину и перестрелять детей когда они начнут выскакивать наружу.

До конца 1969 года приходили и другие письма. Одно содержало схему бомбы для школьного автобуса. Во втором, предназначенном для судьи Мелвина Бейли, был вложен клочок рубахи Пола Стайна.

Убийства Зодиака, однако, похоже, прекратились.

Нынешним полуднем эти письма, относящиеся к шестидесятым годам, были спроецированы на экран в комнате группы, занимавшейся Зодиаком, во Дворце Правосудия Брианта. Они были разложены вокруг письма из сегодняшней почты. Кэрл, Цинк, Мак и Мак сидели перед экраном, окружённые другими копами, обсуждающими дело Мэрдока. Над их головами, словно привидения, клубился сигаретный дым.

— *Бечёвка, детки и закупил*, — сказал Мак-Илрой. — Некоторые британцы строят фразы так же, как в самых первых письмах.

— *Разгул убийства и выйти из укрытия*, — сказал Мак-Гвайр. — Военные выражения, которые он использовал раньше.

— То же написание *миленькой, жертв* и *Рая*.

— То же *x* тремя черточками и росчерк возле *p*.

— Видите, как точка над *i* ставится в виде кружка?

В сегодняшнюю записку была вложена гильза от «Винчестера Магнума»-30, похожая на ту, что была обнаружена на крыше «Карлтон-Паласа».

Баллисты утверждали, что обе гильзы были выстрелены из одной и той же винтовки, «Вальтера WA2000», брошенной на аллее.

В записке писалось:

К вам обращается Зодиак который снова среди вас. Я закупил новую винтовку так что копы получают миленькую работёнку которая делает их счастливыми для доказательства этого вот бечёвка для связывания свиней. Я составил небольшой список будущих жертв Святоша был первым. Вскоре наступит время мне выйти из укрытия снова и пуститься в разгул убийства. Я буду пытать всех своих рабов, которых мне нужно заготовить себе для Рая. Некоторых я положу на муравейник и буду наблюдать, как они орут и извиваются и скулят. Других я буду мучить вгоняя им иголки под ногти а потом сожгу. Другие будут помещены в клетки и я буду кормить их солониной

пока они не начнут умирать от жажды а потом я буду слушать их мольбы о воде и хохотать над ними. Других я подвешу за рёбра и буду коптить на солнце а потом суну в кипяток и сварю. С других я заживо сдеру кожу и пущу бегать вокруг вопя. А пока желаю поли-ции хорошо провести время с этим новым шифром. Скажите им пусть поторопятся; когда они раскусят его тогда они получат меня.

Искренне Ваш:

— 53

СФУП — 0

— Токуно, — сказал Мак-Гвайр. — Начальник отдела.

Цинк глянул налево, в сторону открывающейся двери. Проступив силуэтом на фоне флюоресцентных ламп в соседнем офисе, плотный мужчина вошёл в затемнённое помещение. В комнате толпилось около десятка копов, некоторые в рубашках с короткими рукавами говорили по телефону, другие были залиты зелёным светом от терминалов компьютеров. На дальней стене висела карта Побережья, утыканная цветными флажками.

Закрыв дверь, Токуно подошёл к проекционному экрану. Изображение от проектора превратило его фигуру во фрески Пикассо. Лет пятидесяти пяти, с седоватыми волосами, азиатско-американец был одет в голубую рубашку, перетянутую плечевой кобурой. Личным оружием ему служил «Кольт Питон» 37,5 калибра.

— Послушайте, парни. Может, кто-нибудь включит свет?

Через мгновение комната осветилась.

— Напа?

— Мы здесь.

— Солано?

— Присутствуют.

— Бениция?

— Имеются.

— Валею?

— Здесь.

— Сан-Матео?

— Здесь.

— Марин?

— Сейчас будет.

Токуно сверился со своим списком. — Окрута все. Кого ещё мы имеем?

— Бюро, — сказал кто-то. — Нас восемь человек.

— Почтовый отдел.

— Госдепартамент.

— Дорожный патруль.

— Разведка военно-морских сил, — раздался сзади женский голос.

— Психиатрическая служба.

— Графология.

— Конная, — сказал Цинк.

Удовлетворённый, Токуно сложил список. — Каждый из вас получил материалы, когда пришёл. Это краткий анализ того, что мы имеем. Письменные свидетельства тех, кто был в отеле ночью во вторник. Доклады судебных медиков и полицейских. История Зодиака. Всё это даёт нам несколько отправных точек для рассмотрения.

— Винтовка, использованная для убийства судьи, была похищена в Бельгии. Интерпол проверяет, не выведет ли это его на чёрный рынок.

— Напрасная надежда, если учесть письмо, последовавшее за винтовкой. Поскольку винтовка была оставлена на сцене, убийца, должно быть, стремился к тому, чтобы не было сомнений в авторстве записки. Такая же почтовая пересылка, как и рубашка таксиста.

— Никаких волосков, волокон или отпечатков пальцев. Ни на крыше. Ни на винтовке. Ни на письме. Никакой слюны на марках.

Токуно повернулся к экрану.

— Специалисты по документам утверждают, что записка или от Зодиака, или же это подделка мирового класса. Такой же флوماстер и такой же рваный стиль письма. Снова такой же наклон строчек вправо. Некоторые сокращения и странная пунктуация. Для окончательного заключения потребуется день или два.

Пользуясь указкой, Токуно указал на письмо в центре экрана.

— Восемь кодированных строчек, по семнадцать символов в каждой. Смесь греческих букв, значков погоды, египетских иероглифов, морского семафора и кириллицы. Точки и тире азбуки Мор-

зе соответствуют международному коду, а не американскому. Цифры начинаются с шестидесяти.

Указка указала на символы в других письмах.

— Теперь ваша очередь, — сказал Токуно. — Кто-нибудь прокомментирует?

Первым заговорил представитель Валейо. — Кто бы ни поразил Мэрдока, он первоклассный стрелок. Преследуя Йенсен, Зодиак кучно всадил ей пять пуль в спину.

Следующим поднялся коротышка, похожий на фрейдиста гном. — Психологически письмо соответствует Зодиaku. Пусть *потропятся* и *счастливыми* служат признаками маниакальной депрессии в сочетании с размером букв и с тем, как варьируются пробелы.

Кто-то ещё:

— Длинные письма обычно искренни. Мистификаторы предпочитают писать их покороче.

— Зарубежное производство снайперского снаряжения.

— Обоим убийцам нравится насмехаться и вступать в единоборство с полицией.

— Винтовка, использованная против Ферри и Маго в 69-м? Это был 9-мм «Браунинг FN». Изготовленный в Канаде для Канадской армии.

— Хорошее замечание, — сказал Токуно. — Северное направление. Наш друг из конной, пожалуйста, возьмите записку. Жертва — канадский судья. Насмешки содержат британские выражения. Зодиак использовал канадскую винтовку. И сегодняшнее письмо гласит «Снова среди вас». Хэйт был Меккой для проходивших со всего света в 68-м и 69-м.

Мак-Илрой встал.

— Ловкач не мог даже улететь с крыши отеля на ковре самолета. Никого не видели и никого не слышали.

Мак-Гвайр поддержал его.

— Он должен был бы быть Бэтменом, чтобы достичь ближайших зданий. Улицы и скверы окружают отель со всех сторон.

— Пожарная лестница ведет с крыши на аллею, но бригада мусорщиков была той ночью у ее подножия. Хотя они и были навеселе, однако не настолько, чтобы не поклясться, что никто не спускался.

— Насколько мы можем судить, отель был оцеплен раньше, чем кто-либо из него выбрался наружу.

— Значит, убийца спрятался внутри.

— Должно быть, спустился по пожарной лестнице и вошел в один из номеров.

— Раз уж все присутствующие в отеле той ночью дали письменные показания, что вы скажете на то, чтобы сравнить их с записками Зодиака?

— Такие же выражения...

— Или стиль письма...

— И мы доберемся до говнюка.

КОМНАТА УЖАСОВ

Ванкувер

9:35 пополудни

Трент Максвелл поглядел на конверт, затем снова обратился к параграфу.

Параграф 21(2) «Уголовного кодекса» гласил:

Если двое или более лиц объединятся с намерением совершить противозаконное деяние и намереваются помогать в этом друг другу, и если кто-либо из них совершит убийство, каждый из них, кто знал или должен был бы знать, что совершение убийства может оказаться возможным следствием достижения ими своей общей цели, является частично виновным в совершении убийства.

В параграфе приводился пример:

Предположим, что двое мужчин решают ограбить ювелирную лавку. Они оба входят в магазин с заряженными револьверами в руках, и один из них неожиданно стреляет в служащего. Согласно этому параграфу, оба они будут виновны в убийстве, потому что тот, который не стрелял, должен был бы знать, что убийство могло явиться результатом их намерения совершить вооружённое ограбление.

Но предположим, что двое людей решают ограбить Х. Но затем один из них идёт и в одиночку совершает *это* преступление. Подпадает ли отсутствовавший человек под действие этого параграфа, или он применим только тогда, когда планировалось одно преступление, а место имело *другое*?

Нахождение правильного ответа на эти вопросы сулило два миллиона баксов премиальных.

На кафедре в суде у Трента Максвелла лежало массивное дело, связанное с колумбийской наркомафией, содер-

жащее двадцать один пункт обвинения по отношению к девяти обвиняемым. Судьи апелляционного суда по всей стране разделились на два лагеря в отношении того, как трактовать этот закон. Одни из них осудили бы отсутствовавшего при убийстве, другие — нет. Параграф 21(2) «Кодекса» не так давно был на рассмотрении в Верховном Суде Канады при рассмотрении другого дела, но того приговора не ожидали в течении еще нескольких месяцев. А между тем Максвеллу предстояло вынести решение завтра, и если его приговор позднее посчитают выходящим за пределы компетенции ВСК, вердикт будет отменён апелляционным судом. Повторное разбирательство будет стоить двух миллионов долларов.

Поставленный положениями параграфа в тупик, Максвелл захлопнул свой «Уголовный кодекс».

Предположим, я дополню абстрактные положения конкретными примерами? — подумал он.

После того, как он переписал несколько фраз, параграф стал гласить:

Если двое или более лиц вступают в сговор с целью ограбить Джона и помогают в этом друг другу, и один из них при ограблении Джона совершает убийство Джона, то каждый из них, кто знал или должен был бы знать, что ограбление Джона может привести к убийству Джона, является частично виновным в этом.

Максвелл почесал затылок.

В чём состояла проблема?

Нужно быть совсем больным на голову, чтобы полагать, будто парламент станет разбираться в подобной путанице.

Иногда ему казалось, что правоохранительная система подобно мамонтам увековечивала сама себя, представляя запутанные проекты законов на суд некомпетентных в этом людей.

Завтра в своём приговоре он опустит параграф 21(2).

Глянув на конверт, он потёр уставшие глаза.

Трент Веллингтон Максвелл был одним из тех ярых англофилов, которые преобладали среди служителей закона. Возможно, это «британское» в Британской Колумбии воспитало их здесь, но каковы бы ни были причины, судья был ярким примером этого. Максвелл вёл «ранее приобретённый» «Ягуар» XJ6. Он каждый день ездил на ленч в «Парик и Перо». Внимательно прочитывал выписываемый по почте «Таймс», болея за Оксфорд в отчётах о футбольных матчах. В суде он говорил с безукоризненным английским произношением, несмотря на то, что родился и вырос в Ванкувере.

Дома, у кровати, его дожидались «Рассказы о британских привидениях»: коллекция лучших произведений ужасов, таких как «Ивы» Блэквуда, «Мезонин» Джеймса и «Зелёный чай» Ле Фаню. Все ночи похожи — тёмные, сырые и пугающие — оправдывал Максвелл своё увлечение привидениями. Эта склонность происходила от его убеждения в том, что привидения были типично британским порождением, укреплённого тем фактом, что Сэм Ньютон повесился на потолочной балке. На потолочной балке прямо над головой Максвелла.

У всех старших судей были свои любимые рассказы о Ньютоне. Судья Клод Домани, единственный юрист, кроме Максвелла, находившийся в помещении сегодня ночью, рассказывал свой анекдот «Голуби из Ада». Он уходил корнями к дням Старого Здания Суда, стоявшего ниже по улице, помпезного здания с колоннами и двумя каменными львами, охранявшими парадные ступеньки.

Долгие годы Сэм Ньютон был беспокойной душой. Во время Второй Мировой войны его корабль затонул в Южно-Китайском море. За двадцать часов, прошедших до спасения команды, все члены экипажа кроме четырёх были заживо съедены акулами. Если верить Сэму, он продолжал слышать их вопли во сне.

То, что Сэм находится на грани умопомешательства, было известно его коллегам по суду. Однажды ранним воскресным утром в 1978 году Клод Домани в своём кабинете перечитывал приговор, когда ему по телефону позвонил Сэм. — Клод, ты должен помочь мне. Это Сэм Ньютон. Мой кабинет полон голубей, и они загаживают всё вокруг!

Домани закатил глаза. Ну почему я? — подумал он. — Сэм, — сказал он мягко, — вот что ты сделай. Расслабься и глубоко подыши десять минут, если и тогда ты будешь *продолжать* видеть голубей, я приду.

Десятью минутами позже телефон зазвонил снова.

— Клод, ты должен помочь мне. Мой кабинет полон голубей, и они загаживают всё вокруг!

— Держись, Сэм. Я иду.

Кабинет Ньютона был на самом верху старого западного флигеля. Весь путь вверх через три лестничных пролёта Домани размышлял, как ему поступить. Лучше было бы, если бы главный судья сам застал Сэма.

— Я не решился постучать, — вспоминал позже Домани. — Просто толкнул незапертую дверь и вошёл внутрь. К моему удив-

лению, Сэм был окружён голубями, загаживающими всё вокруг. Кто-то по небрежности в пятницу не закрыл окно.

Четыре месяца тому назад Сэм окончательно спятил. Каждые полчаса он покидал зал заседаний, возвращаясь в кабинет, в котором теперь работал Максвелл. Здесь Сэм держал полицейский радиоприёмник, и во время перерыва он прослушивал его диапазоны, чтобы проверить, не сбежал ли какой-нибудь убийца, которого он осудил. Его страхи рассеивались, и он мог возвратиться в зал суда, успокоившись до тех пор, пока не приходило время новой проверки.

В тот день, когда его радио сломалось, Сэм повесился.

Максвелл занял место Сэма за судейской кафедрой.

Двадцать минут назад Клод Домани заглянул к нему, чтобы сказать, что он идёт наверх перечитать обвинительное заключение к смертному приговору. — Они боятся признать виновной азиатскую банду, — проворчал он.

Теперь Максвелл сидел один в Палате Верховного Суда, слушая, как ветер швыряет в здание капли дождя.

Судье потребовалось помочиться.

Скользнув взглядом по конверту, судья выбрался из-за своей кафедры. Пересекая приёмную, чтобы пройти в туалет, он глянул через окно на фонари Театрального проезда. Находящаяся в квартале отсюда, несколькими этажами ниже, вывеска «Орфея» проступала в колеблющемся свете проезжающих машин. Там он в десять отдал конверт, и, будем надеяться, настанет конец этого кошмара.

Максвелл опорожнил свой мочевой пузырь и вымыл руки.

Быстро вернувшись в свой кабинет, судья почувствовал осязаемое присутствие в комнате кого-то ещё.

Сэм? Не успел он удивиться, как грубая рука схватила его за подбородок, запрокинула голову назад, открывая горло.

Блестящее лезвие рассекло его от уха до уха, перерезая сонные артерии и яремные вены. Когда оно рассекло его дыхательное горло и пищевод, сталь скользнула по костям позади адамова яблока. Вспышка серебристого света проникла в его мозг, когда убийца схватил его за волосы и крутанул по комнате. Задышавшись, хрипя и истекая кровью, Максвелл безуспешно пытался глотнуть воздух, пока Головорез, пользуясь струйками крови из артерий, разрисовывал стены.

Последнее, что увидел судья прежде, чем его разум померк, было отражение чёрной маски в окнах.

Его собственное перерезанное горло являло собой широкую красную усмешку.

ПУСТЬ СОБАКИ ЛАЮТ

10:10 *полудни*

Роберт ДеКлерк находился на штаб-квартире КККП в Ванкувере, когда позвонил его издатель.

— Что, не спится, да, Кирк?

— Я в Лос-Анджелесе, а не в Нью-Йорке. Так выходит, у копов, действительно двадцати четырёх часовая работа?

— Мы перемещаем спецотдел «Х» из Оттавы в Ванкувер. С этим связана гора бумажной работы.

— Поздравляю тебя с публикацией книги. Собаки начали лаять. Критикам понравились «Волынки». Учёным — нет.

— Антропологи слишком раздражительны. Они ненавидят новые теории, если только они не дались кровью.

— Это поможет продаже.

— Ну, так пусть собаки лают.

— Причина, по которой я звоню, заключается в том, что один недовольный намерен перерезать тебе глотку. Он объявил «Журнал Паркера» фальсификацией. Сравнивает его с «пилтдаунской шуткой» 1912 года и собирается разоблачить тебя в «Л.-А. Таймс».

— Кто он такой?

— Профессор из Аризоны. Книжный издатель «Таймса» сказал мне об этом сегодня ночью.

— Это серьёзно? Какие у него претензии?

— Что кто-то изготовил Жёлтый Череп. Он говорит, что невозможно мешать в кучу челюсти *гигантопитека* с черепом *австралопитека*.

— Я не говорил, что череп является черепом австралопитека.

— Его претензии основываются на размерах черепа.
— Зачем бы я стал изготавливать череп?
— Чтобы обеспечить продажу книги. Кого бы заботило, что фальсификация раскроется, если деньги уже будут в банке.
— Скажи это Клиффорду Ирвингу или почитателям «Дневников Гитлера».

— Хуже всего, что Жёлтый Череп не был найден вместе с револьвером Блэйка. Что-нибудь вышло из твоего расследования?

— Не слишком много. Я разослал компьютерный запрос во все отделения в Альберте и Британской Колумбии. Они уточняют тот, который я разослал в прошлом месяце. Я снова попросил их проверить свои досье, относящиеся к последним девяноста годам, и проверить, нет ли там упоминания о найденном теле с двумя черепами. Компьютерный запрос в каждое отделение я сопровождал ксероксами рисунков Паркера.

— Я всё думаю, что случилось с «Путевыми записками», упомянутыми в «Журнале».

— Этого никто не знает, но я скажу тебе одну вещь. Этот аризонский проф стоит на очень шаткой почве. «Журнал Паркера» был спрятан почти столетие. Рисунки в нём предваряли открытие и *гигантопитека* и *австралопитека*, которые состоялись после 1920 года. Как мог Паркер смешать признаки двух видов, если ни один из них даже не был известен в его время?

— Это если предполагать, что «Журнал» — подлинный.

— Так оно и должно быть, если учесть, где он был найден.

— А что, если целый профессор утверждает, что всё это ложь?

— Тогда инфракрасный преобразователь Фурье подтвердит возраст «Журнала». Джо Авакомович в Колорадо, но когда он вернётся, я поручу ему инфракрасную экспертизу книги. Отправим результаты профессору и пригрозим ему судебным иском.

Исторически это здание носило название Вересковых Зарослей. Переезд спецотдела «Х» на Западное Побережье привёл к тому, что дивизион Е был потеснён. Так как ни в 37-м здании, ни в Вересковых Зарослях не нашлось ни одной свободной комнаты, Мак-Дугал распорядился переместить учебную академию дальше по улице в 33-е здание. Спецотдел «Х» теперь захватил помещение, которое раньше занимал отдел Зодиака, и кабинет ДеКлерка в просторной, с высоким потолком комнате в здании времен Тюдо-

ров. Его окна выходили на музыкальный салон на краю парка королевы Елизаветы.

Три викторианских библиотечных стола были установлены буквой «Н» возле стола старшего суперинтенданта. В обрамлении из ячменных колосьев и сахарного тростника высоко над головой ДеКлерка был подвешен крест Северо-западной конной полиции; его кресло было антиквариатом со времён становления Сил. Размышляя о звонке своего издателя, он в задумчивости откинулся на спинку кресла, затем потянулся за экземпляром «Волюнок, крови и славы». Он раскрыл её на разделе, в котором воспроизводился «Журнал Паркера»:

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ИМПЕРИАЛИСТ

В 1857 году Блэйк находился в лагере на Ганге и во время восстания сипаев оказался в осаждённом Каунпуре. В течение нескольких месяцев он засыпал под вопли солдат, прибитых гвоздями к грубо сколоченным крестам, затем ему удалось вырваться оттуда живым и он воочию видел возле Бибигара поле, усеянное отрезанными головами, туловищами и конечностями британских женщин и детей. Последующие годы горцы упивались местью в Лакнаве, где одетый в кильт, хладнокровный и выкрикивающий «Каунпур!» в качестве своего боевого клича Блэйк проткнул своим штыком несчётное количество бунтовщиков, не беря никого в плен, следуя за ведущими его в бой волюнками.

С 1847 по 1854 годы лорд Элджин был генерал-губернатором Канады. Во время китайской войны 1856 года Элджин был послан в Китай, чтобы выразить неудовольствие королевы по поводу несговорчивости Китая. Блэйк был в составе войск Элджина в 1861 году, когда они подожгли летний дворец императора, «нанеся верный удар по необузданной гордыне».

Во время Рельского восстания 1870 года Блэйк сражался в Канаде вместе с людьми Висконта Уолсли. После того как метисы и кри были разбиты, он вместе с Уильямом Батлером зимой пересёк канадские прерии на собачьей упряжке, чтобы исследовать обстановку на Западе. Их рекомендации были взяты за основу при создании Северо-западной конной полиции.

Британцы присутствовали на Золотом Берегу в течении двухсот пятидесяти лет. Они построили цепочку фортов вдоль афри-

канского побережья, сперва в качестве сборных пунктов для рабов, затем для ведения оживлённой торговли. Ашанти, жившие в глубине материка, постоянно угрожали Кэйп-Коаст-Каслу и в 1825 году обезглавили губернатора сэра Чарльза Макарти, когда тот отважился на путешествие в их владения. Ежегодно череп Макарти — используемый теперь в качестве кубка Асантахеной — проносился на шесте через Комасси.

В 1872 году Лондон приказал Уолсли высадиться на побережье.

Блэйк командовал огневой цепью в битве при Армоафо, когда волна за волной ашанти накатывали на армию Британской Империи. «Квадрат» глубиной в три шеренги, уступающий по численности противнику в пять раз, следовал его приказу «Стрелять пониже, стрелять пореже», в то время как гора мёртвых африканцев росла перед ружьями Чёрной Стражи. Горцы штурмом победоносно взяли Комасси, где Блэйк осквернил Рощу Смерти Асантахены, пинком опрокинув Золотой Стул, неизменно влажный от крови 120 000 жертв жертвоприношений. Королева наградила его Крестом Виктории.

В 1874 году Блэйк уволился из армии, чтобы вступить в Северо-западную конную полицию. В своей книге «Люди, одетые в туники» я писал о нём:

Вилфред Блэйк был лучшим детективом в Северо-западной конной полиции. Он был лучшим следопытом среди всех «Всадников равнин». Этот офицер отличался честностью, дисциплиной, преданностью и самопожертвованием; инспектор воплощал в себе то сочетание патриотизма и «воинствующего христианства», которое создало Британскую Империю. Он был как раз такого сорта бойцом Сил, который требовался для установления закона на канадском Западе. То, как Блэйк поступил со сбежавшими сиу, которые пересекли границу Канады, преследуемые за «Последнюю стоянку Кастера», родило миф «конные всегда получают своих людей».

Пришло время пересмотреть легенду о Блэйке.

С 1882 по 1920 годы «Сборный» дивизион в Риджайне был штаб-квартирой Сил. В 1920 году (в том году, когда Северо-западная королевская конная полиция превратилась в КККП) штаб-

квартира переместилась из Саскачевана в Оттаву. Сегодня «Сборный» дивизион размещается в учебной академии, Музее КККП и одной из криминологических лабораторий. Старые здания такие, как часовня, блок «А» и конный манеж сохранились до сих пор.

«Сборный» дивизион занимает 1640 акров земли. Под ним прорыто множество туннелей, по которым раньше подавался пар из котельной в остальные здания. С течением лет, по мере того, как строения оседали, туннелями переставали пользоваться, и некоторые из них, превращённые в хранилища, были забыты. Случайно, когда в 1982 году восстанавливалась конструкция туннелей, куратор музея обнаружил сундук Блэйка. Он был оставлен в Риджайне, когда инспектор преследовал Железное Дитя в районе Виндиго-Маунтин. Сундук был сохранён, затем забыт — и дожидался возвращения хозяина.

Когда я писал свою первую книгу, то подружился с куратором музея. Он предоставил мне честь открыть сундук Блэйка, и вот таким образом в том декабре тот прибыл в мой дом...

Западный Ванкувер

среда, 29 декабря 1982 г. на рассвете

На следующий день после похорон Женевьевы ДеКлерк проснулся на рассвете. Его новый приятель, Наполеон, скакал по кровати. *Давай, приятель*, казалось говорил щенок. *Давай-ка доберёмся до этого шую на дороге.*

Пока немецкая овчарка резвилась на берегу, ДеКлерк сидел в выброшенном приборе кресле. Дождь, который непрерывно шёл накануне, прекратился, но небо оставалось затянутым тучами. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака, были грязно-розовыми и слишком слабыми, чтобы окрасить покрытые белой пеной волны.

Вернувшись в дом и варя себе кофе, он наткнулся взглядом на записку Шатрана на пустом камине. *Я не буду говорить «Счастливого Нового Года», а только «Жизнь продолжается».* Держа в руке чашку, он стоял на пороге гостиной, отмечая взглядом осыпавшуюся ёлку, увядшие розы из оранжереи, пустой аквариум. *Соберись*, подумал он.

Комната за комнатой — он потратил около часа, приводя всё в порядок, затем после завтрака он уселся возле сундука Блэйка.

Крышка его была открыта после того, как в него заглядывал Шатран.

Когда его руки коснулись вещей Блэйка, перед глазами ДеКлерка, казалось, ожила сама история. Форма, медали, дневники, трубки и фотографии: он извлекал из сундука предмет за предметом. Почти на самом дне находилась фотогравюра — портрет инспектора верхом на коне. Форма Блэйка была более пышной, чем нынешняя, с множеством золотых шнурков, прикреплённых к аксельбантам. Его кобура, сдвинутая назад, расширялась в передней части, на голове вместо широкополой стетсоновской шляпы был белый остроконечный шлем. ДеКлерк вгляделся в глаза Блэйка: холодные и надменные.

Начав распаковывать сундук, он вспомнил, что Шатран сказал о «двойном дне, заполненном непристойными фотографиями». Когда он прикинул глубину сундука внутри и снаружи, то обнаружил разницу в шесть дюймов.

Дерево растрескалось вдоль одного края днища. Засунув в щель кончик ножа, он приподнял дно. Фальшивое дно выскочило, словно чёртик из табакерки.

В тайнике были спрятаны пакеты, завёрнутые в клетчатую шерстяную ткань.

Записка, прикреплённая к каждому из пакетов, поясняла, что было внутри.

По выражению Блэйка, коллекция трофеев была отобрана «у цветных язычников, которых я спас во имя Господа».

Один за другим ДеКлерк развязал пакеты.

Первым фетишем была фигурка индуистского демона Кали Ма. Статуэтка изображала людоедку, обнажённую по бёдра, с ожерельем из змей и гирляндой человеческих черепов. Кали Ма, если верить жрецу, у которого она была отобрана, была супругой Шивы и чёрной матерью брахманского Хармы. Блэйк «спас» жреца, заколов в его голову короткие гвозди.

Следующий пакет содержал китайский амулет с выгравированным изображением Зеруала Космоса. На нём «четыре стороны света были обозначены четырьмя горами, образованными телом П'ан-ку, первого человека на Земле». Блэйк вздёрнул его владельца, подвесив его на крюк за шею и оставив извиваться в футе от пола.

Третьим фетишем была маорийская вырезанная из дерева миска. Она использовалась для того, чтобы кормить, не оскверняя пищу губами, каннибальского вождя в то время, когда он впадал в

священное состояние *тану*. Заткнув все отверстия на теле новозеландца пеньковой верёвкой, Блэйк поджег фитиль и очистил его «варварскую душу».

Четвёртым сувениром был ларец ашанти, наполненный крокодильими зубами и шерстью слона *гри-гри*. Блэйк вырвал реликвии у африканского шамана, который пользовался ими при погребальных церемониях, скормив внутренности этого человека льву на глазах у «язычников».

В следующем пакете находился эскимосский пояс-талисман. Увешанный когтями и черепами птиц, он был посвящён Кодьянку, духу, дарующему силу. Блэйк тащил эскимоса за собачьей упряжкой до тех пор, пока тот, с полусодранной кожей, не замёрз насмерть.

Среди оставшихся завернутых в шотландку пакетов один был больше по размерам. Развязав его, ДеКлерк обнаружил книгу в кожаном переплёте. Сперва он был удивлён тем, как книга попала сюда, так как в отличие от остальных трофеев она не была напоминанием о смерти какой-нибудь причудливой языческой религии. Однако после её прочтения связь стала ясна:

Для определения местоположения находки и её происхождения
см. мои Путевые заметки

Журнал

Фрэнсиса Паркера

"Вит-те-ко... Дьявол". Может это быть предком Человека? То, что я готов предположить, действительно поразительно.

В году 1876 от рождества Господа нашего я был послан Йельским университетом в Бэдландз, в Западную Америку, чтобы отыскать Утерянное Звено, которое подтвердило бы теорию м-ра Дарвина о происхождении человека. Место, куда я направлялся, было выбрано из-за открытия в этом районе профессором О.С.Маршем два года назад останков гигантских динозавров. Может, кости первого человека так же хорошо сохранились?

Поскольку профессор Марш предупредил меня, что местные индейцы настроены весьма недружелюбно — враждебность их я могу теперь подтвердить — перед приездом сюда я изучил их обычаи, чтобы не совершить неверного шага. Судя по тому, как сложились дела, сейчас соответствующая информация весьма пригодилась.

Ещё в 1636 году миссионер-иезуит Поль де Жен писал своему настоятелю в Риме про чудовищных Демонов, которых боялись индейцы, так как те, будто бы, едят людей живьём. Этих созданий они называли Атиен.

В своём словаре слов индейцев-кри (1743 г.) торговец Джеймс Ишэм из Йорк-Фактори на берегу Хадсона даёт им другое имя. "Дьявол... Вит-те-ко", пишет он.

Друзой торзовец, Эдвард Амфревилл, так описывает верование индейцев в 1790 году:

"Дальше они рассказали, что существует злобное существо, которое всегда насылает на них чуму; они называют его Вит-те-ко. Они очень его боятся и редко съедают что-нибудь или выпивают хоть каплю брэнди без того, чтобы не бросить немного в озонь для Вит-те-ко. Если на них обрушивается какое-либо несчастье, они начинают распевать для него песни, вымаливая у него милосердия. Они часто убеждают сами себя в том, что видели его следы на иле или на снегу, и, как правило, описывают это в самых преувеличенных выражениях".

Шестью годами позже Дэвид Томпсон, один из первых поселенцев, писал:

"Это весьма обычно, что аборигены приходят к торзовцу, чтобы он дал им пинту гроза: напиток, который я всегда использовал очень осторожно; это плохая привычка, но с ней невозможно бороться: Вискаху, как только получал его, обычно говорил задумчиво, делая злоток за злотком: "Не вит ту зо" "Я должен был бы быть людоедом". Эти слова, похоже, означали: "Я обладаю достаточно злобным духом, чтобы есть человеческую плоть"; "Ви-ти-зо" — это злобный дух, который ненавидит человечество".

Затем Эдвин Джеймс, доктор медицины, писал в 1830 году:

"Виндгоаз, каннибалы. Эти последние — воображаемая раса людей гигантских размеров".

И Пол Кэйн, художник, в 1846 году:

"Они, как я узнал позже, считались людоедами, чьё индейское название было Виндизо или "Тот, кто ест человеческое мясо".

И так далее. Упоминания многочисленны и похожи одно на другое. Есть много чудовищ, населяющих северные леса, но ни одно не наводит большего ужаса на племена равнин, чем Виндизо.

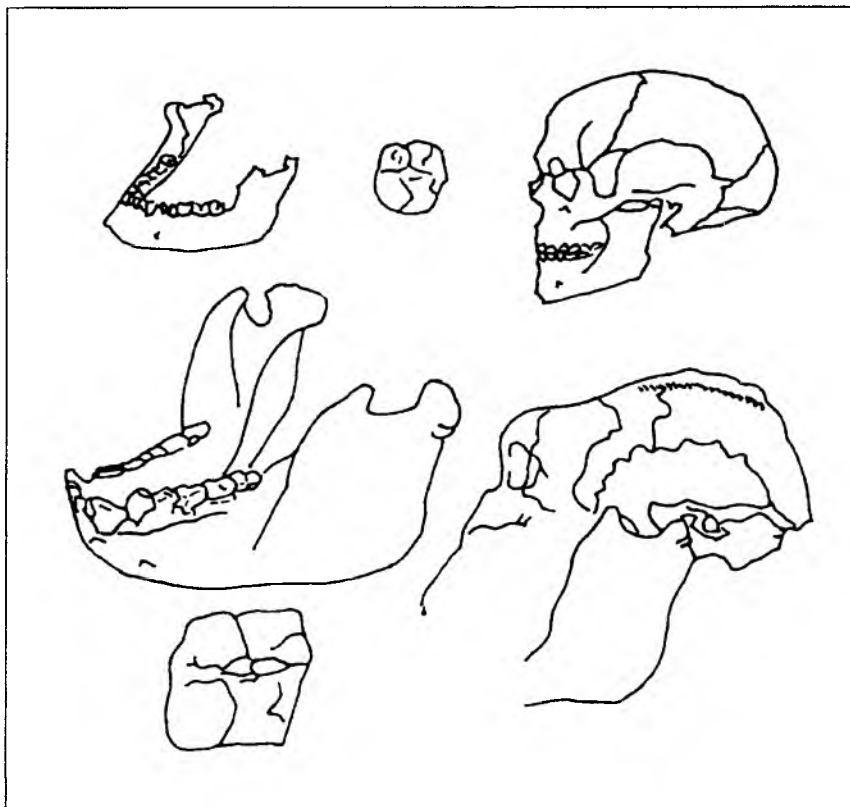
21 июня 1876 года (четыре дня тому назад) я обнаружил гигантский окаменевший череп и челюсть поразительных пропорций. Это открытие произошло на северо-западном берегу Развилки Сумасшедшей Женщины реки Павдер у горы Бизхорн в округе Монтана. Черепная коробка была захоронена в пещере среди скал, чужеродных для окружающей их земли. Она была жёлтого цвета.

Я почти не сомневался, что этот жёлтый череп — недостающее звено, подтверждающее теорию м-ра Дарвина. Внешний вид этой окаменелости (как изображено ниже) соединяет в себе элементы и человека, и обезьяны. Черепная коробка сама по себе больше, чем у гориллы, однако она больше походит обезьяне, чем Человеку. Коренные зубы похожи на наши, но в три раза больше.

С момента этого открытия я всё время пребывал в движении. Местные жители с каждым днём становились всё более возбуждёнными и следили за мной со всё возрастающей враждебностью. Вскоре здесь ожидается прибытие кавалерийского отряда, так что вся моя надежда только на то, что я найду у него защиту. Боюсь, что жёлтый череп принесёт мне несчастье.

Это неизбежный результат моей собственной глупости. Вчера, когда я поил свою лошадь, я столкнулся с семьёй аборигенов. Я как раз осматривал череп, когда они приблизились. Один только взгляд на окаменелость, и они в страхе удрали, выкрикивая единственное слово "Виндизо!"

Неужели это останки "Дьявола", преследующего Человека?

Ванкувер

воскресенье, 16 марта 1987 г 10 22 пополудни

ДеКлерк задумался над последней страницей «Журнала Паркера», воспроизведенной в «Волянках, крови и Славе».

Был ли рисунок Жёлтого Черепа незаконченным потому, что ученому помешали враждебные сиу?

Если череп принадлежал *гигантопитеку*, то не имел ли он форму, как у *австралопитека* потому, что данный вид находился на пути эволюции, который в конечном счёте привёл к нам?

Или это была шутка природы в сочетании с неумелостью Паркера как рисовальщика?

ДеКлерк вынужден был прерваться, когда Мак-Дугал просунул голову в дверь.

— Натягивай плащ. Ещё один судья мёртв.

ЧИМО

Сан-Франциско

9:05 *полудни*

Кэрол заказала креветок под соусом.

Цинк — крабов.

— Суп или салат? — спросила официантка.

— Чашку устричного супа.

— Сделайте две, — сказал Цинк.

— И бокал белого вина.

— То же самое, — подтвердил Цинк.

— побыстрее, пожалуйста.

Они сидели в «Сабелле и Ля Торре» на Рыбацкой верфи после того, как провели весь день в отделе «Зодиака». «Если Это плавает, то у нас Это есть» утверждало меню, но ни один из копов не ощущал в себе достаточно смелости, чтобы рискнуть.

— Пенни за твои мысли, — сказала Кэрол.

Цинк передвинул свидетельские показания, разложенные на столе.

— Я всё думаю о замечании Токуно о «северной связи» в свете того, что Мак и Мак сказали о пожарной лестнице. Прочти эти показания и скажи мне, что *ты* о них думаешь.

Кэрол просмотрела то, что Эрни Смоленски, Лотос и Мартин Кван и Чак Фрезер рассказали полиции. Когда она закончила, Цинк пододвинул к ней фотографию.

— Я просмотрел досье о канадцах, присутствовавших в отеле, когда застрелили Мэрдока. Смоленски — канадский связной с американской адвокатурой. Это он организовал выступление Мэрдока. Номер Смоленски был на верхнем этаже. «Х» на фотографии — окно его ванной комнаты.

Видишь, как пожарная лестница проходит одним этажом выше от крыши до аллеи внизу?

Кэрол рассматривала внешний вид отеля.

— Пьяницы на аллее клянутся, что никто не спускался вниз. Предположим, что им можно верить, тогда это означает, что снайпер ускользнул в отель. Двери на крышу были закрыты, а лифт находился внизу, следовательно, убийца должен был воспользоваться пожарной лестницей. Первое окно, до которого он мог добраться — окно ванной комнаты Смоленски.

— У Смоленски есть алиби, — сказала Кэрол. — Он пропустил речь Мэрдока ради того, чтобы лечь в постель с Лотос Кван.

— В своих показаниях Кван утверждает, что она задремала между траханьем. Что, если Смоленски вылез из постели, пока она спала, запер дверь ванной комнаты якобы для того, чтобы воспользоваться ею, затем взобрался на крышу и застрелил Мэрдока? Избавился от винтовки, сбежал вниз по лестнице и вернулся в постель?

— Если они с Лотос были сообщниками, то каждое из их алиби таковым не является.

— Ещё одна возможность, — сказал Цинк, — снайпером была Лотос. Она воспользовалась ванной и вылезла на крышу. Или, может, это был кто-нибудь ещё? Третий соучастник? Помощник Смоленски или Кван?

Принесли вино, поэтому они оба сделали по глотку.

— Третий человек стреляет в Мэрдока и спускается по пожарной лестнице. Он мог находиться на крыше несколько часов. Смоленски или Кван отперли окно ванной. Когда новость застаёт их на месте преступления, они спускаются вниз по лестнице, а убийца входит в комнату. Он прячется в отеле.

— Кто этот третий человек? Мартин Кван?

— Он единственный канадец, не имеющий алиби. Мартин утверждает, что в момент убийства он разыскивал Лотос. После того, как он обсудил дела с Фрээрером, он проверил в баре и в сквере. Я не могу найти никого — включая Фрээрера — кто бы был с ним в момент смерти Мэрдока.

— Комната кого-нибудь из Кванов выходит к пожарной лестнице?

— Нет, обе они выходят окнами на улицу.

— А как насчёт других окон вблизи пожарной лестницы?

— Смоленски был единственным жильцом-канадцем.

Принесли похлёбку, поэтому они освободили стол. Чандлер засунул показания обратнов папку. — Всё это — если исходить из предположения, что мотив канадский.

— Что, — сказала Тэйт, — есть дело долгое. Говорим, что мотив находится на севере и «Зодиаку» ни при чём. «Происшествие» в Ванкувере замаскировало бы убийцу и стало бы гораздо проще. Зачем идти на весь этот риск и *всё равно* оставаться под подозрением?

— Странные произошли преступления.

— Когда я слышу цоканье копыт, то думаю о лошади, а не о зебре. Мне кажется, что убийца — местный псих. Мэрдок просто оказался один на сцене.

— Сколько теперь должно быть Зодиаку? Сорок или пятьдесят? Кроме того, обстоятельства были другими. Не было полнолуния и убийство было вдали от воды.

— Все мы меняемся, становясь старше, — сказала Кэрл.

После обеда они вернулись в его комнату в «Гайд-парк Свитс». Перед тем Цинк засунул бутылку «Шардоне» в ведёрко со льдом, чтобы охладить, поэтому они захватили вино, штопор и бокалы на крышу.

Здесь, над пересечением Нос-Ройнт и Гайд, Золотые Ворота были слева, Алькатрас прямо, Телеграф-Хилл справа. Внизу троллейбусная линия убегала на Ноб-Хилл, ведя к Китайскому кварталу, Юнион-сквер и расположенной по соседству Маркет-стрит. Ночь была ясной, небо усыпано звёздами.

— Я расскажу тебе одну историю, — сказала Кэрл, когда Цинк откупорил вино. — Время действия 1851 год. Место действия — Сан-Франциско. Пожарные спасают маленькую девочку из бушующего пламени в отеле. С тех пор Лили Хичкок Коит, восьми лет, бегает за пожарными машинами на все вызовы. Когда престарелые родители отсылают её в школу, отрыв от мест пожаров делает её психически больной. В конце концов ей позволяют выполнять свой долг — быть талисманом на пожарах, с течением времени становясь легендой Сан-Франциско. Взрослая Лил становится сорвиголовой, курящей сигары и носящей робу пожарного. Она устраивает матчи по боксу в номерах отелей. Когда в двадцатых годах она умирает в возрасте восьмидесяти шести лет, пожарные Сан-Франциско устраивают ей пышные похороны. Сегодня, —

сказала Кэрл, указывая на Телеграф-Хилл, — Коит-Тауэр служит ей памятником. Башня олицетворяет наконецник брандспойта.

— Ты прямо ходячая энциклопедия, — сказал Цинк, протягивая ей бокал «Шардоне».

— У меня был здесь медовый месяц, — сказала Кэрл. — Влюблённые любят такие истории.

— Ты была замужем? Впервые слышу.

— Ты многого обо мне не знаешь, Цинк.

Она подняла свой бокал.

— Твоё здоровье.

«Гайд-парк Свито» был уютным отелем. Большие пышные подушки в каждой комнате, газета на подносе за завтраком по утрам. С момента вселения сюда Цинком владела волнующая фантазия: возвратиться сюда сегодня вечером с Кэрл под руку, выпить вина и пофлиртовать до тех пор, пока не разгорится их взаимное влечение, а затем кататься по подушкам, до рассвета занимаясь безудержным сексом.

— Чмо, — сказал он, отгоняя от себя эти мысли. Подняв бокал, он другой рукой потёр свою грудь.

— Это что — канадский тост?

— Древнее эвенкийское приветствие.

— И что же оно означает?

— Обычно «Ты друг?»

— А почему круговое движение?

— Ритуальное действие. Вроде пожатия рук у древних рыцарей.

— Чмо, — сказала Кэрл. — И что я должна делать?

— Я покажу тебе, — ответил Цинк, взяв её за руку. Согнув её кольцом, он погладил её груди. — Другой эскимос говорит: «Я — друг».

— А что говоришь ты?

— Твои соски напряглись.

— Просто холодно, — сказала она, останавливая его.

Расправив крылья, фантазия Цинка улетела прочь.

— Мы с мужем расстались в 1984 году после того, как я поймала его на том, что он меня обманывает. Женщина, с которой я его застала, не волновала меня. Он связался с ней, чтобы возбудить ревность своего любовника. Он сказал мне, что я не была достаточно «нежной».

Кэрл отстранилась от Цинка.

— После развода я решила всё изменить. Уехала из Техаса на Род-Айленд и начала всё сначала. Когда появился ты, я подумала: «Вот мужчина, который мне нужен. Который уважает меня такой, какая я есть». Но я полностью заблуждалась потому, что у нас было так мало времени. Его хватило только на то, чтобы узнать, что ты трахаешь Дебору у меня за спиной. Что она давала тебе такого, дорогой, чего я не могла дать?

— Шанс быть спасителем, мне кажется.

— Сэр Галахад, да?

— Я сожалею, Кэрол. Я был глупцом. Я всегда питал слабость к девицам, которые находятся в отчаянии. В окружении беспомощных, мы, рыцари в запятнанных доспехах, чувствуем себя такими сильными.

— Недостаточно «нежная» для тебя, да?

Цинк протянул руку и дотронулся до её щеки. — Проблема во мне, а не в тебе, — сказал он. — Я слишком долго жил, не обращая внимания на то, как песок высыпается из песочных часов. Время бежало для других людей, но не для меня. Год за годом я оправдывал себя, словно был своим собственным ребёнком, с удивительным искусством избегая каких-либо обязательств. Внезапно я обнаружил, что обманываю сам себя, потому что моё прошлое поведение не давало мне возможности держаться на плаву. Я жил сегодняшним днём, не задумываясь о том, что «завтра» неминуемо превратится в «сегодня». Моя слепота по отношению к тебе была симптомом той же болезни.

— Не проскочи поворот, — сказала Кэрол. — Не пожалей двух сотен долларов. Кости в твоих руках, милый. Начни с начала.

Они забрали бутылку «Шардоне» обратно в комнату. Сбросив туфли, Кэрол калачиком свернулась в кресле. Цинк включил радио и пробежался по шкале. Найдя «Маленький кусочек мыла» Жармелса, он остановился.

— Давай потанцуем.

— Здесь?

— Ты ведь умеешь танцевать? Не так ли?

— Конечно, я умею танцевать, — ответила Кэрол.

— Старина Цинк Чандлер всегда присматривается к тому, как танцует женщина, чтобы найти хорошую любовницу. Гибкость в танце означает гибкость в постели. Почему-то с тобой у меня всё становится на свои места.

Тело Кэрол, прижатое к его телу, вызвало такую же эмоциональную бурю, какую он ощутил в аэропорту. Его разум говорил

ему *Держи её нежно*, но его пальцы одеревенели, в горле пересохло, сердце стучало, как молот. Цинк чувствовал такое же головокружение, как и на своём первом свидании в восьмом классе, тануя в амбаре с Линн Миллер. Тело Кэрл было твёрдым, словно камень, за исключением груди и плавного изгиба её бёдер возле его паха. Её подбородок покоился у него на плече; они танцевали щека к щеке, снова напоминая ему о том, каким невероятным глупцом он был. Интуиция и рационализм Цинка вели войну.

— Начни с начала, — прошептал он, касаясь её уха. Жармелс уступил место «Стоунз» «Ты не можешь всегда получать то, что хочешь». — На кого была похожа Кэрл в детстве?

Прижимаясь к нему бёдрами, она прогнулась назад. При движении щёлкнула кнопка, открывая ложбинку между грудями. — На сорванца, — сказала она, наблюдая за тем, будет ли он украдкой заглядывать к ней под платье. Было бы воспринято его подглядывание, как признак того, что его тянет к ней, или же что он не видит в ней личности? Секс был настоящим минным полем. Он перевёл взгляд на её лицо.

— Мальчишки в Амарильо не давали мне играть с револьверами.

— И правильно, чёрт возьми! — сказал Чандлер преувеличенно сердито, чтобы поддразнить её. — Девчонки никогда не могли правильно изобразить *КХХ-джжзввиуу!* от пули «специального Бэнтлайна», рикошетирующей от камня. Они всегда издавали такой звук, словно сплёвывают на обочину.

— Обычно я уходила и сама играла в апачских храбрецов. Раздевалась до последней тряпки — на мне оставалось только полотенце вместо набедренной повязки — и разрисовывала тело боевой раскраской.

— Полагаю, уже просматривались твои теперешние формы?

— Мне было восемь лет, и я была плоской, как доска.

Глаза Цинка против его воли не могли избежать искушения. Прошёл ли он испытание или провалился?

— Дальше по улице жил Сонни Твигг. Это был шутник, который пугал меня змеями. Я сделала лук из ветки и куска струны. У меня была только одна стрела без оперения, просто заточенная на конце. Я разрисовала её кольцами лаком для ногтей.

В нашем дворе росло большое густое дерево. Я пряталась в его ветвях, подражая техасским рэйнджерам. Однажды Сонни проезжал мимо на своём двухколёсном велосипеде, после того, как наш со-

сед вымыл свою машину. Я целилась не в него, а так, чтоб промазать на целую милю. Но лишённая оперения стрела вонзилась между спиц его переднего колеса. Сонни перелетел через руль, словно акробат.

Шум заставил нашего соседа выйти наружу. И он увидел Сонни, барахтающегося в грязи. Единственной уликой был сломанный прутик с нарисованными кольцами. Никто не заметил меня на дереве. Я смогла бы выйти сухой из воды, если бы мой отец не подъехал как раз тогда, когда я слезала вниз. Он сложил два и два и выпорол меня своим ремнём. Он придерживался того мнения, что балованные девчонки, которые играют словно мальчишки, и кнута заслуживают как мальчишки. Мой отец был прямо помешан на том, как «надлежит вести себя настоящим леди». В ту ночь он сжёг мои джинсы и последующие три года заставлял меня носить юбку. Где-то в глубине души я осознаю, что стала копом потому, что во мне спрятана какая-то часть, которая ведёт себя не так, «как подобает леди».

Deja vu, подумал Чандлер. *Мой двойник женского пола.*

— Кто твой любимый ковбой? — спросил он.

— Ты задаёшь весьма странные вопросы.

— У меня имеется теория, что весь мир превратится в дерьмо, когда вестерны выйдут из моды. Каждый вестерн несёт в себе моральный заряд, хотя временами и не тот, какой задумывался. То, что ты чувствуешь по отношению к ним, очень много говорит о тебе.

— Хорошие парни или плохие парни?

— И те и другие.

— Хорошие парни: Гари Купер. Он покорило моё сердце в «Высоком полдне». Плохой парень: Генри Фонда. «Однажды на Западе».

— Хммм. Это хороший парень. Забудь о нём. Назови своего любимого поющего ковбоя. Рой Роджерс? Жене Отри? Хопалонт Кэссиди?

Дай мне передышку! Хороший парень: Паладин. «Имея револьвер, отправлюсь в путь». Плохие парни: Джек Паланс. Вильсон в «Шейне».

— Это всё поясняет. То, почему ты носишь чёрное.

— Чёрное подходит к моим волосам, ты, вонючий осёл.

«Стоунз» сменились «Ю-ту», «Я всё ещё не нашёл то, что ищу».

— У нас с братом была собака, колли по кличке Джет. Он сдох в последний день перед каникулами, когда мне было восемь лет.

Том, который был на два года младше, был буквально убит горем. Поэтому мама взяла нас в Штаты, чтобы купить «Сталлион» 38-го.

В те времена револьверы в Канаде никуда не годились. Это были жалкие поделки, из которых только и можно было палить по тарелочкам. Пересекши границу, можно было купить настоящий «Мак-Кой»: шестизарядный револьвер, в который нужно было засовывать по круглому капсулю в каждый патрон и только потом заряжать барабан.

Когда мне было восемь лет, в Техасе мы стреляли из настоящих 22-го калибра.

Лавка в Грэйт-Фолз в Монтане была мальчишеской мечтой пятидесятых. Том вернулся домой одетый как Лэш ЛаРу, весь в чёрном. На мне была цветастая ковбойка и белая стетсоновская шляпа, сапожки «Акме», шпоры и кобура, прикреплённая к ноге.

У нашего отца были низкие стаканчики для виски с золотым ободком. Мама украсила бар бутылкой апельсинового крюшона. Держа в руке стакан, Том уселся за кухонный стол.

— Парень в белом вошёл внутрь и сел рядом. «Привет, Вилсон. Слышал, что ты быстр». Предполагалось, что Том должен ответить: «Я слышал, что ты быстр тоже», но вместо этого маленький мерзавец поднял свой стакан с апельсиновым крюшоном и выплеснул его мне в лицо. Шляпа потеряла форму, рубашка была вся в пятнах, с моего подбородка стекали капли. Я тогда был готов убить его прямо на месте. «Это хорошо только в фильмах, а, Цинк?» — сказал он. Теперь я ношу чёрное, «чтобы скрывать пятна».

— Это аллегория твоей жизни? — спросила Кэрл.

11:12 *пополудни*

Цинк был в постели один, когда зазвонил телефон.
Это был ДеКлерк.

КРОВАВАЯ БАНЯ

Ванкувер

11:12 *полудни*

ДеКлерк позвонил в Сан-Франциско из адвокатской лодки, воспользовавшись телефоном, расположенным по соседству с комнатой присяжных. Канадские законники носят полный набор судейских регалий «Старых Придворных бойцов», за исключением парика. Ничто не могло перебить запах зануд, любящих задавать дурацкие вопросы, которые стоили миллиона долларов или приводили к выходу на свободу психопата только потому, что обвинительное заключение было составлено неправильно. Пока Цинк и Роберт разговаривали, тысяча перебивавших здесь мантий раздражала нос ДеКлерка. Он был рад поскорее повесить трубку и вырваться на свежий воздух.

Старый Суд, где Сэм Ньютон сражался с «голубями из Ада», был выше по улице. Здание Нового Суда — им стали пользоваться с 1978 года — напоминало по форме кусок сыра. Тридцать пять судебных комнат на пяти расположенных ярусами этажах уходили вправо под углом к стеклянному клину. Вьющиеся растения свешивались с каждого этажа, словно Висячие Сады Вавилона. В солнечные дни Большой зал под наклонной стеклянной крышей заставлял законников изжариваться, словно в Долине Смерти. В ночи, подобные сегодняшней, Большой зал превращался в морозильник, отчего дыхание Джека Мак-Дугала прерывалось, пока он потирал замёрзшие руки.

— Так как убийца забрался внутрь?

— Посмотрим там.

ДеКлерк присоединился к Мак-Дугалу перед нижним ярусом.

— Двери были заперты и поставлены на сигнализацию, — сказал Джек. — Можешь её потрогать. Техники внутри.

Большой зал Суда использовался по двум назначениям. Когда суд собирался на сессию, публика использовала его в качестве зала ожидания. Время от времени, представители правоохранительных профессий устраивали здесь приёмы: обильные обеды и посвящения в адвокаты. В подобных случаях дверь с переговорным устройством давала возможность судьям её величества попадать в Большой зал из своих комнат позади залов заседаний.

ДеКлерк осмотрел замок.

Слева от дверной рамы располагалась клавиатура. Она представляла собой кнопочный телефон:

1	2	3
4	5	6
7	0	9
*	0	#

Тот, кто знал необходимый код, нажимал на соответствующие кнопки, а затем на кнопку #, чтобы открыть дверь. Кнопка * служила для того, чтобы исправлять ошибки. Для тех, кто кода не знал, двери оказывались запертыми, ограждая судей от гнева публики.

— В полицейском управлении Ванкувера отметили время вызова, — сказал Мак-Дугал. Он сверился со своими записями. — В 9:54 в службе безопасности Суда раздался сигнал тревоги. Он длится тридцать секунд. Если его специально не включить снова, тревога отключается. Ночная стража отправилась проверить.

— В это же время, когда охрана обнаружила дверь взломанной, судья Клод Домани вернулся в комнату, где умер Максвелл. Их кабинеты располагались рядом в крыле, отведенном Верховному Суду. Он находился в зале 53, перечитывая приговор. Он позвонил в ВПУ в 9:58. Через минуту прибыли первые полицейские.

— И никого больше вокруг?

— Во всяком случае, не в помещении Верховного Суда. Судьи апелляционного суда и адвокаты были на этаже апелляционного суда, но эти крылья здания не связаны между собой.

— Почему Максвелл был здесь?

— Завтра ему предстояло выносить приговор.

— По какому делу?

— Колумбийские наркотики.

— А Домани?

— Азиатская банда. В жюри по вопросам лишения свободы на пятом этаже.

— Зал был открыт для публики, когда Максвелла пристукнули?

— Ага, с улицы можно было войти через ту дверь. — Мак-Дугал показал на выход на Нельсон-стрит. Теперь он был заперт более тщательно, так, что к нему не смог бы придаться и член депутатской комиссии.

Стоя спиной к судейской двери, ДеКлерк оглядел Большой зал. Слева располагался выход на Нельсон-стрит, охраняемый несколькими полицейскими. Справа стояла статуя Фемиды с повязкой на глазах и весами. Вместо меча, который должна была бы держать статуя, кто-то приделал ей свиток со сводом законов. ДеКлерк подумал, что это вполне соответствовало времени, учитывая то, как суды смягчили закон.

Над головой наклонная стеклянная крыша выходила на Хорнбай-стрит. Перед ним, на другой стороне улицы, проступало здание «Гидрокомпании Британской Колумбии». Хорнбай являла собой дугу сияющих огней.

— Та сторона здания примыкает к Гидро? Если взобраться на её крышу с 4500-мм оптикой, то как ты думаешь, можно узнать код, нажимаемый здесь?

— Наверное, — сказал Мак-Дугал. — Если стекло не исказит изображения. Взломщик мог бы прибегнуть к устройству случайных чисел. Последние их модели пробегают по всем комбинациям любого замка за считанные минуты.

— Кому был известен код?

— Только судьи. Но не вспомогательный персонал.

— Нужен код, чтобы открыть дверь изнутри?

— Да, в обе стороны.

ДеКлерк перечислил версии, пересчитывая их по пальцам.

— Убийца — это судья, знающий код. Или кто-то, кто узнал код от судьи. Или кто-то, кто посмотрел его визуально. Или кто-то с устройством случайных чисел.

— Убийца вошёл вместе с публикой через вход Нельсона, затем, когда никто на него не смотрел, воспользовался кодом или устройством. Открыв судейскую дверь, он прошёл в кабинет Максвелла и перерезал ему горло. Он спасся тем же путём, но оставил дверь не запертой, исчезнув прежде, чем поднялась тревога. Выйдя через вход Нельсона, он затерялся на улице.

— Это большой риск, — сказал Мак-Дугал. — У него должны быть стальные нервы.

— Убийство Мэрдока в Сан-Франциско тоже было делом очень рискованным. Рискованность — общее обстоятельство для обоих преступлений.

От судебных дверей конные продолжили свой путь по бетонному туннелю, ведущему вглубь Суда. Повсюду были видны следы работы бригады по идентификации личности: порошок для снятия отпечатков пальцев, места соскобов. Развилка трёх проходов, ведущих к лестнице, была обозначена табличками: «АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ СУД» и «ВЕРХОВНЫЙ СУД» — вверх и «ОКРУЖНОЙ СУД» — вниз. Они направились по средней лестнице.

— Член депутатской комиссии позвонил мне в пятницу, чтобы извиниться, — сказал Джек. — Кто-то, должно быть, сделал его взгляды более широкими.

— Будем великодушными и скажем, что ему явилось этическое озарение.

Мак-Дугал рассмеялся. — В любом случае, спасибо.

Лестница выходила в устланный алым ковром холл. В углублениях слева располагались места секретарей; кабинеты судей были справа. Копы и персонал службы по вывозке трупов толпились у пятой с конца двери.

В этом городе расследованием убийств занималось ВПУ. Согласно Параграфа 17 Полицейского Уложения каждый муниципалитет, имеющий более тысячи человек, должен был организовывать свою собственную полицию. Некоторые из них заключали контракт с КККП, чтобы та присылала своих копов, другие же организовывали свои собственные управления. Ванкувер с 1886 года имел свою полицию.

Инспектор Мак Флитвуд (не имеющий никакого отношения к поп-группе, равно как и к обоим Макам на юге) служил в Отделе особо тяжких преступлений. Так же, как и его американские коллеги, работающие по делу Мэрдока, он следовал Второму Правилу Юрисдикции: прежде, чем коп берётся за какое-либо дело, он не думает о другом копе, тянущем лямку. Отдел по особо тяжким преступлением был перегружен расследованием исчезновений в китайском квартале, поэтому, зная об убийстве Мэрдока, Флитвуд позвонил в спецотдел «Х».

— Мак.

— Роберт. Джек. Думаю, вы должны посмотреть на это.

Городской сыщик проводил конных в кабинет Максвелла.

— Если имеется связь с делом Мэрдока, то это в вашей компетенции. Если мотив окажется личным — расследованием займёмся. А до тех пор, пока не проявятся все обстоятельства, поработаем вместе?

— Нас это вполне устраивает, — ответил ДеКлерк.

У Флитвуда было такое лицо, которое могло нравиться только его собственной матери. Слишком долгая служба в полиции героинового порта оставила свою отметину. Уродливый шрам обезображивал щеку. В Благословенную Среду несколько лет назад он задержал одного подонка в «Лунных лучах». «Дерьмо с пухом, — сказал хиппи, намекая на его тучность. — Дай-ка я страхну табак». После этого панк ткнул своей сигаретой прямо в щеку Флитвуда, и теперь он был параплегиком из-за «сопротивления при аресте».

Максвелл лежал мёртвый на полу своего кабинета. Лужа крови вокруг его обезглавленного тела окрасила красный ковер в коричневый цвет. Открытый взору в развёрстой ране его шеи пищевод торчал в массе перерезанных сосудов. Голова судьи была насажена на стоящую рядом вешалку, составляя компанию зонтику, шапочке лучника и пальто. Убийца вытащил язык Максвелла изо рта, оставив его болтаться, словно кусок сырого мяса. Оба глаза закатились, оставив видимыми только части зрачков.

Боб Джордж — Охотник За Призраками — уже был за работой. Пользуясь инструментом, похожим на щипцы со шкалой, он измерял размеры пятен крови на окнах. Сержант был дюжим мужчиной с чёрными волосами, бронзовой кожей и широкими скулами. В его потёртые «Левисы» была заправлена грубая хлопчатобумажная рубашка с рисунками племени кри, подаренная его матерью, когда он покидал резервацию. Известный в Силах, как «Следопыт» и «Человек-пылесос», Джордж был любимым техником Авакомовича.

— Охотник За Призраками, — сказал Джек. — Познакомься с Робертом ДеКлерком. Сержант работал по делу о кислотных ваннах вместе с Цинком в прошлом году.

Джордж обогнул стол, чтобы пожать руку старшему суперинтенданту.

* Параплегия — вид нервного заболевания

— Тяжёлый случай, а? — сказал ДеКлерк, показывая глазами на стены.

— Да, крепкий орешек, — ответил кри.

Кровь составляет до девяти процентов веса человеческого тела. Поскольку насильственная смерть обычно подразумевает её пролитие, а плазма, как и все жидкости, разбрызгивается в соответствии с законами физики, анализы пролитой крови могут помочь воссоздать картину убийства.

Когда кровь капает вертикально на плоскую поверхность, она оставляет круглые отметины с зубчатыми краями. Такие пятна говорят о том, что жертва была неподвижна в момент нанесения ей раны. То, с какого расстояния упала капля, определяется по характеру её разбрызгивания. Падение с высоты до двух футов создаёт круг в месте соприкосновения с поверхностью, но если высота возрастает, появляются лучики и мелкие капельки, расходящиеся радиально от центра. Измеряя их при помощи калибратора — похожего на щипцы инструмента, находящегося в руках Джорджа, — учёные вычисляют, с какой высоты упала капля.

Кровь от движущегося источника или брызжащая из раны оставляет продолговатое пятно, похожее на восклицательный знак. Точка в «!» указывает на направление движения; длина и ширина отметины — на угол и скорость перемещения. Применяя математические формулы к форме пятна, эксперты могут определить не только где произошло кровопролитие, но и, довольно часто, вид оружия и потребовавшееся при этом усилие.

— На судью напали, когда он выходил из ванной, — сказал Джордж. Он показал на дверь ванной комнаты кабинета.

— Плохо различимые пятна на ковре расходятся веером по комнате. Пятна похожи на те, что мы называем «ударное капание со средней скоростью». Первая струйка, брызнувшая из перерезанного горла, впилалась в ковёр. Затем рана стала открытой, и кровь полилась фонтаном.

— Нашли оружие?

— Нет, но это бритва.

Джордж пересёк комнату и приблизился к стене слева от двери ванной комнаты.

— Убийца вошёл и поджидал здесь. Он рассёк горло судье, когда тот вернулся в эту комнату. Нападение произошло сзади, пото-

му что пятно на ковре не имеет никаких выемок. Если бы разрез был сделан спереди, то было бы чистое место там, где убийца за-
слонил собой струю.

Правой рукой Джордж изобразил, будто перерезает себе горло. Проведя слева направо, он отвёл руку в сторону.

— Пятно сбоку от меня — «вытертое пятно». Представляете себе бритву, запачканную кровью? Рука убийцы задела за стену, продолжая движение, каким совершила разрез.

— Это обезглавило Максвелла?

— Нет, только рассекло ему вены. Судья должен был камнем рухнуть в дверях. То, что он этого не сделал, придаёт всему сверхъестественный характер.

Кри направился к стене напротив двери ванной комнаты. У каждого пятна на ковре он приостанавливался.

— Пятна от крови, перенесённой обувью, — сказал он. — Смазанные края показывают, что судью почти тащили. Убийца держал его за тыльную часть шеи, таская его по комнате, с головой, запрокинутой назад. Видите, какие прерывистые полосы крови? Это говорит о том, что сердце Максвелла ещё билось, пока убийца разрывал стены. Когда кровь перестала литься, убийца обезглавил его.

ДеКлерк проследил взглядом волнистую линию, проходящую через принадлежащие судье гравюры Домье, фото лорда Деннинга и по скромной "Стене почёта". Кровь через окно оросила прилегающую городскую улицу.

— Почему в холле нет никакой крови? — спросил Мак-Дугал. — Или убийца почистился в туалете?

— На нём был чехол, — сказал Джордж. — Я убеждён в этом. Он сжёг его, прежде чем покинул комнату.

Кри извлёк мешочек для улики из своего ящичка с инструментами и вещественными доказательствами. Это был кусок ковра, отрезанный вблизи от двери.

— Горючий низкомолекулярный полиэтилен. — Он показал на капельку оплавленного материала, приставшую к волокнам. — Я нашёл такие же следы возле двери в Большой зал.

— Два чехла? — сказал ДеКлерк. — Один служил нагрудником? А второй — маской?

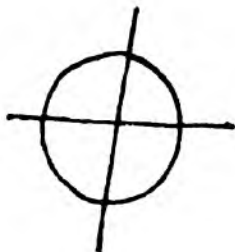
Мак-Дугал сделал пометку, чтобы проверить, не было ли сходных обстоятельств в Сан-Франциско.

— Убийца забрал что-то, — сказал Джордж. — Рассеченное горло Максвелла залило его стол кровью. Видите чистый участок,

откуда что-то забрали? Он по размерам приблизительно соответствует почтовому конверту.

ДеКлерк осмотрел участок, чистый от крови, затем глянул на стену.

На ней был символ, нарисованный кровью:

КОМНАТА ВОСТОК/ЗАПАД

11:33 пополудни

Комната Восток/Запад «Фанквань Чжу Фармасьютикал Инк.» занимала верхний этаж самого высокого в городе здания. Восточное окно смотрело на Запад, Западное — на Восток, что было рассчитано специально на жителей Гонконга. Кроме того, Восточное окно приветствовало Восток, лежащий за Английским заливом, островом Ванкувер и бушующим Тихим океаном. Под Западным окном у их ног лежала Канада, склонялась в покорности Голд Маунтин. Окна были продолговатыми, в соответствии с *фень-шуи* так, чтобы сквозь них было видно как «дракон купается в своей говани». Восточная стена была увешана китайскими акварелями, Западная стена — картинами Группы Семерых. Между ними простирался ковёр из чистого шелка, на котором стоял стол для гостиной и восемь стульев. На столе находилась модель предприятия, в настоящее время возводимого на берегу реки Фрэнсис. Центр ковра украшал даосийский символ «инь-янь»:

Как говорили некоторые белые, он напоминал головастика, сплётшихся друг с другом так, что они образовали число «69».

Под Западным — Инь — окном наклонная стеклянная крыша здания суда блестела словно тёмная кожа. Неясное движение под её скатом указывало на текущую там жизнь. Красные и голубые полицейские мигалки, окружающие суд, соперничали с кричащим неоном Театрального проезда.

Мартин Кван наблюдал из Западного окна.

Рядом с ним стоял его брат.

ТОТ-КОТОРЫЙ- СВЯЗЫВАЕТ

Пинто-Хорс-Баттс,
Северо-Западная Территория
воскресенье, 28 мая 1877 г., 10:10 утра

Генерал Шеридан ободрал как липку все гарнизоны армии США от Канады до Техаса, забрав всех имеющихся в распоряжении людей, до единого человека. Таким образом, вскоре после Последней Стоянки, его кавалерия преследовала сиу по югу штатов Монтана и Дакота. В течение последних одиннадцати месяцев «мокассинный телеграф» доставлял известия конной полиции, его гонцы покрывали триста миль между Фортом Уолш в Канаде и Блэк-Хиллз. В апреле пришло известие, что сиу переправились через Миссури, чтобы проследовать до Уайт-Мад-Крик. В следующем сообщении говорилось, что они находятся к юго-востоку от Сайпресс-Хиллз. Затем позавчера разведчик ворвался в форт с новостью, что Сидящий Буйвол находится поблизости от Пинто-Хорс-Баттс. Если это было правдой, то дикари пересекли «границу карантина», подрывая авторитет конной полиции. Через час Уолш и с ним шесть человек галопом выехали из форта.

В этот день солнце подарило чудесное весеннее утро. Оно сияло высоко над головой в безоблачном небе. Пока краснохвостые ястребы кружили над противником, Уолш и его уланы ворвались за ограду из пик, которая отмечала индейский лагерь.

Женщины, растягивавшие шкуры, чтобы высушить их на солнце, прекратили работу. Мальчишки с игрушечными томагавками прервали игру. Старик, присевший в тени ти-

пи, пробормотал какие-то эпитеты. Воины наблюдали за их лошадьми, готовые вскочить на ноги.

Прежде чем ворвавшиеся остановили своих лошадей, собралась плотная толпа.

— Спешиться, — приказал Уолш, соскальзывая с седла. Пока его эскорт спешил, он отряхнул свою форму. — Делать, как я, — сказал он, становясь на землю.

Суперинтендант Джеймс «Боб» Уолш походил на мушкетёра. Человек надменного темперамента и отчаянный всадник, он был эквивалентом Кастлера в Канаде. Отличие между ними заключалось в служении Британии: в тонкой красной линии, бремени белого человека — слуги Короны. Сегодня Уолш был одет в норфолкский мундир, обшитый золотым шнуром, белые бриджи из рубчатой материи, рукавицы для фехтования и белый пробковый шлем Северо-западной конной полиции. На его лице доминировали густые чёрные усы, а подбородок украшала узенькая полоска бороды. Перед индейцами он любил стоять, уперев одну руку в бедро, а другую положив на эфес своей кавалерийской сабли. Так, должно быть, стоял Веллингтон под Ватерлоо.

Вскоре толпа расступилась, чтобы пропустить трёх разрисованных воинов. Скальпы на их оружии показывали, что они были важными вождями. — Спроси-ка у этого его имя, — сказал Уолш Луису Лавалю.

Разведчик задал вопрос и перевёл ответ. — Я Пятнистый Орёл Тетонов, безлукий. Вы находитесь в лагере Сидящего Буйвола.

Уолш приказал своим людям удалиться и поставить палатки.

— Скажи ему, что я хочу говорить с Вождём Вождей.

Прежде, чем Лаваль смог перевести, сквозь толпу прошли двое мужчин. Младший, обнажённый до пояса, заплетал свои волосы в косички. Он был вооружён похожим на косу томагавком с тремя лезвиями. — Я — Лёгкое, — перевёл Лаваль. С пояса индейца свисало около десятка скальпов.

Второй был старше и шёл, прихрамывая. Его опалённое солнцем лицо было иссушенным и морщинистым. Скулы у него были высокими и выступающими, тонкие губы — решительно сжаты, кожа ниже челюстей была гладкой, несмотря на возраст.

— Ого, — сказал Лаваль, — Сидячий Вол собственной персоной.

— Что они делают? — спросил Лающий Волк у своей сестры.

— Ждут. Буйвол говорит, — ответила Солнечный Огонь.

В тридцати футах от палатки, из которой наблюдало двое кри, Сидящий Буйвол дотронулся до орлиных перьев в своих волосах.

— Разве мы не *шагонош* — союзники? — задал он риторический вопрос. — Разве Великий Отец не приветствовал нас, когда мы сражались с американскими *восихуш*, отступниками, во время Революции? Разве король Георг не давал нам медали, чтобы закрепить мир?

— Вчера, Вождь С Белым Абом...

Он повернулся к Уолшу.

— ...белые люди охотились за мной, как за диким зверем из-за моей крови. Сегодня...

Сидящий Буйвол обратился к толпе.

— ...белые люди раскинули свои шатры рядом с моим. Могут ли *шагонош* оскорблять меня в моём лагере? Нет...

Он снова повернулся к Уолшу.

— ...потому, что Вождь С Белым Абом предлагает свою руку мира. Сегодня моё сердце преисполнено радости и скорби. Радости потому, что я встретил белых людей, чьим словам я верю. А скорби потому, что они лишают меня моей силы.

— Лакота, — сказал Сидящий Буйвол, обращаясь к толпе, — трава, где живут *шагонош*, не окрасится кровью. Для подтверждения этого я зарыл своё оружие за границей.

— Вождь С Белым Абом, — сказал он Уолшу, — знай, что мое сердце преисполнено добра, кроме маленького его уголка, где находится *мини-ханскапи*. Мы оставили ту сторону потому, что не могли заснуть. Большая Женщина добра к своим детям и держит их в мире. Мы пришли, чтобы *наши* дети могли спать, ничего не опасаясь. Расскажи нам о своих законах, которым мы должны подчиняться. Я попрошу Лёгкое приготовить трубку мира. Лакота не хотят ничего другого, кроме как идти по широкой дороге к дню успокоения. Давай выкурим вместе трубку, чтобы между нами был только мир.

Хитрый старый педераст, подумал Уолш.

Буйволова Трубка была священной для сиу. Бизон, вырезанный на её чашечке, олицетворял собой Землю, от которой произошло всё живое. Двенадцать орлиных перьев, свешивающихся с её мунд-

штука, символизировали Небо с его двенадцатью лунами. Чашечка и мундштук были скреплены вместе травой-которая-никогда-не-рвётся, чтобы дружба, установленная курением, длилась вечно. Кастлер однажды курил эту трубку.

Лаюющий Волк и Солнечный Огонь наблюдали из своей палатки. Суперинтендант сидел на шкуре, окружённый толпой, беседуя с вождями, пока трубка передавалась от одного к другому. Краснова-тый, вызывающий кашель дым вился над его шлемом.

— Ваше присутствие здесь создаёт проблемы для королевы Виктории. Мой вождь, комиссар Маклеод, обязан защищать *всех* её детей. Вы раскинули лагерь там, где охотятся черноногие, крова-вые и равнинные кри. Между вами не должно быть никакой вой-ны из-за бизоновых стад.

Чтобы выразить согласие, лакота выпустил клуб дыма.

— Только немногие американцы желают вам зла. Было бы луч-ше, если бы вы вернулись на ту сторону. Им просто нужно убе-диться, что раз бизоны ушли, лакота будут подчиняться их за-конам.

В ответ на это предложение Сидящий Буйвол нахмурился.

— Я добыл много еды в своё время. Создатель сотворил меня индейцем, а не *подобием* индейца. И я им не стану.

— Вы не можете развязать войну с американцами, а потом вернуться в Канаду, чтобы найти себе здесь убежище. Мы готовы отстаивать здесь свои принципы. Подчинитесь нашим законам, и Великая Мать обеспечит безопасность своих детей. Нарушьте наши законы, и вам придётся покинуть британскую землю.

Когда Уолш встал, произнося речь за процветание имперского владения, в лагерь въехал Белая Сова, ведя за собой восемь ло-шадей.

— Кто это приезжает? — спросил Лающий Волк у своей сестры.

— Мой муж, — ответила Солнечный Огонь.

Уолш вдел одну ногу в стремя, когда подошёл Лаваль. В одежде из оленьей кожи, пятидесятилетний разведчик работал на конную полицию с 1874 года. Их пути пересеклись на Олд-Вайвз-Крик во время Великого Марша на Запад.

— Почему он называет меня Вождём С Белым Абом? — спро-сил Уолш.

— Из-за полей вашего шлема, закрывающего брови от солнца. Вы видели молодца, прискакавшего, когда вы закончили говорить? Соломон полагает, что трое из приведенных им лошадей принадлежат отцу Декорби.

— Это тот, кого кри называют Священником-Говорящим-На-Всех-Языках?

— Он самый, — ответил Лаваль. — Он всегда держит для них одну-две лошади на всякий случай.

Уолш вытащил ногу из стремени и глянул на похитителя. Окружённый воинами безлуких, Белая Сова хвастался своим преступлением.

— Он американский сиу?

— Равнинный кри, один из тех, кто пересёк границу для сражения с людьми Кастера.

Суперинтендант подозвал своего заместителя. — Видите того парня в центре? Арестуйте его за кражу. Дадим сиу наглядный урок.

— Слушаюсь, — ответил шотландец.

Вилфред Блэйк был высоким мужчиной с твёрдым прямым взглядом. Он также был одет в алуку тунику Северо-западной конной полиции. Его грудь, плечи, шея и руки были обтянуты мышцами, а спина прямая — словно шомпол. Обветренное за десятилетия сражений во всём мире, его румяное лицо казалось старше его сорока лет. Ниже квадратного лба и слегка скошенных невыразительных глаз кожа на обоих висках была грубой и покрытой стру皮ями. Его брови казались такими же густыми, как и пышные усы.

Показав жестом безлуким, чтобы они отошли в сторону, Блэйк схватил кри за руку. — Пошли, парень. Не советую доставлять мне хлопоты.

Белая Сова удивлённо уставился на него. Арестован здесь, среди его друзей? Семеро белых против нескольких племён? Он расхохотался в лицо Блэйку.

Быстрота реакции шотландца поразила сиу, словно громом. Схватив его за косичку, он рванул голову кри в сторону, затем ударил его между глаз открытой ладонью. Солнечный Огонь вскрикнул, когда Белая Сова рухнул на землю.

Индейцы возбуждённо указывали на своё оружие. Белый, который дрался голыми руками, являл для них нечто новое. Когда двое безлуких двинулись, чтобы вмешаться, Уолш прорычал: — Ты и ты — тоже арестованы.

Констебль достал три пары наручников из седельной сумки.

Блэйк сковал запястья Белой Совы у него за спиной, затем проделал то же самое с обоими сиу. Он прошёл к палатке, отстранив Солнечный Огонь.

— Нет! — вскрикнула она, когда Лающий Волк вытащил нож.

Блэйк унаследовал «Энфилд» от Сэма Брауна. — Брось это, парень, или тебе придётся умереть.

Юноша попятился наружу.

— Ты — кри, не так ли? — сказал Блэйк, пытаясь перейти на их язык.

Солнечный Огонь кивнула, не отрывая глаз от карабина.

— Почему ты вскрикнула? Во время драки?

— Ты ударил моего мужа.

— Ты хорошая жена. Значит, это его палатка.

Для Блэйка большинство индейских скво были безобразными собирательницами дров и скобильщицами шкур, но эта была привлекательной на свой варварский манер. Тёмные, словно ночь, глаза, угольно-чёрные волосы; в её лице была какая-то загадка. Ладная фигура; одежда из оленьих шкур, выпирающий живот — Солнечный Огонь была на шестом месяце беременности. Блэйк подумал, что ей двадцать лет. На самом деле ей было пятнадцать.

Типи было построено из бизоньих шкур, растянутых и скреплённых вместе. Соломенные коврики покрывали траву прерии, которая служила полом. Ивовые корзинки для отдыха, связанные ремнями, служили той же цели, что и кресла белых. На одном из сидений Блэйк заметил книгу в кожаном переплёте. На её обложке были вытиснены слова: «Журнал Паркера».

— Эт' немног' меняет дело, крошка. Твой муж — беспокойный парень. Ему мо' быть пр'тс я отвечать не токо за кражу.

Забрав «Журнал», он покинул палатку.

Толпа, окружающая Уолша, была настроена враждебно. Воины размахивали томагавками, старики с посохами в руках угрожали ему.

— Пойми, Сидящий Буйвол, я знаю, что говорю. Преступи наши законы, и ты станешь моим врагом. Кри, который украл лошадей, поедет с нами. Вмешавшихся я оставляю с тобой. И если твой язык не раздвоен, они будут здесь, когда я вернусь.

Габриэль Соломон направился к украденным лошадям.

— Убейте Того-Который-Связывает, — закричал Белая Сова, когда Блэйк привязывал его к лошади.

Сиу повернулись к Сидящему Буйволу, который поднял руку. Уолш со своими людьми беспрепятственно выехал из лагеря.

Американская пресса позже окрестит Уолша «Боссом Сидящего Буйвола».

О Блэйке первый заголовок будет такой: «КОННЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НЕ ПУТАЕТСЯ ПРОКЛЯТИЙ СОТНИ ИНДЕЙЦЕВ».

В следующем издании это сменится выражением «КОННЫЕ ВСЕГДА ПОЛУЧАЮТ СВОИХ ЛЮДЕЙ».

Это выражение прижилось.

Блэйк завязал верёвку вокруг лодыжек Белой Совы. Свой аркан он набросил на голову лошади узника.

— Возьми его в форт, — сказал Уолш. — А мы подождём здесь, чтобы посмотреть, как себя поведут краснокожие.

Блэйк вместе с кри покинул группу.

Они остановились, чтобы напоить лошадей в *Mauvaises Terres*, названной так французским путешественником в прошлом веке. Было далеко за полдень, и клонящееся к закату солнце отбрасывало длинные тени на восток. Впереди Уайт-Мад-Крик змеилась по равнине, но здесь оба речные берега были отвесными стенами. Уайт-Мад — «Сияющая Река», как называли её индейцы — имела слюдяные отложения, вкрапленные в её берега. Теперь, когда кроваво-красный диск солнца отбрасывал свои лучи в каньон, кристаллы в скалистых стенах мерцали перед ними.

Блэйк потёр висок, ободрав коросту.

«Журнал Паркера», раскрытый, лежал у него на коленях.

— Где череп, парень? Тот, о котором написано в книге? Советую тебе быть откровенным со мной. Клянусь, он у тебя.

Блэйк наклонил голову, когда заиграли волынки. «Пиброк о'Донвил Дхью». Замечательная мелодия.

— Ты оскальпировал его, парень? Ты съел его сердце?

Одна за другой из скалы вылезали руки скелетов.

Вокруг него берега реки заполнялись Павшими Парнями, костяные белые пальцы цеплялись за стены. М'Ферсон и М'Грегор, убитые при Лакнове. Грант и Стюарт, которых остановили

копья ашанти. М'Нахтен и Кэмпбелл, зарезанные в Китайской войне. Мунко со своей великолепной волюнкой, зарезанный маорийцами. Скелеты со свисающей плотью, задрапированные в клетчатую шерстяную ткань, озирались кругом.

— Зачем мы здесь? — спросил М'Трегор, его голос отдался эхом, перекрывая скрежет челюсти.

— Из-за этого цветного язычника? — спросил М'Нахтен, и его сгнившие внутренности выскользнули из-под истлевшего кильта.

— Он мешает пополнению "коллекции трофеев"? — сказал Грант, в чьей костяной руке был зажат широкий палаши с проржавевшим до оранжевого цвета лезвием, пятихвостная кожаная сумка горца хлопала его по рёбрам.

— Подвешивание развяжет ему язык, — предложил Кэмпбелл, его изведенная червями шляпа была запачкана грязью, камзол служил убежищем для пауков, забавляющихся с добычей.

— Точно, — согласились Павшие Парни. — Подвесь его, Блэйк.

Глаза конного переходили с одной мёртвой головы на другую, встречая глазницы, такие же пустые, как отверстия, выбитые выстрелом из двустолки.

— Подвешивание — это как раз то, что нужно, — сказал он.

С запястьями, скованными за спиной, сидя на лошади задом наперёд, Белая Сова нахмурился, когда белый заговорил сам с собой. Блэйк спешился и зацепил верёвку, связывающую лодыжки пленного, за дерево, одна ветка которого свешивалась с речного берега. В этом месте Уайт-Мад-Крик устремлялся между стенок каньона, со скоростью врываясь в основное русло за сужением. Ветка, через которую была переброшена верёвка, выступала над потоком. Свободный конец привязи был обмотан вокруг груди Блэйка.

— Где череп, парень? Где «Путевые заметки»?

Белая Сова не ответил, и тогда Блэйк хлестнул его лошадь. Встав на дыбы, животное взбрыкнуло, сбрасывая кри со своей спины. Блэйк резко натянул верёвку, вздёргивая Белую Сову вверх за одну ногу. Когда он петлёй закрепил верёвку за корень, служащий шкивом, перья индейца и его косички окунулись в поток.

— Да здравствуют кильты, долой гребни, — вопили Павшие Парни, их широкие палаши вздымались и опускались. — Пусть цветные язычники испробуют сталь горцев!

Блэйк словно молотом ударил кулаком между ног Белой Совы.

«Славытесь, горы», — пела волынка Мунро.

Вопль невыносимой боли сорвался с губ индейца, когда оба его яичка были расплюснуты о кости его таза. Рванувшись, кри подскочил, словно марионетка на верёвочке, его свободная нога задрглась в воздухе. Мышцы его живота сжались узлом, спина изогнулась крючком. Жилы на его шее напряглись, а глаза закатились.

— Череп, парень? — сказал Блэйк, обрушивая новый удар. Вниз по его щеке стекала кровь из содранного струпа на виске.

Судорожно хватая ртом воздух, кри безвольно повис. Блэйк ослабил верёвку так, что лицо несчастного погрузилось в воду. Белая Сова отчаянно забился, чтобы вынырнуть, но его сведенные судорогой мышцы не слушались. Каждый раз, когда его губы поднимались над поверхностью воды, кулак снова обрушивался вниз. Снова и снова, как того *требовала воображаемая волынка.*

Солнечный Огонь опустилась на колени на пол типи, ребёнок в её животе шевельнулся. Она отодвинула один из матов, открывая находящуюся под ним траву. Пользуясь ножом Лающего Волка, она принялась рыть землю.

— Почему мы должны уйти? — спросил её брат.

— Потому что мы не можем доверять сиу. Мы должны вернуться к своему собственному народу до тех пор, пока Белая Сова не освободится.

Она вытащила из тайника спрятанную одежду врача. Когда она развернула её, Лающий Волк уставился на Жёлтый Череп.

— Что это такое?

— Трофей моего мужа со Скользящей Травы.

— Но *что* это? — спросил он, поражённый размерами.

— Виндигго, — ответила она.

ХРУСТ

Ванкувер

вторник, 17 марта 1987 г. 6:02 утра

Университет Британской Колумбии (УБК) венчает собой самый лучший в городе участок земли. Раскинувшись на холмистом плато Пойнт-Грэй, он тянется на запад, словно язык во французском поцелуе, принимая к Джорджия-Стрэйт. На юге Ричмонд замыкает устье реки Фрэзер, в то время как Английская бухта и Кост-Маунтинс находятся на севере. По другую сторону пролива, напротив кончика языка, расположен Ванкувер-Айленд, а за ним открытый океан и путь в Азию.

Как обычно, химик приехал перед рассветом. Он заварил термос кофе в университетской лаборатории, затем, покинув здание, направился к Рек-Бич.

Летом берег из-за уединённости был нудистской вотчиной, но теперь он был пуст, если не считать птиц. Химик по извилистой тропинке спустился к башням.

Раньше в башнях размещались большие орудия. Во время Второй Мировой войны они охраняли гавань от нападения японцев. Сегодня заброшенные сооружения были расстрескавшимися, облезшими и покрытыми помётом морских чаек.

Химик зашагал по берегу вокруг мыса. Слева от него холмы тянулись до находящегося над ним УБК. Достигнув южной оконечности, он остановился, чтобы отхлебнуть кофе. Пар клубился вокруг него, словно обрывки утреннего тумана.

На другом берегу реки Фрэзер просыпался Ричмонд. Ранние птицы взлетали и садились на Си-Айленде. Огни машин на мостах напоминали электрические жемчужины,

уже слегка потускневшие в утренней суете. Площадка предприятия выглядела чёрным провалом на берегу.

Глядя на строительную площадку, химик нахмурился. Остановить это безумие было его манией. Сегодняшнее правительство ничего не сделало бы инвестору даже при нарушении им законов, лишь бы плата была достаточной. Фанквань Чжу предложил необходимую сумму, и, соответственно, правительство превратилось в марионетку на ниточке.

Уже несколько месяцев химик толковал о вредных эффектах. Фабрика медикаментов на реке могла вызвать мутации в популяции лосося. Когда люди едят такого лосося, они тоже могут отравиться гормонами роста, половыми гормонами и Бог весть чем ещё. Гормоны в пище уже повлияли на наступление периода плодовитости. Скоро девочки будут способны забеременеть в восемь лет.

«Фанквань Чжу Фармасьютикал Инк.» не имеет никакой программы по предотвращению сброса отходов в реку Фрэзер. Предлагаемое предприятие создаст тысячи новых рабочих мест. Выигрыш и проигрыш от строительства оценивался «фифти-фифти» для всех заинтересованных сторон, это азиатские инвестиции такого рода, которым нынешнее правительство склонно было содействовать. Спасибо тебе за твои письма, которые останутся в досье.

В Ванкувере стало активным движение «Гринпис». К настоящему моменту химик сосредоточил свои интересы в области права. Сегодня в полдень, в частности, он собирался встретиться с юристом, который выиграл несколько сложных процессов. Результаты опытов в лаборатории химика обеспечили бы необходимые доказательства.

Бам!.. Бам!.. Бам!.. Брёвна ударялись друг о дружку.

Устье реки Фрэзер использовалось для сплава строевого леса. Бок о бок плавучие брёвна вытянулись вдоль Рек-Бич. Дождь, ливший все последние дни, прекратился, чего нельзя было сказать о ветре, колеблющем воду и раскачивающем брёвна, словно галеоны в проливе. Верёвки, связывающие некоторые брёвна, были слишком слабыми.

Панки, схватившие химика, застали его врасплох. Когда он споткнулся о бревно, загораживающее берег, железные пальцы схватили его вскинутые руки; ассистент профессора мельком заметил чёрную кожу над чёрными джинсами. Руки его пленителей

были покрыты китайскими татуировками, а уши были пронизаны небольшими серьгами.

Банг!.. Банг!.. Банг!.. Брёвна тёрлись друг о дружку, просвет между ними открывался и закрывался, словно пасть.

Когда брёвна разошлись, панки сунули его туда, удерживая его за кисти по грудь в воде.

Потребовалось только одно сжатие, чтобы раздробить его рёбра; осколки вонзились в его внутренние органы, словно пики.

Сила сжатия перерезала учёного пополам.

Кормом для рыб обе половинки скользнули под брёвна.

ТРИ МОЗГА, ОДИН РАЗУМ

Подступы к Британской Колумбии

8 51 утра

Кэрол посмотрела вниз, на акульи зубы Северного Каскада. Она могла видеть Олимпийский полуостров, Сиэтл, Маунт-Рэиньер. А выше были видны снега Канады.

В 1962 году ее семья путешествовала по Скалистым горам: они посетили Банф, озера Лузы, Йохо и Джаспер. По дороге домой они остановились в Оконагане, проведя ночь в "Дью Дроп Инн" на берегу озера Скаха. Местные ребята разожгли костёр на берегу и поджаривали корни алтея на заострённых прутиках, пугая при этом друг друга страшными историями.

— Привет, — сказала Кэрол.

— Привет, — ответили они ей хором.

— Не возражаете, если я сяду рядом?

— Кто-нибудь, дайте ей прут.

Тощий коротышка с прыщами протянул ей свой.

— Откуда ты? — спросил прыщавый.

— Амарильо, Техас. Чем вы занимаетесь?

— Играем в одну игру.

— Можно мне тоже поиграть?

— У тебя есть деньги?

— Один доллар.

— Ладно.

— Как называется эта игра?

— Какая ты вонючка!

— Как вы в неё играете?

— Ты в игре?

— Да.

— Тогда гони свой бакс.

Она достала из кармана смятую купюру и опустила в кружку. Один из канадцев забрал её.

— Мой батя говорит, что наши школы лучше, чем ваши, — сказал Прыщавый. — В десять раз лучше, говорит мой батя. Он говорит, что вы стоите, прижав руки к сердцу, уставившись на свой флаг и думая, что вы лучше всех. Он говорит, что вы кучка пустоголовых холоднокровных латинян.

— Что такое холоднокровные латиняне?

— То, чем ты являешься, тупица.

— Это неправда. У нас хорошие школы.

— Да? Ну-ка, посмотрим. Какая ты вонючка?

Обиженная, Кэрол отдала ему прутик.

— Вашингтон был вашим первым президентом. Если они учили тебя в школе не ерунде, назови нашего первого премьер-министра.

Она не знала.

— А теперь на деньги, — сказал Прыщавый. У вас пятьдесят штатов, а у нас десять провинций. Спорим, я могу назвать больше штатов и их столиц, чем ты — наших. В пять раз больше. Это честное предложение.

Пока Прыщавый тарабанил названия, остальные вели счёт. Он ошибся на Конкорде, Нью-Хэмпшир, на счёте девяносто девять.

— Ладно, Техас. Твоя очередь, — злорадно произнёс он.

Когда Кэрол назвала девять из двадцати, все засмеялись. О таких местах, как Фредриктон и Чарлоттетаун, она никогда даже не слышала, и думала, что Калгари — столица Альберты.

— Хотишь попробовать с королями Англии? — спросил Прыщавый.

На следующий день её семья выезжала, а другая семья — из Утахи — въезжала.

Кэрол подслушала, как местные мальчишки строили планы.

Они называли эту игру вовсе не «Какая ты вонючка».

Они называли её «Тупоголовые янки».

— Ты удивительно молчаливая.

— Просто я думаю, — ответила Кэрол.

— О чём? — спросил Цинк.

— О том, как я была здесь в последний раз.

Самолёт пересёк границу и шёл на посадку. Когда он развернулся над Джорджия-Стрэйт, чтобы подлететь к Си-Айленду со стороны моря, она рассказала, как Прыщавый посадил её в лужу двадцать пять лет назад.

— Наверное, он изучил атлас, — сказал Чандлер. — Хорошо, если я смогу назвать пять американских столиц.

— Дело в том, что это продолжает меня задевать и сегодня.

— В школе меня всё время задирал один малый, его звали Скотт. Я надеялся, что однажды смогу начистить ему физионому.

— Сопливы́й маленький ксенофоб.

— Можно сказать и так. Канадцы никогда не бывают так счастливы, как тогда, когда они жалуются на янки. Если вы не посягаете на нашу землю, то это наша нефть или вода. История этой страны зиждится на страхе перед Штатами.

Посадочное шасси под ними выпрыгнуло из своего укрытия. Крылья скользили над Галф-Айлендс и дельтой реки Фрэнсер.

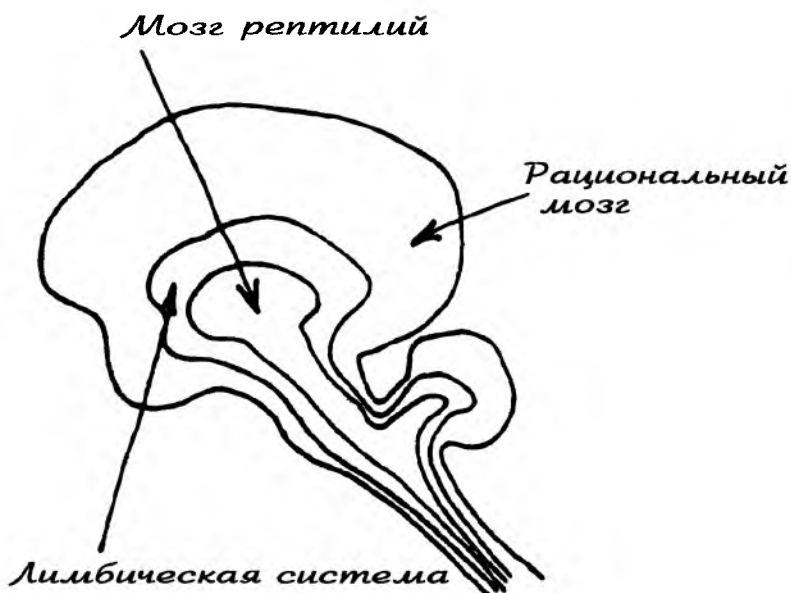
— Не принимай этого лично на свой счёт. Просто это Канада. Мы нация, воспитанная в ненависти к самой себе. Французы ненавидят англосаксов. Англичане презирают лягушатников. На востоке питают отвращение к чёрным. На западе к китайцам. Но наша величайшая трагедия, конечно, это индейцы. Мы смешанная страна. Мы не знаем, кто мы на самом деле. Можно описать канадца, только констатируя, кем он не является. Мы переняли эту ненадёжность от «чужих».

— Я могу охарактеризовать канадца, — сказала Кэрл. — Как лесоруба с хорошо подвешенным языком, в рубашке с красными нашивками.

— Попробуй представить себе кого-нибудь, кто пьёт бразильский кофе с французскими булочками, сидя в датском кресле и глядя американское ТВ. Ты совершенно права. Мы чувственные ксенофобы. Нация каннибалов, которые поедают сами себя.

— Чувственные?

Самолёт коснулся земли, один раз качнулся и взвыл турбинами. Когда двигатели заработали тише, Цинк нарисовал что-то на своей салфетке. Он протянул набросок Кэрл:

— Это образец творчества твоего абстрактного периода, Рембрандт?

— Это, студентка, поперечное сечение твоего мозга.

— Кто так говорит?

— Авакомович.

— Кто он такой?

— Это русский, возглавляющий наши лаборатории. Джо — лучший друг ДеКлерка. Получил орден Ленина до того, как бежал с корабля. «Тайм» назвал его «техником Ренессанса». Джо ест, дышит и видит сны не так, как другие.

— Хорошо, — сказала Кэрол. — Давай устроим экскурсию по моему мозгу.

— Человеческий мозг, — сказал Цинк, — по существу это три мозга, объединённые в один. Все три части образуют наш разум. Мозг рептилий — наиболее древняя часть — расположена на вершине позвоночного столба. Учёные называют его R-комплексом, говорит Джо. Здесь у нас заложены инстинкты самосохранения и выживания вида. Язык тела и ощущение пространства ведут своё происхождение от рептилий.

— Ненавижу рептилий, — сказала Кэрол.

— Рациональный мозг — это внешняя часть. Он обволакивает внутренние части, словно мыслящая чаша. Центральная нервная система делает нас людьми посредством предвидения и понимания причинно-следственной связи. Это был последний слой, который развился в процессе эволюции.

Самолёт свернул с взлётно-посадочной полосы по направлению к стоянке.

— Лимбическая система — средняя часть нашего мозга. Она управляет четырьмя функциями — питания, нападения на других, бегства и полового сношения. Все наши эмоции происходят отсюда. Секс, насилие и ксенофобия — это продукты чувственного мозга. Чувственный разум оперирует понятиями "мы" и "они". Он иррационален по своей природе.

— Ты хочешь сказать, что предубеждение и ненависть не являются приобретёнными свойствами?

— Так же, как и у секса, их основа заложена глубоко внутри.

— Каким образом?

— В процессе эволюции.

— Почему?

— Чтобы противостоять изменениям окружающих условий.

Люди вокруг отстёгивали привязные ремни.

— Все три мозга ведут никогда не прекращающуюся затяжную войну. При различных обстоятельствах каждый из них завладевает нашим разумом. Как только мы отдаём предпочтение рациональным мыслям, лимбическая система тут же затопляет нас противоречивыми эмоциями. Любовь, ненависть, чувство вины, страх, похоть и т.п.

Я прекрасный образец мозга, лишённого здравого смысла. Услыхав твой голос в аэропорту, мой чувственный мозг сразу вострепел. Он помнил, какая ты была в постели. Пока мои ладони потели, моё сердце бухало от страсти, которая, казалось, давно ушла. Мой рациональный мозг, однако, сохранял обычную точность. Он знал, что я упустил свой шанс по отношению к тебе, и принимал это, как свершившийся факт.

Даже сидя здесь и обсуждая проблемы психологии, эрекция в моих штанах обладает своим собственным мнением по этому поводу.

— Шшшш! — озираясь кругом, сказала Кэрол. Бабуля, сидевшая через одно кресло от них, навестила уши.

— Дело в том, что то, что мы ощущаем, часто вступает в противоречие с тем, что мы знаем. Лимбическая система — часть любого человеческого существа. Чтобы убедиться в этом, взгляни на ежедневные новости. Все мы склонны к ксенофобии. Терпимость оборачивается ненавистью. Страх — агрессией. Стремление к выживанию — разрушением.

Лимбическая система явилась причиной того, что католические священники кастрировали мальчиков-сирот. Поэтому же существа третьего пола — это мечта феминисток. Из-за этого чёрные звереют от Гарлема, а ирландцы взрывают друг друга. Поэтому немцы пошли за Гитлером, а британцы завоевали мир. Поэтому же Прищавый посадил тебя в лужу, и ты до сих пор чувствуешь обиду.

— Я думала, что мы рождаемся с мозгом чистым, словно белый лист бумаги.

— Но не внутренние слои, если верить Джо. Они являются «коллективным сознанием», генетической памятью. Во всяком случае, не только рациональный мозг определяет структуру разума.

— Разумно мыслящий мозг имеет правое и левое полушария. Правое ответственно за творчество, воображение, восприятие и духовность. Оно охватывает вещи полностью, целостным восприятием. Левое опускается до болтов и гаек. Оно — логическое, аналитичное, научное. Оно видит детали, факты и конечные цели. Индейцы в основном мыслят образной частью своего мозга. Белые в основном аналитической. В течение двадцати тысяч лет индейцы сохраняли эту землю неиспорченной. Посмотри, что мы сделали всего за одно столетие. Вот почему, говорит Джо, культуры приходят к упадку.

— Сомневаюсь, что его теория политически верна.

— Согласие с политикой противоречит эволюции. Это ведёт к подмене действительных фактов тем, что соответствует интересам определённой группы людей. Люди, мыслящие в соответствии с политикой, это новые приверженцы теории божественного творения.

Самолёт остановился, его двигатели стихли. Пассажиры вокруг Кэрол и Цинка принялись надевать пальто и шляпы.

— Женщины подавляют деятельность одного полушария, мысля другим. У мужчин нет такой способности, — сказал Цинк. — Мы видим наложение на «мозговых экранах». Нужно ли нам пренебрегать очевидным фактом, чтобы быть политически лояльными?

— Мужчины и женщины — это два разных вида, — сказала Кэрол. — Но им случается бывать сексуально совместимыми.

— Совместимыми? — переспросил Цинк.

И они оба принялись хохотать.

— Чем хороша лимбическая система для противостояния внешним условиям? Зачем сохранилось такое деструктивное стремление?

— Наша самая мощная побудительная сила — потребность быть уверенными в своём выживании и воспроизведении наших *собственных* генов. Это объединяет самосохранение и выживание вида. Ксенофобия защищает от внешних условий. Она побуждает нас содержать наш банк генов в «чистоте». Наш рациональный мозг развился, чтобы создавать лучшие виды оружия. Цивилизация всего лишь побочный эффект. Эволюция не заботится о «правильном» поведении, но требует от нас, чтобы мы воспроизводили себя наилучшим образом. Этот инстинкт предвосхитил наш рациональный мозг, и вот почему фанатизм и расизм никогда не исчезнут. Чтобы избавиться от них, мы должны были бы влезть в самую середину головы каждого человеческого существа.

— Я тебе рассказывал о Карадоне? Он работал со мной по делу Вурдалака.

— Это тот парень, который спас твою задницу в прошлом году?

— Билл — видеофанатик, который коллекционирует старые фильмы. Он присутствовал, когда Джо рассказывал мне о трёх мозгах. Карадон придерживается теории, что фильмы о чудовищах — это фильмы, вызванные прорывом наружу чувственности. «Франкенштейн», «Чужой», «Война миров», «Они» и «Нечто». Монстры — это всего лишь воплощение реально существующих «чужих». Мы сидим в затемнённом кинотеатре и изливаем свою ненависть на экран. За чужими масками чудовищ скрывается наша собственная ксенофобия. Вот почему фильмы ужасов так популярны. Они позволяют нам убивать тех, кто находится вне нас самих, при помощи посредника.

Цинк взял набросок и постучал пальцем по трём слоям.

— Внутренний мозг, эмоциональный мозг, рациональный мозг, — сказал он.

— Доктор Джекилл...

Его палец переместился от внешнего мозга к лимбической системе.

— Встречается с мистером Хайдом.

БОЛЬШОЙ ПАРИК

Ванкувер
10:00 утра

Главный судья Британской Колумбии был не тем человеком, с которым было легко справиться. Уже в течение двадцати шести лет Калвин Каттер был прикован к своему Позорному столбу, сев на место судьи уже достаточно консервативным юристом по морским делам, затем всё более склоняясь вправо по мере того, как уголовные дела ожесточали всё больше то небольшое, что ещё оставалось податливым в его разуме. Один из острословов коллегии адвокатов прозвал его «Чёрной дырой Кала Каттера» — столь тщетны были самые лучшие аргументы, которые тонули в его приговорах, никогда не находя отклика.

Правоохранительная система этой страны (как и любой страны, использующей состязательную систему правоохранения) включает в себя и самых наименее уважаемых граждан. На долю прокурора достаются самые серьёзные препятствия, поэтому он располагает кошельком народа и полицией для своей поддержки. Адвокат наносит ответные удары, и вы слышите звяканье тюремной решётки.

Судьи становятся судьями по милости политиков, и политики наполняют суды теми, кто мыслит «надлежащим образом». С точки зрения адвокатов эта игра — «русская рулетка», в которой проигравшие попадают на суд «Угрей». «Угри» — верноподданническая клика, неукоснительно подчиняющаяся приказу, которая знает, как должно быть решено дело ещё до того, как оно попадает на предварительное рассмотрение. В любом томе судебных отчётов, используемых в качестве прецедентов, содержатся приговоры, лишённые как здравого, так и правового смысла. И не-

изменно такие судебные решения касаются ужасающих фактов — убийства детей, изнасилований с убийством и тому подобных преступлений. Расхожее выражение, употребляемое при такого рода ошибках, гласит: «Тяжёлые преступления порождают плохие законы». В адвокатском варианте это звучит, как «свидетельство качества работы «Угрей».

Адвокат, чувствуя себя обиженным, может отважиться на «купание среди больших белых акул». В отличие от Онтарио, которое представляет либеральное крыло, апелляционный суд Британской Колумбии консервативный. И королевская власть, и адвокаты любят называть его «яблочным судом» («в каждой корзине есть одно или два гнилых»). Кто является гнилым яблоком, зависит от точки зрения; при этом кандидатами на это звание обычно бывают «Непогрешимый», «Недоразумение» и «мистер Золотая Середина».

Недоразумение получил своё имя в тот день, когда он попал в суд и произнёс приговор, написанный своими тремя коллегами-судьями. Дело касалось укрывательства наркотиков, которому предшествовала кража. Когда Недоразумение объявил, что апелляция удовлетворена, адвокаты апеллировавших прямо из суда отправились пить шампанское. По ошибке Недоразумение прочёл последнюю строчку *вычеркнутого* приговора. Настоящий же приговор присуждал укрывателя к смертной казни.

Апелляционный суд заседает при нечётном числе судей. Это гарантирует то, что он никогда не попадает в тупик. Когда приговор произносится с места, в отличие от письменного изложения обстоятельств, председательствующий первым высказывает своё мнение, а за ним высказываются остальные, говоря «Я согласен со своим коллегой» или возражая ему.

В свой первый день на месте судьи мистер Золотая Середина (который на практике составлял завещания) не смог уловить этого простого положения. Подойдя к завершению первого дела, председательствующий сказал: «Я удовлетворяю эту апелляцию». Следующий старший судья сказал: «Я отклоняю эту апелляцию». Мистер Золотая Середина — не из тех, кто гладит против шерсти — примирил их, сказав: «Я согласен с обоими своими коллегами».

И был ещё Каттер, составляющий свой собственный класс.

Главный судья имел так много кличек, что трудно проследить происхождение их всех. «Ром, Содомия и Плеть», «Железный Ку-

лак в Железной Рукавице», «Улыбающаяся Гадюка», «Луноликий» — список можно было бы продолжать. Позднее адвокаты прозвали его «Мистер Уловка-22». Это проистекало из его логики в суде:

Пример номер один:

— Мистер Пибоди, у вашего клиента есть доказательства?

— Нет, милорд главный судья. Но он и не обязан их иметь.

— Спокойней, спокойней, мистер Пибоди, все мы знаем закон. Обычный судья не может указывать на ложность показаний заключенного. Мы же, однако, апелляционный суд, и по моему мнению, отсутствие у него доказательств достаточно красноречиво. Это тот самый случай, когда заключённый не нашёл правильного ответа. Апелляция отклонена.

Полминуты спустя, пример номер два:

— Мистер Пибоди, ваш клиент представил доказательства?

— Да, милорд. Представил.

— Ах, так, но ему не поверили, иначе вы не были бы здесь. Уголовный суд заслуживает исключительного доверия. Вашему клиенту представлялся случай доказать свою невиновность, но он представил фальшивые доказательства для своей защиты. По-моему, одного этого достаточно, чтобы вынести приговор. Апелляция отклонена.

Мнение адвокатов о Каттере не знало никаких границ. Адвокат, покидающий большую землю и направляющийся на Ванкувер-Айленд, прибывает на пирс, когда его корабль покидает порт. На берегу и на палубе находятся сотни людей. Узнав знакомого коллегу на борту, адвокат, находящийся на берегу складывает ладони рупором и орёт: «Ты слышал хорошую новость, Фрэнк? Главного судью свалил серьёзный сердечный приступ». Каттер, однако, вышел и снова занял своё место на судейской скамье.

— Войдите, — приказал он, когда секретарь постучал.

ДеКлерк, Чандлер и Тэйт шагнули в кабинет главного судьи. Секретарь прикрыл дверь, отрезая им путь к отступлению. Комната являла собой причудливую смесь датского модерна и морской

спасательной службы. Широкие угловые окна выходили на Фолс-Крик. Перед стеклом был установлен корабельный штурвал; рядом с ним медный телескоп был направлен на снующие внизу яхты. Стены, окрашенные в тёмно-синий цвет, были увешаны открытками с изображениями галеонов, а корабли, собранные в бутылках, окружали стопки голубых апелляционных книг. «Ром, Содом и Плеты» был морским человеком.

— Главный судья Верховного Суда изъявила желание попристутствовать, — сказал Каттер, кивая в сторону женщины, сидевшей перед его столом.

Главный судья Британской Колумбии руководил апелляционным судом. Главный судья Верховного Суда курировал уголовные суды. Когда Элизабет Туссен поднялась и протянула свою изящную руку, Тэйт окинула ее тем взглядом, каким женщины окидывают друг друга. Туссен была одета в мантию налогового суда: чёрную шёлковую накидку с алой отделкой, хорошо сочетающуюся с надевшим под нее простым чёрным платьем с отложным белым воротничком и V-образным вырезом. Тэйт расценила её как женщину крайне сдержанную и подумала о том, чем она должна была пожертвовать, чтобы подняться так высоко к пятидесяти годам? Над патрицианскими глазами и сдержанной улыбкой каштановые волосы Туссен контрастировали с её мантией.

— Не будем терять времени, — сказал Каттер. — У меня много работы.

Главный судья был коротышкой с губами, напоминающими трубку. Адвокаты называли его «Луноликим», так как его лицо напоминало задницу. Он выглядел так, будто кто-то надул его насосом.

— Итак? — спросил Каттер. — Что это, псих разошёлся?

Он не пригласил копов сесть, поэтому они остались стоять.

— Беспокоит знак зодиака, — сказал ДеКлерк. — Двое судей убито, и с обоими убийствами связан один и тот же символ. Моя уверенность в том, что это работа одного и того же убийцы, основывается на общих обстоятельствах обоих преступлений. Хотя мы и не можем сбрасывать со счетов тот факт, что вчерашние газеты перепечатали сан-францисскую записку. Человек, совершивший убийство прошлой ночью, мог быть и подражателем.

— Может, кто-нибудь использует Мэрдока в качестве ширмы? — спросила Туссен.

* «Луноликий» — «Moon Face» — задница (англ., амер. слэнг)

— Дело, которым занимался Максвелл, касалось колумбийских наркотиков. Его язык был вытасцен наружу, словно «колумбийский галстук». Как я понимаю, он собирался сегодня вынести приговор. Смерть Максвелла эффективно остановит этот процесс. Повторное разбирательство будет стоить несколько миллионов долларов. Может, Корона захочет принять участие в этом деле, чего не стала делать раньше? И спустит процесс на тормозах, чтобы избежать нового расследования? Тогда знак Зодиака маскирует этот мотив.

— И в этом случае, — сказала Тэйт, — убийства не связаны между собой. Если только Мэрдок не был убит первым, чтобы напустить тумана. Кокаиновые деньги объяснили бы использование сложного оборудования. «Вальтер WA2000» и генератор случайных чисел — дорогие игрушки. И то и другое доступно картелям Меделлини.

— Именно так было повреждено охрannое устройство? С помощью устройства случайных чисел? — спросил Каттер.

— Наиболее вероятно, — сказал ДеКлерк. — Это самый верный способ. Миникомпьютер электрически подсоединяется к замку. Он включается в цепь, затем перебирает все возможные комбинации. Когда он попадает на соответствующий код, дверь открывается.

— Другой возможный вариант, — сказал Чандлер, — заключается в том, что использовалась 4500-мм оптика. Мы используем её для наблюдений — с поразительными результатами. Наблюдая за подозреваемым в телефонной будке на расстоянии в одну милю, мы можем прочесть номер, который он набирает. С помощью оптики мы записываем на видео его разговор, так что позднее чтецы по губам могут рассказать нам, что он сказал.

— Ещё одна возможность связана с его работой. Кто-то, кто сам узнал код или передал его сообщнику.

— Кто-нибудь из судей? — сказал Каттер.

— А кто ещё знает код?

— Если здесь замешан судья, зачем убивать в кабинете?

— Потому что он хотел, чтобы что-то было похищено со стола Максвелла и выглядело при этом так, будто это работа кого-то *извне*.

— Если эти убийства связаны между собой, — сказала Тэйт, — то самая очевидная связь между ними — это Зодиак. Но если связь с Зодиаком кажущаяся и если одно убийство не является ширмой для другого, то не будет ли лучшим мотивом какое-нибудь дело,

слушавшееся обоими судьями? Сперва уголовное, слушавшееся Максвеллом, которое затем было на апелляции?

Туссен покачала головой. — Это невозможно. Максвелл был убит, когда пробовал силы на первом своём деле. Оно ещё не слушалось в суде — какая уж там апелляция.

— А как насчёт предварительных попыток оказать давление?

— У нас здесь не ваша система, Особый Агент. Ни одно дело не попадает на апелляцию прежде, чем завершится уголовный суд.

— Как насчёт залога?

— Это делается в провинциальном суде. Все обвиняемые в деле Максвелла были освобождены.

— Есть и ещё один аспект, — сказал Каттер. — Кроме того, что ни один из приговоров Максвелла не поднимался до нашего уровня, в нашем суде заседает по три судьи. Какой толк в убийстве Мэрдока? Остаются ведь ещё двое.

— Как долго Мэрдок заседал у вас? — спросила Тэйт.

— Восемь лет, — ответил Каттер. — Он был назначен в 79-ом.

— Что, получил повышение?

— Нет, Мэрдок пришёл прямо после практики. Юристы его масштаба хотят работать только в моём суде.

Кэрол заметила, как по лицу Туссен промелькнула тень пренебрежения. — Как долго был судьёй Максвелл? — спросила она.

— Три месяца, — ответила главный судья Верховного Суда.

— Появлялся ли Максвелл в суде у Мэрдока, будучи ещё простым юристом?

Каттер фыркнул с явным пренебрежением. — До своего повышения Максвелл был частным адвокатом, нанятым службой иммиграции. Он ни разу не выступал в Верховном Суде, тем более в апелляционном суде.

— Как долго он работал на федеральное правительство? — спросил Чандлер.

— Двадцать с лишним лет. С тех пор, как получил звание адвоката.

— Чем он там занимался?

— Выносил решения. Заседал на депортационных слушаниях, насколько я припоминаю.

— Почему, — спросила Тэйт, — Оттаве понадобилось назначать его судьёй? Юриста низкой квалификации, полу-бюрократа?

— Это случается, — сказала Туссен, непроизвольно кивнув в сторону Каттера. — Есть два пути к креслу судьи. Один — это ве-

ликопепное знание права, второй — политическая возня. Дедом Трента был сэр Монтегю Дин Максвелл, сенатор.

— Попадали ли депортационные распоряжения Максвелла в суд Мэрдока?

— Иммиграционные материалы относятся к компетенции федерального апелляционного суда. Как и у вас, у нас имеется двойная система судов.

— А как насчёт личных врагов? У кого-нибудь из них?

Каттер достал из своего стола стопку вырезок и протянул одну ей:

ОТРАВЛЕННЫЕ ШОКОЛАДНЫЕ КОНФЕТЫ

Нью-Йорк. Ведущий специалист кафедры антропологии Нью-Йоркского Университета во вторник признан виновным в том, что послал федеральному судье отравленные шоколадные конфеты. Карьера Джона Бюттнера-Януша была разрушена признанием его виновным в причастности к наркотикам в 1980 году. Он послал отравленные шоколадные конфеты судье, который осудил его, судье Чарльзу Брайэнту. Жена Брайэнта заболела после того, как съела четыре из них.

— Судья в любом случае наживает себе врагов, — сказал Каттер.

— Я больше имела в виду врагов среди людей их профессии.

— Адвокат с «камнем за пазухой»?

— Или судья. Может, кто-нибудь с различными «камнями» для них обоих. Кто-нибудь, кто переступил черту и занимается сведением счётов.

— Тогда вам придётся просеять более шести тысяч человек. Наступание на пальцы — часть этой профессии.

— Никто не приходит на ум, — сказала Туссен.

— Были ли Мэрдок и Максвелл общительными людьми? — спросил Чандлер.

— Судейская лавка не слишком подходит для общения, — сказал Каттер. — Мой суд дал пинка слишком многим задницам.

— Оба мужчины были неженаты? Будучи много старше средних лет?

— И я неженат, — проворчал Каттер. — Но это ещё не означает, что я гомик.

— «Право — ревнивая любовница», — тактично сказала Туссен.

— Мэрдок в действительности был распутником, — Каттер надулся. — Он имел каждую куколку, которая попадала к нему в офис, доходили до меня слухи. Когда он был назначен ко мне в суд, у нас была с ним небольшая беседа. Я сказал ему, что отберу у него значок, если услышу ещё одну историю вроде стеклянного стола.

Кэрол глянула на Цинка.

Цинк глянул на Кэрол.

— Стеклянного стола? — спросила Кэрол.

— Ещё есть вопросы? — Каттер разозлился.

— Максвелл тоже был бабником? — спросил ДеКлерк.

Туссен улыбнулась.

— Он жил в Шонесси вместе со своей восьмидесятилетней матерью. Читал ей на ночь рассказы о привидениях, как мне рассказывали.

— Действительно Мэрдок был таким отличным судьёй, как считалось?

— Он был гораздо более либеральным, чем я, — сказал Каттер. — Мой суд придерживается твёрдой линии против анархии. Мэрдок не был компанейским человеком, у него всегда было своё собственное мнение. Артистичные типы любовались им, и вот почему он выступал перед американскими адвокатами. Представление Хаттона Мэрдока о каникулах заключалось в том, чтобы взять тексты последних законов в своё убежище на Галф-Айленде и заняться чтением. Он писал примечания к уголовному кодексу.

Главный судья поднялся со своего кресла и проковылял в душевую. Когда он открыл дверь, Кэрол увидела полочку, заставленную бутылочками с одеколоном, и гипсовую голову, покрытую париком из конского волоса. *Он воображает себя Великим Канцлером*, подумала она.

— Есть ещё что-нибудь о Мэрдоке, что нам следовало бы знать? — спросил ДеКлерк.

— Хаттон был практичным малым, — сказала Туссен. — Он инстинктивно чувствовал, где у каждого находится ахиллесова пята. Это делало его смертельно опасным противником.

— Можете привести пример?

— Однажды в марте мы втроём остановились в Оттаве: Хаттон, я и старина Тетфорд Йорк. Слушание в Верховном Суде Канады осталось позади, не требуя нашего присутствия до будущего понедельника. Тетфорд — Тед — был живой легендой нашей профес-

сии, человеком, для которого форма была гораздо важнее содержания. Он нанял «Кадилак» с шофёром, чтобы тот повозил его по столице, и когда Хаттон сказал, что в «Пражской весне» самая лучшая чехословацкая кухня в городе, Теда предложил, чтобы мы поужинали там в восемь часов вечера.

Мы с Хаттоном приехали в семь, чтобы выпить по аперитиву. Он рассказал мне, что хозяин ресторана едва спасся, когда русские вторглись в шестьдесят восьмом, чтобы сбросить правительство Дубчака. Едва мы уселись недалеко от двери, как подъехал лимузин Теда. Он выглядел весьма rispetабельно: под руку с женой, в чёрном шерстяном пальто, с шёлковым шарфом и в белых тонких перчатках. Тед вплыл в ресторан в своём обычном величественном стиле.

«Мистер Йоркский?» — спросил хозяин, встречая его у двери. «Да, милейший», — ответил Йорк, вероятно, думая, что окончание «-ский» было прибавлено в соответствии с чехословацкими обычаями.

Вслед за этим хозяин схватил его за шиворот и за заднюю часть брюк и, с грохотом отворив дверь, вышвырнул Теда на тротуар.

Хаттон сказал владельцу ресторана, чтобы тот ожидал важного гостя: товарища Тетфорда Йоркского, военного атташе советского посольства.

Копы усмехались, когда Каттер, от которого пахло шампанским, встретил их. Взгляд у него был такой, словно он боялся, что над ним будут смеяться.

— Вы можете предположить, что было похищено со стола Максвелла? — спросил ДеКлерк. — Оно было размером с почтовый конверт.

Оба главных судьи покачали головами.

— Если вы додумаетесь до чего-нибудь, позвоните мне.

Секретарь открыл дверь, чтобы копы смогли выйти. Когда они пересекали приёмную, Каттер произнёс им в спину: — Когда схватите ублюдка, не вздумайте выжимать из него доказательства. Разбор плохо подготовленного дела может повредить моей репутации среди адвокатов.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

6:35 *полудни*

Чандлер и Тэйт провели остаток дня, роясь среди материалов Отдела по борьбе с наркотиками, ища ключ к разгадке в деле Максвелла, связанном с картелем Меделлини. К ужину они вернулись в спецотдел «Х», где Цинка поприветствовала какая-то женщина, как только они шагнули на порог.

— Кэрол Тэйт. Кэтрин Spann.

Когда они пожимали руки, Тэйт показалось, что она смотрится в зеркало. Spann была такого же роста и имела такое же сложение, что и она. У обеих женщин были светлые волосы и голубые глаза. Обе заставляли мужчин оглядываться на них ещё раз.

— Великолепная форма, — сказала Тэйт. — Она вам подходит.

— Я имела случай в этом убедиться, — ответила Spann. Она была одета в красную тунику и тёмно-синюю юбку. — Парню, которого я вытолкала вон, не было от этого никакой пользы. Их начинает тянуть ко мне после того, как шериф запирает их в камеру. Привет, Цинк. Захвати свою подружку на юбилей.

Spann протянула ему конверт и повернулась на каблуках.

Кэрол рассматривала её зад, пока она удалялась.

— Кто ты, дорогой? Охотник за женщинами?

— Кэти? — сказал Цинк, краснея. — Я едва с ней знаком. Она была ранена несколько лет назад и была в длительном отпуске. Вернулась на службу только несколько месяцев назад.

— Великолепные ягодичы, — сказала Кэрол.

— Я не заметил.

В конверте было два билета на вечерний концерт группы "AC/DC".

- Ладно? — спросил он.
— А почему нет? — ответила Кэрол.

11.20 *полуполудни*

Лифт остановился на этаже Кэрол. Номер Цинка был тремя этажами выше.

— Увидимся утром.

Они шагнули в прихожую.

— Что? — спросила она, закрывая уши ладонями. — Я ничего не слышу. Думаю, мой слух надолго повреждён.

Они оба были возбуждены и выбиты из колеи. Парни из Австралии наэлектризовали их нервы.

— У этого парня Джонсона лужёная глотка. Как ты думаешь, кто этот «Джек»?

— Думаю, это была запись.

Кэрол было тесно в четырёх стенах, она была сгустком энергии.

— Когда Ангус Янг двинулся в толпу, я думала, все обезумеют. Интересно, он всегда носит школьную форму?

— Думаю, это его визитная карточка.

— Сколько там было децибел, как ты думаешь?

— Один Бог знает. Должно быть, побольше, чем у «Живущих на Леде».

— Толпа с каждым годом становится всё моложе, — сказала Кэрол. Она порылась в карманах, отыскивая ключ.

— Думаю, время течёт иначе, — сказал он. — Мы становимся старше, в то время как толпа молодеет.

— Я чувствую себя так, словно меня подзарядили, — сказала она, отпирая дверь.

— Посмотрим, как твоя гудящая голова будет чувствовать себя утром. Помнишь лимбическую систему?

— Конечно, — сказала она. — Питание, борьба, бегство от опасности и половое сношение.

— Джо говорит, что мы стареем из-за чувственного мозга. Приятных снов. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Цинк? — позвала она.

Он повернулся. Кэрол схватила его за отвороты и прижала спиной к стене.

— Самое время для вечеринки. Протряси меня всю ночь.

ВТОРЖЕНИЕ СО ВЗЛОМОМ

6:45 пополудни

ДеКлерк провёл послеполуденное время в дефектоскопической лаборатории. Сегодня он был готов убрать поездку Блэйка и подвергающиеся бичеванию «Волюнки, кровь и Славу» на четвёртый план. Его последние минуты не показательны потому, что убийца Максвелла наполнил одиннадцать его внутренних сосудов «мёртвым воздухом». Ради своего издателя он обратился к телефону.

Последний звонок, который он сделал, был в «Л.-А. Таймс». Кирк свёл его с редактором отдела литературы, и Роберт дал ему гарантию того, что «Журнал Паркера» был подлинным. Настаивая на том, что профессор из Аризоны был зарезан во время своего путешествия, он сделал для себя пометку, чтобы не забыть принести книгу в спецотдел «Х». Когда Авакомович вернётся из Колорадо, он обещал провести тесты, чтобы определить время её написания.

К тому времени, когда ДеКлерк вернулся домой, он был совершенно разбит. Прошло уже два дня с тех пор, как он спал — всю прошлую ночь он без перерыва проработал в суде. Держа в руке пальто, он позвонил в ветлечебницу, чтобы справиться о Наполеоне, который был госпитализирован в прошлый уикэнд с жестоким расстройством желудка.

— До завтра он не попадёт домой, — сказала сестра. — Утром справьтесь у ветеринара о дате выписки. — Предстояла ночь одиночества без собаки.

По пути домой он вставил в магнитофон одну из кассет Женеьевы. Проезжая Дундараву вдоль набережной Вэст-

Вэн, он слушал «Ол'Мэн-ривер» в интерпретации Темтейтской капеллы. В конце торгового квартала он припарковал машину у 29-го Пирса, затем пешком направился обратно, чтобы купить что-нибудь из диетической кухни. Овсяные хлопья были единственным блюдом, которое он признавал на ночь.

ДеКлерк собирался уже войти в магазин, когда закричал ребёнок: «Папа!». Его словно парализовало, перед его внутренним взором промелькнуло стремительное видение.

В Шекспир-Гарден парка Стэнли стоят два дерева. «Комедия» было посажено актрисой Евой Мур; «Трагедия» — сэром Джоном Мартином Харви. С 1920 года каждое из деревьев выращивалось в соответствии со своим названием, «Комедия», такая же буйная, как и любимые вами комедии, и «Трагедия», такая же мрачная, как «Ричард III».

Между их стволами, раскинув руки, к нему бежит Дженни, её испуганный голос отчаянно зовёт: «Папа!»

Не имеет значения, как быстро она бежит, всё равно она не приближается к нему.

— Вы в порядке, шеф?

— А?.. Да, Чарли. Просто переутомился, — сказал ДеКлерк.

Мужчина рядом подхватил на руки маленькую девочку, заноса ребёнка в магазин.

— Стал слишком стар, чтобы проводить ночь без сна, — сказал ДеКлерк.

— Можете мне об этом не рассказывать. — Чарли потёр руки. — Я бы отдал правую руку, чтобы поваляться на Гавайях.

Чарли был ветераном войны, потерявшим обе ноги в Нормандии. Всегда, сколько ДеКлерк его помнил, семидесяти летний калека продавал здесь лотерейные билеты. Лил ли дождь, ярко ли светило солнце, он сидел в своей будке у дверей магазина, коротая дневное время с прохожими. ДеКлерк всегда покупал один-два билета, чтобы Чарли мог получить комиссионные. И ни разу не проверил, не выиграл ли он.

— Вытащите мне выигрышный, Чарли.

— Входите, шеф.

ДеКлерк заплатил за билет и засунул его в свой бумажник.

— Вам лучше немного поспать, шеф, — сказал старик. — Когда сны появляются днём, это тревожный признак.

— Я так и сделаю, Чарли. Желаю, чтобы вам приснились те острожные девочки.

Возле Лайтхауз-парк он запарковал свой «Пежо», съехав с Марин-драйв, затем спустился по дорожке к своему дому. Позади дома вечный океан лизал берег, пока, чувствуя ломоту во всех костях, он отпирал парадную дверь.

Стакан вина, Диетическая Кухня, «Кармен» и постель — или, по крайней мере, достаточно и оперы, чтобы послушать голос хаба-неры.

Шагнув в прихожую, он зажёг свет.

Чёрт побери! — подумал он.

Кто бы ни посетил его дом, он проделал огромную работу.

Пустые ящики.

Перевёрнутая мебель.

Все его книги вытащены.

Спустя полчаса приехали Вэст-Вэнские копы. К тому времени он уже знал, что взломщик похитил «Журнал Паркера» и его заметки о Блэйке.

ВОЛЫНКИ, КРОВЬ И СЛАВА

Озеро Медсин, Альберта
четверг, 9 декабря 1897 года, рассвет.

Он проснулся сразу.

Его мышцы напряглись.

Мозг работал напряжённо.

Нервы были натянуты, словно тетива лука.

Под накидкой, которую Блэйк использовал в качестве подушки, его рука нащупала рукоятку «Энфилда», и большой палец взвёл курок. Послышалось звяканье, когда револьвер был взведен, но звук был приглушенным и затерялся под накидкой. Вытянув револьвер из-под головы на пронизывающий холод, он остался неподвижно лежать в своей куртке из буйволово́й кожи. Не издавая ни звука. Прислушиваясь. Выжидая.

Ночь была холодной и безлунной. Предрассветный северный ветер веял над ландшафтом, меняя своё направление с тем таинственным непостоянством, о котором индейцы говорили «Танец душ умерших». Над его головой в чёрном небе мерцали бесчисленные звёзды, а на востоке, на открытом пространстве, розоватый след от метеора указывал на первые, ещё слабые признаки рассвета. Было 6:00 утра.

За те часы, что Блэйк спал, арктическая буря покрыла долину слоем снега.

Теперь же мороз опустился с сурового неба, укрыв место его стоянки ледяным саваном, и, казалось, весь мир спал в первозданной уединённости. Но всем нутром, первобытным инстинктом, он чувствовал, что рядом что-то есть.

«Энфилд» в руке.

Дыхание затаено.

Он медленно поднялся с земли.

Блэйк раскинул лагерь в нескольких сотнях футов от берега озера Мэдсин. Здесь, пока рассвет начинал обрисовывать зазубренные пики на востоке, он притаился под защитой группы сосен, прислушиваясь к тишине.

Издалека через неравные интервалы доносился одинокий крик совы.

Воды озера плескали о льдины, отрывающиеся от берега.

Налетающий бриз свистел в ветвях елей, наводя на мысль о загорающих.

Затем — как это часто случается в горах — ветер сменил направление. Задул южный ветер, едва ли достаточно сильный, чтобы вызвать туман или разогнать перистые облака на западе. Собаки тут же проснулись и повернулись в том направлении. Псы закружили возле упряжки в пятидесяти футах от Блэйка.

Железное Дитя, подумал конный, доверяясь инстинкту.

Юношу, пробирающегося по снегу, едва ли можно было назвать мужчиной. Он был одет в зимнюю одежду своего племени, которая давала слабую защиту от холода. Куртка из буйволово́й кожи, соскользнувшая с его плеча, была надета на голое тело. Кожаные штаны, свисавшие с его талии, дополнялись гамашами, закрывающими его ноги от щиколоток до паха. Его мокасины для дополнительного утепления были обернуты травой, рога́тую шапку украшали шкурки ласок. Двумя руками он держал свой «Винчестер», словно дубину. *Он выбился из сил*, подумал Блэйк.

Порция адреналина впрыснулась в кровь белого. Именно в такие моменты он жил наиболее полнокровной жизнью и наиболее ясно осознавал это. Подняв «Энфилд», Блэйк прицелился в Железное Дитя. Но когда он нажал на курок, револьвер не подчинился. То ли механизм замёрз, то ли его заело.

Боевой клич разнёсся в студёном горном воздухе. Вырвавшись из кустов в сорока футах к западу, кри прокладывал себе путь среди сугробов. Тридцать футов... двадцать... он сокращал разделяющий их промежуток.

Схватив рукавицу зубами, Блэйк стащил её с руки. Нажимая на курок, он обхватил «Энфилд» двумя руками. Дерево рукоятки было холодным на ощупь, металл же обжигал, как кусок льда.

Железное Дитя, сорвав свою куртку, остался обнажённым по пояс. Он спотыкался и падал, его дыхание клубилось вокруг него белыми облачками. Винтовка, зажатая в обеих руках, была поднята высоко над головой, но когда он увидел, что «Энфилд» дёрнулся, то упал на колени.

Дуло вспыхнуло жёлтым, затем раздался ошеломляющий выстрел. Реvolver дёрнулся в руках Блэйка, из него вырвался сноп огня. Горное эхо многократно повторило звук выстрела. Плохо нацеленная пуля промазала. Она пролетела над головой кри и ударила в приклад его винтовки, расщепив его на несколько осколков. Один из осколков оцарапал висок юноши, распорол щеку и вонзился ему в плечо так, что его рука онемела. Энергия от удара пули в винтовку швырнула его на спину. Нога Железного Дитяти хрустнула. Затем он потерял сознание.

Кри, оправившись от шока своих ран, обнаружил, что на него смотрит ствол револьвера.

— Эй, — сказал Блэйк по-английски. — Я вижу, ты жив. Тебе больно, парень?

Конный стоял между Железным Дитятей и пламенеющим шаром солнца, сияние славы окружало его словно аура. Его рука машинально почёсывала висок, струпья на лбу были ободраны до крови. Теперь ему было шестьдесят, его усы, волосы и брови были белыми, бледные глаза — холодными, словно зимний пейзаж.

— Некоторые не дерутся, когда есть надежда на выигрыш, парень. Гораздо лучше драться тогда, когда от того *нет* никакой пользы. Сирано де Бержерак. Может, эт' и твоя философия?

Железное Дитя не понимал слов, произносимых Блэйком. Чувствуя, что было бы самоубийством издать хоть один звук, он следил за конным, покачивающимся на каблуках, за стволом «Энфилда» в четырёх футах от его головы.

— Ты не п'нимаешь английского? Или, может, он слишком сложен для твоих мозгов? Н'да мне эт' не важно, парень, потому что мы должны поговорить наедине, пока у нас есть время.

Один из псов подбежал, чтобы обнюхать лицо кри, его язык слизнул кровь, стекающую по его щеке.

Поскольку онемение сковало его мышцы, индеец лежал неподвижно. Солнце, отражаясь от снега, нагрело воздух, поэтому Блэйк — продолжая потирать висок — распахнул свою бизонью

куртку. В V-образном вырезе под горлом Железное Дитя мельком разглядел алую форму.

— Я выслеживал тебя долгое время, парень, поэтому хочу, чтобы ты узнал о беспокойстве, что причинили ты и твой краснокожий брат Всемогущий Голос. Вы действительно причинили некоторое беспокойство.

Теперь я могу понять, почему вы, кри из резервации вождя Одна Стрела, не хотели быть запертыми на площади в шестнадцать квадратных миль. Конечно нет, раз раньше у вас были тысячи миль прерий для кочевья. Но, парень, эт' та цена, которую вы платите за выступление в Ръеле против правительства. Вы не можете остановить поселенцев.

Этот *Так-Сказать-Мужчина*, этот Всемогущий Голос, он был обоссанным лидером, чтобы следовать за ним в вашем предприятии. Что вы, трое молодых кри, себе думали? Чт' он прогонит белых с вашей земли? Теперь это *наша* земля, парень. Урок, который вы должны запомнить.

Железное Дитя вздрогнул, кости его сломанной ноги задели одна за другую. Боль, холод и потеря крови обессилили его. Слушая бессмысленные слова, срывающиеся с языка шотландца, он был загипнотизирован громоуханием гэльской речи.

— Я не говорю, что сержант Колбрук был лучшим из офицеров. Его личное дело небезупречно, ему случалось нарушать дисциплину. Но когда он наткнулся на Всемогущий Голос, когда тот разбил лагерь, Колбрук не стал палить в него из своего револьвера. Саскачеван — это не Томбстион или Додж-Сити, парень, и конные — это не варвары-янки. Так скажи мне, почему т'ой приятель-язычник пристрелил Колбрука выстрелом в горло из дуэлки?

Вопрос повис в воздухе, в то время как Блэйк ковырял струпы на виске. Ствол револьвера он почесал бровь. — Эй, да ведь это мелодия славы, парень. Как здорово Мунро играет.

Без всякого предупреждения он сорвал рогатую шапку с головы кри. Запачкав ладонь в крови, он облизал её. В глазах у него всё расплылось.

— Верно, публика давила на нас, как вы и рассчитывали. Но настоящее давление, оказывается, изнутри. Совсем другое дело, кри, когда краснокожий — или белый, неважно, — убивает одного из наших.

Его язык слизнул последнюю каплю крови с усов.

— Не такой уж большой трофей твоя башка. То ли дело, если б тебе достался мой скальп. Небось тебе был б' почёт среди ваших, принеси ты седоволосый скальп?

Размахнувшись своим «Энфилдом», Блаэк ударил кри по губам. С приглушённым хрустом зубы его сломались. Крик юноши от нестерпимой боли разнёсся над долиной. Схватив за волосы, Блаэк рванул его голову с земли, чтобы заглянуть в глаза.

— Твоей ошибкой было не убийство Колбрука, как и не убийство других. Твоей бедой стало, что Хечмер поручил мне сесть тебе на хвост. Некоторые говорят, что я неистовый, но это вовсе не пятно для моего личного дела. Дело в том, парень, что конная полиция нуждается во мне больше, чем я в ней. Когда имеетс' работёнка по выслеживанию кого-т', они обращаются ко мне. Я тот, кто достанет для них именно того, кто им нужен. Легенда рождается, когда человек сражается с превратностями жизни. Так что, кри, достояние этих Сил будет и моим достоянием!

Отпустив его волосы, Блаэк швырнул индейца обратно на землю. Железное Дитя услышал клацанье, когда «Энфилд» был взведен. Стоя над ним, белый опускал револьвер, пока его дуло не уставилось в лицо пленнику. Вдоль ствола танцевали солнечные блики.

— Живой или мёртвый, — сказал шотландец. — Им эт' всё равно. Но, говорю тебе, парень, эт' не всё равно для меня.

Блаэк выстрелил Железному Дитяте между глаз.

После того как выстрел «Энфилда» породил салют величественному рассвету, конный поднёс дуло к ноздрям, чтобы понюхать запахи дыма. Призрачная волынка продолжала играть.

Блаэк отвернулся от тела и потащился к распряжённой упряжке, чтобы достать еды. Порывшись в своих истопившихся припасах, он нашёл пакет с едой, затем развёл костёр, набрал в котелок снега и вскипятил немного чая. Пока он поедая сухари и пеммикан, собаки ели вяленную лосятину. Закурив трубку, он ожидал, что гудение волынки у него в голове прекратится.

В течение многих лет волынка терзала его, когда он один был на охоте — но только если его дичью были не белые. Стоило его оказаться белым — и павшие Парни покоились с миром, но как только дело касалось цветных, они тут же вылезали из земли. Это была страшная месть погибших в колониальных войнах и напоми-

нение о том, что полковая "коллекция трофеев" должна быть пополнена. Снова и снова будет играть волынка, до тех пор, пока язычник не окажется мёртв; затем, призванные к высшему служению, Парни вернутся в землю.

Железное Дитя был мёртв.

Так почему же волынка продолжает играть?

Закрыв лицо рукой, Блэйк стиснул голову ладонью другой. Вцепившись в виски, он сдирал кожу с костей. Пронзительный вой волынки проникал в его разум, словно пика, вонзающаяся в мозг. Мелодия не прекращалась. Что-то было не так.

Охваченный мгновенным безумием, он пинком разбросал костёр. Угли разлетелись по подтаявшему снегу. Свист заставил псов броситься к упряжке, прыгая друг на дружку, играя. Пока он запрягал их в постромки, одевал на них спинные ремни и застёгивал ошейники, Сервола и Спанкер подрались за то, кому бежать впереди.

Покидая место своей стоянки, Блэйк подъехал к телу. Пуля разбрызгала красное пятно вокруг головы кри. Схватив его за косички на голове, Блэйк затащил тело в сани, привязав его к волокуше поперечными ремнями. Затем вскочил на правый полоз и хлестнул собак кнутом. Рванувшись, упряжка двинулась с места.

Уже несколько часов бежали псы, таща тяжёлый груз, хватая пастью снег, чтобы утолить жажду. Сквозь завывание ветра среди вздымающихся над головой вершин, под хруст ледяного наста, ломающегося под весом упряжки, Блэйк слышал волынку, зовущую его.

Изредка боковым зрением он замечал какие-то неподвижные объекты, но когда он поворачивался к ним лицом, оставалась только реальность. Изогнутые сосны не подстерегали его; у расщелин не было зубов; откосы обрывов не следили за ним безжалостными глазами.

В полдень толстый слой облаков затянул горы. Когда позже, после полудня, туман начал испаряться, он обнаружил, что находится у отрогов Скалистых гор.

Это было оно. Он достиг его. «Моста Мира» индейцев. Того рубежа, где Великий Раздел отражал тысячи миль прерий.

Натянув постромки упряжки, он остановил сани.

За гребнем туман рассеялся, открывая взору такое обширное и сияющее пространство, что все холмы и низины, казалось, слива-

лись в одну нескончаемую равнину. Поблѣсывая там и сям в бесконечных просторах снегов, голубоватые озерца тянулись до самого горизонта.

Длинным пологим склоном упряжка спускалась с горы. Везде, куда бы он ни посмотрел, он не видел ничего, кроме снега.

Снег был на подножиях холмов и отрогах гор. Снег был на вершинах позади него. Снег на деревьях вокруг и на равнинах, раскинувшихся впереди. Затем он услышал шипение межей, нагнетающих воздух, вслед за чем послышалась мелодия «Поражительная грация». Один за другим Павише Парни поднимались из снега.

— Чт' там у нас, Блэйк? — раздался голос М'Грегора.

— Один из цветных язычников? — проскрипел Кэмпбелл.

— Не наметил ли ты приберечь его только для себя, лишая нас небольшого развлечения?

Блэйк почесал висок.

Он покачал головой.

— Эй, — сказал он, останавливая собак.

Они казались замороженными зомби, поднимающимися из земли, прокапывающими себе путь из снега пальцами, такими же белыми, как кости. Они проламывались сквозь ледяной наст в своих истлевших одеждах из шотландки, глядя на Блэйка застывшими, словно кристаллы льда, глазами. Сосульки, похожие на клинки кинжалов, свисали с их волос и бород; единственным, что выделялось на них своим цветом, были их кроваво-красные раны.

— Покружи его, Вилф, — сказал Стюарт. — Словно человека-юлу.

— Как ветряк, — сказал М'Нахтен. — Подвесь его к дереву.

— Эй, ну-ка послушаем эту языческую музыку, — засмеялся Грант.

В последний раз Блэйк пускал волчком цветного во время войны с апантисами, в тот день, когда они нашли Рошу Смерти апантиса. Когда он вытащил кинжал из-за голенища своего сапога и провёл им вдоль трупа Железного Дитяти, он вспомнил восхитительный скрип стали, погружающейся в чужую плоть. Они ободрал африканское отродье до самой задницы, привязав ивовые лопасти к его спине. Пока Мунро играл на волынке, они отплясывали танец горцев вокруг костей, свисающих с дерева на полоске материи. Хребет африканца вертелся, словно китайская ветряная вертушка.

Эй, подумал Блэйк. Парням понравилось это развлечение.

Ставив тело с саней, он вывалил его на снег. Кинжалом он разрезал штаны и гамашы, чтобы раздеть труп, затем сорвал один мокасина и отшвырнул его в сторону. Когда он снимал второй, что-то упало на землю: кусочек свёрнутой кожи. Отряхнув снег, он развернул его и обнаружил три чёрных символа, нарисованные на шкуре:

Как только он увидел пиктограмму, его память ударила, словно колокол башенных часов.

«Журнал Паркера» попал к нему из палатки Белой Совы.

Каким-то образом он упустил Жёлтый Череп и «Путевые заметки» Паркера.

Скво Белой Совы была беременна ребёнком равнинного кри.

Может, они отец и сын: Белая Сова и Железное Дитя?

Может, сын унаследовал Желтый Череп? Череп, нарисованный на куске шкуры, зажатой в его руке, и в книге, хранящейся у него в сундуке? Может, поэтому парень во время этой, долгой погони привёл его на Запад? Чтобы доставить череп в горы, где, как говорили кри, жил Виндиго?

Являлся ли череп идолом? Амулетом? Фетишем?

Может, поэтому он и волосатая бестия были нарисованы на шкуре?

А что означала гора?

Может, шкура была картой?

Ночью, накануне того, как ущелье было перекрыто, чтобы убить Всемогущий Голос, кри из резервации вождя Одна Стрела лазили по окружающим холмам. Матери бунтовщиков пели песни смерти, призывая сыновей поскорее подняться против «красных курток». Одна из них умоляла своего сына спасти отцовские «лекарские принадлежности», не допустить, чтобы они стали трофеями белых. Конный не имел ни малейшего представления о том, о чём она просила.

Череп, подумал Блэйк. Ты упустил его снова. Железное Дитя пришёл откуда-то дальше с Запада. Ты даже не осмотрел место его стоянки, человеке. Ты должен вернуться.

Пока Блэйк облегал свои сани, Парни озирались кругом.

— Ты поломал Золотой Стул ниггеров, — сказал М'Престон.

— Ты уничтожил Бога Обезьян китайцов, — сказал Стюарт.

— А теперь сокруши Виндиго краснокожих, — скандировали Павшие Парни. — Это как раз экспонат для «Коллекции». Найди Желтый Череп.

пятница, 10 декабря 1897 г. 4:10 пополудни

Во второй половине следующего дня Блэйк добрался до озера Медсин. Поскольку за прошедшее с момента нападения кри время снег не шёл, он проследил путь индейца до места ночлега. Здесь, рядом с зарослями, из которых выбрался юноша, в дупле одного из деревьев он нашёл Жёлтый Череп.

Держа череп в руке, Блэйк присвистнул, потому что там, на западе, в нескольких десятках миль от гребня Великого Разде-

ла, солнечные лучи отражались от покрытого ледяной шапкой пика, обрывки перистых облаков окружали пирамиду его вершины, в глаза бросалось явное сходство с горой, нарисованной на шкуре.

Волянка Мунро снова начала завывать, когда он двинулся к пику.

Часть вторая

Мозг

*Вера в сверхъестественную природу зла вовсе не обязательна.
Человек и сам по себе способен на любое злодейство.*

Конрад

ГЛАВА КОРПОРАЦИИ

Коулун, Гонконг

четверг 18 марта 1987 г. 11:50 пополудни

Гонконг — словно фурункул на крестце Китая, словно гнойный колониальный памятник, воздвигнутый в честь алчности.

Став обитаемым благодаря торговле опиумом в 1841 году, остров был отнят у Китая капитаном Чарльзом Эллиотом в качестве компенсации за тысячу ящиков британской «иноземной глины», конфискованных в Кантоне. Лондон был так раздосадован, получив этот «голый остров без единого дома на нём», что Эллиот закончил свою карьеру в качестве генерального консула в Техасе.

Начиная с того незавидного зарождения и вплоть до сегодняшних дней колония существовала исключительно ради извлечения прибыли.

Гонконг — это джунгли, в которых коммерция превалирует над человечностью, решив обеспечить всем, чем угодно. Движение опиума в Бенгалию положило начало первому *го-ну*^{*} и задало не считающийся ни с чем тон в его деловой этике. Пираты, эксплуататоры, контрабандисты, преступники и разложившиеся элементы без труда вжились в капитализм. Непрерывная погоня за деньгами превратила эту «голую скалу» в то, чем она стала сегодня, причём лязг абордажных сабель, дым мушкетов и флибустьерское чванство остались. Пираты старых времён превратились в салонных голворезов.

* Гонг — фактория в Китае и Индокитае.

Гонконг — это колония без избранного правительства. Звание академика здесь пустой звук, не более. Здесь богатство, а не родовая и воспитание, создает человека. «Сколько у тебя денег?» — вот мерило достоинств человека. Гордость, скупость, высокомерие, алчность, зависть, роскошь и ненасытность образуют его «лицо». Недостатки в любом другом месте здесь могут оказаться достоинствами.

Игра заключается не в том, чтобы сравняться с Чанусом и Лисом, а в том, чтобы перепалюнуть их в безвкусовой кичливости богатством. В гордости, в подчеркнутом высокомерии никому не сравниться с колониальной элитой. Шофёры в розовой форме возят на розовых лимузинах женщин в розовых норках. Его-её роллс-ройсы, вкрадчиво мурлыча, взбираются на Пик, где статус определяется тем, что ты живёшь выше кого бы то ни было. Представители Кристи и Сотби приезжают сюда на аукционы бесценных предметов античного искусства, опасаясь, что гонконгцы, которые захотят чего-либо, пожелают это, не считаясь с ценой, лишь бы перехватить это у кого-то другого, кто также жаждет этого.

Ещё не так давно нувориши были портными, нищими, птичниками и другими неудачниками. Сегодня каждый уличный торговец мечтает о дне, когда станет носить сорочки с монограммами из Италии и шелковые галстуки из Франции.

Колония существует в беспокойное время в беспокойном месте.

Пока стрелки часов приближаются к 1997 году, растёт понимание ситуации.

Отчаянное хватай-пока-можешь вызвало такую панику, что все, и богатые и нищие, стараются сэкономить каждый цент на любых восторженнейших нуждах.

В то время как беженцы приезжают, богачи эмигрируют, помещая свои деньги за морем, чтобы купить зарубежные земли.

Срединное Царство вступило в пору своего заката.

Появились Новые Колониалисты.

Поднявшие Боксёрское восстание намеревались повернуть ход истории вспять. После Опиумных Войн в 1840-1850 гг. иностранцы в Китае делали всё, что им вздумается. В конце девятнадцатого столетия засуха, голод, наводнения и войны разом навалились на

Срединное Царство. Боксёры сформировались в провинции Шандонг, как движение крестьян-подёнщиков, восставших против императорской власти. Перед началом битвы они принимали «боксёрскую стойку», типичную для боевых искусств. На китайском их название означало «Кулак во имя справедливости и согласия».

Лозунгом боксёров было «Свергнуть власть императора; уничтожить иностранцев». Чужаков обвиняли в том, что они сердят духов и гnevят богов. В октябре 1899 года боксёры потерпели поражение от правительственных войск. Император видел в восставших средство выпрыгнуть из Китая иностранцев, и поэтому в последние дни столетия боксёры и правительство образовали союз, в котором каждый из союзников ненавидел другого.

Сжигая церкви и разрушая железные дороги, боксёры казнили миссионеров и других иностранцев. В 1900 году они начали осаду зарубежных дипломатических миссий, сконцентрированных в Бейине, в то время, как император объявил войну Германии, Франции, Соединённым Штатам, Японии и Италии. Колониальные силы были усилены посылкой новых войск, и, в очередной раз униженный, Китай потерпел поражение.

Одним из миссионеров, убитых во время восстания, был американец по имени Гидеон Пратт. В то время как его вместе с женой подвергли «тысяче разрезам», их церковь — баптистов Теннесси — была сожжена до основания. Среди вещей Пратта боксёры нашли записную книжку, хранящуюся вместе с предметами, оставшимися у него от военной службы. Награбленное в миссии было перевезено в Бейин для нужд императорской пропаганды. Вот таким образом «Полевые заметки» Паркера, касающиеся Жёлтого Черепа, попали в руки Главы «Фанквань Чжу».

Теперь эти «Заметки» лежали на столе в «Зале Предков» Кванов.

Зал был частью Внутреннего Святилища, окружённого фармацевтическим комплексом вблизи Воллд-Сити, в Коулуне. Здесь, в фарфоровых сосудах для духов, Кваны хранили бранные останки своих предков. Сосуды выстроились вдоль стены позади жертвенного алтаря, по сторонам которого висели ритуальные ножи и мечи для обезглавливания предыдущих глав рода. Украшенный цветной глиной, клуазоне, лаковой росписью и слоновой костью, алтарь был исписан китайскими символами долголетия. Здесь были Летучая мышь и Персик. Три плода. Журавль и Олень. По полу ползала

черепаша — символ долголетия. На изразцах перед алтарём лежали две подушки. На одной из них на коленях стоял теперешний Глава «Фанквань Чжу». На второй, коленопреклонённый, стоял его внук, Становящийся Головорезом. Четырежды они простирались ниц из уважения к своей семье, трижды касаясь головами пола при каждом поклоне. Глава корпорации и рода, приказав принести сосуд для жертвенных возлияний, брызнул вином на алтарь вокруг нескольких голов. Поднявшись и повернувшись лицом на восток, они зашли в горестных стенаниях, затем Глава прочёл заупокойную молитву. — Сыновья выражают своё почтение отцам, братья — вам, старшие братья, наследники — наследственной чести ваших предков. — Когда Головорез поджёт фимиам и раскрыл один из черепов, Глава съёг поминальную молитву. По одну сторону от матово отсвечивающего мозга лежал ритуальный нож. По другую — серебряные столовые палочки.

Глава ел.

Напротив алтаря, в центре комнаты стоял стол с «Путевыми заметками» Паркера. Рядом с заметками лежали другие предметы, выложенные для осмотра: кость-оракул, предсказавшая Янь, карта Замтсарано, указывающая, где должны быть элмы, и «Журнал Паркера», похищенный из дома ДеКлерка.

- Экспедиция готова? — спросил Глава.
- Будет готова через несколько дней.
- Можно прочесть записки этой белой обезьяны?
- Это трудно. У него очень плохой почерк.
- Тогда ты знаешь, что нужно делать. Осуши источник.
- Да, Глава. Когда я вернусь.

Неожиданно, без всякой причины, старик расхохотался. Дрожащий, неуместный смешок доставил удовольствие Головорезу. Желанное освобождение было только вопросом времени. Скоро «Фанквань Чжу» будет принадлежать ему.

— Человек в Яме? Какой вред он нанёс?

— Мы думаем, что он послал ДеКлерку карту Гон-Эн-Джу. Судя по всему, он сын министра.

Глава нахмурился. — Ци осквернил Внутреннее Святилище?

— Женщина, которая, как вы посчитали, была его любовницей. Вот каким образом он украл карту из Зала Предков. Она взяла её, когда вы её позвали, чтобы осеменить.

— Ци его сын? — сказал Кван, собираясь с мыслями. — Тогда давай уделим особое внимание его допросу.

Головорез подошёл к столу с книгами Паркера. Он нажал на кнопку позади одной из ножек, отодвигая в сторону люк, закрывающий ход в полу. Зажёгши светильник, он повёл Главу вниз, в Яму.

Подземный туннель вёл к лабораториям в сорока футах под Залом Предков. Дверь в Яму находилась в футе от лестницы; она представляла собой дубовый щит, который заскрипел, когда его открывали. Глава непроизвольно хихикнул.

ПОЛНОЧНОЕ МАСЛО

четверг, 19 марта, 12:02

В подземном морге так холодно, что он боится, как бы его глаза не замёрзли, боится, как бы ему нее замёрзнуть вообще, глядя на это зверство. Перед ним лежит его мать, на носилках, закованная, её тело обнажено, кожа отливает синевой, груди прозрачны. Смущённый тем, что любой, вошедший в морг, может видеть её наготу, он переносит своё внимание на то, что осталось от её головы. Мышцы лица застыли в гримасе ужаса, верхняя часть её черепа срезана, а мозг отсутствует. В черепной коробке виднеются несколько артерий и вен.

Его отец, прилетевший из Бейджина, стоит рядом с ним. С лицом таким же застывшим, как у терракотовой статуи, министр с гневом смотрит на носилки, носилок двое. — Смотри и запоминай, — говорит его отец, поворачивая назад своё чайного оттенка лицо каждый раз, когда он открывается.

Его брат Вэй лежит мертвый на вторых носилках: тоже обнажённый, тоже посиневший, тоже лишённый своего мозга. Стол, на котором стоят носилки, покрыт клеенкой, которую он непроизвольно теребит беспокойной рукой. Отражение на нержавеющей стали должно было бы быть отражением мальчика, поэтому он озадачен, когда его отражение являет взрослого мужчину.

Мне, должно быть, снится, думает он с облегчением, когда слышит, как его отец говорит:

— Я знаю, кто это сделал...

(смех)

— ...видел такие смерти в горах Тянь-Шаня во время битвы за Чинхо.

(отдалённый смех, снова)

Вздвогнув, он очнулся.

Какое-то мгновение Ци Фань-пей не понимал, где он находится, чувствуя приподнятость в течение нескольких секунд потому, что ночной кошмар прошёл, затем понял, что был без сознания минуту или две. Это он мог сказать по размерам лужи крови на полу.

Маленький Приют был решётчатой клетью дьявольской конструкции. Имея четыре фута в длину, три фута в ширину и два фута в высоту, он лишил человека всего, что в нём было человеческого. Как бы Ци не изгибался, он не мог выпрямить спину, что низводило его до уровня обезьяны на эволюционной лестнице. Маленький Приют, так же, как и капли на голову, действовал психологически.

Обнажённый, Ци лежал в позе, напоминающей плод в чреве матери, с руками, связанными за спиной. Рядом на угольной жаровне разогревалась небольшая чаша. Периодически из чаши брызгали капли масла, пачкая стол с хирургическими инструментами, который стоял между Ци и жаровней. Прозрачный пол был листом стекла, закрывающим фосфоресцирующую жидкость, находящуюся под ним, жёлтую реку, излучающую призрачное зеленоватое сияние. Светящиеся фантомы, просачивающиеся сквозь стекло, трепетали на чёрной занавеси, закрывающей единственную дверь. Призрачное сияние подсвечивало ящики с мумиями, стоящие вдоль остальных стен.

С отсутствующими или вырванными глазами, просто отдельные части человеческих тел, мумии окружали Ци, пока на его клетку капала кровь. Иконы, сделанные из человеческой кожи, фетиши, чудовищные пародии на человека — всё это составляло музей генетических несуразностей, посетителем которого он оказался поневоле. Скелет с признаками рахита и одним стеклянным глазом. Зародыш с двумя лицами, плавающий в банке с формальдегидом. Женщина с третьей грудью между двумя обычными, с вытатуированной на сосках свастикой. Мужчина со вторым пенисом, растущим из пупка, вытянул шестипалую руку, лежащую на бельгийском кружеве.

Безумный смех раздался в Яме, когда дверь распахнулась.

Прижавшись к прутьям своей клетки, Ци увидел две тени. Войдя, Кваны осветились зеленоватым сиянием. Глава был одет в

мантию мага, которая раньше принадлежала одному из его предков, служившему Проклятому Городу. Длинные расшитые рукава касались пола, у горла сиял рубин размером с глазное яблоко. Шу, символизирующие долголетие, опоясывали его сухопарую фигуру, с талии свисали кожаные полосы, исписанные даосийскими символами. Каждая полоска заканчивалась большим жёлтым зубом.

Головорез был одет в чёрную, подходящую любому из полов, одежду. Чёрные ботинки. Чёрные штаны. Чёрные перчатки. Чёрную куртку. Чёрную маску, закрывающую всё лицо. В капюшоне были прорезаны отверстия для глаз и рта, открывающие расширенные зрачки и жемчужно-белые зубы. Ци не имел ни малейшего представления, кто скрывался под маской.

— Ты сын министра?

— Ты послал ему карту?

Головорез коснулся верхней части клетки, вызывая жужжание электромотора. Ступни Ци начали сближаться с его головой. Дюйм за дюймом Маленький Приют смыкался, прижимая его колени к груди и выворачивая шею. Кожа одной щеки вдавилась в квадратную ячейку решётки.

— Ты сын министра?

— Ты послал ему карту?

Головорез выбрал среди хирургических инструментов спринцовку. Погрузив наконечник в кипящее масло, он наполнил её. Осторожно держа резиновую грушу, он склонился возле клетки.

— Я всегда начинаю с половых органов, для достижения тройного эффекта. Сперва ты пытаешься защититься, ужасаясь тому, что тебя ждёт. Затем ты испытываешь нестерпимую боль, когда они повреждаются. И наконец раздаётся вопль кастрата по утерянной мужественности.

— Сейчас ты мужчина...

Он сжал грушу.

— А теперь — евнух.

Вопль был таким пронзительным, что заглушил хихиканье Главы. Ци лежал на боку с коленями, прижатыми к подбородку, половые органы его были видны между заострившимися ягодицами. Масло выжигало его мошонку, пока он извивался в клетке.

— Ты сын министра?

— Ты послал ему карту?

Прошло некоторое время, и вопль перешёл в приглушенный стон. Главу охватил приступ зловещего смеха, в то время как он

теребил пару бусин, нанизанных на его усы. Головорез подошёл к занавескам и отодвинул одну из них.

— Жизнь и смерть ничего не значат. Только то, *как* ты умрёшь. Буду ли я уничтожать тебя по кусочкам или дарюю быстрое избавление. Ответ на мои вопросы, и твои мучения закончатся.

Головорез толкнул Маленький Приют. Он обернулся вокруг оси так, что Ци смог увидеть полку за занавеской. На ней стояли две аптекарские склянки, заполненные мутной жидкостью и двумя серыми округлыми сгустками. Открыв одну из них, Головорез вытащил желеобразную массу.

— Это мозг твоей матери, — сказал он, раскачивая её перед клеткой. — Мозг твоего брата во второй банке.

Глаза Ци расширились от ужаса, — масса приближалась к его лицу. Запах формальдегида вызывал тошноту. Прорези в чёрной маске склонились к нему, затем Головорез прижал мозг к прутьям. Толчок... отпускание... толчок... отпускание... Он пульсировал, словно сердце, серые квадраты выпячивались внутрь, в сторону Ци. Полузатенённое зеленоватое сияние обрисовывало его похожие на вёрьки извилины.

— Получи её, — сказал Головорез, проталкивая мозг до тех пор, пока он не провалился сквозь квадратные ячейки. Похожие на червей ломти шлёпнулись на кожу Ци.

— Ты сын министра?

— Ты послал ему карту?

— Он знает о ГЗПК и Исследованиях?

Входя, Головорез вставил светильник в подставку на стене. Вынув его, он поднял факел высоко над головой. Руки и ноги, висающие на мясных крюках, вделанных в потолок, роняли на клетку капли крови.

— Узнаёшь её? — спросил он, отдёргивая вторую занавеску.

Ци бросил один взгляд на свою любовницу и захрипел. Он съёжился, услышав, как в спринцовку набирается очередная порция масла. Головорез просунул наконечник сквозь решётку над его глазом.

— Во время Французской революции использовалась гильотина — но это был ещё не конец. Человеческий мозг может жить ещё около минуты, если его снабжать кислородом. Один из десяти аристократов оставался в живых после плахи, их всё ещё живые головы отдавались толпе на осмеяние. С тех пор технология улучшилась. Полюбуйся на это чудо Лаборатории. Только моргни, и я выжгу тебе глаза.

Голова располагалась на платформе над рядом устройств. Провода, подсоединённые к черепу, обеспечивали необходимые электрические потенциалы. Трубки с кровью были подсоединены к искусственным сердцу и лёгким, устройство для очистки крови удаляло отходы обмена веществ. Стеклянные колонны с химикатами, адсорбирующими яды, выполняли функции печени, ещё одно устройство обеспечивало циркуляцию вокруг мозга. Аминокислоты и другие вещества подавались по другим трубкам. Ци издал крик, когда глаза его любовницы открылись.

— Вот так! Ты видишь это? Она узнаёт тебя. Прутья затевают твоё лицо... Я приказал тебе не зажмуриваться.

Ци начал молиться прежде, чем первая капля обожгла его глаз, слова следовали так быстро, что сливались одно с другим, словно стук колёс поезда. Проклятия сменились воплями, которые длились до тех пор, пока он совсем не обессилел, в то время как Глава почёсывал ус дюймовыми ногтями. Затем наступила убаюкивающая тишина, нарушаемая только жужжанием сложных машин. Ослепший Ци слышал голос своего мучителя, хотя и не видел молотка и четырёхфутового вертела у него в руках.

— Я обещаю тебе избавление, и ты получишь его на сирийский манер. В объятиях чёрного раба, — сказал Головорез.

СКЕЛЕТ

Ванкувер

среда, 18 марта, 4:15 пополудни

На следующий день после концерта в ушах у Кэрол всё еще звенело. Она почти засыпала на ходу после в течение чуть ли не всей ночи занятий любовью с Цинком. К двум часам дня её энергия иссякла.

Чандлер и Тэйт провели утро, осматривая дом Максвелла. Потерпев накануне неудачу в Отделе наркотиков, они надеялись отыскать ключ, разобравшись с почтовым конвертом, похищенным с его стола. И снова они потерпели поражение.

В полдень оба копа вернулись в спецотдел «Х». За ленчем они просмотрели доклады других работающих по делу судей. В два Кэрол оставила Цинка и вернулась к себе в отель. Там она приняла горячую ванну и поплавала в бассейне, затем подвергла себя восстанавливающему массажу. К четырём пятнадцати она снова была готова к работе.

Воспользовавшись факсом отеля, она отослала свой рапорт в штаб-квартиры Бюро в Нанте и Пенсильвании. Затем, за чашкой кофе, набрала номер подразделения Зо-диака.

— Мак-Илрой.

— Хэлло, Мак. Это Тэйт.

— Эй, Мак. Возьми вторую трубку. Туристка на проводе.

— Хэй, Тэйт, — сказал Мак-Гвайр, что-то жуя. — Лоси, горы и конные любезны с тобой?

— Погода отвратительная.

— Этого следовало ожидать. Дожди, дожди и снова дожди на Северо-западе. Надеюсь, ты захватила с собой галоши и зонтик?

— Вы получили сообщение «красных мундиров»? Конные полагают, что их убийца надевал накидку. Нашли остатки низкомолекулярного полиэтилена. У вас есть что-нибудь похожее?

— Никаких волосков или волокон, — сказал Мак-Илрой. — Техники перевернули всю крышу "Карлтон-Паласа". Всю до последней щепки, так что неудивительно, что нет никаких следов.

— Этот ловкач мог сжечь накидку в отеле, — сказал Мак-Гвайр. — После того, как спустился по пожарной лестнице. Горничные убрали бы все следы. Или же он смыл их в канализацию.

— Как насчёт письма?

— Умный маленький мошенник. Записка — подделка мирового класса.

— Ты любишь головоломки? — спросил Мак-Илрой.

— Какого рода?

— Судебные. Яйцеголовым нравится, когда ты доказываешь, что в «Зодиаке» сидят слепцы.

— Подбрось ей ключ, Мак, — сказал Мак-Гвайр.

— Ты когда-нибудь слышала — а я читал об этом как-то — о микроанатомическом исследовании клеток дерева?

— Возможно, — сказала Тэйт.

— А как насчёт исследования под микроскопом на предмет обнаружения омертвевших останков планктона под поверхностью минералов, составляющих бумагу?

— Не имею ни малейшего представления.

— Если верить техникам — об этом я тоже читал — бумагу делают из дерева, химически или механически разрушенного до клеточного уровня. Получившуюся массу формируют в газетную бумагу или смешивают с льном или хлопком...

— Сырьё для фабрики, — прокомментировал бас Мак-Гвайра.

— ...чтобы получить бумагу лучшего качества. Для этого полученную массу прокатывают между вальками. Лист получается, когда вода, растворяющая волокна, выпаривается. Если масса сама по себе пористая и не подходит к чернилам, то пространство между волокнами заполняется наполнителем того же самого типа. Это тебе понятно, Тэйт?

— Понятно, — сказала она.

— Первым делом техники исследовали образующую массу. Используя раствор алкалоидов — не спрашивай меня, для чего это нужно — они определили породу дерева и где оно росло. Затем проверили наполнитель, выяснив, какая была основа — каолин,

мел или кремни. Мел образовался несколько геологических эр тому назад из отложений планктона, поэтому в меловом наполнителе присутствуют скелеты микроскопических рачков.

— Дай-ка я попробую догадаться, — сказала Кэрл. — Бумага отличается одна от другой?

— *Наоборот*, — сказал Мак-Илрой. — Бумага та же самая. Даже водяные знаки совпадают.

— Техники сделали бэта-радиографию, — добавил Мак-Илрой. — Бэта-лучи — это электроны, излучаемые во время распада изотопов вроде углерода-14. Просмотрев плёнку, техники обнаружили...

— Ради Христа, Мак-Гвайр. Какого типа бумага использовалась?

— Выпускавшаяся для облигаций Монархического займа с итонскими водяными знаками.

— Та же, что и в письмах Зодиака.

— Да, и совпадающая с тем, что было в случае Мэрдока.

— Есть и ещё один ключ, — сказал Мак-Илрой.

Кэрл откинулась на кровати. Разговору предстояло продлиться некоторое время.

— Исследовали чернила, — сказал Мак-Илрой. — Послойная хроматография и рентгеноскопия разделяют чернила, впитавшиеся...

— Какого типа чернила? — спросила Тэйт.

— Синие «Стадтлер».

— Те же, что и в других записках?

— Да, они соответствуют шестидесяти письмам.

— Великолепно, — сказала Кэрл. — Однако, остаётся ещё почерк.

— Вот это совершенно по-девичьи, Мак. Но всё же она не работала сигару. Почерк совпадает с почерком Зодиака, Тэйт.

— Стиль одинаков? Бумага та же самая? Чернила те же? — сказала она. — Откуда же, чёрт побери, мы знаем, что письмо — фальшивка?

— Какую единственную вещь снайпер не мог узнать? Какой единственный факт, связанный с письмами Зодиака, остался ему неизвестен?

— Я совершенно сбита с толку, — призналась Тэйт.

— Любая книга, посвящённая Зодиaku, упоминала бумагу, чернила и воспроизводила его стиль письма. И только одной детали не

хватало, чтобы письмо было *подлинным*. Прости, Тэйт, но я снова вынужден обратиться к технике.

Кэрол услышала, как Мак-Илрой зашуршал страницами у телефона.

— Вот здесь говорится, что электронный микроскоп ускоряет частицы атомов при помощи потенциала 30000 вольт, чтобы вызвать рентгеновские лучи. Рентгеновские лучи имеют более короткую длину волны, чем у видимого света, поэтому они обеспечивают увеличение поверхности бумаги в 100 000 раз. Поскольку у микроскопа можно изменять глубину фокусировки, то это позволяет видеть как бы скелет написанного. С его помощью можно определить...

— Порядок, в котором элементы букв были нанесены на бумагу? — спросила Тэйт.

— На экране видно, какая чёрточка наносилась поверх какой...

— И линии в нашем письме отличаются от линий Зодиака? В одном случае сперва рисовались окружности, затем к ним прибавлялись чёрточки. Во втором — сперва чёрточки, а затем окружности.

— Примерно, — сказал Мак-Гвайр.

— Кто-то задал себе кучу хлопот, чтобы одурачить нас, бедных тупых копов, — сказал Мак-Илрой. — Я нутром чую, что у этого умника есть мотив, который он хочет скрыть. Если знак зодиака на стене тоже ширма, то ставлю доллар, что мотив — в Канаде.

— *Am revoir*, Тэйт, — сказал Мак-Гвайр. — Шлите открытки с музыкальными поздравлениями.

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

4:40 пополудни

Роберту ДеКлерку было девять лет, когда он почувствовал тягу к отцовской коллекции оловянных солдатиков. Фигурки были на тему завоевания Англии норманнами. В то Рождество он получил небольшую крепость и миниатюрное орудие, которое стреляло крошечными снарядами. Часы, а затем и целые дни он проводил, запершись в своей комнате, сбивая солдат с крепостных стен. Одного за другим сбивал он их вниз, корректируя траекторию после каждого выстрела.

Один солдатик, хорошо размещённый, потребовал от него однажды целых двух недель, прежде чем он попал в него. Это был тот случай, когда воображение, а не правила, создавало игры.

За два дня до его десятого дня рождения умерла мать Роберта. Его тётя передала ему её подарок: книгу со схемами сражений. Среди них были Марафон, Азенкур, Куллоден-Мур, схемы битв при Абрахаме и Ватерлоо. Роберт приколот карты к стене своей новой комнаты, используя их, чтобы построить солдат на полу. С тех пор — как и во время расследования дела Охотника за Головами или написания книги — ДеКлерк обычно организовывал свои мысли визуально. Он делал это и сейчас, когда к нему ввалился Мак-Дугал.

Инспектор с грохотом уронил возле двери тяжёлую картонную коробку.

— Что это? Япик с кирпичами?

— Протоколы заседаний комиссии по депортации. Я попросил иммиграционную службу прислать нам список

депортаций, осуществлённых Максвеллом. Они прислали свои бумаги за последние двенадцать лет.

— Посмотри на эту кучу, — сказал ДеКлерк, показывая на свой стол. — Там решения Мэрдока в апелляционном суде. Я читал несколько часов и так и не смог её расчистить.

— Нашёл что-нибудь?

— Ничего существенного. Но американские прецеденты заменили собой британские с тех пор как мы приняли Хартию о Правах.

Мак-Дугал принялся изучать развернувшийся перед ним коллаж. От пола до потолка стены кабинета были обшиты панелями из пробкового дерева. Левую половину занимало всё, относящееся к делу Мэрдока: снимки с воздуха отеля «Карлтон-Палас», на одном из которых была видна пожарная лестница, спускающаяся в переулок; фотографии пули убийцы и гильзы от неё; записи бесед с адвокатами и служащими отеля; письма Зодиака и доклады судебных экспертов, и т. п. Правую половину занимали материалы, касающиеся убийства Максвелла: светокопия общего вида Здания Правосудия и планы его помещений; фотографии тела, отрезанной головы и пятен крови на стенах; список лиц, находившихся в здании в ту ночь, и различные другие материалы. Цветные ленточки, привязанные к булавкам, перекрещиваясь были протянуты между обоими делами.

— Итак? — сказал Джек. — Что же является недостающим звеном?

— Чёрт меня побери, если я знаю, — ответил Роберт. — Ничего, кроме разрозненных концов.

— У меня то же самое. Мы запутались.

Мак-Дугал открыл свою записную книжку на заложенной странице. — Судебные эксперты не нашли ничего, кроме частиц на ковре. Мы не можем найти никакой зацепки с этим кодом доступа в помещение. Отдел наркотиков не знает о колумбийцах ничего, кроме очевидного. Ни один из главных судей не имеет ни малейшего представления о том, что было в конверте. Ничего не пропало из материалов единственного уголовного дела, которое вел Максвелл.

ДеКлерк подошёл к светокопии Здания Правосудия. — Как насчёт людей, находившихся в Большом зале?

— Жюри на пятом этаже разбирало дело двух азиатских банкетов. Свидетели, сновавшие вокруг, тоже были азиатами. Чан по-

беседовал с теми, кто стал бы с нами разговаривать, но они не видели никого подозрительного той ночью, когда был убит Максвелл.

— Двоих бандитов, ты говоришь?

— Преступление началось с драки.

— Значит, было две группы свидетелей? По одной с каждой стороны.

— Они не испытывали друг к другу особой любви, это уж точно.

— Предположим, что убийца вошёл вместе с публикой той ночью. Если все свидетели были азиатами, белый бросился бы в глаза. Но если убийца — тоже азиат, то у него была хорошая маскировка. Каждая сторона подумала бы, что он был с другими.

— Если это азиат, то мотивом может служить депортация. — Он показал на картонку, которую оставил у двери.

— А как насчёт Домани? Второго судьи, находившегося в помещении?

— Он ясен, словно свисток. Стойкий борец за торжество законности.

Их прервал стук в дверь. Вошёл Чандлер. — Я только что говорил с Кэрл. Записка Зодиака — фальшивка. Порядок написания букв отличается от подлинных писем.

Цинк повернулся и уселся на стул, заложив руки за спину.

— И что ещё более примечательно, у убийцы Максвелла то же самое. Окружность и крест в записке, связанной с убийством Мэрдока, и на стене у Максвелла одинаково отличны от знака Зодиака. Если только убийства судей не связаны одно с другим, то это чертовски странное совпадение.

— Кто хочет кофе? — спросил Джек, глядя на свои часы. — Я должен позвонить.

Цинк поднял руку. Он окинул взглядом коллаж.

— Приготовь три чашки, — сказал Роберт. — Ты не окажешь мне любезность? Наполеон всё ещё болен и находится в ветлечебнице. Попроси кого-нибудь позвонить и узнать, когда он попадёт домой.

— Я сам позвоню, — сказал Джек. — Какой номер?

ДеКлерк открыл бумажник и достал лотерейный билет. — Номер на обратной стороне. — Он протянул Джеку листок.

Мак-Дугал выходил, когда Чандлер сказал: — Они должны быть связаны между собой. Двое канадских судей связаны символом Зодиака. Убийца не является Зодиаком, и Максвелл был убит под-

ражателем. Если один и тот же парень написал оба символа, то этот же парень убил обоих судей.

— Что меня заботит, — сказал ДеКлерк, — так это обстоятельства этих убийств. Оба они были совершены с использованием сложной техники и оба были дерзкими, даже более, чем это требовалось. Зачем убивать Мэрдока в Сан-Франциско с таким риском? Почему было не дожидаться случая в Британской Колумбии? Зачем вторгаться в кабинет, чтобы перерезать Максвеллу глотку? Конечно, конверт мог бы иметь определённое значение. Всё это выглядит так, как если бы за обоими преступлениями стоял чужой разум. Судьи были как-то связаны между собой. Я нутром чувствую это.

— Мотив должен быть связан с законом. Конверт является ключом.

— Так что же там было?

— Бумаги. Документы, связанные с делом.

— С каким делом? — сказал ДеКлерк. — Тут полно возможностей.

— Это не может быть связано с колумбийцами. Тут ничего не подавалось на апелляцию.

— Это не может быть апелляционное дело. Максвелл ещё ни разу не выступал в суде.

— Это не может быть и депортация. Они попадают в федеральный апелляционный суд.

— Если только... — сказал ДеКлерк.

Цинк щёлкнул пальцами. — Дело не уходит корнями на *десять* лет назад.

— Мэрдок стал судьёй в 1979 году.

— Максвелл занимался депортациями с 1966 года до недавнего времени.

— Что, если Мэрдок защищал кого-то между 1966 и 1979 годами?

— Дело, связанное с иммиграцией. Кто-то был выслан.

— Кто-то, кто хочет, чтобы о каких-то обстоятельствах постепенно забыли.

ГДЕ ДЕНЬГИ ПОКУПАЮТ ВСЁ

4:51 пополудни

Тремя этажами ниже Восточной/Западной Комнаты калифорниец рассказывал по Залу Будущего Фанквань Чжу. По крайней мере раз в минуту он поглядывал на настенные часы, у которых левый циферблат показывал время Ванкувера, а правый — Гонконга.

В Азии было почти 9 ч. 00 мин. утра следующего дня, в то время как здесь на город опускался вечерний сумрак.

Он нетерпеливо подошёл к стойке с видеоэкранами.

«Если Ваши сердце или почки отказывают, то неужели же Ваша жизнь должна зависеть от наличия подходящего донора? «Фанквань Чжу Фармасьютикал», используя ядерную трансплантацию, вскоре обеспечит клонирование для Вас. Замещая ядро эмбриона одной из ваших клеток, мы организуем воспроизводство генетически созданных органов при помощи наших суррогатных матерей. Клоны будут заморожены в наших лабораториях для будущих потребностей, решая проблемы совместимости и отторжения тканей. Доноры органов отойдут в прошлое»

На экране — палата, полная пациентов, чахнувших рядом с кардиомониторами и ЭВМ. Когда раздаются звуки «Императорского концерта» Бетховена, все они покидают свои кровати и расположенные за ними системы жизнеобеспечения. Через увенчанные аркой двери они выходят в величественный новый рассвет.

Покосившись на часы, калифорниец переходит к следующему экрану.

Под ним имеется несколько кнопок звукового сопровождения: для англичан, для китайцев, японцев, кантонцев и французов.

Он нажимает английский.

«Пока Вы смотрите это видео, клетки Вашего мозга умирают. Каждая умершая клетка никогда ничем не замещается. Вместо низменной ткани, работающей в 100 миллионов раз медленнее компьютера, почему бы Вам не отдать предпочтение мозгу, подобному мозгу бога? «Фанквань Чжу Фармасьютикал» вскоре попытает биочип — суперкомпьютер на основе органического протеина для вживления в мозг. Знания всего мира будут храниться в Вашей голове и, поскольку Вы будете «жить» в биочипе, заменившем Ваш мозг. Когда Ваше тело умрет, мы поместим его в новую душу. Императоры всегда мечтали о бессмертии. Вы будете одним из первых, обладающих бессмертной душой»

На экране — группа школьников в Библиотеке Конгресса, обсуждающая теорию Эйнштейна.

Калифорниец смотрел следующий видеofilm, когда в комнату вошёл Мартин Кван.

«Вам докучают головные и старческие боли? «Фанквань Чжу Фармасьютикал» разрабатывает динорфин, синтетический эндорфин, который прекращает боль прежде, чем она начинает ощущаться мозгом. Вас беспокоит, что Ваши сексуальные возможности не таковы, как обычно? «Фанквань Чжу Фармасьютикал» разработала препарат из сока *Coryanthe yohimbe*. Смешанный с налоксоном, он связывает молекулы в семенных протоках..»

— Прошу прощения, я задержался, — сказал Кван, нажимая на клавишу выключения. — Деловой звонок из Гонконга задержал меня у телефона.

— Это достаточно впечатляет, — сказал американец. — Сколько этажей занимает ваша кампания?

— Здание принадлежит нам. В настоящее время мы используем восемь. Как только закончится реорганизация, мы займём и остальные.

— А это? — спросил Джексон, показывая на архитектурную модель.

— Наша новая фабрика, сооружаемая здесь. Для составления первоначальных чертежей потребовалась тысяча служащих. Уровень последних технологий утроил смету. Соседняя фотография — наш комплекс в Гонконге. На нём непрерывно работают около тридцати тысяч человек.

Кван провёл калифорнийца в свой угловой кабинет.

— Чай или кофе, мистер Джексон?

— Кофе, — ответил бизнесмен.

— Костариканский или турецкий «эспрессо»?

— Любой, — ответил тот.

Когда Кван щёлкнул пальцами, появилась красотка в облегающем *чонг-саме*. Азиат заговорил на кантонском наречии, и женщина исчезла.

Кабинет адвоката был украшен произведениями искусства доколумбовой эпохи. Толстые восточные ковры устилали натёртый до блеска паркетный пол. Из комнаты открывался захватывающий дух вид на залив, парк Стэнли, пики Северного побережья. Лыжники выписывали плавные зигзаги на склоне Кат-он-Груз, в то время как дельтапланеристы скользили над горами к Вистлеру.

— Итак, — сказал Кван. — Может, перейдём к делу? Насколько я понимаю, ко мне вас направил Чак Фрэзер?

— Он сказал, что вы встретились в Сан-Франциско, во время конференции адвокатов. Он сказал, что вам обоим пришлось «заниматься поисками»?

— Так оно и было. Что вам требуется?

— Сердце и почка для моего сына.

Оба мужчины были одеты в изысканные костюмы, обычные для элиты и профессии, но Кван, который имел связи с Гонконгом, был одет с большим вкусом. Азиат прямо излучал доверие и энергию, которой можно было позавидовать: хитрость человека, который чует деньги за милую. Американец, между тем, был несколько хмур: сонный, атрофировавшийся, желчный денежный мешок, который видывал и лучшие времена. Каждый из мужчин персонифицировал своё экономическое положение.

Вошла красотка с кофе, налитым в королевский фарфор. Она ненавязчиво придвинула чашку к каждому из мужчин. Джексон подождал, пока она вышла из комнаты.

— Время играет весьма существенную роль, мистер Кван, — сказал он. — Если я не найду органы в ближайшее время, мой единственный сын умрёт.

Наманикюренными пальцами Кван поднял чашку. — Разве нет доноров в Штатах? — спросил он сквозь пар, поднимающийся над чашечкой.

— Десять тысяч американцев требуют пересадки почек. Число нуждающихся в новых сердцах столь же велико. У моего мальчика

комплексное поражение органов, и он не может дожидаться, пока до него дойдёт очередь.

— Есть и другие средства.

— Я связался с организацией, похищающей органы из моргов. Дело сорвалось, когда ФБР арестовало группу. Агентство, достоящее органы, купило для меня почку бездомного. Оказалось, что у него был СПИД. Я уже рассматривал возможность убийства, когда Чак рассказал мне про вас.

— Где ваш сын сейчас?

— В Лос-Анджелесе, с матерью.

— Вы можете доставить его самолётом в Гонконг?

— В моём распоряжении реактивный самолёт компании.

— Цена — два миллиона долларов. Включая стоимость операции.

— Этот счёт может быть оплачен хоть сегодня.

— Имеются... условия. Своего рода меры предосторожности.

— Меня это не волнует. Я сделаю всё.

Адвокат поставил свой кофе. — Тогда мы поладим.

— У вас есть органы?

— Найдутся, пока мы разговариваем. В Гонконге рынок не ограничен никакими законами. Существование тех или иных пережитков определяется потребностями. Зачем напрасно тратить сохраняющие жизнь товары на бедняков, которые не в состоянии выжить в условиях свободного предпринимательства? «Фанквань Чжу» пойдёт навстречу вашим потребностям. Добро пожаловать в Гонконг, мистер Джексон. Здесь деньги покупают всё.

— Здесь? — сказал американец, выглянув в окно.

— К 1997 году никакого различия не будет.

ЧЁРНЫЙ НЕВОЛЬНИК

На Жемчужной реке,
Китайская Народная Республика
четверг, 19 марта, 1:30 пополудни

Они были настоящими охотниками за змееголовыми, эти полицейские Красного Китая.

Три недели назад таможенник в Гонконге вскрыл один из семи тысяч грузовиков, ежедневно совершающих рейсы между китайской провинцией Гуандун и Новыми Территориями. Проверяя груз корзин, упакованных внутри и предназначенных для колонии, он обнаружил девять перепуганных девочек. А ещё двумя неделями раньше морская полиция, патрулирующая внешние воды колонии, наткнулась на направляющийся в Гонконг баркас. В нём была спрятана дюжина плачущих девочек.

За восемь дней до этого дежурный наряд, патрулирующий болотистые протоки между Гонконгом и границей Китая, обнаружил сампан, пробирающийся каналами. Под ветошью, наваленной возле руля, находились пять промокших и связанных вместе девочек в возрасте от шести до восьми лет. Четверо «змееголовых» были арестованы.

Контрабанда детьми в Южном Китае началась по вполне пристойным причинам. Народная Республика выдавала семьдесят пять разрешений (только в одну сторону) в день для тех, кто хочет жить и работать в Гонконге. Чтобы быть уверенным, что деньги, заработанные там, тратятся в Китае, Пекин разрешал выезжать только одному ребёнку на семью. Эта политика неизбежно привела к преступному бизнесу, когда за вознаграждение в 2000 и более долларов

«змееголовые» контрабандой перевозили детей из провинции Гуандун к их родителям в Гонконг.

По обычаям Китая рождение девочки всегда рассматривалось как несчастье. Несмотря на экономические достижения, китайские крестьяне продолжали тяготеть к феодальным порядкам. Конфуцианская традиция превозносит мужчину и презирует женщину. Правительство способствует этому перекосу, утверждая декретом, что каждая семья может иметь только одного ребёнка женского пола.

При использовании внутриутробных тестов для определения пола ребёнка число аборт в Китае приближается к девяти миллионам в год. Большинство из них делают женщины, ожидающие девочку. Достаточно обычно также убийство женщинами детей, в основном с помощью мокрого полотенца.

Спрос и предложение управляют любым рынком, в том числе и чёрным. Китай обладает миллионами девочек, которые никому не нужны, в то время как у нуворишей Гонконга есть сексуальные потребности для удовлетворения и туалеты, которые нужно чистить. Обе стороны хорошо платят в этой торговле человеческим товаром, поэтому они и являются охотниками за «змееголовыми», эти полицейские Красного Китая.

Был полдень, и Жемчужная река была запружена лодками.

Ни в одной стране нет столько судов, бороздящих территориальные воды, сколько в Китае. Все основные реки и прибрежные порты обладают плавучим населением, не имеющим никакого иного дома. Число джонок и сампанов превышает малый флот всего остального мира вместе взятых.

Город с почти четырьмя миллионным населением и с ещё пятнадцатью миллионами в пригородах, Кантон — Гуанчжоу — раскинулся у начала дельты Жемчужной реки в семидесяти милях к северу от Южно-Китайского моря. Ниже по течению, там, где река впадает в океан, расположен Гонконг.

От острова Сянган, являющегося центром города, до контейнерного порта Хуанпу в пятидесяти милях от него на мутно-коричневых волнах роится снующая, толкающаяся, скрипящая армада судёнышек. Обдуваемые горячим ветром с безоблачного, неба сухогрузы и танкеры, и океанские лайнеры, и пыхтящие пассажирские паромы, баржи и буксиры, канонерские лодки и вытянутые сампаны со звякающей кухонной посудой, пассажирские лайнеры и грузовые катера, перевозящие вещи с корабля на берег и с корабля на корабль, сновали взад и вперед по руслу реки.

Пока лодки нищих сновали среди пароходов с широкими палубами и украшенными цветами лодочек *фа-шуен*, привлекавших поющих девушек, траулеры компании «Амой», груженные рыбой, протискивались среди джонок. Потерявшая управление джонка с красными полосками врезалась в док.

Полицейский катер развернулся.

С окнами, выходящими на три стороны, он был открытым, словно корвет. Тускло-серый мостик был вооружён пулемётом 50-го калибра. Пока один коп, Монгол, заряжал пулемёт, его напарник направил катер к джонке.

На берегу происшествие вызвало оживление. Позади серебристых сетей, растянутых для просушки, извозчики, кули и детишки в джинсах глазели на аварию. Среди обломков причала валялись раздавленные бочки с дёгтем и банки с устричным папшкетом. Смеющиеся дети и лающие собаки скакали по палубам лодок, причаленных по соседству. Пока корзины с имбирём и корешками лотоса плавали по воде, катер ткнулся в борт джонки. Станный чёрный глаз, нарисованный на её борту, глядел на мутную реку и на повреждённый причал.

С высоко расположенным рулём, с квадратными бортами, с плоской палубой, не имеющие килей, джонки были рабочими лошадками китайских морских торговцев. Хотя все джонки формой напоминают башмак, джонка с красными полосами походила на него больше всех остальных. Легенда гласит, что корабельщикам озера Поянху было приказано императором построить новую лодку. Скучая во время посещения мастерских и желая положить этому конец, императрица сбросила с ноги шлёпанец и сказала: — Сделайте её похожей на это.

Прищутив глаза под фуражкой с красной звездой, Монгол ухватился за поручень в нише борта, проделанной в минувшем столетии для установки орудия, и взобрался на палубу. В то время как палуба под ним поднималась и опускалась вместе с зыбью, коричневые, похожие на крылья летучей мыши паруса хлопали о мачты. Несколько горизонтальных рей сломалось, запутав оснастку, которая моталась на ветру. Более тучный, в очках с проволоочной оправой Хэн следовал за ним по пятам.

На палубе царил беспорядок.

Кучи соломенных подстилок, кучи мусора, лужи запачканной маслом воды. Посреди судна возле каюты валялись остатки пищи: птичьи кости, бутылки из-под пива, шкурки от мандаринов.

Футовые крысы с извивающимися хвостами бросили протухшую свинину, чтобы спрятаться от копов. Корзины из пальмовых ветвей опрокинулись во время столкновения, рассыпав возле двери каюты куски червивого мяса. Дверь периодически со скрипом отворялась и закрывалась от качки.

Вытащив пистолеты, они вошли в каюту.

Тёмное и затхлое внутри, помещение вызывало тошноту. Хэн зажёл спичку, чтобы они смогли осмотреться, вызвав пронзительный писк со стороны люка. С потолка свисало тело нагого мужчины, сила тяжести заставила его изъеденную мухами плоть отстать от костей. Четырёхфутовый вертел, забитый в его зад, пронзил внутренности, живот и сердце, прежде чем пробил его голову. Оба конца горизонтального вертела были крюками прибиты к потолку таким образом, что конечности жертвы болтались в дюйме от палубы. Снующие крысы ободрали мясо с его рук и ног.

Хэн нашёл промасленную ветошь, которую поджёл, обернув её вокруг палочки.

Пока вертел раскачивался взад-вперёд от качки, они осматривали тело, отмечая раны.

У него не только был удалён мозг, но и самым жестоким образом вырваны глаза и пищевод.

Монгол осматривал синяки, проступившие на коже, когда его партнёр привлёк его внимание к дальней стене.

Там кровью были нарисованы китайские иероглифы:

兩	有
個	個
兒	人
子	他
：	有

КАРТОТЕКА

Ванкувер

четверг, 19 марта, 10:46 утра

Хотя Хаттон Мэрдок менял своих любовниц так же часто, как носки, он держал одну и ту же секретаршу в течение семи лет.

Узколицая, с завитыми в булки волосами мышиного цвета и носящая увесистые туфли, Фэйт Петерс напомнила Цинку школьную воспитательницу, которая выламывала ему пальцы за то, что он плевался шариками из трубки в классе. Она была того рода небездумным помощником, какие придают респектабельность своим шефам, что несомненно объясняло, почему Каттер распорядился ею, как своей собственностью.

— Давайте закончим с этим поскорее, — сказала Петерс. — Мне ещё нужно переписать приговор.

Кабинет Мэрдока служил отражением человека с изысканным вкусом. Оригиналы Готье Фалька, Филиппа Рафаэля и Гордона Смита были развешаны на стенах. Мебель была из магазинов, расположенных вдоль Южного Гранвиля, законодательные акты и бумаги были разложены на столе из чёрного ореха. Цинк взял ближайший том и взглянул на его название: «Пробка от шампанского повреждает глаз».

— Американцы, — с пренебрежением фыркнула Петерс. — Мы свели все подобные правонарушения в единственном томе. Они же посвящают целую книгу этому.

Она думает, что я служу в конной, подумала Кэрл. Или же она напыщенная дура.

— Мэрдок когда-либо упоминал Трента Максвелла? — спросил Цинк.

— Нет, насколько я припоминаю. — Петерс забрала у него из рук книгу, возвращая её на стол. Она положила её совершенно параллельно одному из углов стола.

— Кто был секретарём Мэрдока, когда он занимался адвокатской практикой?

— Джейн Форсайт. Слабость Аллжеймера.

Просматривая полки, Кэрол спросила:

— Есть здесь его судебные дневники?

— Только касающийся текущего дела. Остальные дома вместе с материалами закрытых дел.

Петерс поправила бумаги на столе. По мнению Кэрол они лежали ровно и до того, как она начала возиться с ними.

— Хаос в кабинете отражает хаос в мыслях, — сказала Петерс. — Я уверена, что мы мало что найдём среди последних бумаг. В конце каждого месяца я упаковывала материалы завершённых дел. Хаттон забирал их из кабинета вместе со своими дневниками. Он писал книгу. Комментарий к уголовному законодательству.

— Материалы его адвокатской практики? Они были уничтожены?

— Стоит выбросить карточку клиента — и адвокат может оказаться осуждённым. И материалы, касающиеся адвокатской практики, и судебные он хранил дома. Он использовал случаи из своей практики в качестве примеров в книге. Его дневники были указателями к материалам.

— Где жил Мэрдок?

— В Западном Ванкувере.

Цинк открыл свой блокнот.

— Какой у него адрес?

Западный Ванкувер

12:15 пополудни

Соответствуя британскому представлению о состоятельности, дом Мэрдока прилепился к склону Холлибэрн-Маунтин. Виднеющийся ниже его трубы с горячей водой и каменного плавательного бассейна Ванкувер выглядел туманным приветливым ковриком. Пока Цинк отмычкой отпирал замок, Кэрол следила за буксирами и грузовыми судами, снующими по Английскому заливу. Западнее Лайонс-Гэйт-Бридж и парка Стэнли к берегу приближалась плот-

ная армада кучевых облаков. — После тебя, — сказал Цинк, толкнув дверь.

Дом являл собой архитектурную мешанину кедра и стекла. Четыре крыла окружали расположенный в центре двор, словно ступени винтовой лестницы — центральный стояк. На чердаке самого верхнего крыла они обнаружили материалы закрытых дел, расположенные по алфавиту вдоль трёх стен. Четвёртая стена, расположенная позади отдельно стоящего камина, была из небьющегося стекла.

— Господи Иисусе, — сказала Тэйт. — Тут, должно быть, тысяча пять дел. Мы кончимся раньше, чем просмотрим их все.

— Ты видишь дневники?

— Нет.

— Так же, как и я.

— Может, в его машине?

— Они не упоминались в рапорте. Машину нашли в аэропорту и осмотрели.

— Кто-то жёг материалы, — сказала она, склонившись над камином. Тэйт извлекла застёжку скороспивателя из золы.

— Может, Мэрдок?

— Или кто-нибудь ещё.

— Кто-то сжёг досье и дневники?

— Для этого здесь слишком мало золы.

— Думаешь, он взял их с собой?

— Тогда почему он не взял и досье? Почему он сжёг одно и не стал жечь другое?

— Предположим, что он нашёл досье и не нашёл дневников.

— Тогда где они?

— В убежище Мэрдока. Помнишь характеристику Каттера относительно судьбы? «Представление Хэттона о праздниках заключалось в том, чтобы взять последние материалы в свой домик на Галф-Айленде и читать».

— Где этот Галф-Айленд?

— Эти, Кэрол. В заливе Хуана де Фука. Мы пролетали над ними.

Подступы к Пендер-Айленду
3:52 *полуполудни*

Тень «Джет-Рэнжера» прыгала по сердитым волнам. Сквозь похожий на глаз жука кокпит «Бэлл-206» Кэрол видела вздымаю-

щийся горб Нос-Пендер-Айленда. Ветер гнул деревья, вцепившиеся в его скалистые склоны, позади которых темнеющее небо предвещало шторм. Когда вертолёт завис над изрезанным берегом, его вращающиеся лопасти подняли тучи песка и разбитых ракушек. — Пошевеливайтесь, — прокричал пилот, перекрывая шум. — Если шторм усилится ещё немного, нам придётся ночевать здесь.

Извивающаяся лестница вела по склону к домику Мэрдока. Расположенный над тридцатифутовым обрывом, построенный из кедра домик имел три этажа. Крыша представляла собой ряд двухскатных фронтонов, с небьющимся стеклом, вставленным в южные скаты. *Должно быть, пришлось сделать массу ненужной работы,* подумала Тэйт.

Словно плуг, воды пролива бороздила касатка. Над свистящими лопастями вертолёта парил морской орёл. Кэрл и Цинк, выбравшись наружу, направились к лестнице. Когда они были на полпути вверх, упали первые капли дождя.

Цинк отпер дверь отмычкой.

Оказавшись внутри, они сразу разделились, чтобы сэкономить время. Пока Кэрл прочёсывала верхние этажи, Цинк осматривал главное помещение. В холодильнике позади бара он нашёл охлаждённую бутылку «Дом Периньон Брют». При цене 79 долларов 95 центов за бутылку ему не слишком часто приходилось его пробовать. *Если бы я был убит и двое копов охотились за моим убийцей, я бы непременно угостил их шипучкой, в качестве дополнительного стимула.* Он отыскал два бокала и отнёс «Дом» на второй этаж.

Окно из цветного стекла было мозаикой, изображающей Христа со словами «И СЫН БОЖИЙ», написанными у его ног. Мэрдок напоминал ДеКлерка тем, что они оба упорядочивали свои мысли на стене. Длинный лист бумаги был прикреплён вокруг комнаты. На нём была нарисована временная ось протяжённостью в тридцать шесть лет. Названия дел, вроде «Р. против Синклера» и «Мастер против Королевы» были написаны карандашом у точек вдоль графика. На столе возле Кэрл лежали тридцать шесть дневников.

Цинк выстрелил шампанским.

— Если убийца съжёт досье, то он просмотрел это. Скорее всего, он не знал об этой берлоге Мэрдока.

— Об этом нет никаких записей в Западном Ванкувере, — сказал Цинк. — Бумаги по найму, должно быть, находятся у его хозяина.

Над головой раздался раскат грома.

— За нас, — сказал он, протягивая ей бокал.

— И за Мэрдока, — сказала Кэрол. — Может, это поможет найти его убийцу.

— Ты хочешь есть?

— Просто умираю от голода.

— Тогда давай упаковывать всё это и пошли. Как ты думаешь, кто это — цветной, итальянец или китаец?

— Пусть будущее покажет, — ответила она.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Пекин, Китайская Народная Республика
пятница, 20 марта, 8:01 утра

В северной части площади Тяньаньмынь Ворота Поднебесной Империи охраняют въезд в Запретный город. Построенные в 1651 году, они имеют высоту сто десять футов. С их верхушки императорские указы, написанные на свитках, бросались его чиновникам, распростёршимся на коленях вниз. Пять дверей вели внутрь ворот, семь мраморных мостов были переброшены через поток перед ними. Только император мог пользоваться центральным мостом и дверью. Нарушивший этот закон неизбежно приговаривался к смерти.

С парапета ворот в 1949 году Мао провозгласил Народную республику. Сегодня гигантский портрет Мао свисал с их балюстрады. За воротами простирались дворцовые земли. Здесь, в парке Згоншан находился Алтарь Земли и Зерна. Каждая из секций Алтаря была наполнена землёй другого цвета, символизируя то, что императору принадлежит вся земля. Крошечный павильон, похожий на фонарик, располагался сразу за парком. Если чиновник допускал ошибку, его шапка помещалась в павильон перед тем, как он подвергался наказанию.

Дальше к северу располагались тускло красные Меридиональные Ворота. Предназначенные исключительно для императора, их гонги и колокола возвещали о его прибытии и убытии.

Здесь Сын Небес устраивал смотры Императорской Гвардии, выносил приговоры заключённым и наблюдал за

тем, как пороли его министров. Тот, кто входил сюда без приглашения, обезглавливался.

Рядом с Меридиональными Воротами, переброшенными через дворцовый ров, извивался Золотой Поток, формой напоминающий татарский лук. Поперёк моста, отражающегося в его водах, лежали два грозных бронзовых льва, охраняющие Ворота Высшей Гармонии. Огороженный двор позади этих ворот вмещал до ста тысяч человек; над площадью возвышались Три Великих Зала Запретного города. Расположенные на высокой мраморной террасе, к которой вели три лестничных пролёта, Залы были «Центром Вселенной» для Срединного Царства.

Здесь, в величии и роскоши, в девяти тысячах комнат жил император, которому служили сто тысяч евнухов и десять тысяч наложниц. Дворец Небесной Чистоты, Башня Благоклонных Облаков, Пещеры Дома Фей и многие другие принадлежали ему. Имя каждой из наложниц было написано на нефритовых табличках в королевских покоях. Переворачивая одну из них, Сын Небес выражал свою волю на ночь. Дежурный евнух после этого спешил, чтобы найти выбранную леди. Раздетая донага, чтобы убедиться, что она «безоружна», женщина со связанными ногами, словно свинья на жерди, доставлялась в королевский будуар и бросалась к императорским ногам. Перед тем, как она покидала покои, евнух записывал дату, дабы узаконить любого наследника.

Клиника евнухов снабжала дворец мужчинами, перенесшими операцию. Кастрация осуществлялась острым ножом, пока кандидат сидел на стуле с отверстием в сиденье. Половина приговоренных к этому истекала кровью до смерти. Те же, кто выживал для службы, носили своё мрачное украшение помещённым в шёлковый мешочек. Они надеялись, что мешочек заставит духов всегда опекать их.

Зал Высшей Гармонии был самым главным зданием. Жертвенный очаг в форме черепахи перед его входом символизировал долголетие. До тех пор, пока в 1911 году не был свергнут последний император, покрытый лаковой росписью зал был святыней святынь Китая. Здесь, под сводчатыми потолками, украшенными золотым драконом, с вырезанной в задней части горой Суми, символизирующей рай, с клубами дыма, стекающими по покрытым жёлтыми коврами ступеням, с фигурами пары журавлей с каждой стороны, возвышалось сиденье императора: величественный Драконий Трон.

Одетый в шелка Сын Небес сидел, а у его ног простирался весь известный мир. Пока гремел гонг и звенели ветряные колокольчики, находящиеся перед ним почтительно простирались ниц, девятикратно касаясь пола лбом. Одно его слово могло послать на войну сто тысяч человек. Стоило потревожить его безмятежность, и виновного обезглавливали на месте. Императорская власть была безгранична, так как он правил всем.

За исключением человека, который правил им самим.

Главы Фанквань Чжу.

Расположенная восточнее красной стены, проходящей вокруг Запретного города, штаб-квартира Гон Ан Чжу выходила на Бейчизи Дайдже. Солнечные лучи, отражающиеся от крыши дворца, крытой черепицей, от его стен и от улицы, золотили верхние окна. За золотистой завесой сидел министр Ци.

В свои восемьдесят лет Ци Юксиань был весь покрыт морщинами. Его синий, как и у Мао, китель свободно болтался на тощем теле, пожираемом раком печени. Солнечные ожоги на морщинистом лице были памятью о Долгом Марте, когда он шестьдесят лет назад помогал сколачивать партию. Фотографии на стене рядом с ним изображали известных людей: Ци с Председателем Мао и Чжоу Энлаем, Ци с Ричардом Никсоном, Ци с Ден Сяопином, Ци с Маргарет Тэтчер. Его здоровье ушло; теперь ему оставалось жить всего несколько месяцев.

— Товарищу министр?

Ци поднял взгляд из-за своего стола.

— Факс послан, — сказал его секретарь.

— Я буду со своим врачом, если придёт ответ.

На его столе лежали три фотоснимка и карта. На одном была его жена и сыновья в 1962 году. Волосы и одежда развевались на ветру, который позже превратился в тайфун; они стояли возле кантонского замка Трёх Баньяновых Деревьев. На втором, датированном 1963 годом, были их, отливающие синевой на фоне стальных носилок для вскрытия, тела — его жены и младшего сына, лежащих в море. Их черепа были вскрыты и лишены мозга.

Последняя фотография была сделана позавчера. Она показывала его старшего сына, распятого на джонке, отрезанная голова вскрыта и из неё извлечён мозг.

Позади тела кровью были нарисованы китайские иероглифы.
«Был человек, у которого было два сына...» — гласили они.

Ванкувер

четверг, 19 марта, 4:01 пополудни

Спецотдел «Х» имел свою собственную комнату связи. В ней заправлял инспектор Эрик Чан. Чан находился в ней, когда пришёл факс из Пекина. Пока текст печатался, он стоял возле устройства.

**ЗАТРЕБОВАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ "ФАНК-
ВАНЬ ЧЖУ ФАРМАСЬЮТИКАЛ КОМПАНИ" В ГОНКОНГЕ.
ВЛАДЕЛЕЦ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОРОНЫ В КОЛОНИИ КВАН
КОК-СУ. ПОЖАЛУЙСТА РАСШИФРУЙТЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОЙ
КАРТЫ.**

Отправитель, Ци Юксиань, был министром Гон Ан Чжу.

Гон Ан Чжу — бюро безопасности Китайской Народной Республики. Её полиция.

На карте были изображены горы в окрестностях Национального парка Джаспера.

«Для Экспедиции» было написано по-китайски в левом нижнем углу.

Виндиго-Маунтин была обведена чёрным кружком.

От кружка к левому обрезу карты была направлена стрела.

Там были написаны четыре латинские заглавные буквы.

ГЗПК, гласили они.

КИТАЙСКИЙ КВАРТАЛ

5:12 пополудни

Китайский квартал.

Восток и запад.

Противостоящие друг другу на ничейной земле.

Они пришли в поисках золота и работы, но вместо этого нашли ненависть.

Первые китайские иммигранты, осевшие в Британской Колумбии, перебрались на север с шахт Калифорнии в 1858 году, когда вдоль рек Фрэзера и Томпсона было открыто золото. Как только новости о карибской Золотой Лихорадке докатились до Китая, ещё сотни покинули Срединное Царство с его войнами, перенаселением и голодом.

Следующая волна иммигрантов прибыла на строительство КТЖД через Скалистые горы. Нанятые потому, что азиатские кули работали более прилежно, чем белые, и потому, что они не отказывались от самых рискованных работ, между 1881 и 1884 годами Канадской Тихоокеанской Железной Дорогой были ввезены пятьдесят тысяч китайцев. Пока маленькие английские девочки прыгали через скакалку под припев:

Китаеза Чин-хи-Чин

На рельсах сидися.

Чух-Чух поезд проезжал,

Оторвал косиця

Кули говорили, что по одному китайцу умерло за каждый фут железной дороги. Это, конечно, было преуве-

личением. Только каждые четверть мили стоили жизни одному китайцу.

Китайский квартал появился в результате. Кули, которых нанимали в Азии, говорилось, что их обратный билет будет оплачен, как только работа будет закончена. Когда это обещание не было сдержано, они обнаружили себя оставленными на негостеприимной земле. Чтобы выжить, им пришлось работать домашней прислугой, садовниками, поварами и рыбаками для белых. Регулярно избиваемые мародёрствующими бандами, они селились вместе на «Шанхайской аллее», в низинной, нездоровой части Фолс-Крик. Главную улицу — Дюпон-стрит — они поделили с проститутками.

Многие белые рассматривали «жёлтую заразу» как угрозу. Скрытные и непостижимые, они были «расой, лишённой эмоций». Они болтали на певучем языке, раздражающем «цивилизованный» слух, и у них хватало терпения, чтобы извлекать прибыль из заброшенных шахт. И, что хуже всего, они работали за более низкую плату. Многие предприятия повесили объявления «англичане не требуются».

По мере того как китайский квартал увеличивался, увеличивалась и ненависть колонистов. Между 1878 и 1913 годами двадцать четыре анти-азиатских уложения стали законами. Китайцы были лишены избирательного права и им не разрешалось состоять на правительственной службе. Лишённые профессии, они не могли посещать школы для белых. Китайки могли иммигрировать в качестве жён белых, но азиатки не могли нанимать белых женщин. Такса за въезд в страну постоянно росла: 10 долларов в 1886 году, 50 — в 1896, 100 — в 1900, 500 — в 1904 годах.

Наконец в 1907 году ненависть прорвалась вспышкой насилия.

В том году была образована Лига Избавления от Азиатов. Её собрание способствовало образованию бесчинствующей толпы. Подогретая речами расистских ораторов, толпа в количестве пяти тысяч человек отправилась громить Китайский квартал, нанеся ущерб в 25000 долларов. Китайцы ответили общей забастовкой, что эффективно парализовало все отели города. Ненависть белых ещё больше возросла.

В 1923 году был принят Ограничительный Акт. Он запрещал любую иммиграцию из Китая. Этот закон не был отменён вплоть до 1947 года, но население Китайского квартала опровергло эту победу. В 1921 году там было 6500 азиатов. Через тридцать лет их было уже 8750.

Про-коммунистические беспорядки прокатились по Гонконгу в 1967 году. Они вызвали новую волну китайской иммиграции. Опасаясь за свои недавно обретенные положение и богатство в ближайшем будущем, «колониальные яхтсмены» стали налаживать отношения за океаном. Когда Британия согласилась передать в 1997 году Гонконг Китаю, это привело к тому, что волна превратилась в приливный поток.

На сегодняшний день, насчитывая 150000 человек, китайцы составляли двадцать три процента населения Ванкувера.

Эта цифра может увеличиться до сорока процентов до того, как колония прекратит своё существование.

Лопаясь по швам, Китайский квартал меняется.

Цинк запарковал машину на углу Пендер и Каррал. Раскрыв зонтик, они вышли под дождь. — Видишь то здание? На углу? — сказал он. — Это «Хочешь верь, хочешь не верь» Рипли.

Кэрол окинула взглядом двухэтажное здание с большими выступающими окнами. — Я не понимаю, в чём дело, — сказала она.

Под дождём, барабанившим по зонтику, он провёл её дальше по улице.

— Не верится, — сказала она, оглядывая его сбоку. — Шириной в три фута, и люди работают там?

— Четыре фута одиннадцать дюймов. Дом Сэма Ци — самое узкое здание в мире.

— У него, должно быть, какая-то история?

— В 1910 году город разросся до Пендер-стрит. Вся земля Чень Тоя, кроме этой полоски, была экспроприирована. Город отказался компенсировать ему стоимость остающейся земли, поэтому его соседи по Шанхайской аллее думали, что получают её для гуляний. Назло им Чень построил самое узкое здание в мире, используя туннели и выступающие окна, чтобы максимально использовать пространство.

— Мне нравятся парни, которые не дают обвести себя вокруг пальца, — сказала Кэрол.

По мере того как пурпурная завеса сумерек скрывала лицо дракона, неоновые огни Китайского квартала зажигали свои глаза. Остатываясь то там, то сям, копы шли по улице, а дождь бурлил в сточных канавах и заливал им ноги. Миновав «The Chinese Times», номера которой по-прежнему печатались с рукописного текста, и

Сады доктора Сунь Ят-сена с его древними валунами, они пересекли Колумбия-стрит по направлению к Майн-стрит. Кэрол бросила взгляд на мокрый фасад элегантного зелёного здания с филигранными балконами, обрамляющими его переднюю сторону. Под крышей позолотой был написан 1909 год.

— Китайская Ассоциация Содействия, — сказал Цинк.

— Все балконы утоплены в нишах. Такого нет в Сан-Франциско.

— В отличие от ваших, наши китайцы в своём большинстве выходцы из Гуандуна. Это — провинция в окрестностях Гонконга. Эрик Чан — ты встретишься с ним — говорит, что утопленные балконы характерны исключительно для Южного Китая.

— Пагода в качестве телефонной будки. Замечательное применение.

Маленькие лавки были забиты азиатскими безделушками: париками, веерами, чайными приборами и многорукими нефритовыми идолами; вырезанными из слоновой кости статуэтками Будды и шахматными фигурками мандаринов, лаковыми шкатулками; секачами, кухонными принадлежностями и фарфоровыми медведями-панда. Красные фонарики горели в некоторых лавках, чтобы принести удачу их владельцам, распространяя по улице острый запах ладана.

— Здесь узаконены азартные игры?

— Нет, — сказал Цинк.

Кэрол обратила его внимание на расположенную в подвале парикмахерскую. Сквозь её мутные окна позади ряда растений был виден мужчина, идущий по заполненной дымом комнате с полными пригоршнями долларов. Кто-то выкрикивал на гортанном кантонском наречии, в то время как другой раз за разом бросал кости ма-джонга на стол. Третий, в грязной нижней рубашке, вёл счёт.

— ВПУ имеет только шесть копов, говорящих по-китайски, — сказал Цинк. — А если соблюдать пропорцию, то их должно было бы быть две сотни.

— Прекрасное планирование, — сказала Кэрол.

— Это весьма типично, — ответил он. — Только теперь Силы начали набор добровольцев среди этнических меньшинств. Китайский квартал — это лишённая полиции ничейная земля.

Майн-стрит — родной дом для покинутых, потерявших и потерявшихся. Она рассекает горло Китайского квартала с севера на юг. Когда они пересекали Майн, направляясь к Клину, чёрный подъёмный кран «Транс Ам» прогрохотал вниз по улице.

— Спорим, в течение нескольких лет это был опиумный притон, — сказала Кэрол.

Они остановились перед опустошённой лавкой мясника. Объявление в витрине извещало, что помещение вскоре будет занято «Диетической едой Фанквань Чжу». Из ниши, расположенной рядом с лавкой, ряд ступенек спускался к паре распахивающихся дверей. За дверью ступени терялись где-то вверх. По лестницам спускались трое панков в чёрных кожаных куртках, белых теннисках и черных джинсах. Завидев круглоглазых, они приостановились и фыркнули.

— Они выглядят весьма приветливо, — сказала Кэрол. — И татуировки у них очень симпатичные. Должно быть наверху у них клуб.

— Кто его знает, — сказал Цинк. — Невозможно проследить все банды. Каждую неделю образуются новые.

— Эмигрантские, да?

— В основном. Сто двадцать четыре тысячи прошений ещё ждут, чтобы их удовлетворили. Банды вербуют их прямо у трапа самолёта.

— Вечная проблема с иммигрантами, — сказала Кэрол, — заключается в том, что они не считаются с нашими ценностями. Для некоторых демократия означает свободу сходиться с ума. Терпимость должна заканчиваться, когда поднимается стрельба.

— Мы прижали этого парнишку, — сказал Чандлер, — за ножовщину с членом соперничающей банды. Он спасся из Вьетнама со своей матерью, погрузившись вместе с сотней других на маленькую рыбачью шхуну. Через два дня после выхода из порта двигатель заглох, оставив их дрейфовать в открытом море. Когда пища закончилась, команда пригрозила беженцам ножами. Их заставили тянуть жребий, чтобы решить, кто будет съеден. Матери парня не повезло в лотерее, и её застрелили. Ему пришлось стать свидетелем того, как её разрезали и съедали кусок за куском. Неудивительно, что он приехал, не испытывая никакого уважения к законам.

Здание гоминдана расположено на углу Пендер и Клина. На Клине находилось место, куда они направлялись, ресторан «Счастливый случай». Рядом с ним находилась китайская аптека. Недавно название на окне изменилось. Теперь она гласила «Фанквань Чжу Фармасьютикал Инк.».

— Парень, меня это выводит из себя, — сказала Кэрол, глядя в окно. — Сколько животных было убито, чтобы заполучить эти «лекарства»?

— Каждый напоминающий по форме свеклу мешок стоил жизни одному медведю, — сказал Цинк. — Самолёт «Эйр Индия» был взорван в 1985 году? Тот, что из Торонто? Упавший в Ирландское море? Было сообщение, что вместе с ним пропало два чемодана весом по тридцать пять фунтов каждый. Охотник утверждал, что багаж содержал высушенные желчные пузыри тысячи канадских медведей. Его ущерб составил 125 000 долларов. Если бы пузыри достигли Востока, они бы стоили по меньшей мере миллион баксов.

Чандлер указал на олений рог на витрине. Отпиленные от него пластинки лежали в тележке ниже.

— В прошлом году экспортёр назвал Северо-западные территории «Заповедником дикой природы», — сказал он. — Азиат спросил, нельзя ли заключить договор с индейцами, чтобы они смогли охотиться на карибу независимо от сезона. Если бы это было так, он хотел бы получить разрешение на вывоз ста тон рогов. Он сказал, что будет платить индейцам по пятьдесят долларов за фунт, если они сложат рога в тундре так, чтобы его фирма смогла забрать их вертолётom. Такое разрешение означало уничтожение 22000 карибу. Индейцы получили бы 11 000 000 долларов.

— Видишь это? — сказал Цинк. — Это тигриные пенисы. А там, над ними, — рог носорога.

— Что за «медицинская» теория лежит в основе уничтожения редких видов?

— Точно не знаю, — сказал он. — Что-то связанное с идеей инь и янь.

СДЕЛКА

5:24 пополудни

Когда Кэрл и Цинк отправились дальше по улице, Уличные Демоны вошли в мясную лавку. Заперев за собой дверь, они спустились в подвал под Пендер-стрит. Ожидая, они толковали о том, сколько им заплатят этой ночью, до тех пор, пока с улицы не послышался звук автомобильного двигателя.

Кто-то вошёл в заднюю дверь.

Раздался звук шагов по лестнице.

Появился мужчина в деловом костюме.

— Где он? — спросил Мартин Кван.

Панки открыли морозильник и исчезли внутри. Круглоглазый, которого они выволокли оттуда, едва мог стоять.

Его руки были связаны за спиной, глаза — переполнены страхом. В рот ему был надёжно забит кляп. От дыхания носом кляп покрылся льдом, а слёзы, стекавшие по щекам, замёрзли торчащими сосульками.

— Мистер Ли, — сказал Кван. — Так как насчёт вашей земли?

Один из панков запустил электропилу.

— Наша фабрика будет втрое больше, чем планировалось. Для расширения нам требуется принадлежащая вам сегодня территория.

Было видно, как ротор вращался, набирая обороты.

— Вы продадите её не Тайваню. Вы продадите её мне. Это просто вопрос того, какое принуждение вам потребуется.

Панк развязал белому руки, а затем подтолкнул его к механизму.

— Вы, возможно, и не добрались до аэропорта благодаря моим друзьям, но ваш билет до Тайбэя может пригодиться. Люди всё время исчезают на Тайване.

Когда один из панков поднёс руку Ли к ножу, Кван достал из своего портфеля документы.

— Другую руку, — сказал Мартин. — Этой он пишет.

Взад-вперёд, взад-вперёд, пальцы Ли касались механизма, отсекающего тоненькие кружочки, словно от великолепно засоленной ветчины.

— После твоих пальцев, мой друг, под нож последует твой член. Скажете мне, когда будете готовы подписать, мистер Ли.

Хотя Ли и кричал, но из-за кляпа было слышно только приглушенное мычание. Кван положил договор о продаже на стол рядом с золотой ручкой. Голова Ли закивала вверх и вниз так быстро, что он вывихнул себе шею.

— Было бы проще, если бы вы сразу приняли моё предложение. Пожалуйста, будьте осторожны, чтобы не закапать документ кровью.

После того, как круглоглазый продал свою землю — документ был подписан задним числом, чтобы исключить его опротестование — Уличные Демоны завершили дело.

— Разрежьте его на кусочки, — сказал Мартин, швыряя на стол пачку банкнот.

— Когда мы встретимся с Красным Столбом? — спросил один из панков.

— Он возвращается из Гонконга сегодня ночью.

— Должны ли мы попытаться сами?

— Да, ему это доставит удовольствие. Ещё одна работа, и вы будете среди его 49.

Кван положил на стол адрес.

— Когда?

— Сегодня вечером. Доставьте ДеКлерка сюда, чтобы его мог допросить Красный Столб.

— А если будут проблемы?

— Убейте его, — сказал Мартин.

ГЕНЕАЛО- ГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

Ричмонд, Британская Колумбия

5:25 пополудни

Когда самолёт загудел по взлётно-посадочной полосе, Головорез проснулся. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от яркого сновидения. Сон напомнил о событиях двадцатилетней давности.

Внутри Зала Предков Кванов, окружённого фармацевтическим комплексом вблизи от Воллд-сити Коулуна, между Комнатой для Поющих Радостей и Жертвенным Алтарём проходил коридор. Два дерева в маленьких палисадниках росли по бокам этого коридора, и там же между двумя со снами стояла мраморная скамья. На лавке — мальчик, любующийся жёлтыми зубами, свисающими на шнурках с талии Главы рода. Глава одет в свой великолепный халат, в одной руке у него нож-янь, во второй — меч для обезглавливания. Мальчик тоже одет в одежду, которую он должен носить, obligation, которое он не имеет права снимать без разрешения.

— Кто такой Фанквань Чжу, дедушка? — спрашивает он.

Глава вставляет нож-янь в ножны и садится рядом с мальчиком. Уперев клинок в землю, он кладёт руки на рукоятку меча. — Спрашивать так, Становящийся Головорезом, значит спрашивать «кто мы такие?» Хочешь, чтобы я рассказал тебе историю нашей семьи?

— Да, дедушка.

— Деревья по обе стороны — это реликтовые сосны. Они являются самой долгоживущей формой жизни на Земле. Некоторые деревья в Мафусаильской долине в Белых горах пережили четыре тысячи девятьсот лет.

— А где находятся Белые горы? — спрашивает мальчик.

— На земле белых обезьян за океаном.

Шестилетний смеётся, вообразив обезьян.

— Наш род, Становящийся Головорезом, подобен этим соснам.

Глава указывает на одно из деревьев.

— Видишь, как новая поросль появляется на старых ветках с каждым поколением? Как «дедушка» и «предки» — это ствол сосны, так и я — Глава Фанквань Чжу. «Отцовский» слой, как ты заметишь, полый и умирающий. Так и твоего отца больше не существует. Но видишь, как «сын» растёт, чтобы обновить сосну, совсем, как ты, Становящийся Головорезом, чтобы продолжить наш род? Тебе достанется Драконий Трон, когда я умру, и ты будешь определять Пути Фанквань Чжу.

Глава протягивает свои развешивающиеся рукава, словно произнося заклинание.

— Двенадцать тысяч лет назад, — сказал он, — раса гигантских людей ростом в семь футов добралась до Срединного Царства. Откуда они пришли, не знает никто, но вскоре они привлекли внимание местных жителей. Поскольку их одежда блестела солнечным сиянием, их называли Фанквань Чжу — Сыновья Отражённого Света.

Фанквань Чжу научили нас искусствам, неизвестным раньше. Обучение длилось так долго, что первые ученики умерли, завещав своим семьям хранить знания. Наконец, спустя столетия, гиганты исчезли, и с тех пор о них ничего не было слышно.

Те, кого они обучили, остались, чтобы строить то, чему были научены, в то время как семьи рассеялись по Срединному Царству.

Различные области были выбраны для различных искусств, поэтому семьи развивали различные виды деятельности. Одни развивали И Цзинь, другие — Фенг-шуи. Ну, а мы развивали искусство врачевания.

Засунув руку в один из рукавов, Глава вытаскивает оттуда украшенную резьбой кость.

— Что это? — спрашивает мальчик.

— Чиа-ку-вен. Кость-оракул, которая первая предсказала янь.

— Янь, дедушка?

— Янь Бессмертной Жизни.

Глава благоговейно протягивает кость мальчику. Его внук разглядывает древние символы, вырезанные на кости.

— Можешь ты догадаться, кто дал это нашей семье?

— Фанквань Чжу? Сыновья Отражённого Света?

— Пять тысячелетий назад, Становящийся Головорезом, император Шеннонг испытывал травы, чтобы изучить их действие. Делал он это в горах вблизи нашего дома в Сиане. «Материя лечащая» — это древнейшая в мире книга по лекарствам. У нас есть копия здесь, в Зале Предков. Но ещё старше, чем написанное на бумаге, костяные оракулы, Чиа-ку-вен, такие же, как и та, что ты держишь в руках. Эти кости достались от Фанквань Чжу.

— Могу я испытать янь? — спрашивает Головорез.

— Не в самой сильной форме. Это вопрос Исканий. Но ты можешь испытать более слабую элму янь.

— Когда, дедушка?

— Сейчас, если ты созрел для этого. Приходит время закладывать холодную часть в твой мозг.

Глава ведёт мальчика к Жертвенному Алтарю. Через отверстие в полу они спускаются к Лабораториям. Приблизившись к Донорской Ферме, Глава вручает мальчику свой нож-янь.

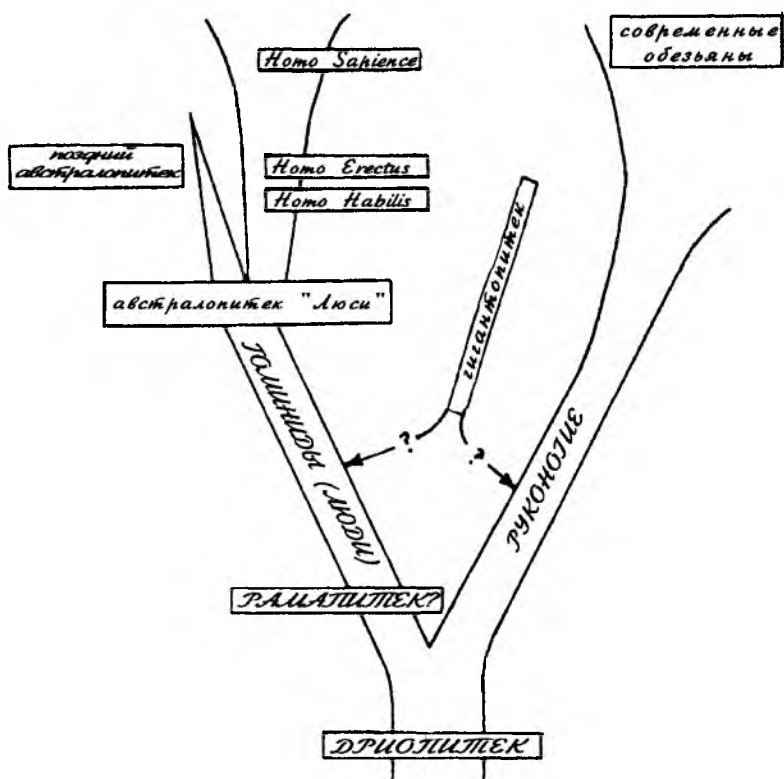
Коснувшись стены мечом для обезглавливания, он отпирает подвал.

Так много крови...

За окном самолёта мимо проносятся огни. За его стенками Ванкувер тянется до гор. Книга ДеКлерка торчит из кармана в сиденье перед ним. Билет первого класса служит закладкой в интересующем Головореза месте:

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ЧЕЛОВЕКА

От четырёх до девяти миллионов лет назад последний общий исток обезьяны и человека разделился. С тех пор ветви эволюционировали раздельно. Хотя мы и знаем, что это разделение произошло в Африке, несколько тёмных мест не позволяют определить точное время. У нас до сих пор очень мало свидетельств об этом процессе.

Антропологи — народ весьма вздорный. У них нет единого мнения по поводу того, какой вид был «последним общим истоком». До сих пор наиболее популярным кандидатом на эту роль — исходя из скелетов и структуры зубов — была древняя обезьяна дриопитек. Этот первобытный гигант бродил по лесам Африки, Европы и Азии до тех пор, пока не исчез около восьми миллионов лет назад.

Какие бы виды ни находились у ствола нашего генеалогического дерева, учёные сошлись на результатах разделения. Одна ветвь — понгиды — стала современными обезьянами. Другая — гоминиды — эволюционировала в нас с вами.

Кто был первым гоминидом — это второй спорный вопрос. Похожий на обезьяну амапитек периодически то становится фаво-

ритом, то отстаёт в этом соревновании. Во всяком случае, между тремя и четырьмя миллионами лет тому назад в Африке развился австралопитек. Строение его таза позволяло ему сохранять вертикальное положение и двуногую походку; таким образом, этот субчеловек обладал двумя характерными чертами, которые ставят человека особняком от других животных.

В 1974 году была откопана «Люси». До этого открытия были известны несколько подвидов австралопитека. Все они ходили на двух ногах, обладали мозгом большим, чем у других млекопитающих, и поедали пищу при помощи уплощённых, низкопосаженных зубов. Учёные знают наверняка, что австралопитек эволюционировал в нас, но какие подвиды были связующим звеном, остаётся загадкой.

Люси была обнаружена в Хадаре, в Эфиопии. Её останки были много древнее и менее развиты, чем у более ранних находок. Чтобы отпраздновать это событие, охотники за останками кутили всю ночь, лакая пиво и слушая на магнитофоне битловскую «Люси в небе с брильянтами». Хотя и обозначенные позже как «австралопитек отдалённый», утром останки получили эту свою кличку.

Вопрос австралопитека остается предметом академических споров. Каждое новое открытие — такое, как Чёрный Череп в 1985 году — кажется, разрушает то небольшое согласие, которое достигнуто в этом вопросе. Одна теория, однако, стоит над другими и наиболее правдоподобно поясняет то, как мы эволюционировали.

«Австралопитек отдалённый» развился в нас. Люси — прама-терь всех более поздних гоминидов, и австралопитека, и первого человека. Это разделение произошло около трёх миллионов лет тому назад, после чего обе ветви жили бок о бок. Позже австралопитек вымер.

Гомо габилис («человек искусный») был открыт в 1964 году. Откопанный Луисом Лики в Танзании, он скорее всего был первым человеком. Лики дал такое название виду за то, что он пользовался каменными орудиями.

Полтора миллиона лет тому назад, незадолго до того, как вымер австралопитек, гомо габилис был вытеснен гомо эректусом (человеком выпрямленным). Обладая мозгом, превышающим мозг австралопитека почти в два раза, Пекинский Человек и Яванский Человек относятся к этой группе. «Человек выпрямленный» был

гоминидом, который мигрировал из Африки, чтобы осесть в Евразии. Только спустя 500 000 лет он уступил место древнему гомо сапиенсу, который, в свою очередь, эволюционировал в неандертальца и в нас.

Сорок тысяч лет назад мы впервые появились на сцене.

Гомо сапиенс сапиенс.

Современный Человек.

Кто или что был гигантопитек?

В Китае зубы дракона считают обладающими целебными свойствами...

ЧЕРЕПНАЯ КОРОБКА

Ванкувер

5:27 пополудни

ДеКлерк готов был закончить рабочий день, когда вошёл Мак-Дугал.

— У Чана не получается связаться с министром Ци.

— Который час в Пекине?

— Девять тридцать завтрашнего утра.

— Если Эрик свяжется с ним, пусть позвонит мне домой.

ДеКлерк сунул факс из Гон Ан Чжу в свой дипломат.

Порывы ветра швыряли потоки воды в оконное стекло.

Застегнув пальто, он поднял воротник.

— Чувствуешь удачу? — спросил Джек.

— Не особенно. Зато ты выглядишь, как кот, поймавший канарейку.

Мак-Дугал вытащил лотерейный билет и помахал им в воздухе.

— Сколько ты выиграл?

— Не я. Ты. Это билет, который ты дал мне с написанным на обороте телефоном ветлечебницы. Я сверил его с газетой. Ты выиграл 10 000 долларов.

— Чёрт меня побери, — сказал ДеКлерк. — И я вышвырнул их. Как ты потратишь свою треть, Джек?

Западный Ванкувер

6:23 *полудни*

ДеКлерк остановился в Дандараве, чтобы запастись горючим. Как всегда, Чарли сидел в своей крошечной будке.

— Довольно сыро для вас, шеф? — спросил инвалид войны. — Я отдал бы свою правую руку, чтобы искупаться на Гавайях.

— Вытащите выигрышный, Чарли.

— Входите. — Старик окинул взглядом свои лотерейные билеты, выбирая один.

Вместе с платой за билет ДеКлерк протянул ему чек.

— Осторожнее, шеф. Это разорит вас.

ДеКлерк отстранил чек. — Это вам. Я выиграл 10 000 долларов в лотерее. Третью тому, кто вытащил его. Третью тому, кто сохранил его. И третью дураку, который его выбросил.

Чарли был совершенно сбит с толку.

Он уставился на чек.

— Зачем вам давать мне больше доллара?

— Пришлите почтовую открытку, Чарли. Я хочу взглянуть, действительно ли эти пляжные девочки так хороши, как говорят.

ДеКлерк сделал ещё одну остановку.

Затем отправился домой.

7:35 *полудни*

Чёрная Барракуда подъехал к дому ДеКлерка.

— Это здесь, — сказал водитель на кантонском наречии.

Панк на переднем сидении сверил адрес с запиской Мартина Квана.

— Развернись здесь, — сказал панк, сидящий сзади.

Барракуда съехал с Марин-драйв на берег. Они остановили машину у моря на площадке любовников. В это вечернее время место было пустынным. Пока они застёгивали свои кожаные куртки, один из Уличных Демонов достал из сумки балахоны.

Водитель вставил магазин в свой «Ингрэм МАК-10».

Панк, сидевший сзади, зарядил револьвер и засунул 45 калибр за пояс.

Панк на переднем сиденье достал револьвер 44 калибра и молоток из сундучка.

— Берём его, — сказал водитель.

7:38 *полудни*

— Эй, парень. Тебе достаточно света?

— Да, — сказал пассажир.

Водитель глянул на него в зеркало заднего вида.

— Я могу свернуть на верхнюю магистраль, хотя и не собирался ехать той дорогой.

— Нет нужды, — ответил пассажир. — Мой фонарик-”карандаш” достаточно силён.

— Не заболеешь, а? Читая в машине?

— Нет, — ответил тот, возвращаясь к книге:

Кто или что был гигантопитек?

В Китае зубы дракона считают обладающими целебными свойствами, поэтому со времён династии Хань (с 206 г. до рожд. Х. по 220 г.) азиатские аптекари продавали *люнь чи* в качестве лекарств. В действительности эти «зубы дракона» были ископаемыми самого разного рода, поэтому фон Кёнигсвальд, палеонтолог, открывший Яванского Человека, взял себе за правило посещать лавки китайских аптекарей.

В гонконгской аптечной лавке в 1935 году фон Кёнигсвальд приобрёл гигантский ископаемый зуб. Больше, чем зубы любой из живущих обезьян, этот зуб был в три раза больше человеческого, хотя и походил на человеческий по форме. Явно принадлежа примату, неизвестному науке, он был назван «гигантопитек блэйки» в честь Дэвидсона Блэйка, сооткрывателя Пекинского человека. Вооружившись соответствующими бумагами и поручительствами людей, пользующихся авторитетом в Азии, Кёнигсвальд приобрёл такие же зубы в Гонконге и Кантоне.

Во время Второй Мировой войны учёный по имени Вэйденрейх, исследовавший эти зубы, пришёл к заключению, что *гигантопитек* — это гоминид, предшествовавшим нам. Основываясь на уменьшении размеров зубов, начиная с *гомо эректуса* и кончая современным человеком, он предположил, что эта тенденция сохранялась в течение некоторого времени. Поскольку форма

ископаемых останков совпадает с нашей, он делает вывод, что *гигантопитек* эволюционировал в нас с вами.

К 1952 году фон Кёнигсвальд обладал восемью зубами. Он также причислял этих приматов к «человеческой группе».

Сопоставляя бугорки на зубах с теми, что были на известных до того времени останках, он сделал вывод, что они происходили из пещер в Южном Китае..

7:42 пополудни

Грибы, укроп, чеснок, вишни, сливы и зелень. ДеКлерк снял крышки с соусниц и поставил их на поднос. Захлопнув ногой дверцу холодильника, он отнёс поднос к столу в гостиной. Откупорив бутылку «Шатонеф-дю-Пэйп», он зажёл пару свечей в канделябрах и камин.

Держа поднос в руке, он вернулся в кухню за проросшим рисом.

7:45 пополудни

Прячась за береговым холмиком, панки подкрались к дому. ДеКлерк, чей силуэт был виден в окне гостиной справа от оранжереи, поставил миску с рисом на стол и исчез из виду. Панки натянули капюшоны.

— Вот что мы сделаем, — сказал Успокаивающий Револьвер. — Я обойду кругом и спрячусь у парадной двери. Выждите пять минут, а потом врывайтесь. Когда круглоглазый бросится к двери, я выстрелю в него дротиком. Затем мы отвезём его в Китайский квартал.

— А что, если он не побежит? — спросил Кувалда.

— Сбейте его с ног или убейте. Меня это не волнует.

— Возьмём его живьём, — сказал МАК-10. — Это произведёт впечатление на Красный Столб.

— Так и сделаем, — сказал Успокаивающий Револьвер, огибая холм.

Он исчез между выброшенным на берег стулом и старинными солнечными часами.

* * *

Такси проехало Виллоу-Крик, направляясь к Лайтхауз-парк. *Сник-сник-сник* стучали по его крыше капли дождя. Таксист разглядывал своего пассажира в зеркало заднего вида. *Болгарин*, подумал он. *Судя по акценту.*

С первого взгляда на провинциала в аэропорту он решил, что возьмёт с него двойную плату. Это был гигант ростом шесть футов четыре дюйма в десятигаллонной шляпе. Ему пришлось снять стетоскопскую шляпу и положить ее на заднее сиденье, и даже теперь ему приходилось сгибаться, чтобы не удариться о потолок машины. Не каждый день приходится возить такого славянского Джона Вэйна.

Нижняя часть загоревшего, как у лыжника, лица под белыми, словно у альбиноса, волосами была скрыта книгой.

Разглядев слово «Кровь» на её обложке, таксист решил, что простак читает Стивена Кинга:

Вместе с Дэвидсоном Блэйком Пекинского человека открыл Пей Вен-чань. После коммунистической революции в 1949 году Пей попросил центральную аптеку в Пекине проверить поступающие к ним «зубы дракона» на предмет, не являются ли они костями *гигантопитека*. К концу 1956 года у Пей было пятьдесят костей, все из пещер Южного Китая.

В том же году фермер по имени Чин Хсиу-хуай, собирая кости для удобрения своего поля, нашёл ископаемые останки в Лунтшайских горах к западу от Кантона. Пещера Лень-Чай-Шан, в которой он нашёл челюсть с зубами, находилась в трёхстах футах над поверхностью земли. Когда Чин попытался продать зубы в качестве лекарств, останки были отосланы к Пей Вен-чаню. Пей организовал экспедицию в пещеру, где в 1958 году были найдены ещё две челюсти и около тысячи зубов *гигантопитека*.

Весной 1968 года группа из Йеля обнаружила такую же челюсть в Сиваликских отрогах Гималаев. Имеющие возраст от пяти до девяти миллионов лет, индийские приматы предшествовали своим китайским двоюродным братьям. Йельцы назвали подвид *гигантопитеком биласпуренсис*.

Недавно учёные из Университета Аризоны изучили останки, привезенные из гор Северного Вьетнама. Замурованные в один и тот же скальный грунт, там находились останки и *гигантопитека*, и *гомо эректуса*...

7:47 *полночь*

Присев перед стереопроектором, он перебирал свои компакт-диски.

Шостакович, решил ДеКлерк.

7:48 *полночь*

Всё было слишком хорошо продумано, чтобы можно было оказать сопротивление.

Дом ДеКлерка был построен во времена, когда люди не запирали своих дверей, довольствуясь одним лишь засовом. Дверь являла собой сплошную дубовую доску, без каких-либо окон по бокам или параноидального глазка в ней. Город приспособлялся к своему новому статусу «мирового класса», где городские отбросы были вольны бродить по улицам, но ещё не достигли той границы, чтобы врываться в любой дом.

Это было удачей для Успокаивающего Револьвера. И это было очень плохо для ДеКлерка.

Панк изменил свои планы.

Подкарауливание ДеКлерка за наружной дверью имело свой риск. Что, если он схватит свой револьвер, услышав шум взлома? Что, если будучи копом, он окажет сопротивление? Что, если он забаррикадируется в одной из комнат? Что, если он позвонит в службу «911»?

Конечно, гораздо лучше было просто постучать в дверь. ДеКлерк не смог бы увидеть, кто находится снаружи, не открыв двери. Прицелиться в щель между дверью и косяком, а затем успокоить его. Если бы он спросил, кто там, сказать «федеральная почта».

Панк постучал в дверь.

— Эй, парень. Ты дома.

Авакомович выключил свой маленький фонарик и расплатился с таксистом.

* 911 — телефон спасательной службы, куда обращаются при всех экстремальных ситуациях.

Прежде чем шагнуть наружу в непогоду и раскрыть свой зонтик, он закрыл книгу на том месте, где было написано следующее:

До тех пор, пока Жёлтый Череп не был нарисован в «Журнале Паркера», *гигантопитек* был известен только по челюстям и зубам. Форма его черепной коробки оставалась загадкой.

Исходя из останков, которые были обнаружены до того, как я открыл сундук Блэйка, антропологи сошлись на определённых фактах.

Гигантопитек эволюционировал в Гималаях, затем распространился на восток.

Китайские *гигантопитеки* произошли от индийской формы и явились предшественниками человека около 500000 лет тому назад.

Этот вид являет собой поразительную смесь характерных черт обезьяны и гоминида. И, в довершение всего, останки *дриопитека* — который, возможно, является общим предком и обезьяны и человека — были обнаружены поблизости от всех останков *гигантопитека*.

Судя по форме челюстей, эти приматы, вероятно, были вдвое больше самца горной гориллы.

При весе в шестьсот фунтов их рост составлял девять футов. Во всех остальных отношениях этот вид окутан покровом тайны, не имея связи с другими видами, с непонятно каким телом, затерянный во времени.

Откуда он/оно пришло?

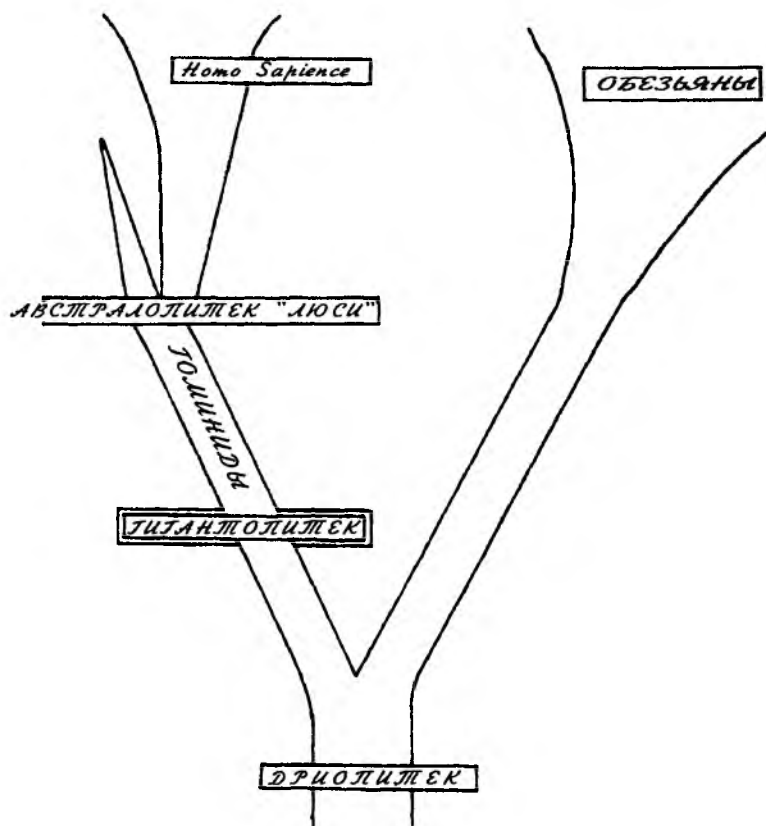
Куда он/оно исчезло?

Некоторые антропологи убеждены, что *гигантопитек* был огромной, ныне вымершей обезьяной.

Другие рассматривают этот вид, как гигантских гоминидов без определённого района обитания, каким-то образом предшествующих человеку.

Ещё некоторые считают существо дожившим до наших дней, выжившим в отдалённых районах и известным под названием йети в Гималаях и саскво — в Скалистых горах.

Как бы то ни было, Жёлтый Череп появился, чтобы занять своё место здесь:

7:49 пополудни

Как раз вовремя, подумал ДеКлерк, прислушиваясь к стуку в дверь.

Он спустился в прихожую, отодвинул засов и повернул ручку.

Шаги приближались с другой стороны.

Успокаивающий Револьвер нацелил пистолет с дротиком туда, где должен был появиться ДеКлерк.

Засов отодвинулся, и дверь начала отворяться.

Слишком поздно, чтобы среагировать, ДеКлерк увидел дуло пистолета.

Он понял, что с ним покончено.

— Эй, ты! — закричал Джо с поддороги от шоссе.

Успокаивающий Револьвер обернулся.

От шоссе спустился гигант в стетсоновской шляпе.

Панк бросил пистолет с дротиками и поднял свой 45-й. Повернувшись назад, он пинком распахнул дверь пошире, чтобы она не загоразживала ДеКлерка.

— Умри! — прорычал панк, целясь ему в голову.

— Фас! — приказал конный.

Клыки вонзились в разрисованное лицо; сто фунтов сплошных мышц и злобы, натасканных для нападения в кинологической службе КККП Иннисфэйла, Альберта, — Наполеон прыгнул через порог. Прежде чем панк смог нажать на курок, овчарка разорвала ему горло.

— Назад, Джозеф! — крикнул ДеКлерк. — С этим мы разберемся.

Конный открыл в прихожей ящичек, в котором хранился его 38-й. Когда в оранжерее разлетелось стекло, он погасил в доме свет.

Наполеон отпустил горло панка, угрожающе рыча. Затем побежал вдоль стены дома по направлению к морю.

Через прихожую и неосвещённую кухню ДеКлерк подоспел к оранжерее как раз, когда внутрь вломились панки. Их силуэты проступили на фоне фонарей, стоящих вдоль берега; один был вооружён кувалдой, второй «МАК-10». ДеКлерк прицелился в первого.

Когда Кувалда поднял свой 44-й, конный нажал на курок. Последовало три выстрела, его рука трижды дёрнулась вверх. Первая пуля попала панку в пах. Вторая — в живот. Третья — в голову. Кувалда выгнулся назад, заслонив тем самым МАКа.

Азиат с автоматом отскочил назад, чтобы уклониться от труп. Теперь он находился сразу за дверью оранжереи. Стремясь уклониться от револьвера ДеКлерка, он пригнулся и прицелился, используя падающее тело в качестве прикрытия. Он услышал лай и боковым зрением заметил какую-то тень. Наполеон был уже в воздухе, когда он разглядел окровавленные клыки.

Немецкая овчарка рванула его за руку, когда МАК-10 выстрелил. Очередь прошла по карнизу дома. Азиат вскрикнул; собака впилась в его горло, оборвав крик и превратив его в полустон. В то время как дождь полил вниз через отверстия в карнизе, кровь фонтаном забила из его разорванных артерий.

Когда Джозеф обогнул дом, держа в руках, словно дубину, ветку дерева, ДеКлерк стоял на коленях, глядя пса.

— Даже у короля нет ничего лучше тебя, дружище, — сказал конный.

ГЗПК

10:29 *полудни*

Джозеф Авакомович был не способен ни на что другое, кроме, как ломать голову над загадками. Это ДеКлерк понял после первого же их совместного дела.

Однажды снежной ночью в ноябре 1965 года служащий военной полиции покинул муниципалитет, чтобы посетить свою любовницу. На площадке у центрального корпуса, где была припаркована его машина, кто-то проломил ему череп бутылкой с вином. Свалившись там же, полицейский умер на постели из разбитого стекла, так как снег был усеян осколками от произошедшей несколько раньше автомобильной аварии. Отправившись на свидание со *своей* любовницей, другой полицейский обнаружил его тело.

Был вызван ДеКлерк.

В два часа утра, через несколько часов после преступления, копы Оттавы наткнулись на пьяницу, барахтающегося в канаве. В одном кармане его пальто они нашли 90 долларов. Из второго было извлечено горлышко от разбитой бутылки.

Вскоре был привлечён Авакомович. Он находился в Оттаве, преподавал курс идентификации. Когда ДеКлерк добрался до места убийства в шесть часов утра, только-только прилетев из Монреаля, русский собирал снег в радиусе двадцати футов от тела. Снег был загружен в фургон, выделенный под лабораторию, где позже, к полудню следующего дня, его выпарили без остатка, собрав тысячу осколков стекла.

— Итак? — сказал ДеКлерк, кладя горлышко бутылки на лабораторный стол. — Без остального наша позиция весьма шатка.

— Трудно что-либо сказать наверняка, — сказал Джо, потирая скулу. — Остатки вина остались на осколках бутылки, которая разлетелась на части. Восстановление бутылки — и сама по себе сложная задача, а здесь ещё осколки перемешались с осколками разбитой автомобильной фары.

Он поднёс горлышко бутылки к лампе.

— Оставьте это у меня, сказал он.

Через шесть недель ДеКлерк вернулся в лабораторию. Бутылка — 831 осколок, склеенный вместе — стояла на столе рядом с бутылочным горлышком. Джозеф приложил часть, найденную у пьяницы, к собранной, для большей наглядности.

— Как вам это удалось? — спросил ДеКлерк.

— Стекло изготавливается смешиванием песка с негашеной известью. *Количество* извести определяет коэффициент преломления стекла. Станьте по грудь в воде плавательного бассейна и поглядите на свои ноги. Свет преломляется переходя из одной среды в другую, так как он меняет свою скорость. Разные стёкла имеют разный коэффициент преломления.

Сперва я нанёс чёрную точку на лист бумаги. Затем сфокусировал на неё микроскоп и записал показание его шкал. Потом я поместил поверх точки осколок стекла, извлечённый из черепа жертвы. Снова сфокусировав микроскоп, я получил второе показание. Зная толщину осколка стекла и разницу в показаниях, я смог вычислить коэффициент преломления осколка.

Триметилендихлорид имеет коэффициент преломления 1,446. У хлорбензола этот коэффициент равен 1,523. Средний коэффициент преломления стекла — 1,46 — лежит между ними, поэтому, смешав эти жидкости, я получил раствор с таким же коэффициентом преломления, как и у осколка из черепа полицейского.

Затем я погрузил осколки со стоянки в этот раствор. Те, у которых был такой же коэффициент преломления, как и у бутылки, стали невидимыми. Почему? Потому, что они преломляли свет так же, как и раствор. Осколки же фары по-прежнему были видны, так как содержание негашеной извести в них делало коэффициент преломления иным. Как только я получил осколки бутылки, я сделал их микрофотографии в трёх плоскостях, чтобы совместить их поверхности, как фрагменты мозаики. На это потребовалось время.

— Но не столько, сколько его потребовалось одному моему знакомому в Кингстон-Пен.

С течением лет Роберт и Джозеф стали друзьями. Они вместе распутывали гордые узлы, один благодаря тактике и интуиции, другой благодаря искусству эксперта. Когда вторая отставка Роберта положила конец их сотрудничеству, они взяли себе за правило встречаться на еженедельных вечеринках. «Мои Ужины с Джо» окрестил их ДеКлерк после выхода фильма Луи Малля.

Было десять тридцать, когда они наконец остались одни, чтобы приготовить поест. Снаружи полиция Вэст-Вэна осматривала землю. Копы с фонарями и ищейками прочёсывали берег. Уличные Демоны были отправлены в морг.

— Мне нужно выпить, — сказал Роберт. — И вино здесь не подойдёт.

Он достал бутылку «Московской», охлаждённую в холодильнике, наполнил два низких стакана и поднял свой.

— *За здоровье*, — сказал Джо, залпом выпивая водку.

— *A votre sante*, — ответил Роберт, разливая ещё по одной.

— Так что здесь произошло? Названные гости?

— Не совсем уверен. Думаю, это из-за черепа. Кто-то гоняется за мифом.

— Думаешь, это связано с вторжением?

— Возможно. Прошлой ночью они похитили «Журнал». А сегодня ночью пришли за мной.

— Почему? — спросил Джо.

— Мотивы мне неясны. Но кто бы их ни послал, он настроен весьма серьёзно. Подозреваю, что с этим нужно что-то делать.

Он извлёк из своего дипломата, стоящего возле кухонной раковины, факс из Гонг Ан Чжу. Джо прочёл первую страницу:

ЗАТРЕБОВАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ, КАСАЮЩАЯСЯ ФАНК-ВАНЬ ЧЖУ ФАРМАСЬЮТИКАЛ КОМПАНИ В ГОНГКОНГЕ. ВЛАДЕЛЕЦ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КОРОНЫ В КОЛОНИИ КВАН КОКСУ. ПОЖАЛУЙСТА ПОЯСНИТЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОЙ КАРТЫ.

На второй странице была карта с Виндиго-Маунтин, обведенной чёрным кружком.

— Факс от пекинской полиции, — сказал Роберт. — Он пришел сегодня в полдень.

— Твоё мнение? — спросил Джо.

— Несколько месяцев назад мой издатель разослал гранки «Волны, крови и славы» на рецензию в несколько изданий. Негативная реакция в одном из них явилась предупреждением о возражениях, связанных с публикацией книги, поэтому я разослал компью-

терный запрос во все подразделения Сил в Альберте и Британской Колумбии. В нём я просил, чтобы они проверили свои архивы за последние девяносто лет, не было ли там какого-либо упоминания о теле, найденном со вторым черепом. Кости Блэйка могли быть обнаружены без нашего ведома. Второй череп мог бы быть находкой Паркера.

— На мой запрос не пришло никакого ответа, поэтому вслед за ним я послал рисунки Паркера вместе с картой. И снова я не получил никакого ответа, и вдруг, несколько недель спустя, получаю карту обратно из Пекина. Кто-то из Сил послал её в Азию.

— У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу того, кто это сделал?

— Чан разбирается с этим. Он говорит, что факс поступил от китайского министра полиции. Эрик пока не смог с ним связаться.

— У тебя есть какая-нибудь теория на этот счёт? — спросил Джо. — Шпион в составе Сил?

— Кто-то отслеживает моё расследование, связанное с Жёлтым Черепом.

— В чьих интересах? Этой фармакологической компании?

— Давай рассмотрим такую версию. Я написал книгу о «Журнале Паркера» и о Виндиго-Маунтин. Кто-то из Сил отсылает мою карту в Азию. «Журнал Паркера» похищается во время вторжения в мой дом. Карта снова попадает ко мне вместе с запросом, что она означает для азиатской компании. Несколько часов спустя трое азиатских подонков появляются у моего дома. А ведь моего адреса нет в справочниках. Значит, снова наш шпион?

— Какой интерес представляет Виндиго-Маунтин для фармацевтической компании?

— Это, дружисе, как раз головоломка для тебя. Между моим компьютерным запросом и публикацией книги Фанквань Чжу обратилась за разрешением на изыскания на Виндиго-Маунтин. Оттава отклонила их просьбу, так как пик закрыт для доступа.

Они все трое — включая собаку — поели. Сопровождаемая шелестом продолжающегося дождя, звучала музыка Шостаковича. Один из копов, прочёсывающих берег, уселся в деревянное кресло. Они наблюдали за тем, как он курил сигарету, красная точка вспыхивала синхронно со световым маяком.

— Итак? — спросил Роберт. — Как прошла встреча?

— Антропологи прибыли со всего мира. Некоторые привезли с собой экспонаты, касающиеся их любимых преступлений. Универ-

ситет штата Колорадо представлял собой разрытое кладбище до того, как мы закончили.

— А что ты взял с собой?

— Тазовые кости Лизы Грейнер из дела Головореза.

— Надо думать, это доставило удовольствие американским таможенникам.

— Они устроили мне допрос третьей степени. Не помогло и то, что я родился в России.

Джо вытащил письмо из своей спортивной куртки. Напечатанное по-русски, оно выглядело вполне официально. В шапке письма было изображён герб Советского Союза.

— Мой друг, Дмитрий, приехал из России. Он директор музея Дарвина в Москве. До того, как я стал невозвращенцем, мы оба учились у Герасимова — это реконструктор, бывший инициатором создания парка имени Горького. Дмитрий привёз это из Кремля. Похоже, я могу вернуться как только захочу.

Джо скормил Наполеону кусок мяса.

— Твоя книга произвела фурор на конгрессе. Все сошлись на мнении, что Жёлтый Череп нарушает статус-кво во взглядах на эволюцию человечества. Единственным возражением было то, что «Журнал Паркера» — фальсификация.

— Один профессор из Аризоны утверждает то же самое. Я пообещал, что после своего возвращения ты подтвердишь подлинность «Журнала». Теперь, после налёта, мне достанутся все шишки.

— Погоня за ископаемыми останками — болезнь заразная. Я знаю антропологов, которые *спят* с некоторыми костями. Может, Жёлтый Череп свёл на нет чью-то работу всей жизни. Разве это не мотив для кражи?

— Я склонен думать, что кто-то жаждет заполучить эти останки. Взлом был совершён, чтобы проверить, что я знаю. Этого оказалось недостаточно, поэтому трио явилось по мою душу. Зачем пистолет с транквилизатором, если я должен был быть убит?

— Будем надеяться, что, кто бы ни послал их, не попытается сделать это снова.

Авакомович провёл своё детство и юность в московском интернате, так как его родители были убиты в битве с наци под Сталинградом. Мальчиком он развлекался акростихами, головоломками и анаграммами. Интерес к судебной экспертизе вырос у него из возни с головоломками — его отступничество стало результатом

поисков достойного противника. Только свобода порождает Мори-арти.

Домом ему служил плавучий коттедж, пришвартованный на Фолс-Крике. К стенам у него были приколоты кроссворды. Развлечением ему служили обычные, трёхмерные и компьютерные шахматы. Школьная доска, лежащая на ванне, была испещрена алгебраическими формулами. Возле его кровати четыре детективных романа были исписаны на полях меняющимися догадками: «Случай с отравленным шоколадом» Беркедея, «Тайна греческой гробницы» Квина, «Три гроба» Карра, «И не осталось ни одного» Кристи.

Головоломка с Виндиго-Маунтин подцепила его на крючок.

— «Журнал» — это всего лишь листки бумаги, — сказал Джо. — Весь фокус в Жёлтом Черепе. Что мы знаем о нём? Давай-ка займёмся «Вслед-Через».

«Вслед-Через» — это было развлечение, проистекающее от их склонности к словесным поединкам. При помощи выпадов, отражения и контрвыпадов — такова была их техника распутывания головоломок. Суть заключалась в том, чтобы проследить проблему к её истоку, затем пройти по последующим отклонениям от основной линии и через них вернуться к настоящему моменту.

— Согласно Паркеру, — сказал Роберт, — он нашёл череп на священной индейской земле. Он связывал останки с мифом о Виндиго, чудовищем равнинных кри, обитавшим в Скалистых горах. Одна из вершин, Виндиго-Маунтин, была названа его именем.

— Согласно Блэйку, — сказал Джо, — Паркер был на Последней Стоянке Кастера. Белая Сова забрал у него «Журнал» и принёс его с собой в Канаду. Там он достался Блэйку, и он спрятал его в свой сундук. Это всё? Был ли у Белой Совы череп, который разыскивал Блэйк?

— «Виндиго» прозвучало двадцать лет спустя, — сказал Роберт. — Судя по свидетельствам со стоянки Всемогущего Голоса, вдова Белой Совы пропела завещание «великого знахаря» своему сыну. Она умоляла его не допустить, чтобы «Виндиго» попал в руки белым. Железное Дитя сбежал и устремился через прерии. Блэйк, отправленный, чтобы привести его обратно, исчез. Рядом с телом Железного Дитя не было обнаружено никакого черепа.

— Всё? — сказал Джо. — Что вело Железное Дитя к Скалистым горам?

— Безумие, — сказал Роберт. — Он гнался за мифом.

— Железное Дитяти был охвачен психозом «Виндиго». Симптомы были описаны членами его собственного племени. Если верить доктору Рюрику, это умственное расстройство свойственно исключительно индейцам. Юноши кри думали, что дух помогает им во время вещей снов, видения вызывались изоляцией, постом и медитацией. Железное Дитя думал, что Виндиго, будучи его духом-помощником, желает, чтобы он доставил череп чудовища. Рюрик говорит, что известно семьдесят задокументированных случаев. Это классический пример того, как миф порождает психозное поведение.

— Железное Дитя устремился к Скалистым горам, чтобы доставить «Виндиго» домой, — сказал Джо. — Он был весь во власти желания *стать* Виндиго. Так? А что заставило Блэйка так плотно висеть у него на хвосте?

— Он был параноидальным шизофреником, — ответил Роберт. — Это очевидно из его «коллекции трофеев». Блэйк прослужил в Северо-западной конной полиции двадцать три года. Он поступил в неё инспектором и исчез в этом же самом звании. Множество раз он соглашался остаться в поле, всегда ради охоты на людей и всегда охотясь в одиночку. Теперь мы знаем, почему.

— Нашёл ли Блэйк череп, отнёс ли его к пику и погиб во время землетрясения 1897 года? — спросил Джо. — Неужели инспектор тоже гонялся за мифом? Он заполучил трофей от отца и сына. У него был настоящий сдвиг на почве коллекции. Принесла ли ему его странность — или сумасшествие — счастье?

— Я нашёл «Журнал», — сказал Роберт, — и показал его тебе. Ты связал челюсть с гигантопитеком. Напоминающий по форме австралопитека, череп поместил Виндиго на ветви гоминидов.

— Хорошо, — сказал Джо. — Так к чему же мы пришли?

— Жёлтый Череп — Виндиго, — сказал Роберт.

— Виндиго — Виндиго-Маунтин, — сказал Джо.

— Следовательно, Жёлтый Череп — Виндиго-Маунтин.

— Гигантопитек связан с Жёлтым Черепом.

— Гигантопитек связан с Виндиго.

— Следовательно, гигантопитек связан с Виндиго-Маунтин.

— Почему это должно интересовать фармацевтическую компанию? — спросил Роберт.

— Потому, что компания надеется на то, что миф является правдой.

Русский приколот факс к карте и положил их на стол. — Что означают китайские иероглифы в левом нижнем углу?

— «Для экспедиции», говорит Эрик.

Джо показал на буквы Г С П К, написанные на карте.

— ГСПК — это сокращенное название гормона, снижающего потребление кислорода. Это химическое вещество, вырабатываемое нашим мозгом. Окисляясь, вещества выделяют тепло, снабжая нас энергией. Лишнее тепло рассеивается кожей, охлаждая организм. С течением времени кожа теряет свои охлаждающие способности. Если бы у нас не было другого способа регулировать теплообмен, наш мозг вскоре бы погиб. ГСПК замедляет процесс окисления. Некоторые говорят, что этот процесс определяет биологический возраст. Мы платим молодостью за то, чтобы выжить.

— Какое это может иметь отношение к Виндиго-Маунтин? — спросил Роберт.

Джо пожал плечами, подняв руку. — Предоставь это мне.

ВЗАИМОСВЯЗЬ

Ванкувер

10:23 *полудни*

Они начали свои поиски с 1979 года, с первого дня Мэрдока на судейском кресле, затем просмотрели все его дневники и расписание заседаний. В расписании были депортационные слушания каждого дня, а также комнаты, куда допускались чужие. В расписании не было указано, кто сидел в каждой из комнат, поэтому для того, чтобы найти нужного судью, Кэрол пришлось заглядывать в «Приложение А». Сопоставление его с расписанием не гарантировало того, что судья слушал данное дело, так как если судья уезжал, остаток его списка переносился в комнату, где работа заканчивалась раньше. Такие изменения были записаны в «Приложении Б».

— 13 декабря, — сказала Кэрол, подавляя зевоту. — Максвелл разбирал Кроуфорда и Фан Ван До... Нет, погоди секунду. Дело Фана было перенесено в другую комнату.

Цинк окинул взглядом схему, разложенную на полу, и сверился с дневником. — Мэрдок тем утром защищал Уолтера Снагга.

— 12 декабря, — сказала Кэрол, перелистывая страницу. Она согнулась в кресле над расписанием, покоящимся у неё на коленях. — Максвелл разбирал дела Труа, Лешука и Трунь Мин Ба.

Цинк сверился с дневником и со схемой рядом с кроватью.

— Мэрдок вылетел в Оттаву за Жозе Сильвой.

— 11 декабря, — сказала Кэрол, снова зевая. — Максвелл занимался Хлючником, Хо Хинь Хоунем, Кесслером и Цалгиновым.

— Конечно, было бы легче, — сказал Цинк, — если бы Мэрдок записывал судебные заседания. Тогда мы смогли бы отличить депортации с одного взгляда.

— С меня достаточно, — сказала Кэрол. — Я просто валюсь с ног — так хочу спать. Как насчёт «Джакузи», а затем забраться в постель?

Цинк пометил, до какого места он дошёл в дневнике, и скатал схему. — Последний в списке, по-моему, — тухлое яйцо, — сказал он.

Кэрол разглядывала себя в зеркале ванной комнаты, пока Цинк чистил зубы.

— Мои сиськи уже не такие, как у восемнадцатилетней, — заметила она.

— Значит, тебе не восемнадцать лет, — сказал он, закрывая рот. — По мне, так они выглядят чертовски хорошенькими.

— Мне кажется, начинают отвисать, — сказала она, поворачиваясь боком.

Цинк подошёл к ней сзади, обхватывая обе груди. — Эта беда поправима. — Он поцеловал её в шею.

— Мне больше не свистят так часто, как раньше. И лучшие мужчины проходят мимо, не обращая на меня никакого внимания.

Чандлер пожал плечами. — Мне казалось, ты осуждаешь подобное поведение.

— Так оно и было, — возразила она. — До тех пор, пока это не прекратилось. Тогда я начала задумываться над тем, что что-то со мной не в порядке.

— В жизни существуют две трагедии, — сказал он. — Одна — это не получить того, кого выбрало твоё сердце. Другая — это получить его.

Она подарила ему ответный поцелуй. — Мой философ.

— На самом деле это Оскар Уайльд.

Они вышли из ванной, пересекли гостиничный номер и легли в кровать.

— Свет оставить или выключить? — спросил он.

— Выключи.

Ветер снаружи завывал, словно баньши, которого облили кислотой, в то время как внутри они держали друг друга в объятиях, за-

пришняя от бури. Мачты судов в Коэл-Харбор звенели такелажем, переваливаясь на приливных волнах.

— Вчера возле бассейна я слышала, как девочка-подросток сказала своей маме, чтобы та втянула живот. Один взгляд на лицо её матери сказал мне всё. — Мой живот *и так* втянут, — ответила она. Вокруг бассейна были и другие женщины с пористой кожей, покрытые морщинами и складками. Я задумалась над тем, как они позволяют себе дойти до такого состояния? Затем я заметила двадцатилетнюю девушку, глядящую на меня с таким же самым выражением. Теперь, когда я смотрю на себя в зеркало, я вижу, что всё на подюйма ниже, чем обычно должно быть.

— Ты преувеличиваешь.

— Не слишком. Ты видел Джейн Фонда в последние годы? Эти жилы на её шее? И посмотри на усилия, которые она прилагает, чтобы противиться возрасту. Я не готова к тому, что время убегает от меня.

— Даже король Канута не может задержать прилив. В прошлом году в моей школе была встреча выпускников. Четверо из нашего класса уже скончались. Один из них скончался, занимаясь подготовкой встречи! У нашего президента теперь сияющая розовая лысина, потеснившая волосы к самому затылку. Пришло время признать, что мы больше не молоды. Большинству из нас следовало бы прочесть «Портрет Дориана Грэя».

— Я держусь за мечту, — сказала Кэрл, — что однажды утром я проснусь и обнаружу, что я — это больше не я. Временами мне страшно взглянуть жизни в лицо. Часто я думаю: «Как долго мне осталось?» То, ради чего я поступила в Бюро, давно исчезло. А как быть с той частью меня, которая хочет иметь детей и свой дом? Я не хочу закончить одинокой старой ведьмой, стучащейся в небесную дверь.

Цинк нежно провёл пальцем вниз по её лбу. Он скользнул по её носу, коснулся губ и вокруг подбородка опустился к горлу. — Я не могу отвести рук времени, но я могу облегчить твои опасения. Выходи за меня замуж, Кэрл, и я отпугну их прочь.

Она приподнялась на локте.

— Это идёт от твоего сердца?

Он подтянул её голову к своим губам и зашептал в ухо:

*Когда в превратностях судьбы и глаз людских
Оплакиваю я свой жалкий жребий,*

*К глухим вздымая небесам свои рыдания,
И, глядя на себя со стороны, кляну свой фатум,
Желая быть похожим на того,
Кто счастьем более обласкан,
Иметь его осанку и иметь друзей, как он,
Владеть искусством, как вот этот,
И кругозором, как вон тот,
И это меньшее, чего бы мне хватило;
И вот, себя за эти мысли презирая.
Случалось думать мне о том — и естество моё
Тогда, подобно проблеску зари над опустевшей землёю,
У врат небес слагало гимны —
Что память о любви такое мне даёт богатство,
Что предложение поменяться с королём
Отверг бы я с презрительной усмешкой.*

— Мммм, — промурлыкала она, садясь на него верхом и позволяя ему скользнуть внутрь себя. — Кто это?

— Ты знаешь. Двадцать девятый сонет.

— А ещё какие-нибудь ты знаешь?

— А ты готова слушать всю ночь?

— Дело в том, сэр, — сказал Сэмюэль Джонсон 19 сентября 1777 года, — что когда человек знает о том, что будет повешен на следующую ночь, это замечательно помогает ему собраться с мыслями.

Они истощали друг друга с таким жаром, словно на рассвете их ожидала казнь, занимаясь любовью лицом к лицу и соперничая между собой за то, кому быть сверху. При повторении они зажгли все лампы и развернули зеркало бюро к кровати. Стоя на четвереньках, выставив зад, Кэрол наблюдала, как Цинк прижался к ней сзади, постанывая, когда одна его рука играла с её клитором, а вторая мяла грудь. Словно пара диких котов они катались и подпрыгивали на кровати до тех пор, пока кто-то в соседнем номере не застучал в стену. Цинк вошёл в неё с таким неистовством, что до крови прокусил ей плечо, а затем, мгновение спустя, Кэрол кончила. Судороги её оргазма почти сбросили его.

— Боже правый, — сказал Цинк, истекая потом и хрипя. — У меня ведь тоже сердце не восемнадцатилетнего.

— Ещё год таких упражнений изо дня в день, и я вгоню тебя в форму. Я могла бы навсегда остаться здесь, в твоих объятиях.

- Через некоторое время ты бы проголодалась.
- Ответ — да.
- Что да?
- Да. Я выйду за тебя замуж.

пятница, 20 марта, 7 02 утра

- Цинк!
- А?
- Вставай! Я нашла, детка.

Чандлер отогнал сон. С пылающим лицом, с растрёпанными волосами, в распахнутом купальном халате, Кэрл склонилась над самой кроватью.

— Ты меня слышишь? Я нашла. Связь между Мэрдоком и Максвеллом. Они вместе разбирали дело в 1978 году.

Чандлер отбросил покрывало и вскочил с кровати. — Ты давно встала? — спросил он. Вместо ответа она подтолкнула его к окну.

— Час или два назад. Я не следила за временем.

Кресло и стол наполовину закрывали вид на город. Над парком Стэнли кружил орёл, охотясь за завтраком. Восходящее солнце окрашивало раскинувшийся внизу город в розовый цвет.

— Здесь записано, — сказала она, показывая на расписание заседаний. На странице за 17 ноября 1978 года имя Эвана Квана было обведено красным кружком. — Максвелл слушал это дело, — сказала она.

Кэрл положила дневник Мэрдока поверх расписания. Она открыла его на 17 ноября 1978 года. На странице было имя Эвана Квана.

— Боле того, — сказала она, снова тыча пальцем в дневник Мэрдока. Диагональная линия, прочерчивающая страницу, вела к 5 октября. Вдоль линии было написано: «Кван Кок-су, Гонконг».

— Помнишь показания свидетелей, которые мы обсуждали в Сан-Франциско? Эти брат и сестра в отеле «Карлтон-Палас»?

- Ага. Мартин и Лотос Кван.
- Тут может быть какая-то связь.
- Ну, так давай её найдём.

ТОТЕМНЫЙ СТОЛБ

9 31 утра

Парк Стэнли, так же, как и КККП, обязан своим основанием страху канадцев перед Штатами. Полуостров площадью в тысячу акров, перегораживающий пролив, он был поселением индейцев племени кост-салиш до тех пор, пока не прибыли белые. На Острове Мёртвых напротив мыса Броктон индейцы хоронили своих старейшин в те времена, когда деревня Сквомиш индейцев вуи-вуи занимала территорию, ставшую теперь Люмберменс-Арк. Когда британцы высадились на Бюррард-Инлет в середине прошлого столетия, они согнали аборигенов с этой земли, чтобы самим захватить её. В 1859 году Штаты аннексировали острова Сан-Хуан, вызвав опасения, что армия США собирается захватить Британскую Колумбию. В целях обороны этот участок был превращён в военный плацдарм, защищая её от захвата агрессоров. В 1888 году был основан парк Стэнли, в котором вскоре появились лужайки для крикета и лунки для гольфа. Весьма чуткие к национальным традициям, которые они вытеснили (факт, ежедневно подчёркиваемый в лондонском Британском музее), колонизаторы свезли тотемные столбы из посёлков на побережье, воткнув их возле мыса Аллиауйя. Этим утром Расс Бэрроу использовал эти тотемы в качестве фона на своих фотографиях.

— Вот так.

Клик. Клик.

— Распахни плащ.

Клик. Клик.

— Поскреби поверхность.

Клик.

— Пока хватит. Я перезаряжу.

Пока Бэрроу заряжал 120-мм плёнку в свой «Хассельблад», Лотос Кван бродила среди столбов. Дождевые тучи предыдущего дня сдуло к востоку, очистив небо для следующего шторма, ожидаемого с Тихого океана. А пока солнце блестело позади мистических фигур, бросая оранжевые лучи сквозь листья деревьев. От нагретой почвы шел пар.

— Хорошо, — сказал Бэрроу, вешая камеру на шею. — На этот раз мы совместим плащ, Тсонокуа и тебя.

— Который Тсонокуа?

— Чудовище Лесов. Оно вырезано вон там выше.

Спутанные белые побеги вились вокруг сорокафутового кедра, скрывая Тотем Не-из-бик и Столб Сиса-Каулас. Солнце сияло над их верхушками, словно аура.

— Как ты различаешь тотемы? — спросила Лотос.

Бэрроу возился со своими осветителями, перемещая рефлекторы. Наполовину датчанин, наполовину валлиец, этот мужчина нравился женщинам. Голубые, словно лёд, глаза; блестящие солнечным светом волосы гармонировали с кремовыми вельветовыми брюками свободного покроя и шоколадного цвета лётной курткой. Вокруг шеи у него был небрежно обмотан шарф.

— Видишь эту резьбу? Шест Нанвакаве? Подобно европейским воинским мундирам, он рассказывает об истории в символической форме.

— И как же ты читаешь эту историю?

— Нужно знать мифы. Семь тихоокеанских племён, обладающих тотемами — тлингит, тсимшианы, хайда, белла-кула, квакьюлт, нутка и кост-салиш — сохранили свои легенды посредством искусства резьбы на кедрах. У них не было никакой письменности.

Расс шагал вслед за Лотос, пока они разглядывали столб.

— Рёбра от вершины до основания символизируют Птицу-Гром, Касатку, Волка, Первого Мудреца, Хоксхока, Медведя-Гризли и Ворона. Первый Мудрец Нанвакаве — это легендарный вождь доисторических времён Вождь Вакьяс, его наследник, расплатился тремястами пятьдесятью банкетами за то, чтобы в 1899 году вырезали этот тотем. Прежде чем столб был перевезен сюда, он был входом в Алерт-Бэй дальше по побережью. Вакьяс был вождём клана Воронов племени квакьюлт, поэтому дверью в его жилище было отверстие позади клюва ворона.

Бэрроу показал на ребро столба у его основания.

— Почему Волк грызёт голову Первого Мудреца? — спросила Лотос.

— Чтобы придать вождю мудрость для битвы с Великим Каннибалом. Как властелин земли, Волк символизирует хитрость.

— Великим Каннибалом? Ты имеешь в виду Виндиго?

Бэрроу приподнял бровь. — Женщина, знающая свои мифы?

— Я как раз читаю книгу о конном полицейском, которого звали Вилфред Блэйк.

— «Волынка, кровь и слава»?

— Я читаю тот раздел, который касается Виндиго.

— Мифы отличаются друг от друга. Но чудовище в них одно и то же. Виндиго был духом-каннибалом у равнинных племён. Он охотился в треугольнике, образованном Атлантическим побережьем, Арктикой и Скалистыми горами. Будучи великаном в десять футов ростом, он с корнями выворачивал деревья. У этого демона была чудовищная голова и разевающей пасть с клыками.

Когда европейцы приплыли сюда в 1700 году, у квакьюлтов был культ, который требовал поедания человеческого мяса. Шмама-ны — служители культа — поклонялись Баксбакуалануксивае, Великому Каннибалу. Это имя означает Тот-Кто-Первым-Съел-Человека-в-Устье-Реки. Согласно легенде, он жил в прозрачном доме на вершине в Скалистых горах, там, где его дымоход изрыгал клубы кроваво-красного дыма днем и ночью. Он был гигантом, всё тело которого было покрыто скрежещущими пастями, и который плясал в заполненной дымом комнате, выкрикивая «Ап! Ап!» — Еды! Еды! — Сказочная птица, которую называли Хоксхок, охраняла двери его дома. Птица проклёвывала череп каждой жертвы, чтобы добраться до её мозга.

Бэрроу показал на шестифутовый клюв, торчащий из ребра, символизирующего Хоксхока.

— Тотем в символической форме рассказывает его историю. Великого Каннибала здесь нет, но его символ присутствует.

Свежий ветерок заставлял утренний туман клубиться вокруг их ног.

— Ну, давай снова за работу, — сказал Бэрроу, — пока не пошёл дождь.

ДЕЛОВАЯ ВСТРЕЧА

10:10 утра

Десятичасовой пушечный выстрел — один из обычаев Ванкувера. Он раздаётся каждый вечер, как можно догадаться, в девять часов. Обычай этот был основан в 1890 году Вильямом Д. Джонсом, смотрителем маяка на мысе Броктон. В те времена это было необходимым для проводки судов во время прилива, чтобы они могли сверить свои хронометры, поэтому каждый вечер в девять часов Джонс поднимал на шесте диамитную пашку и взрывал её при помощи шнура, тянувшегося к его руке. После нескольких докладных в Муниципалитет, касающихся условий его работы, в 1894 году, была привезена пушка. Двадцатифунтовое морское орудие, отличное в Вулвиче, в Англии, относилось ко временам Ватерлоо. Джонс установил пушку на мысу так, что её ствол смотрел на правительственные здания на другом берегу бухты. Согласно своим политическим убеждениям, он заряжал её ствол камнями. Когда позже шутники стали делать то же самое, обрушивая камни на техасские баржи, стоящие на якорях в Коал-Харбор, пушка была перемещена вдоль берега на мыс Аллилуйя. Будучи первоначально посёлком пионеров, известным под названием «Очищение Джонни Баркера», новый участок был переименован, когда Армия Спасения устроила здесь восстановительные встречи. Мартин Кван опирался на пушку, когда Лотос пересекла парк, подъехав со стороны тотемных столбов.

— Ещё один журнал?

— «Деловая женщина».

— Какой это по счёту?

— Уже шестой.

— Ты и тот агент по недвижимости будете наиболее часто фотографируемыми китайцами в городе.

— «Азиатское вторжение» сегодня — самая большая новость.

— Это рискованно, тебе не кажется? Это едва ли имеет отношение к юридической деятельности.

— Шаги «Фанквань» слишком серьёзны, чтобы их можно было скрыть. Этот фотограф хотел сфотографировать и тебя. Не беспокойся, проблема будет решена раньше, чем фото появятся в печати.

— Следующим они захотят заполучить фотографию деда. Представь себе, что тогда будет.

— К тому моменту он будет мёртв.

— Я хотел бы, чтобы он был мёртв уже теперь.

— Этого хотят не все из нас.

Они разыскали скрытую от посторонних взглядов лавку и сели на берегу Коал-Харбор. Круизная яхта становилась на якорь, воду вспенивал гидросамолёт. Очередная волна штормовых туч темнела на западе.

— Ты получила моё сообщение? — спросил Мартин.

— Он послал экспедицию.

— Плохо. Они, должно быть, угодили в буран. С Калгари нет связи.

Лотос нахмурилась. — Вертолёт разбился?

— К настоящему моменту у него должно было кончиться горючее. Если только они не приземлились на вершине, экспедиция погибла.

— Если так, то мы пошлём ещё одну.

— На это потребуется неделя.

— Может, за это время хохочущая болезнь убьёт его.

— Ты то же говорила о судьях. Это его метод. Метод «Фанквань Чжу» может привести к тому, что нас схватят. Он думает, что методы феодального Китая всё ещё применимы сегодня, что убийство затерроризирует остальных, отводя непосредственную угрозу. Это всё равно, что гоняться за призраком девятнадцатого века.

— Призраком, который владеет ста процентами акций «Фанквань».

— Делая шаг вперёд, он пятится на два назад. Я говорю, мы убьём его и захватим управление в свои руки.

— Внутренний Совет проклянёт нас за это. Код успеха говорит, что Глава должен умереть естественной смертью. Стоит нару-

шить закон, и наследники будут рвать друг у друга трон. Некоторые из членов совета преданы Чиньхо.

— Аай, — сказал Мартин, ударяя кулаком по своей ладони. — Как нам вести дела со спятившим у руля? Меня уже тошнит быть марионеткой в руках деда.

— Попробуй глядеть немного дальше, — сказала Лотос. — Это только вопрос времени. Болезнь может убить его в любой день. Записка Зодиака эффективно скрывает нашу причастность к событиям в Сан-Франциско, и его связывают с дерзким совершением обоих преступлений. Позволим ему думать, что убийства были хитростью, на которую мы пошли от страха, и будем рассматривать риск в качестве испытания нашего искусства. Вскоре мы приобретём официальный статус, и такие встряски будут выпадать на нашу долю нечасто.

Волны в заливе становились всё круче, покрываясь белыми шапками.

— Тебя не беспокоит, что он погубит нас своим безумием? Сперва он призывает любовницу Ци, чтобы осеменить её. Результат: она крадёт карту Виндиго, которая могла бы остаться в Пекине. Затем он отсылает сына министра домой на джонке. Это всё равно что размахивать красным флагом перед носом у разъярённого быка. В-третьих, убив судей столь наглым образом, он обозлил конных и ФБР, так же, как и Гонг Ан Чжу. Если бы не его навязчивая идея о янь, Уличные Демоны не погибли бы, пытаясь похитить ДеКлерка. Теперь он послал экспедицию во время яростной бури, уничтожая всякую надежду на то, что он попробует свой драгоценный янь. Дед уничтожает сам себя. Что он сделает в следующий момент?

Небо над их головой стало серым, скрыв солнце. Чайки устремились от моря, предвещая бурю.

— Стакан наполовину полон, а не наполовину пуст, Мартин. После того, как не стало мясника и аптекаря, «Фанквань Чжу» контролирует всю местную даосийскую медицину. Со временем мы будем контролировать весь северо-американский рынок. К тому моменту азиатская природа уже исчезнет. Если мы будем контролировать природу здесь, спрос и предложение приведут к тому, что мы будем контролировать и рынок в Азии. Эксперименты с ГСПК в нашей лаборатории наиболее многообещающие. Если они увенчаются успехом, наша компания запатентует результаты. С этим мы будем контролировать и круглоглазых тоже. Дела не могли бы быть лучше.

Мартин сунул руку в карман своего пиджака за листком факса.

— Ты действительно думаешь, что мы можем ждать, пока он умрёт?

Протянув листок Лотос, он наблюдал за тем, как его пророчица читает.

Китайские иероглифы на факсе были подписаны Главой:

ЛОТОС И МАРТИНУ — ВЫЛЕТЕТЬ В ГОНКОНГ НЕМЕД-
ЛЕННО

ЭВАНУ — ОСТАТЬСЯ И УБИТЬ ПРОФЕССОРА

КСЕНОФОБИЯ

10:46 утра

Иммиграционная служба Канады являла собой осаждённый форт.

Кэрол и Цинк были на полпути от комнат ожидания для посетителей к кабинету менеджера региона, когда чиновник, сопровождавший их, остановился. Хриплый крик захлопотал за закрытой дверью. — Он говорит по телефону, — сказал чиновник. — Вам нужно подождать.

В этой части здания не было заметно охлаждающей публики, все вокруг пребывали в постоянной суете. Корзина с запросами на въезд на каждом из столов была в десять раз выше, чем корзина с запросами на выезд. Везде стояли кофейные чашки — признак кофейных инъекций — в то время как сигаретный дым висел в воздухе.

Справа от Кэрол на стене висела доска объявлений. «ЗНАЙ СВОЁ МЕСТО», призывал девиз на ней, «И НЕ БОЛТАЙ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРЕССЫ». Она просмотрела клочки бумаги, приколотые ниже:

МЫ ВОВСЕ НЕ ИСПОЛЬЗУЕМ СТРАХ ПЕРЕД 1997 ГОДОМ, ЗАЯВЛЯЮТ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЛИЦА

Хотя до присоединения к Красному Китаю остаётся ещё десять лет, все больше и больше людей подумывают о том, чтобы уехать из Гонконга. В этом году Канада выдаст 23000 иммиграционных виз представителям колонии, 72% из них — финансовой элите...

ГРАЖДАНСТВО НА ПРОДАЖУ

Какова цена канадского паспорта? Ответ, похоже, должен быть: 250 000 долларов. Это та цена, которую

гонконгские бизнесмены должны платить чтобы оказаться во главе очереди, что позволит им и их семьям остаться здесь навсегда. Для большинства бизнесменов колонии эта сумма позволит избежать перемен.

АЗИАТСКИЙ ПОТОК ПОРАЖАЕТ

В следующем году тысячи детей иммигрантов поступят в школы Ванкувера, где уже теперь 20% студентов говорят на иностранных языках....

БОГАЧИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА, ЧТОБЫ РОДИТЬ КАНАДСКИХ ДЕТЕЙ

Гонконгские женщины прилетают в Канаду в последние месяцы беременности, чтобы родить детей, которые позже помогут своим родителям стать иммигрантами. Ребенок, рожденный в Канаде, является гражданином Канады со всеми правами в соответствии с «Программой по воссоединению семей»...

ОТТАВА РАСПАХИВАЕТ ДВЕРИ ПЕРЕД БОССАМИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Вместе с другими инвесторами-иммигрантами Канада приветствует с распростертыми объятиями гонконгских гангстеров и боссов Триады. Канадские иммиграционные чиновники приглашают вносить свои деньги... не задавая никаких вопросов...

СУДЕЙСКИЕ ПОЛИТИКАНЫ ГОВОРЯТ, ЧТО ГОРОД ДОЛЖЕН ПРИСПОСОБИТЬСЯ

«Ванкувер должен принять изменения в своём расовом составе, если он собирается стать главным городом на Тихоокеанском побережье», — сказал представитель военной полиции во время своего посещения Ассоциации Азиатских Бизнесменов. «Нельзя говорить, что гонконгские деньги желательны, а люди — нет...»

ПРЕДСКАЗЫВАЮТСЯ РАСИСТСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Более 50% канадцев являются фанатиками, как показывают недавние опросы. Половина опрошенных не хотят больше иммигрантов, в то время как остальные предпочли бы выходцев из европейских стран....

Нация иммигрантов, которая ненавидит иммиграцию, подумала Тэйт.

Кабинет Кэйси Григга являл собой тесное помещение, в которое просачивался отблеск от серой Лост-Лагуны в сером же парке Стэнли. Пепельно-бледное лицо менеджера региона представляло собой остаток плоти, укутанной восточной шалью. Его налитые кровью глаза были испещрены чёрными точками, щеку покрывала гноящаяся экзема. Кэрол заметила у него на столе хорошо изданный «Улисс» Джойса — верный признак того, что человек был на грани нервного срыва.

— Прошу прощения, — сказал Григг; его голос охрип от крика. — Это был один из более чем сорока звонков, которые раздаются у меня за день.

Он свернул салфетку и смочил её одеколоном.

— Женщина вопила не переставая: «Что вы, мать вашу, там делаете?» Говорила, что школа её сына стала балаганом. Говорила, что в его классе осталось только шесть белых лиц потому, что мы превратили Ист-Сайд в Маленький Китай. «Достаньте корабль и отошлите их обратно. Они не уважают нашей культуры». Спрашивала, понимаем ли мы, какой вред наносим? «Белые основали Канаду. Вот почему это такая мирная страна. Все эти бунты происходят в Британии потому, что они разрешают въезжать неграм». Она не давала мне сказать ни одного слова, утверждая, что мы делаем канадцев меньшинством на их же собственной земле. Говорила, что мы кладём конец западному образу жизни, служа китайским раджам.

Зрачки Григга расширились. На губах выступила слюна. Его подбородок опустился ниже, чем у Никсона во время Уотергейта.

— Видите ту заметку в газете? «Покупая себе новый мир». Представляете себе, сколько звонков я получу после этого?

Глотая слова, он провёл вялой рукой по лицу.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что вас могут линчевать? — спросил Григг. — А я думал. Прошлой ночью. Состоялось собрание граждан. Этот парень подошёл ко мне со свёрнутой в трубку газетой и огрел меня по голове. «Задница», орал он и толпа одобрительно его приветствовала. «Тридцать лет я жил здесь и не смог скопить на дом потому, что все эти ваши азиатские кровососы подняли цену. То, что стоило в прошлом году 185 штук, из-за вас стоит теперь 260».

— Мистер Григг...

— Всесильный Боже. Видите, с чем мне приходится бороться? Сто двадцать пять тысяч заявок ждут своей очереди. Прибавьте сюда сто пятьдесят тысяч иммигрантов в год. Оттава заывает: «Вносите свои баксы и добро пожаловать», а сама урезает мой штат, чтобы покрыть дефицит. Они прибывают такими темпами, что мы не успеваем их принимать, а вы, ребята, удивляетесь, что вокруг кружит вороньё? Единственное, что мы в состоянии контролировать, это кого мы депортируем!

— Это как раз одна из причин, почему мы здесь, — сказал Цинк.

Хоксворт из исполнительного отдела — мужчина которому Григг поручил найти дело Квана — был обладателем двойного подборода и багрово-красной физиономии. Его мешковатая голубая тройка с золотой цепочкой для карманных часов была запачкана пятнами от соуса и «биг-мака». Пока лифт спускался вниз, он съел пирожок с мясом, сыто рыгнув, когда закончил. Тэйт он показался похожим на Альфреда Хичкока.

— Кван, да? — сказал Хоксворт. — Попробую-ка я догадаться. Если это не хулиганство, то значит — что-нибудь ещё.

В голове у Кэрол промелькнул сюжет из «Сумеречной зоны».

— Что он сделал? Как обычно? Наркотики? — спросил Хоксворт.

— Мы не знаем, — ответил Чандлер. — Поэтому нам и нужно его дело.

Дверь скользнула в сторону, открывая табличку: «АРХИВ». Нарисованная под ней стрелка показывала налево. Шагая по коридору, Хоксворт принимал во внимание длину только своих собственных ног.

— Не так быстро, — охладила его пыл Кэрол.

— Всё дело в преждевременной отставке. Сегодня у меня последний рабочий день. Глоток спиртного — вот что мне сейчас нужно.

Хоксворт остановился у противопожарного щита возле архива. Из-за огнетушителя он вытащил четвертинку виски. Кэрол и Цинк поняли, что своим упадком он обязан склонностью к выпивке.

— Ненавижу эту работу, — сказал Хоксворт. — Всё время нужно кланяться до земли. Деньги, деньги, деньги — это единственное, что они понимают. Сегодня Ванкувер. А завтра Гонкувер. Дети косоглазых рождаются со счётами в руке.

— Так как насчёт того дела? — сказал Цинк, увлекая его дальше по коридору.

— Робсонштрассе, — сказал Хоксворт. — Это такая миленькая улица. Она была занята европейскими лавками, пока туда не втиснулись косоглазые. Миллиард долларов наличными проглатывались там за ночь. Сорок три года тяжкого труда, а они заплатили моему отцу тем, что вышвырнули его из квартала. Теперь Робсонштрассе такая скользкая, что впору одевать присоски, чтобы не поскользнуться и не проехать на заднице всю улицу.

Когда они вошли в помещение архива, из-за рядов полок появилась женщина из племени хайда. С волосами, заплетёнными в косички, в спортивном свитере и голубых джинсах. На свитере были чёрные и белые знаки, как на тотемном столбе Скидгэйт.

— Шевели ногами, Вильма. Нам нужно досье. Ясно? — спросил Хоксворт.

— 1979-й.

— Кван, да?

— Эван. 17 ноября.

— Слышала, Вильма? Эван Кван.

Аборигенка исчезла в лабиринте полок с делами. Осушая свою четвертинку, чиновник скрючился возле конторки. *Чувственный тип*, подумала Кэрол, наблюдая за ним.

Вильма вернулась с папкой досье, которую она протянула Хоксворту. Взяв его, он пробежал глазами содержание на титульном листе. Нашёл нужный документ и сказал: — Пункт 27(2) на основании пункта 19. Кван прибыл в мае того года с визой 1208.

— Двенадцать-ноль-восемь? — переспросила Тэйт.

— Студенческая виза. Виза, дающая право учиться в указанном институте.

— УБК? — спросил Чандлер.

— Где же ещё? — Он фыркнул. — Университет Биллиона Кийтайцев.

— Где он получил визу?

— В высшей комиссии, в Гонконге.

— Дата?

— 15 мая. Действительна на год.

— К визе приложена его фотография?

— Нет, это было в 78-м. Сегодня она была бы.

— Почему он был депортирован? — спросила Кэрол.

— За недостойное поведение после прибытия.

Папка с чёрным кольцом была прикована цепочкой к конторке. «Иммиграционный акт», «Избранные положения» и «Законы, регулирующие подачу на апелляцию иммиграционных дел» было написано на её переплёте. Перелистывая страницы, Хоксворт сказал:

— Семьдесят восьмой был первым годом действия нового акта. Посмотрим пункты 19(1)(а) и (д).

Кэрл и Цинк внимательно прочли законодательство:

Нежелательные категории

19(1) Ни одно лицо не может получить разрешение на въезд, если оно относится к одной из следующих категорий:

(а) лица, страдающие любыми болезнями, расстройствами, инвалидностью или другими нарушениями здоровья, явившимися результатом естественных причин, серьёзность или возможное течение которых, по мнению медицинского должностного лица, совпадающему по меньшей мере с мнением ещё одного медицинского должностного лица,

(i) представляют или, вероятно, могут представлять угрозу для общественного здоровья или общественной безопасности...

(д) лица, дающие основания полагать, что они могут

(i) совершить одно или более преступлений, подлежащих наказанию в соответствии с каким-либо актом парламента...

— Пункт 19 перечисляет лиц, которые не могут въехать в страну, — сказал Хоксворт. — Чтобы получить визу, Кван прошёл тестирование в Гонконге. Он прибыл в Канаду с чистым личным делом. Никаких записей о преступлениях или умственных расстройствах.

Перевернув три страницы, он нашёл другой пункт:

Выдворение после выдачи разрешения

27(2) Если иммиграционный офицер или офицер, отвечающий за общественное спокойствие, получает в своё распоряжение информацию, указывающую на то, что лицо, проживающее в Канаде и не являющееся канадским гражданином или не имеющее бессрочной визы, является лицом, которое

(а) обратившись за разрешением на въезд, не получило бы или могло бы не получить разрешения на въезд по причинам принадлежности его к нежелательным категориям...

...он должен подать письменный рапорт министру с изложением всех деталей, содержащихся в такой информации...»

Тэйт сказала:

— Кто-то пожаловался, что Кван нарушил положения пункта 19?

Хоксворт взмахнул бумагой из дела. — Это утверждает в своём рапорте Дон Войс. Кван был твёрдым орешком и преступником.

— Кто это — Дон Войс?

— ПЗДО. Он обычно работал в нашем офисе.

— ПЗДО? Это что, персонаж «Звёздных войн»? — сказала Тэйт.

— На самом деле ПДО. Представляющий дела офицер, надзирающий за чужестранцами. Я называю их «ПЗДО» потому, что они действуют, словно роботы.

— Где этот Войс теперь?

— Отчебучил смертельную шутку. Дон избавился от этой проклятой работы, эмигрировав на небеса.

Цинк прочёл рапорт чиновника министру.

— Здесь просто повторяются положения акта, потом идёт ссылка на «прилагающиеся рапорты психиатра, подтверждающие факты». Но я не вижу никаких докладов психиатра.

— Документы вырваны, — сказал Хоксворт. — Остались только корешки. Исчезло всё — включая паспорт — что могло рассказать о том, кто такой Кван или как он выглядел.

— Имеются дубликаты документов?

— По всей вероятности, нет. Только имя и входящий номер в нашем банке данных.

Конверт, пропавший со стола Максвелла, подумал Цинк. — У кого есть доступ к этим документам?

— У любого, кто здесь работает.

— Включая бывших работников?

— Если им это требуется, чтобы связать концы с концами.

Кэрл повернулась к Вильме.

— В книге имеется отметка?

Индианка протянула ей толстый переплёт. Просмотрев его, начиная с настоящего момента, особый агент добралась до полудня

понедельника. Как и можно было ожидать, Трент Максвелл был записан в тот день, когда был убит.

— Что происходит, когда министр получает такой доклад? — спросила Тэйт.

— Если он достаточно убедителен, министр назначает депортационное слушание.

— Куда доклад поступает после этого?

— Он возвращается назад с указанием о расследовании.

— Кто принимал меры против Квана?

— Дон Войс, ПДО, который надзирал за ним.

— Кто выносил судебное решение?

— Трент Максвелл, упокой Господи его душу. Он работал здесь, пока не преставился, как вы знаете.

— Что, если кто-либо, депортированный в соответствии с пунктом 19, позже захочет обратно?

— Значит, этому парню чертовски не повезёт из-за пункта 19. Депортационный закон относит его к нежелательной категории.

— Максвелл депортировал Квана?

— Ничего подобного. Не было никакой депортации.

— Почему?

— Потому что в день слушания дело было отсрочено. Согласно пометке Дона на деле, той же ночью Кван добровольно отбыл в Гонконг.

— И что же это значит? Обвинение автоматически было снято?

Хоксворт кивнул.

— В 78-м требовалось физическое присутствие депортируемого. Когда Кван покинул Канаду, дело было закрыто.

— А почему отсрочка? — спросила Тэйт. — Вместо депортации?

— Вероятно, такова была тактика адвоката Квана. В соответствии с пунктом 32 депортационные слушания могут иметь один из трёх исходов. Подсудимый может быть депортирован, он может получить предупреждение о депортации или он может отозвать своё заявление. Если необходимо, он может время от времени получать отсрочку. Адвокат Квана, должно быть, посчитал, что лучше держать ситуацию в своих руках.

— Я правильно поняла? — сказала Тэйт, поднимая вверх три пальца. — Во-первых, если бы Кван был депортирован, пункт 19 не позволил бы ему въехать снова. Во-вторых, предупреждение о депортации...

— По существу дало бы тот же самый эффект.

— Почему?

— Потому что заявление уже подано.

— И в-третьих, отсрочка и возвращение создают впечатление, что дело закончено? Значит ли это, что Кван мог вернуться в любое время?

— Технически, да. Практически — нет. Ссылка на дело хранится в нашем компьютере. Если бы Кван попытался въехать в страну, мы бы проверили его дело. Обвинение 78-го года привело бы в действие пункт 19.

— А что, если дело было уничтожено? Тогда не осталось бы никаких свидетельств против него.

— Тогда мы бы связались с теми, кто имел к нему отношение. Слушание ведь затрагивает кого-то лично, верно? Судью, ПДО, иностранца и его адвоката. Отсутствие здесь упоминания о каком-либо переводчике означает, что Кван говорил по-английски. Если бы любой из них подтвердил, что он вёл себя недостойно или проявлял склонность к преступлению, ему был бы запрещён въезд в страну в соответствии с пунктом 19.

— А что, если все участники теперь мертвы?

— За исключением его самого, вы имеете в виду?

— За исключением Квана.

— Тогда он показывается на границе, и у нас нет никаких оснований его задерживать. Кван бьёт систему по всем статьям. Дьявольщина, он мог бы иммигрировать.

Пока Тэйт расспрашивала Хоксворта, Чандлер просматривал дело.

— Это имя на обратной стороне. Кто это написал?

Чиновник глянул на надпись. — Обвинитель, — сказал он.

— Кто такая Николь Даниельс?

— Не имею ни малейшего представления.

— И даже не можете высказать предположение?

Хоксворт пожал плечами.

— Та, кто выдвинула обвинение?

В ЛАБОРАТОРИИ

11:35 утра

На обороте дела Квана рядом с именем Николь Дэниэльс был нацарапан телефонный номер. Пока Хоксворт покупал шоколадный батончик в автомате и, вероятно, ещё раз хлебнул из каких-то своих тайных запасов, Цинк набрал номер по телефону, стоящему в архиве.

- Факультет зоологии.
- Николь Дэниэльс, пожалуйста.
- Профессор читает лекцию и не вернётся до полудня. Цинк глянул на часы.
- Дайте, пожалуйста ваш адрес.

12:12

Они запарковали машину поблизости от Фратернити-Роу, когда порывы ветра на некоторое время прекратили свои атаки. На одной из лужаек возле дома скакала красотка в купальнике.

— Я сожалею, — сказала им секретарь в приёмной, — но доктор Дэниэльс отсутствует. Она не вернулась после своей лекции в Ванкуверский Институт.

- Куда она пошла?
- Не могу сказать. Вчера она прилетела из Африки, так что, вероятно, она отсыпается.
- Доктор работает на факультете?
- Она в продолжительном отпуске. Минувший год она провела в Танзании, изучая озеро Танганьика. Вчера она взяла отпуск ещё на год для работы в Дэвисовском Центре по изучению приматов.

— Где это?

— В Калифорнии.

— Снова для проведения исследований?

— Здесь находится доктор Ян. Может, он знает, куда она пошла.

Ян, мужчина лет под тридцать, был одет в лабораторный халат и держал под мышкой стопку бумаг. Пока копы представлялись ему, он изучал их сквозь толстые стёкла очков.

— Ничего серьёзного, надеюсь?

— Обычная рутина, — ответил Цинк. Это был стандартный ответ в таких случаях.

— Потрясающая лекция. Очень жаль, что вы её пропустили. «Почему Человек вызывает войну: шимпанзе развиваются по тому же пути, что и мы».

— Дэниэльс преподаёт зоологию?

— Как сказать... Она читает лекции по психологии на медицинском факультете, занимается антропологией, участвует в работе факультета искусств, связана с зоологией, с исследовательским факультетом. В наши дни мы все работаем на пересечении различных дисциплин.

— Где профессор находится сейчас?

— «Посещает старых друзей». Она сказала, что в пять позвонит узнать, не было ли для неё сообщений.

— Почему человек *вызывает* войну?

— Вы слышали о колонии шимпанзе Джейн Гудэл? Колония Гомб в Танзании?

— Это не та, которая была убита?

— То была Диана Фоссей. Все считали, что шимпанзе Гудэл, обитавшие на различных территориях, мирно сосуществовали. Затем, неожиданно, обезьяны с Казакелы вторглись во владения Кахамы. Они поубивали самцов, самок изнасиловали и захватили территорию. Это нападение явилось первым известным случаем запланированной агрессии приматов по отношению к представителям их собственного вида. В течение года доктор Дэниэльс изучала колонию и пришла к заключению, что поведение шимпанзе аналогично нашему. Они — зеркало человеческой эволюции. Они развились настолько, что развязали войну.

— Это является прогрессом?

— Объективно — да, — сказал Ян. — За последние 3400 лет только 268 были относительно мирными. Во всём мире в настоя-

щий момент каждую минуту тратится два миллиона долларов на вооружения. Наш мозг развился для того, чтобы совершенствовать оружие и таким образом обеспечить выживание и воспроизведение наших генов. Дарвин считал сопротивление генетической конкуренции самой мощной движущей силой в человеке. Исследования доктора Дэниэльс подтверждают это.

Deja vu, подумала Кэрл. *Чувственная теория русского.*

Цинк оставил телефон секретаря спецотдела «Х».

— Попросите профессора позвонить мне. Это очень важно, — сказал он.

Западный Ванкувер

1:36 *полудни*

Они подъехали к дому Хаттона Мэрдока на Холлибэрн-Маунтин. Когда капли дождя упали на дребезжащие листы, покрывающие крышу, и заструились по водосточным трубам, они уже проверяли имена в делах судьи.

— Никакого Эвана Квана, — сказала Кэрл. — И никакого Квана Кок-су.

— Так же как и Мартина Квана или Лотос Кван.

— Потому что дело было сожжено в камине.

Ванкувер

5:39

Кэрл вместе с Цинком поглощали пищу в спецотделе «Х», когда раздался телефонный звонок.

— Инспектор Чандлер?

— Профессор Дэниэльс?

— Вы просили, чтобы я позвонила?

Чёткое произношение. Ударение в конце фразы. Цинку представилось, что ей около пятидесяти лет.

— ФБР проверяет обстоятельства, связанные с Эваном Кваном. Его имя всплыло в связи с одним из дел в Калифорнии. Полагаю, вы его знаете?

— *Знала* его, инспектор. Кван делал у меня курсовую работу в 1978 году. Я не видела его в течение десяти лет.

- Кван прибыл из Гонконга?
- Да, в качестве иностранного студента.
- Для изучения чего?
- Молекулярной биологии.
- Не могли бы вы уточнить?
- Он надеялся довести до конца работу Сарича и Вильсона, касающуюся Евы.
- Евы? — переспросил Цинк.
- Вашей более чем тысяча раз пра- бабушки. И моей тоже, — ответила Дэниэльс. — И всех живущих ныне человеческих существ.
- Как мне кажется, её звали Люси.
- Ошибаетесь, инспектор. Но я сомневаюсь, что вы хотите выслушать лекцию по эволюции.
- Напротив, — сказал Цинк. — Область, которую изучал Кван, может оказаться важной.
- Дэниэльс прикрыла микрофон и обратилась к кому-то приглушенным голосом, Цинк расслышал слова: «СРВ-образцы». Через мгновение она снова была на линии.
- Эван что-то сделал?
- Нет, насколько нам известно. Обычное для ФБР расследование. Мы проверяем несколько линий.
- Большинство людей обычно весьма сдержанны, когда их допрашивает полиция. Обычно лучше подходить к сути постепенно. Заставить человека говорить свободно — чуть ли не самое сложное дело.
- Говорит вам что-нибудь слово «австралопитек»?
- Это вид гоминидов, который эволюционировал в нас.
- Люси была австралопитеком три миллиона лет назад. Она — представитель вида, эволюционировавшего в нас. Но она не была тем индивидуумом, от которого мы произошли.
- А Ева была?
- Ева была хомо сапиенсом архаического типа. Она жила двести тысяч лет назад, а может, и много позже. Ева не была единственным человеческим существом на Земле в то время, но она была самой плодотворной из всех в том смысле, что все живущие сегодня носят в себе её гены. Она была *тем самым* индивидуумом, от которого мы все произошли.
- Значит, Эван искал нашу буквальную праматьер? — сказал Чандлер. — Почему я ничего не слышал о Еве раньше?

— Ещё услышите, когда пресса вникнет в то, что происходит. Ева разрешает самый старый человеческий спор: откуда мы появились? Кто породил человечество?

— И Ева действительно отвечает на эти вопросы?

— В двух отношениях. Мы не только унаследовали её генетический код, но эволюция от архаичного до современного человека произошла в её семье.

— Это произошло в Африке?

— Возможно. Хотя некоторые полагают, что дом Евы был в Южном Китае.

Дэниэльс снова прикрыла микрофон. На этот раз Цинк подслушал: «Тесты на ретровирус». — Я чему-то мешаю? — спросил он.

— Мы почти закончили, — сказала профессор. — Я специалист по приматам, как вы, несомненно, знаете. В течение года я изучала обезьян в местном зоопарке. Куратор попросил меня, чтобы я проверила зелёных мартишек на вирус СПИДа. Это был хороший повод провести старых друзей.

— Мы говорили об Эване и Еве.

— Эван интересовался ДНК митохондрий. ДНК, как вам, я уверена, известно, это те молекулы, которые передают наследуемые характеристики. Гены выстраиваются в ядрах наших клеток в цепочки ДНК, и, следовательно, молекулы ДНК являются как бы строительными блоками наследственности. Цепочки ДНК — смесь генов, унаследованных от обоих родителей. Но в наших клетках есть и другой тип ДНК, хранящийся *вне* ядер, в митохондриях. ДНК митохондрий попадают к нам непосредственно от нашей матери, поэтому они не меняются в каждом поколении в зависимости от пола. Поскольку они меняются только из-за мутаций — случайных ошибок при копировании генетического кода — учёные используют их для того, чтобы проследить генеалогическое древо.

Мутации ДНК весьма незначительны. Законы вероятности говорят нам, что ДНК подвергается мутации на два — четыре процента каждый миллион лет. Сравнивая образцы митохондрий со всего мира, мы проследили генетический код вплоть до единственной женщины. Вот почему её называют Евой.

Цинк сказал:

— Люси была дочеловеком три миллиона лет назад. Она была одним из представителей вида, который эволюционировал в нас. Одно из более поздних *человеческих существ* было этой Евой.

Двести тысяч лет назад *она* эволюционировала в нас. И поэтому Эван изучал её?

— Точно, — сказала Дэниэльс.

— А что случилось с современниками Евы? С другими архаичными гоманоидами?

— Они вымерли, согласно учению Дарвина. Ева снабдила своих наследников генетическими преимуществами, которые дали им превосходство над остальными людьми. За 20000 лет, прошедших между её жизнью и смертью, её наследники распространились по всему миру. Они вытеснили других людей.

— Почему Эван интересовался Евой?

— Супергены — гены, которые контролируют остальные гены. Он считал, что был суперген, управляющий возрастом. Средняя продолжительность жизни в Северной Америке составляет 74,7 года. Это — тот отрезок времени, который вы, возможно, проживёте. Но ваша ППЖ — потенциальная продолжительность жизненный, запрограммированная в вашей ДНК — приблизительно 110 лет. Что-то лишает нас 35,3 лет, не давая нам прожить ещё треть жизни. Эван считал, что это происходит потому, что мы унаследовали от Евы дефективный суперген.

— Это нелогично. Тогда бы мы были *менее* приспособленными.

— Нет, если дефект проявлялся после репродуктивного возраста. Обладая преимуществом, унаследованным от Евы, мы всё равно оставались бы самым жизнеспособным видом.

— Вы разделяете эту теорию? — спросил Цинк.

— Эван изучил работу Сэчера и Катлера. Сэчер заметил, что среди видов приматов продолжительность жизни увеличивается с увеличением размеров мозга по отношению к размерам тела. Чем больше мозг в сравнении с телом, тем более долгий век у вида. Он заключил, что мозг управляет продолжительностью жизни.

Катлер применил теорию Сэчера и к вымершим видам. Сравнивая черепа и скелеты предков человека с нашими, он обнаружил, что продолжительность жизни увеличивается тем больше, чем ближе он стоит к нам. Затем, по какой-то причине, это увеличение прекратилось.

— Продолжительность жизни перестала эволюционировать вместе с нами?

— Нет, неандерталец...

Дэниэльс снова прикрыла микрофон и сказала: «Спасибо, я уберу».

И снова в трубку:

— Ещё минуту, инспектор, а затем мне нужно вызвать такси. Снаружи холодно и сыро, а я привыкла к африканской жаре.

— Вы говорили, что неандерталец жил дольше, чем мы?

— Мозг неандертальца был больше нашего — 1470 куб. см по сравнению с нашими 1370. В полном соответствии с теорией Сэчера, продолжительность его жизни также была больше. Катлер выдвинул постулат, что существовали гоминиды с супермозгом в сравнении с размерами их тела. Если это так, то, возможно, в них скрыт ключ к загадке долголетия. Эван думал, что этот ключ связан с их неуязвимым супергеном.

— Как долго Эван учился у вас?

— Около четырёх месяцев. Он помогал мне с исследованиями в моей личной лаборатории. У нас произошла ссора, и он вернулся в Гонконг.

— Вы пожаловались на него в иммиграционную службу?

— Вы знаете об этом?

— Эван не был депортирован?

— Нет, он уехал сам.

— Что послужило причиной вашей жалобы, доктор Дэниэлс?

Профессор заколебалась, взвешивая свой ответ. Затем она сказала:

— Я люблю животных. Поэтому и занимаюсь исследованиями. В моей лаборатории имеется оборудование для хирургических операций. Но я использую его только в необходимых случаях. Вивисекция мне отвратительна.

В конце 1978 года меня попросили выступить на симпозиуме в Нью-Йорке. Пока меня не было, Кван присматривал за лабораторией и продолжал наши исследования. Мой рейс до Нью-Йорка должен был вылететь в шесть утра. Упаковывая свой багаж, я обнаружила, что потеряла кое-какие заметки. В два часа ночи я приехала в лабораторию.

Когда я приехала, внутри горел свет. У меня мелькнула мысль, что Эван забыл его выключить. Воспользовавшись своим ключом, я вошла и была поражена тем, что он проводил возмутительный опыт. Я приказала ему убраться прочь. Он стал мне угрожать. Тогда я из Нью-Йорка позвонила в иммиграционную службу и никогда больше его не видела.

— Вы появлялись на слушании дела о депортации?

— Нет, она была отложена. Его адвокат посоветовал ему уехать, и он так и сделал.

— Что это был за эксперимент? Достаточно будет сути.

— Моим любимым подопытным животным был шимпанзе по кличке Тарзан. Эван отрезал ему голову и установил её на подставке. От неё тянулись пластиковые трубки к шее второй обездвиженной обезьяны, снабжающей всё необходимое для поддержания головы в живом состоянии. Поскольку действие наркоза кончилось, Тарзан оглядывался по сторонам. Я вошла как раз тогда, когда Эван насиловал тело обезглавленного шимпанзе.

— Это звучит как научная фантастика, — скептически сказал Цинк.

— Первые такие эксперименты были проделаны два десятилетия назад. Голова в Университете Кэйс-Вестерн прожила тридцать шесть часов. С тех пор наука шагнула далеко вперед.

— Зачем Эван сделал это?

— Он был психопатом. Я делала психиатрическое заключение для его депортации. К тому же он употреблял наркотики и одевался самым причудливым образом. Прибыв сюда, он перенёс культурный шок. Этот эксперимент мог покрыть его нехватку денег.

— Как это?

— Его мотивом послужила криогенная техника.

— Замораживание человеческих тел до того, как наступит смерть, чтобы их можно было разморозить, когда появится способ лечения, исключающий фатальный исход?

— Поддерживать голову в живом состоянии — это только первый шаг. Если процесс разрушения тела зашёл слишком далеко, то можно было бы сохранить хотя бы голову. Если тело даже и сохранено, то имеет значение только голова. Таким образом, мы получим заменяемых роботов.

— Значит, долгожительство было навязчивой идеей Эвана?

— Это навязчивая идея любого, кто начинает стареть. Эван намеревался основать рынок Фонтана Вечной Молодости.

— Где именно в зоопарке вы находитесь, профессор?

— С зелёными мартишками, рядом с тюленями.

— Подождите двадцать минут, я подхвачу вас.

ЛЮДОЕДЫ

6:17 пополудни

Лорд Стэнли, генерал-губернатор Канады и человек, благодаря которому появился хоккейный «Кубок Стэнли», приложил свои руки и к основанию парка Стэнли в 1889 году «...для нужд и развлечений людей всех цветов кожи, социального положения и обычаев на все времена». Годом раньше, во время расследования дела Вурдалака, один псих пытался лишить Цинка жизни поблизости от тотемных столбов на мысе Броктон, поэтому теперь, когда бы он ни входил в парк, он всегда задумывался над тем, была ли это одна из тех самых нужд, которые имел в виду лорд Стэнли.

Мимо «Ванкуверского клуба лучников», поместья в стиле Тюдоров на холме, спускавшемся к разбушевавшемуся океану; мимо статуи Робби Бэрнса, покрытой помётом голубей; мимо памятника королеве Виктории, ставшего розовым от цветов, облетевшего с веток над ним; мимо «Театра под звёздами» и фонтана президента Хардинга полицейский автомобиль без опознавательных знаков кружил по парку.

— Зоопарк там, — сказал Чандлер, сворачивая к зарослям. Зонт хлопнул, когда они неохотно вылезли наружу, под порывы ветра и струи дождя.

— Единственное, что мы так и не обсудили, — сказала Тэйт, — это то, где мы собираемся жить.

— Не давай дождю настроить тебя против Ванкувера. Прогноз говорит, что солнце должно снова появиться к июню.

Кэрол усмехнулась. — Бедные животные. Готова поспорить об заклад, что они предпочли бы быть пойманы калифорнийцами.

— Зная калифорнийцев, сомневаюсь в этом, — сказал Цинк.

Поднимая волны на водах залива, холодный ветер завывал среди кедров и клёнов, нависающих над тропинкой. Дождь обрушивался на их зонт, барабанил по материи. Каждый раз, когда порыв ветра поднимал рябь на поверхности пруда справа от них, впереди раздавался рев голодного медведя, требующего свой ужин.

— Канада обладает тремя плюсами по сравнению со Штатами, — сказала Кэрол. — Здесь гораздо меньше оружия, и следовательно, меньше шансов быть подстреленным. Здесь меньше уровень преступности, следовательно, это более подходящее место для воспитания детей. И ещё — бесспорный факт, что я буду великолепно смотреться в красном.

— Тебе придётся сменить гражданство, если ты собираешься вступить в конную полицию.

— Почему это?

— Потому что американцам это запрещено законом.

Цинк давно примирился с тем фактом, что он никогда не понимал женщин, но реакция Кэрол его удивила. С головой, скрытой за зонтиком, отбрасывающим тень на её лицо, она повернулась, чтобы что-то сказать, когда порыв ветра вывернул зонт наизнанку. Порыв был таким сильным, что вырвал зонт у неё из руки. В ту же секунду она вытянула руку и толкнула его. Потеряв равновесие, он упал на землю. — Откатись! — закричала она, и одновременно с этим две пули вонзились в покрытие возле его лица.

Копы были посредине пешеходного мостика, который слева примыкал к яме с полярным медведем. — Ты! — выкрикнула Кэрол, выхватывая свой «Кольт». — Полиция! — прибавила она и бросилась в струи дождя. Прищурившись, вглядываясь в ливень, Цинк вскочил на ноги. Яма с медведями была впереди в шестидесяти футах. Литая чугунная ограда в китайском стиле, идущая вокруг грота, удерживала зрителей на расстоянии, но теперь зоопарк был пуст и закрывался с наступлением сумерек. Круговая стена вокруг ямы была увенчана металлическими зубьями, позади которых бетон образовывал стенку рва, спускающуюся ниже уровня земли. Ров окружал холм из наваленных друг на друга валунов, его вершину венчали зеленоватый пруд и фонтан, разбрызгивающий мелкие капельки воды, образуя туман. От пруда к холму, от холма к рву — склон был пуст, в то время как что-то внизу привлекало внимание медведей. Фигура в маске на краю ямы стреляла в Тэйт.

Уворачиваясь от пуль, ныряя за импровизированные укрытия, пригибаясь на бегу, Кэрол не смогла бы сказать, какого пола был стрелок. С головы до ног он был закрыт полиэтиленом, с пузырящейся паркой, наброшенной поверх него. Чёрная маска, закрывающая всё лицо, имела прорезы для глаз. Пистолет в его руке был «Глок-17».

Головорез выбрался из ямы по узенькой тропинке. Воспользовавшись уголками и кустиками, он устремился к павильону с тюленями и зелёными мартышками.

Пока Кэрол преследовала стрелка, Цинк перепрыгнул чугунную ограду вокруг грота. Звук ломающейся кости донёсся из его глубины. Табличка на уровне плеча Цинка гласила:

**МЕДВЕДЕЙ НЕ КОРМИТЬ.
ЛИЦА, ПРОСОВЫВАЮЩИЕ ЧТО-ЛИБО В ГРОТ,
ПОДВЕРГАЮТ СЕБЯ ОПАСНОСТИ**

Рыжевато-коричневые звери весом в тысячу фунтов разрывали на части женщину. Один из них держал в своей пасти раздавленный череп доктора Дэниэльс. Другой глодал её ногу, в то время как третий пожирал руку. Если бы и когда бы убийца был пойман, ему пришлось бы отвечать перед охраной парка.

Приблизившись к дальнему концу дорожки, Головорез резко обернулся и разрядил в сторону Кэрол свой «Глок-17». Припав к земле, она засучила оба рукава своего жакета. Когда пули разогнали дождь вблизи от её лица, она откатилась за ограду.

Отшвырнув австрийский пистолет, Головорез бросился вправо. Он скрылся под заржавевшей крышей и свисающим навесом хозяйственного здания. Кэрол последовала за ним. Вернувшись из грота, Цинк присоединился к погоне. Он перепрыгнул ограду в тот момент, когда в яму с криком спикировала морская чайка. Он добрался до дорожки мгновением раньше, чем Кэрол исчезла за стеной здания.

Впереди, за её силуэтом, был виден освещённый павильон тюленей и обезьян. Он выходил на открытую площадку в конце дорожки. Тюлени чувствовали себя спокойно в напоминающем по форме седло бассейне, а вот обезьяны, вздрагивая от выстрелов, бешено носились по своим вольерам. Когда раздалась автоматная очередь, сердце Цинка замерло.

Тэйт обогнула здание и наткнулась на Головореза, подкарауливавшего её в кустах. Напав на Дэниэльс возле клетки с зелёными

мартышками, он оставил свою сумку с оружием рядом со зданием. Отшвырнув прочь «Глоук», он устроил ловушку Кэрол, которая, думая, что убийца безоружен, торопилась обогнуть угол, чтобы удерживать преследуемого в поле зрения. И тут же её встретили пули «Мини-Узи».

При весе всего в шесть фунтов и длине пятнадцать дюймов, «Узи» — это оружие командос Израильской армии. При эффективном радиусе поражения в 500 ярдов они выплёвывают 950 9-мм патронов от «Парабеллума» в минуту. Пистолетная рукоятка в руке Головореза имела обойму на 32 патрона. Когда он нажал на спусковой крючок «Узи», раскалённый ствол стал испарять капли дождя, образовав настоящий шотландский туман. Пули угодили в Кэрол раньше, чем она смогла среагировать.

Похожие на хлопки по коже *блэп! блэп! блэп! блэп!* подняли панику среди обезьян.

Первая пуля пробила ей ладонь, задев боковую поверхность бедра.

Следующая вызвала фонтанчик крови из тыльной стороны предплечья.

Третья ударила её в плечо, крутанув вокруг оси. Попад в кость, она свалила Кэрол на землю.

Кэрол сильно ударилась об асфальт и не сдержала вскрика.

Лужи окрасились в тёмно-красный цвет.

Зная, что она умрёт, если не заставит себя двигаться, Кэрол перевернулась раз, другой, и встала на ноги. Павильон тюленей и обезьян состоял из трёх частей: плавательного бассейна, расположенного в конце дорожки; огороженной проволокой площадки, где обезьяны могли резвиться на открытом воздухе, и дома с распахивающимися дверями, чтобы они могли укрыться от дождя. Окна вдоль правой стороны давали возможность видеть внутреннюю часть с площадкой для зрителей, огороженной низкой каменной стеной. Вперёд головой, она нырнула за стену как раз в тот момент, когда «Узи» застрочил снова.

Блэп! блэп! блэп!... пинг! пинг! пинг!... пули ударили в камни, ricoшетируя по стёклам. Окна разбивались одно за другим, под истерические вопли возбуждённых обезьян. Кэрол свернулась, словно зародыш, пока гильотины из стекла вонзались в землю вокруг неё.

Внезапно она была схвачена за волосы и что-то закрыло ей глаза. Её новый противник дёргал её голову взад-вперёд. Между уда-

рами ей удалось разглядеть чёрное лицо, окаймлённое молочно-белым мехом, и двух с половиной футовый хвост позади обнажившихся клыков. Когда она подняла руку, чтобы защититься, обезьяна укусила её за руку, вызвав в мозгу мысль о СПИДе! Последнее, что она видела, была пара голубых шаров, когда обезьяна впрыгнула на крышу.

Тэйт потеряла сознание.

Приостановившись возле хозяйственного здания, Цинк стащил свою лётную куртку и взмахнул ею из-за угла. Цепочка отверстий пробежала по дереву перед его глазами. Высунув из-за угла руку, он трижды выстрелил. Затем, услышав убегающие шаги, он осторожно высунул голову.

Убийца в чёрной маске исчез. «Кольт», который обронила Кэрол, лежал на земле. Кровавый след вёл к низкой каменной стене.

Скрютившись, словно краб, чтобы уменьшить размер цели своего противника, выставив вперёд свой револьвер 38-го калибра, Цинк боком шагнул к дому приматов. Кэрол лежала распростёртая позади стены, так сильно истекая кровью, что он посчитал её мёртвой.

Кэрол!

Кэрол!

Кэрол!

Она открыла глаза.

Над ней склонилось встревоженное лицо.

— ...меньше шансов быть подстреленными...— пробормотала она.

— Тебе нужен врач.

— Только моя рука. Не дай этому ублюдку ускользнуть.

— Позже.

— Сейчас! Я вызову подмогу. Где-то здесь есть телефон.

Увидев, что Цинк колеблется, она подошла к нему:— Иди! Если бы я собиралась умереть, я хотела бы быть в твоих объятиях.

Схватив «Кольт», он продолжил преследование.

Тэйт судорожно втянула в себя воздух и с трудом поднялась на колени. Ковыляя к телефону она подумала, *в этом городе 911 или 999?*

С револьверами в обеих руках Цинк обыскивал зоопарк. Лебеди, утки и павлины, переваливаясь, убегали с его дороги. Слева от вольера с выдрой снова залаял «Узи». Очередь из шести выстрелов заставила выдру нырнуть в пруд.

Головорез стоял возле резьбы Билла Рэйда, украшающей аквариум с касаткой. Он стрелял через фонтан перед аквариумом. Одна из дверей аквариума была открыта и подпёрта ведром.

Пока Цинк уклонялся от пуль, вылетающих из однодуймового ствола, служитель, убирающий возле входа, вышел наружу, чтобы посмотреть, что происходит. Он стал в дверях, удивляясь, почему гром не сопровождается молнией. Пуля из «Узи» разворотила ему голову.

Головорез вошёл в помещение аквариума.

Выпалив из обоих револьверов, Цинк прыгнул вперёд, перекувырнувшись в воздухе, и нырнул в магазинчик «Клэмшелл-Гифт». На середине коридора, ведущего к Северо-Тихоокеанской Галерее, Головорез повернулся. Стекланные панели отделяли коридор от магазина подарков. Когда Цинк стал подбираться обратно к двери, автомат снова заговорил. Панели разлетелись на куски, засыпав осколками сувениры. Прижавшись животом к полу, конный дважды выстрелил. «Смит-Вессон» вхолостую клацнул у него в руке. Когда Цинк открыл Кольт, чтобы убедиться, что в нём осталось два патрона, Головорез нырнул направо, в тропическую галерею.

Время шло.

Ошибка могла стоить ему жизни.

Сколько патронов израсходовал «Узи»?

Почти тридцать два?

Гораздо важнее знать, есть ли у убийцы запасная обойма?

Сколько времени займёт, пока прибудет ванкуверская полиция?

Был ли в парке патруль?

Как они узнают, где он, если не услышат выстрелов?

Выждать минуту.

Он огляделся.

Вот оно. На стене. Чуть дальше по коридору.

Он бросился от магазина подарков к двери тропической галереи.

Достав до щита пожарной тревоги, он рванул на нём ручку. Помещение аквариума наполнилось тревожными звонками.

Цинк высунул голову из-за косяка двери. Отромные резервуары проступали в сумраке. Справа от него снова ожил «Узи». Очередь заставила резервуары задрожать, переполошив рыбу. Пули откололи осколки дерева от косяка, сорвав позади него дверь, ведущую к китовой экспозиции снаружи.

Напуганная поднятым переполохом, серая белуга подпрыгнула вверх над водой. Одна из пуль попала киту в хвостовой плавник, а другая нанесла рану касатке, обитавшей рядом. Похожая на торпеду, чёрная с белым, длиной в двадцать два фута, касатка резко нырнула на дно своего бассейна. Вода вздыбилась волнами; стрельба затихла.

Инстинкт подсказал Цинку, что патроны в «Узи» закончились.

Действительно ли он услышал торопливые шаги, или это была только игра его воображения?

Среди какофонии продолжающейся зенеть тревоги было невозможно что-либо разобрать, но, доверяя своей интуиции, он шагнул в дверь.

Вытянув перед руки, словно слепец, он размахивал перед собой «Кольтом». Разряженный «Смит и Вессон» был заткнут у него за поясом.

Гигантская манта с булавочными глазками неподвижно зависла у него над головой. Перед ним плавали самые красочные рыбы из тех, что ему когда-либо доводилось видеть; это был аквариум, хранящий сверкающие драгоценности южных морей. Вспутнутый каким-то движением справа от себя, он нырнул за стеклянный аквариум, чтобы он послужил ему защитой, и столкнулся нос к носу с живущим там кальмаром.

Впереди находилась дверь «Амазонской галереи Грэма», прикрытая, чтобы там сохранялся свой микроклимат. То, что Цинк заметил, было дверью, закрывающейся за кем-то прошедшим в неё, поэтому, обойдя аквариум с кальмаром, Цинк бросился к выходу. Он выставил перед собой «Кольт», а китайские рыбы — пятнистый скат, пальчиковая рыба, рыба-телескоп — не мигая следили за ним из своих аквариумов. Стоя сбоку от возможной линии огня, он рывком распахнул дверь.

Слева от него располагались висячие сады и бассейн с крокодилами. Наполовину торчащий из воды кайман щёлкнул зубами и плеснул хвостом. Огромный аквариум прямо перед Цинком был забит неонами и другими экзотическими рыбками. Тёмно-красный шнурок справа от него преграждал доступ публике, позади галерея огибала участок «Диких джунглей», расположенный в глубине здания. Следы ног, отпечатавшиеся на недавно вымытом полу, вели в том направлении.

Цинк нырнул под шнурок. Рассекая джунгли на две части, дорожка петляла среди густых зарослей пальм и папоротников. Един-

ственным освещением служил свет, идущий от аквариума с пираньями, расположенного напротив входа. Забрызганная дождем стеклянная крыша была мутно-серой. Когда Головорез вставлял «Узи» новый магазин, двупалые ленивцы на перечном дереве вздрогнули и очнулись от дремоты. Вблизи от того места, где убийца затаился в кустарнике, жёлтоклювый кардинал качнул ветви сырного дерева. Алый ибис перелетел с банановой пальмы на земляничную гуайяву, а осторожная игуана юркнула между ног азиата.

Когда Цинк появился у входа — его силуэт чётко выделялся на фоне более светлого аквариума с пираньями — «Узи» взорвался очередью. Где-то в глубине «Диких джунглей» огненно-жёлтый язычок вытянулся в его сторону. Вслед за ним послышалось *блэп! блэп! блэп!* смерти. Туфли Цинка поскользнулись на мокром полу, когда он слишком резко метнулся в сторону, и его ноги взлетели в воздух в неуклюжем падении; и в это время аквариум позади него взорвался. Ещё один поток осколков обрушился на его тело, затем его накрыла волна воды, наполненная несметным количеством зубов.

Одна... две... три пираньи вцепились в его руки.

В ту же секунду Цинк понял, что ему лучше поскорее бежать отсюда. С выступающей нижней челюстью, с верхними зубами, торчащими вперёд, и с нижними — в стороны, узкими мордами, напоминающими В. С. Филдса, пираньи — всего лишь в один фут длиной — могут ободрать тело до костей за считанные минуты. В данный момент Цинк не только был следующим блюдом в меню, но, захваченный врасплох внезапным крушением аквариума, он ещё и обронил «Кольт». Шаги по дорожке означали, что убийца приближается, чтобы прикончить его.

Погребённый под потоком бьющихся, кусающихся плотоядных, револьвер Кэрол исчез. Чандлер вскочил на ноги и побежал, что было мочи. Адреналин ударил в его бухающее сердце, словно деревянной палкой, придав ему силы для рывка к дверям галереи. Страхивая на бегу прожорливых пираний со своей руки, он проскочил в дверной проём как раз в тот момент, когда «Узи» залая снова.

Чёрный карп и рисовый угорь плавали в свете китайских фонариков...

Каракатица невозмутимо пиялилась на него из своего стеклянного ящика...

Дверь рядом с висящей в воде мантии манила его к себе...

А Цинк нёсся, словно Джесс Оуэнс и Карл Льюис вместе взятые.

Двери позади с грохотом распахнулись от толчка Головореза, охваченного пылом преследования. Цинку представилась мишень, нарисованная у него на спине. Лампы, включённые служителем чтобы вымыть коридор, освещали вход, словно аркаду в тире. Чувствуя, что он будет покойником, если свернёт в ту сторону, Цинк свернул направо, в северное крыло «Тропической галереи». Спустя мгновение он понял свою ошибку.

В дальнем конце выбранного им коридора, который он выбрал, располагался огромный, во всю стену, массивный аквариум с тигровыми акулами. У него не оставалось другого выбора, кроме как бежать в эту ловушку, наполненную холоднокровными и стеклами, по коридору, освещённому светом, падающим от дюжины аквариумов по обеим его сторонам; к стенке одного из них, мимо которого пробежал Цинк, присосался похожий на скользкий мешок осьминог; Цинк побежал по направлению к зубастой смерти впереди. Выдержит ли акулый аквариум выстрел «Узи»?

Только бы он выдержал! — сверлила мысль, когда он торопливо пролезал под акулой-молотом, подвешенной на проволоке к потолку, подошвы его туфель застучали по металлическим рёбрам пола... *Только бы он выдержал!*, когда отражение стрелка появилось на стекле над головой, «Узи» болтался у него на уровне груди, чтобы оружие можно было легко схватить в руки... *Только бы он выдержал!* — перескакивая последнюю лавку на своём пути и ласточкой ныряя за неё, словно он был ребёнком в плавательном бассейне Роузтауна; ножки лавки закрипели по полу, словно ногти по школьной доске... *Только бы он выдержал!*, когда в глубине аквариума, тускло светящегося над головой, жаберные щели хлопали позади острых, как бритвы, зубов... *Выдержи, чёрт тебя побери!* — когда «Узи» выплюнул свинец, и лавка заколотила по аквариуму в диком ритме мчащегося тобогана, заставляя Цинка прижаться к полу, молясь: *Только бы он выдержал! Только бы он выдержал! Только бы...*

Он не выдержал.

Паутина трещин расплзлась по стеклу. Площадка перед аквариумом имела форму буквы «Т». Другие аквариумы образовывали поперечную черту, коридор, по которому он влетел сюда — ножку. Цинк наполнил свои лёгкие воздухом до отказа и метнулся вправо,

когда напор 32000 галлонов воды выдавил стекло. Внезапное наводнение, сродни тому, что вызвал Моисей, освобождая Красное море, швырнуло его на аквариум с черепахами, расположенный вдоль одного из ответвлений. Вода захлестнула лицо полузадохнувшегося конного полицейского, поток из бреши хлынул вдоль ножки «Т». Увлекаемая этой смертельной волной армада — акулы, рыбы пилы, мурены — обрушилась на убийцу. Совершенно беспомощный, Головорез отчаянно стрелял, нажимая на спуск «Узи» при виде каждого плавника, появляющегося на поверхности.

Когда поток схлынул, Цинк оттолкнулся от аквариума с черепахами. По колено в воде он побрёл вдоль поперечины буквы «Т». Из всей силы ударив в решётку при выходе, он выскочил в ночь. Он прятался до тех пор, пока убийца не выскочил наружу и не бросился к «Арке Люмбермэна». Воющие сирены присоединились к несмолкающему сигналу пожарной тревоги. Чандлер последовал за ним до самой стены, выходящей к морю. Там, выделяясь чётким силуэтом на фоне фонарей, убийца сменил «Узи» на кислородный аппарат. Засунув в рот гофрированную трубку через отверстие в маске, Головорез нырнул в море.

Цинк побежал обратно, чтобы найти Кэрл и поднять по тревоге морскую полицию.

КИТАЙСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

9:17 *пополудни*

Когда Эрику было десять лет, отец усадил его, чтобы поговорить как мужчина с мужчиной. Они сидели на крыльце своего дома на Стрэтчкон, меньше чем в квартале от Китайского квартала. Семья у следующей двери разрисовывала дракона для новогоднего парада.

— Сын, — сказал старший Чан, держа в руках счёты, — четыре секрета ведут к успеху на Золотой горе. Первый, — он щёлкнул костяшкой, — быть прагматичным. Если ты хочешь преуспеть, ты должен приспособливаться. Второй, — он передвинул следующую косточку, — надейся только на себя. Прокладывай свой собственный путь в жизни. Не надейся на постороннюю помощь. Третий, — щёлкнула третья косточка, — будь трудолюбивым. Чтобы чего-либо добиться, тебе придётся тяжело трудиться. И четвёртый, — он передвинул косточки счётов обратно, — будь осмотрительным. «Привидения» ненавидят богатых китайцев.

Он показал на напоминающую фаллос башню в той части города, которую занимали «привидения». — Видишь, как каждый стремится оказаться выше, чем его соплеменники? Это — игра «привидений». Попытайся тоже поиграть в неё, и они станут тебя ненавидеть.

Древний калькулятор из дерева и меди перешёл от отца к сыну.

— Твой пра-пра-прадед работал на шахтах в Карибу. Он был гражданином Британской Колумбии с самого начала. Не один раз в течение пяти поколений мы покидали эту землю, выживая и продвигаясь вперёд посредством

тяжкого труда и предусмотрительности. Пришло время, сынок, и тебе заняться делом, так скажи мне, в каком из наших продуктовых магазинов лежит твоё будущее?

— Я хочу быть конным полицейским.

Его отец был шокирован.

Только благодаря «предусмотрительности» Чан выжил. Китайцы считают полицейскую работу «презираемой профессией», поэтому нос Эрика бывал разбит в школе каждую неделю. А в конце концов, когда он постучался в заветную дверь, Силы тоже не захотели его принять, потому что красные куртки традиционно расширялись за счёт бледнолицых. Если бы не зарождение торговли героином с Востока, ему бы так и не нашлось применения. Из шестнадцати тысяч человек личного состава сегодня только десять являются китайцами. Эрик Чан был первым не белым.

Во время обучения в «запасном» дивизионе белые новобранцы дали ему кличку «Чарли». Подвергаемый остракизму, однажды в полдень он забрёл в библиотеку, где прочёл «Дом без ключа» Эрла Дерра Биттерса. Чарли Чан оказался героем этой книги, замечательным детективом, любящим пророческие поговорки. *Свежие сорняки лучше, чем увядшие розы*, подумал Чан.

Самой яркой датой в жизни Эрика был его первый Бал Красных Курток. Салли Фэн, которая теперь была его женой, влетела внутрь, чтобы потанцевать. Когда они вошли в банкетный зал, разговор замер. Чан удивлялся этому до тех пор, пока они не нашли своего столика: за ним стояло шестнадцать стульев и было только две таблички с именами. — Неважно, — прошептала Салли, — будем делать вид, будто это ресторан.

Спустя несколько минут от головного столика к ним приблизилась пара со своими тарелками и бокалами. — Как вы отнесётесь к тому, что мы присоединимся к вам? — спросил мужчина. — Мы Кэйт и Роберт ДеКлерк.

Чан очень много работал, чтобы стать экспертом Сил по Триадам и героину. Когда КККП начала отбор кандидатов для поступления в колледжи, он стал изучать случайные процессы и теорию вероятности в УБК. Умение управляться с компьютером подкрепляло азиатский стереотип, но Эрик решил: *а пошли они все*. Он заглянул вперёд.

Рядовой, сержант, инспектор: его предусмотрительность была оплачена, а теперь, когда Силы компьютеризировались и когда из Гонконга начался исход, Эрик Чан был вдвойне незаменим. В эти

дни насмешки приберегались для сикхов, которые спрашивали, не могут ли они носить свои тюрбаны на дежурстве.

Находясь один в компьютерном зале спецотдела «Х», Чан манипулировал с клавиатурой и анализировал информацию на экране. Накладываясь на зелёный шрифт, на экране виднелось его отражение: безволосое лисье лицо с насмешливыми глазами. К информации, уже собранной о «Фанквань Чжу» — началом чему положил факс от Гон Ан Чжу — он добавил рапорт Цинка о депортации Эвана Квана.

Закончив, он отпечатал копию:

СЕМЬЯ КВАН

1. «Фанквань Чжу Фармасьютикал» — гонконгская корпорация, принадлежащая Квану Кок-су. Согласно имеющимся сведениям, он — единственный владелец акций компании.

2. Кван Кок-су имеет двух живых родственников: внуку Лотос и внука Мартина. Со дня на день они должны приступить к делам, с Мартином во главе их канадского отделения. Среди документов компании нет никаких упоминаний об Эване Кване.

3. Мартин Кван — канадец по рождению. Его мать прилетела сюда беременной в 1962 году, возвратившись в Гонконг после его рождения. Мартин поступил в Университет Теннесси, получил звание адвоката и осел в Канаде, где и проживает до настоящего времени.

4. Лотос Кван иммигрировала недавно. Помогал ей в этом брат. До этого года она в Канаде никогда не была.

5. Кван Кок-су родился в Китае. Во время Коммунистической революции он бежал в Гонконг. Мартин — его поручитель для иммиграции. Квану Кок-су восемьдесят четыре года.

Первоначально Триады не были преступными обществами. Они были тайными объединениями, созданными для того, чтобы выгнать манчжурцев. Триста лет назад, в 1644 году, монгольские варвары перешли Великую Стену, чтобы завоевать Китай. Манчжуры заменили династию Минь своими собственными правителями, поэтому Триады были образованы, чтобы вернуть к власти династию Минь.

Символом Триад был равносторонний треугольник. Три стороны символизировали китайскую концепцию Неба, Земли и Человека.

Руководство Триад также представляло собой триединую структуру. Управление олицетворялось Головой Дракона (чьи лёгкие находились в Кантоне). Ему прислуживали Красный Шест и Белый Бумажный Веер. Веер (или «415») был бизнесменом, распоряжающимся деньгами и всеми финансовыми делами. Красный Шест (или «426») расправляющийся с теми, кто становился на пути у триады.

6. «Фанквань Чжу Фармасьютикал» торгует как современными медикаментами, так и древними даосийскими средствами. Компания получала большую прибыль, снабжая Ханой во время вьетнамской войны.

7. Родительская корпорация покидает Гонконг. Всё имущество перемещается в её филиал в Канаде. Новая фабрика строится в Ричмонде на реке Фрэнсер.

8. Ни один Эван Кван не обращался с просьбой об иммиграции.

Спровоцированное Триадами Тайпинское восстание 1850 года привело к смерти двадцати миллионов человек. Подавляя его, манчжуры убили миллион человек, обезглавив их, захоронив живьём, подвергнув медленному растягиванию и разрезанию на тысячу кусков. В Гонконг бежало так много членов Триад, что вскоре его население увеличилось на три четверти.

Ради денег Триады в изгнании обратились к преступной деятельности. Пиратство, контрабанда, вымогательство, азартные игры и проституция стали их привычной практикой. Китайцы создали организованную преступность. Героин Триад приносит ежегодный доход больший, чем годовой оборот США.

В 1941 году японцы оккупировали Гонконг, уничтожив полицейские дела и записи о преступниках. Когда британцы в 1945 году вернулись, Триады контролировали доки, транспортировку и производство. Уменьшившаяся за время войны в десять раз, гонконгская полиция была возрождена буквально из пепла, что дало возможность Триадам проникнуть в её ряды вместе с набором добровольцев. Вскоре коррупция распространилась во все подразделения гонконгской полиции.

Когда Китай в 1947 году пал перед Мао Цзедунем, Гонконг открыл свои границы беженцам. Три четверти миллиона людей — в том числе из Триад — въехало в колонию в поисках спасения. Сегодня Гонконг служит убежищем пятидесяти

Триадам. Ни один из их трёхсот тысяч их членов не собирается остаться в Гонконге, когда тот отойдёт в 1997 году к Китаю.

Чан был тем самым копом, который избавил Ванкувер от Пяти Драконов.

В 1973 году начальник полиции Петер Гоблер убежал в Англию из Гонконга, чтобы избежать расправы. Его последующие разоблачения послужили поводом для Независимой Комиссии по Коррупции расследовать взяточничество в среде ГКП. Пятьсот дел было открыто в течение года, включая тех пятерых копов из Анти-Триадного Бюро, которые были членами Триады 14К. Сотни миллионов долларов взяток поступили на их счета в банке.

В ноябре 1974 года эти пятеро сбежали в Ванкувер. Их «Корпорация Пяти Драконов» приобрела отдельное здание под офис стоимостью 60 миллионов долларов. Луи Лок, их руководитель, был известен, как «человек шестисот миллионов долларов». Эта цифра приписывалась его нелегальному капиталу. Когда Чан приехал в Ванкувер, Пять Драконов ускользнули на Тайвань, долгое время служивший убежищем сорока миллионерам, экс-гонконгским копам.

В январе 1983 года примкнувшие к Северо-Американской Триаде встретились в колонии. КККП узнала о встрече через свою азиатскую агентуру и службу криминальной разведки. Через несколько недель активы Триады стали перемещаться в Ванкувер, деньги отмывались, превращаясь в местное недвижимое имущество. Неужели город был избран в качестве будущей базы Тριάд?

Больше всего Чана тревожило наличие шпиона в составе Сил. Это мог быть любой из недавнего набора среди азиатов. Триады подтачивали ГКП изнутри, подчиняясь закону до тех пор, пока он служил им.

Шпион, следящий для Кванов за ДеКлерком, придерживался такой же тактики.

Не стояла ли за Триадами «Фанквань Чжу»?

10:01 пополудни

Конные были закрытым кланом.

Они собрались в кабинете ДеКлерка — ДеКлерк, Мак-Дугал, Чан, Чандлер и Авакомович — там они и стояли отдельной группой

пой, лицом к коллегам. Дело судей распирилось, затронув интерес Кванов к Виндиго-Маунтин. Теперь было так много взаимосвязей, что их схема напоминала карту дорог. Несколько раньше Чан осмотрел комнату на предмет «жучков» и присоединил «молоточки» к стёклам, чтобы обезвредить лазерные вибрационные микрофоны. Оборудование, которое Кваны использовали до сих пор — «Вальтер», подальное письмо, устройство для вскрытия замка, «Мини-Узи», «Глок-17» — все они были произведениями искусства. Дальше по коридору двое охранников наблюдали за закрытыми дверями.

— Как Кэрол? — спросил ДеКлерк.

— Пуля задела кость. Должно быть, тут не обошлось без Святого Павла.

— А как ты?

— Одна-две царапины. — Его руки были перевязаны, а одежда порвана. Его взгляд пылал с того момента, как он прочёл распечатку о семье Кванов.

Каждый воспользовался паузой, чтобы оглядеть коллег. Наконец ДеКлерк сказал:

— Так вот что мы имеем. Мэрдок, Максвелл и Дэниэлс были убиты, чтобы Кван смог иммигрировать в страну. В прошлом он мог приезжать и уезжать под вымышленным именем, но он не мог здесь остаться навсегда. После смерти людей, имевших отношение к его депортации, это стало теперь возможным.

— У меня вопрос, — сказал Мак-Дугал, показывая на фотографию запачканного кровью стола. — Если Максвелл был подкуплен, чтобы отклонить депортацию, почему он отсрочил её вместо того, чтобы отменить вообще?

— Дэниэлс была слишком сильным свидетелем, — сказал Чандлер. — Стоило пренебречь её обвинением, как неминуемо возникли бы вопросы. Кванам же нужно было получить второе пристанище так, чтобы комар носа не подточил.

— Семья заглядывала далеко вперёд, — дополнил Чан. — Они послали его за границу на десять лет. В 1978 году было достаточно подкупа, но десятилетием позже он был вынужден вырвать листы из дела. К тому моменту *судье* Максвеллу было что терять.

ДеКлерк показал страницы из дневника Мэрдока. — Во время депортации Мэрдок вылетал в Гонконг, чтобы посоветоваться с Кваном Кок-су. Кван Кок-су и Эван каким-то образом связаны между собой. Идентификация Эвана — ключ к убийствам.

Авакомович подошёл к коллеге. Он прикоснулся к рисунку Паркера, изображавшему Жёлтый Череп. — Эван изучал молекулярную антропологию вместе с Дэниэльс. Теория Роберта относительно Блэйка вызвала у него интерес. До того Виндиго-Маунтин была просто глыбой льда. Теперь Кваны ищут возможность исследовать пик. Они не получили разрешения на исследования, но всё равно послали вертолёт. Это выяснилось сегодня утром.

— Все полёты в и из Альберты запрещены, — сказал Мак-Дугал. — Бюро погоды предсказывают, что Скалистые горы будут закрыты ещё неделю. Если вертолёт добрался до горы, они замёрзнут насмерть.

— Кто-то из состава Сил послал мою карту этого района в Азию, — сказал ДеКлерк. — Она вернулась к нам через Пекин. Китайская полиция хочет получить информацию о Кване Кок-су. Позапрошлой ночью кто-то выкрал «Журнал Паркера» из моего дома. Прошлой ночью трое панков-азиатов пришли за мной.

— Мне так и не удалось связаться с министром Ци, — сказал Чан. — И никто там не уполномочен вести переговоры от его имени. Запрос Ци, похоже, является личным.

— Если Мэрдок, Максвелл и Дэниэльс были убиты ради того, чтобы Эван смог въехать в страну, — спросил Чандлер, — то в чём состоит его интерес к Виндиго-Маунтину?

— «Фанквань Чжу» перестраивается, — сказал Чан. — Быть может, пришло время убрать преграды на пути у Эвана. Слово Пекина значит в колонии всё больше с каждым днём. Если компания — Триада, преследуемая Гон Ан Чжу, то теперь самое время ей убираться оттуда.

— Мартин и Лотос были в отеле, когда был застрелен Мэрдок. Не было ли там Эвана, — спросил Мак-Дугал, — под вымышленным именем?

— Триады убивают, чтобы сохранить «лицо», чтобы посеять страх и чтобы заставить замолчать свидетелей, — сказал Чан. — Если Эван — психопат, то это — гремучая смесь. Возможно, он превысил полномочия, совершая эти преступления.

— Я должен был бы задать Дэниэльс ещё два вопроса, — сказал Чандлер. — Кто написал второе психиатрическое заключение о Кване? И какой ритуал он исполнял в лаборатории?

— Эрик, — сказал ДеКлерк, поворачиваясь к Чану. — Этот шпион в наших рядах должен быть найден. А пока, постарайся

добраться до министра Ци. Почему Кван Кок-су интересует Гон Ан Чжу?

— Джек, — сказал он, глядя на Мак-Дугала. — Найди вертолёт и обыщи экспедицию.

— Джо, — сказал он Авакомовичу. — Проследи связь Виндиго-Маунтин с делом Кванов. Как только погода наладится, мы высадимся на вершине.

— Цинк, — обратился он к Чандлеру. — Пакуй свой багаж. Следующим рейсом ты вылетаешь в Гонконг.

Часть третья

**Лимбическая
система**

*Когда я к счастью начал путь,
Лишь пара пенсов в кошельке имела у меня,
И я подолгу мог смотреть на вещи,
Что купить нельзя.*

*Теперь другие времена: и стоит захотеть,
Любую вещь могу купить;
И пенсы здесь, и вещи здесь,
Куда же юноша исчез?*

А Е Хаусман

БЛАГОУХАЮЩАЯ ГАВАНЬ

Коулун, Гонконг

воскресенье, 22 марта, 11 50 утра

Гонконг оглушил его, словно кувалда в руках Арнольда Шварценегера.

С того мгновения, как «Боинг-747» пророкотал мимо отдельных домов, теснящихся вдоль взлётно-посадочной полосы аэропорта Каи-Так, с бельём, развевающимся на бамбуковых пестях так, что оно едва не задевало за крылья, с лицами людей внутри квартир, проносающимися так близко, что Цинк видел их родинки, его органы чувств были перегружены. За аэропортом жара и влажность заставили его одежду прилипнуть к телу, словно он распахнул дверцу сушильной центрифуги до того, как завершился её цикл. На древнем холме Гонконг-Айленд и здесь, на другом конце гавани, в улье Коулун, половина из шести миллионов людей жила на площади меньше девяти квадратных футов на человека. Набитые по семь человек в комнату в одном из самых густонаселённых мест Земли, они буквально не смогли бы все одновременно выйти на улицы. Сидя в полицейской машине, ползущей на юг, Чандлер был убеждён, что этим утром они решили совершить попытку сделать это. Натан-роуд, спинной хребет Коулун, который называли ещё «Золотой милей», потому что здесь опустошались кошёлки туристов, считался одним из самых широких проспектов колонии. Локоть к локтю и бампер к бамперу, улица была запружена недружелюбно настроенными участниками уличного движения; пешеходы толкали друг друга локтями, в то время как двухэтажные автобусы извергали

выхлопные газы и сражались за пространство с семнадцатью тысячами такси. Гудящие сигналы и визжащие тормоза дополняли общий гам, хаос и увеличивали ощущение стресса. Слева от него в машину заглядывал «Марлборо-мэн», держа в руках сигареты в картонной пачке. Рыба строила ему глазки из аквариума, стоящего справа; туда помпой подкачивался воздух, чтобы сохранить её в свежем состоянии до тех пор, пока она не будет выбрана в меню. Лес из стекла и стали тянулся вдоль дороги, пневматические копры на дюжине строительных площадок вколачивали сваи для дополнительного строительства. По раскачивающимся бамбуковым мосткам, накрытым сетками, люди-пауки взбирались на шестидесятиэтажные небоскрёбы, вздымающиеся над головой. Темпы строительства были такими бешеными, что исчезли не только все старые колониальные здания, но и мало что осталось от 50-х годов. Человеческий поток на Натан-роуд возрос в два раза. Даже эскалаторы, спускающиеся к движущемуся тротуару, неслись со скоростью, превышающей в два раза скорость эскалаторов где-либо ещё. Под неоновыми вывесками, навешанными по десять штук друг над другом, изделия из золота, нефрита, бриллианты, слоновая кость, наручные часы, камеры, топоры, ковры, свечи, полотняные ткани, шелка, хлопчатые изделия, столы, детские кроватки, кормушки, клетки для птиц, чашки, картины и всё, что могли бы купить три миллиона туристов — всё было выставлено на продажу. Уличные торговцы заполняли каждый укромный уголок и любую щель, размахивая теннисками, плюшевыми щенками, эротическими резными фигурками и жареными цыплячьими ножками. Улицы за пределами Натан-роуд каждая имела свою специализацию. На некоторых было вполне достаточно портных, чтобы одеть весь мир, другие специализировались на разведении птиц, женшине или змеином яде. Бары «Алые губки» и «Задранные юбки» служили обнажённой по пояс толпе. Птичьи рынки Гон Лока продавали какаду, длиннохвостых попугаев, дроздов и зябликов. Во всех ресторанах имелись крючки под потолком, на которые вешались клетки с птицами, чтобы хозяева могли проветривать их, показывать их, сравнивать, слушать, как они поют. Куда бы ни глянул Цинк, везде что-нибудь привлекало его внимание. Японские туристы следовали за своими гидами, окрики которых разносился над воловьими рогами. Туши забитых свиней были развешаны вдоль тротуара. Каллиграфы и предсказатели будущего оживлённо торговали предметами своего ремесла. Шипение оладий на жаровнях присоединялось к запаху

солений. Бизнесмены у телефонов заканчивали свои дела, пока они готовились. Движение было левосторонним, так же, как и в Британии. Переходы были обозначены точно так же, как и на покрытии Абби-роуд. Дизель, выплонувший в воздух клубы гари, напомнил ему Лондон. Затем, когда машина приблизилась к последней примете старого Гонконга — сложенной из кирпича и камня Клок-Тауэр, отмечающей самый восточный филиал «Восточного Экспресса», едкий запах ладана ударил ему в ноздри.

Свернув с Натан-роуд, машина остановилась у красной двери.

Сандаловые веточки горели в маленькой часовне рядом со входом.

Надпись на китайском языке гласила: «РЕСТОРАН ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА ФАНКВАНЬ ЧЖУ».

Места, подобные этому, обозначают китайским словом «ренао» — «жаркое и шумное». Похожий на пещеру зал был наполнен гомоном от постукивающих палочек для еды, переплетающихся голосов, и экзотическими ароматами. Для китайцев еда это религия, а ресторан — её храм. Преуспевание ресторана измеряется тем, сколько людей набито в нём, хозяйка держится так, словно она — пра-прабабка «деток», толпящихся за каждым столом. В обрамлении золотых змей, обвинившихся вокруг красных колонн, между семейными группами носятся хохочущие дети. Цинк едва протиснулся к единственному свободному стулу.

Китайская кухня — это воистину рок. Конфуций сказал: «Наслаждение едой — первейшее из удовольствий», к чему были прибавлены последующие каноны: «Если у *этого* имеется четыре ноги, и *это* — не стол, то его можно есть», и ещё: «Если спина *этого* смотрит в Небеса, значит, его можно есть».

Китайские блюда — это женская кухня. Ничего не идет в отходы, порождая такие блюда, как утиные лапки, птичьи клювы, и рыбы губы с глазами. «Бой дракона с тигром» — это кошка со змеей. «Три визга» — так называют звук, когда палочками для еды скребут по крысиному зародышу. «То, из чего готовят еду, считается свежим, если не истек день», поэтому Цинк прошёл мимо столов, на которых была сервирована рыба, разрезанная так, что её сердце ещё билось. Когда готовится утка по-пекински, уток сначала не убивают. Их запирают в железных клетках над углями жаровни. Когда жар увеличивается, испытывающее жажду пернатое поят из сосудов вином, мёдом, солодом и имбирным пивом. Когда птица издыхает, её разрезают и выкладывали на подносе, и лишь затем жарят.

Мозг обезьяны, выковыриваемый ложечкой прямо из черепа живого животного, это истинно китайский деликатес. Британцы, большие любители собак, запретили употреблять в пищу собачатину, поэтому это делают втайне. Китайские повара изобрели «пьяных креветок». Поданные живыми и помещёнными в стеклянный сосуд, накрытый крышкой, они заливаются красным вином через отверстие в крышке. Креветки начинают прыгать, образуя колеблющуюся массу, после чего их извлекают ложкой и бросают в кипящий суп.

Мужчина, сидевший лицом к свободному стулу, наслаждался тысячелетним яйцом. Не так давно один канадский писатель, отведавший этого деликатеса, умер из-за костного грибка, который съел его скелет. Цинк не думал, что такой конец его устраивает.

— Дэвид Онг, — сказал мужчина, кладя руки на скатерть.

— Цинк Чандлер, — сказал конный, отвечая на рукопожатие. Его стул стоял спинкой к двери. Этикет бедных азиатов.

— Прошу прощения, что не встретил вас в аэропорту, как собирался. Сан Йе Он и Во Хоп То слегка поспорили. Аргумент был вылинен на улице, прямо посреди уличного движения. Я провёл целую ночь, занимаясь этим делом. то, что от него осталось, выглядело примерно так, как то, что сейчас передо мной. Триады не любят терять деньги и лицо. Лучше мне понаблюдать за дверью. Пригнитесь, если я крикну.

Чандлер почувствовал, что у него начинается несварение желудка.

Суперинтендант Дэвид Онг был «твёрдым орешком», противостоящим Триадам в королевской гонконгской полиции. Его свежесбранный череп и испещрённое оспинами лицо венчали грузное тело с приличным брюшком. Он оскалил зубы, жемчужно-белые, с оттенком слоновой кости на резцах, поскольку он только что расправился с яйцом. Голубой, цвета морской волны, его костюм был сшит из лучшего материала, изготавливаемого на Вин-Он-стрит. Внимание Цинка привлекло к себе нефритовое кольцо на его указательном пальце.

— Мо, — сказал Онг, сжав кулак в соответствии с требованиями кун-фу. — Бог войны и боевых искусств. Покровитель полицейских и всех тех, кто ненавидит негодяев.

— Покровитель мёртвых, — сказал Цинк, мельком взглянув на его кольцо. На нём была выгравирована птица со стрелой в груди.

— Я забронировал вам номер в отеле «Блекфрайерс». В вашем факсе было сказано «старающийся скрыть бедность». Происшед-

шее прошлой ночью сократило время до предела. Я сделал для вас заказ. Вот уже и несут.

Официант поставил блюдо между мужчинами. Сменив свои палочки для еды, Онг поухаживал за Цинком. — «Еда — это лекарство. Лекарство — это еда», — перевёл он китайские иероглифы, нанесённые на тарелку. Совершив круговое движение палочками, Онг отправил кусочек в рот.

Аппетитный с виду кусок захрустел у Цинка на зубах.

— Особый вид чёрных муравьёв из северо-восточного Китая, — произнёс азиат. — Запечённый в масле вместе с семенами кунжута. Муравьи предотвращают артрит.

Подали следующее блюдо.

— Пёстрые змеи, нарезанные ломтиками, — сказал он, ухаживая за своим гостем. — Змеи улучшают кровообразование, разгоняют газы, лечат ревматизм.

И это обед? — подумал Цинк, наблюдая за тем, как удаляется официант. Ему хотелось, чтобы сюда ворвались боевики Триада. Он имел бы предлог, чтобы сбежать.

Когда к столу приблизилась медвежья лапа, облитая коричневым соусом, его адамово яблоко застряло в горле.

Онг был предупредителен, в высшей степени любезен, полон гостеприимства; он, казалось, не обращал на это смятение никакого внимания. Затем расхохотался. — Достаточно, — сказал он, прося принести им основное блюдо.

Чандлер улыбнулся.

— Лёд тронулся, — сказал он. Затем, ввиду того, что люди подвергались подобным тестам в течение тысячелетий, он захватил палочками и съел еще одного муравья.

Они отобедали перепёлкой (полезно для лёгких), олениной в ананасном соусе (мышцы и почки) и охлаждённым рисом пополам с ячменём (общее здоровье). Всё это они осадили вниз женьшеневым напитком.

— У нас нет никаких записей о Эване Кване. Ни свидетельства о рождении, ни паспорта, ни каких-либо других документов. Вы уверены, что кто-либо с таким именем проживает в колонии? — сказал Онг.

Чандлер кивнул.

— Мы пытались депортировать его в 1978 году. Из наших материалов кто-то вырвал листы на прошлой неделе, уничтожив все следы.

Онг держал чашку с рисом у самого подбородка и поглощал её содержимое. — Кван Кок-су — совершенно другое дело. Он один из самых преуспевающих людей в сегодняшнем Гонконге.

Азиат указал на стену в дальнем конце комнаты. Китайские иероглифы и даосийские символы покрывали её от пола до потолка.

— *Зонг ну* Кванов. Его родовое древо. Его линия тянется в прошлое на два тысячелетия, ко двору Цинь Шихуань. Цинь объединили Китай и построили Великую стену. Кваны служили императорскому трону до 1911 года.

— Без перерывов? Всё это время?

— Цинь, Хань, Суй, Тань, монголы, Минь, манчжуры — они пережили их всех. Цинь Шихуань боялся смерти. Кваны собирали травы со всего мира. Цинь поручил им найти эликсир бессмертия.

Поставив чашку с рисом, Онг вытянул руки. — Долголетие всегда было специализацией Кванов.

— Каждый жаждет долголетия, а?

— А вы, инспектор, разве нет?

Из своего пиджака Онг извлёк портсигар, сделанный из раковины-жемчужницы. Отодвинув тарелку, предложил Цинку закурить. Когда Цинк отказался, щёлкнул дорогой зажигалкой. Говоря, он размахивал в воздухе сигаретой.

— После того как последний император в 1911 году был свергнут, Кваны служили гоминдану Сунь Ят-сена и Чан Кай-ши. В 1945 году они бежали от коммунистических отрядов и недалеко отсюда нарвались на засаду патруля Красной Армии. Отец Квана, его мать, жена и сын были убиты во время нападения. Только он и его старший сын добрались до колонии.

Цинк вытащил блокнот, делая пометки, пока Онг говорил.

— Кваны прибыли сюда, не имея ничего, кроме своего *зонг ну*. Они воспользовались своей славой императорских фармацевтов, чтобы построить этот ресторан. Каждое блюдо лечит какую-нибудь болезнь.

— В каком году? — спросил Цинк.

— В 1946. Десятилетием позже была создана «Фанквань Чжу Фармасьютикал». К тому времени сын Квана сменил своё имя на «Стивен Кван». Азиатское отделение здесь) закупало лекарственные растения, а он тем временем изучал западную медицинскую технику. Сегодня компания делает миллионы на обоих рынках.

Официант убрал со стола и принёс чай.

— В 1960 году Стивен женился на беженке с Большой земли. В следующем году она родила Лотос Кван. Мартин, единственный сын, родился в 1962 году. В семье нет никакого Эвана Квана.

Суперинтендант протянул конному свидетельство о рождении.

— Лотос родилась здесь. Мартин — в Канаде.

Дым клубился над ними, словно туман над вершиной весной. Цинку пришлось вдыхать запах обезьяны при расследовании дела Вурдалака. Каждое дуновение ветерка со стороны наводило его на мысль о наркотиках.

— Трагедия разыгралась над Кваном Кок-су в 1963 году. Стивен и его жена были взорваны здесь, в колонии. Мина была подложена в их «Роллс-Ройс».

— Кто-нибудь был обвинён?

Онг покачал головой.

— Должно быть, это было напоминание им о Триадах. Или конкурент, сводящий счёты с их компанией. К тому моменту они построили огромную фабрику в Коулуне.

Кван обвинил в смерти Стивена коммунистов. После 1949 года их семья была обвинена в контрреволюционной деятельности. «Верные гонимые псы и их прислужники», припоминаете? Кван думал, что красные собираются с ним расправиться. Он не покидал территории фабрики в течение двадцати четырёх лет. Он живёт словно отшельник в своей келье.

— Он продолжает управлять компанией?

— Уже нет. Квану уже более восьмидесяти лет и у него слабое здоровье. Удача отвернулась от него после Вьетнама. Он продавал лекарства и янки, и Ханюю. Американцы ненавидят его, но здесь его уважают за деловую сметку.

— Внуки подхватили дела после него?

— Да, — сказал Онг. — Они выросли на фабрике. Запертые вместе со стариком, они воспитывались частным образом и одновременно изучали торговлю. Кван боялся, как бы красные не расправились и с ними тоже, поэтому ни один из них не делал и шага наружу, пока они не выросли.

— Может компания быть форпостом Триады?

— Если бы это было так, я бы знал.

Онг смял свою сигарету и закурил ещё одну. — Триады сражались с императором, в то время как Кваны преуспевали, служа при его дворе. Триады разлагали нас, в то время как Кваны богатели, продавая разрешённые лекарства. Даосийская медицина служит

миллионам людей. А это всего лишь *половина* их деятельности на мировом рынке.

Обедающие за соседним столиком ели сову. Её клюв лежал на тарелке в качестве гарнира.

— Каким образом употребление в пищу диких животных продлевает жизнь?

— Чтобы понять это, нужно проникнуться даосийскими верованиями.

Онг провёл мундштуком сигареты по губам, словно иллюстрируя сказанное.

— Всё в этой жизни должно поддерживать равновесие между инь и янь. Это относится и к нашему телу, если мы хотим иметь крепкое здоровье. Отсутствие равновесия вызывает болезни, ведущие к смерти.

Инь представляет отрицательную сторону всего вокруг. Инь — холодное, неосоздаемое, сжимающееся, тёмное, несущее в себе женское начало. Янь — горячее, грузное, расширяющееся, светлое, несущее в себе мужское начало. Поскольку смерть — это сжатие, а жизнь — расширение, то серьёзное заболевание — это движение от янь к инь. Даосийские лекарства действуют таким образом, чтобы сохранить равновесие.

Мундштук замер по центру его рта.

— Наши тела пронизаны потоками энергии. Эти «меридианы» берут своё начало на отдельных органах и заканчиваются на поверхности кожи. Чи — энергия жизни — циркулирует по этим путям. Когда инь и янь пребывают в равновесии, чи протекает свободно. Когда гармония между ними нарушается, наступает смерть. Заболевание указывает на нарушение равновесия.

Вы когда-нибудь пользовались акупунктурой?

— Нет, — сказал Цинк.

— Иглы для акупунктуры стимулируют эти пути. Лекарства же проходят по ним, достигая таким образом внутренних органов. Пути, переносящие лекарства, воздействуют на всё тело. Найти равновесие — значит найти Путь. Путь — или Дао — это закон, по которому протекает жизнь.

Официант принёс им замороженные фрукты. Цинку никак не удавалось поддевать выскальзывающий фрукт палочками. В конце концов он варварски проткнул его.

— Старение ведёт к смерти, поскольку это соответствует сжимающему влиянию инь. Долголетие — это продление жизни, сле-

довательно, оно воплощает в себе распирение янь. Действие инь покрывается влиянием янь. А значит, при правильно подобранных янь-лекарствах жизнь удлинится.

Цинк нанизал очередной фрукт и отправил его в рот. — Я хочу повидаться с Кваном Кок-су. Можно это организовать?

— Возможно. Это зависит от состояния его здоровья.

— Оуу! — вскрикнул Цинк, подскочив на стуле. — Чёрт побери! — вырутался он, выплёвывая половинку зуба. Сок с кушанья упал на его ладонь.

— Вы...

— Ох! Нерв обнажился.

— Я отведу вас к своему дантисту. — Онг блеснул своими жемчужно-белыми зубами.

Мне ещё нет и сорока, подумал Цинк, а я уже рассыпаюсь на части.

Рыба, толстая, длиной в пять футов, имела плоские плавники и квадратную зубатую пасть. Она лежала на ледяном ложе на серебряном подносе. Не изменившаяся за шестьдесят миллионов лет, она именовалась ихтиологами «живым ископаемым». Мужчина в кресле на колёсах также являлся ископаемым. За рыбу он уплатил королевскую цену. Если повезет, спинной мозг целаканта продлит ему жизнь.

Они находились в отдельной комнате ресторана. Здесь прислуживали специальные официанты. Кван воткнул в спину рыбы серебряную трубочку. — Сосите, — сказал он старику на кантонском наречии. Калека принялся глотать, когда в дверь постучали.

Кван извинился и оставил своего патрона за его трапезой.

Несколько минут спустя он подошел к Цинку.

— Мне сказали, что вы понесли некоторый урон от нашей кухни.

Цинк обратил внимание на безупречный костюм и выгнутые, словно лук Купидона, губы.

— Не смог бы ваш дантист уделить мне внимание?

Азиат вручил Цинку визитную карточку и покинул ресторан.

Имя на карточке было «Мартин Кван».

МЕДИЦИНА, КОТОРАЯ УБИВАЕТ

3:10 пополудни

Когда Новые Территории отошли в 1898 году к Британии, Китай исключил Воллд-Сити из списка. В те дни участок Коулуна был ничейной землёй, на которой пятьдесят тысяч бедняков жили в лабиринте убогих жилищ и улочек шириной в четыре фута, открытых всем ветрам. Департаменту здравоохранения колонии и лицензионным законам не было никакого дела до этого места, так же, как и полиции, которая даже не побеспокоилась, чтобы держать здесь патруль. Самозванные дантисты и торговцы снадобьями наживались в открытую, в то время как измождённые несчастные зарабатывали себе крохи на жизнь, торгуя искусственными цветами, подмётками для ботинок, хозяйственными мелочами и куклами. Крысы человеческой породы и настоящие крысы существовали здесь бок о бок.

Фармацевтический комплекс вблизи Воллд-Сити также был окружён чужой территорией. Когда «Роллс-Ройс» с водителем приблизился к его кирпичной стене, заострённый шпиль на его верхушке блеснул на солнце. Машина была проверена системой безопасности периметра; установленные на земле микрофоны восприняли записанный внутри неё голос Мартина, а компьютер сравнил его с информацией, хранящейся в его файлах. Прежде чем охрана открыла с помощью электроники наружные ворота, чувствительные датчики убедились в отсутствии взрывчатки или

приглушенного дыхания. Получив разрешение, лимузин въехал на территорию комплекса.

Внутри «Ролс» миновал гидропонную ферму и подкатил к парку, расположенному между госпиталем и Внутренним Святилищем. Мартин запросил у системы безопасности разрешения на вход в здание (глазной идентификатор слитил рисунок капилляров на радужной ободочке его глаз, идентимат измерил геометрию его рук), затем направился к Залу Предков Кванов.

Входные ворота зала охранялись вооружёнными охранниками, красная дверь была заперта девятью запорами. Вторые ворота, по бокам которых стояли каменные драконы, вели в расположенный внутри двор. В Комнате Поющей Радости, расположенной по другую сторону двора, за столом сидел Чанг Чонг, листая документы. Одетый, как и Глава, в стиле девятнадцатого столетия, с усами, свисающими двумя тонкими прядями, он занимался тем, что уничтожал все следы упоминания о людях, использованных для испытаний ГСПК. Когда Мартин подошёл, старик отложил перо.

— Как он?

— Спит. Врачи находятся при нём.

— Донорский банк хорошо снабжается? Дополнительные части прибыли сегодня утром. Змеиные головы привели также новую элму янь.

— Глава был бы доволен, — сказал Мартин. — Скажи ему, что ещё одна экспедиция вскоре отправится в Канаду. В случае удачи он получит свой Янь Бессмертия.

Позади третьих ворот проход шёл между двух сосен к Жертвенному Алтарю, за которым располагалась Гробница Предков. Когда Мартин нажал на кнопку, открывающую люк в полу, изнутри донёсся хихикающий смех.

При свете светильников он спустился по каменным ступенькам в Яму, затем подземным туннелем прошёл к Лаборатории. Набрав нужный код и открыв дверь, скрывающую исследовательский центр, он вошёл в помещение напротив криогенного холодильника. Стены металлического помещения были покрыты конденсатом, голубоватый свет мерцал за тройными глазурованными стёклами. Внутри, в контейнерах, висела сотня обнажённых тел, окутанные клубящимся туманом, замороженные каждое в отдельности жидким азотом. В меньших контейнерах хранилось столько же голов, отрезанных от тел, для будущего использования. Плата для ожидающих воскрешения составила пять миллионов долларов.

Справа от Мартина проводились последние испытания ГСПК. — И как? — спросил он, входя в лабораторию.

Китаец в белом халате с клавиатурой в руке смотрел сквозь стекло, пропускающее свет только в одну сторону. Его лицо было обезображено пурпурным родимым пятном. За стеклом висели, подвешенные за запястья, пятеро обнажённых мужчин. Они сидели на велотренажёрах, бешено крутя педали. Сиденья тренажёров имели проводочные чехлы с электрическими проводами, уходящими к стене, охватывающие их гениталии. К коже каждого из мужчин были прикреплены электроды. На лице каждого была маска с фильтрами и микрофонами.

— Слева направо доза каждой инъекции увеличивалась вдвое. В основание черепа введены иглы для внутричерепных тестов.

Лабораторный Халат выделили область на экране.

— Обмен веществ каждого из мужчин отлеживается компьютером, чтобы заставить их тратить калории с одной и той же скоростью. Тот, кто крутит педали слишком быстро или слишком медленно, получает разряд тока. Пока результаты совпадают с полученными на крысах.

Ниже стекла располагалось пять стоек с цифровым оборудованием. Каждая была оборудована стереодинамиками и видеоскраном. — Может, посмотрим, как они поживают? — спросил Лабораторный Халат.

Он увеличил громкость динамика, принадлежащего объекту слева. Комната наполнилась звуками тяжёлого дыхания и слабых стонов. — Низкая доза. Мозг холодный. Очень слабое омоложение. — Он записал данные с монитора.

Следующая группа динамиков издала рыдания. — Более высокая доза. Температура мозга несколько выше. Заметные изменения. Перебои в работе сердца, дыхание глубокое, количество белых кровяных телец увеличенно.

Крик третьего объекта заставил волосы на затылке у Мартина встать дыбом. Что бы препарат ни сотворил с мозгом этого мужчины, его метаболизм действительно был многообещающим. Однако после блокировки ГСПК они снова возвращались во власть времени.

— Насколько он моложе? — спросил бизнесмен.

— Судя по этим кривым, — примерно на десять лет. Только молодой организм может выдержать такой стресс.

Внезапно за стеклом начались судороги. Крайний справа мужчина прекратил крутить педали. Из области его паха полетели иск-

ры и повалил серый дым. Его тело дико дёргалось, пока он бился в своих цепях. Сердце у него, казалось, готово было вырваться из груди.

Когда из носа мужчины хлынула кровь, Лабораторный Халат включил его динамик. Единственным звуком было странное шипение.

— Перегрузка, — сказал учёный. — Его голосовые связки порвались. Без достаточного количества ГСПК он сжег свой мозг.

Теперь начались проблемы у мужчины второго справа. Его генитации вспыхнули, а из его динамика раздалось невнятное завывание. Обе ноги его дёргались, как у лягушки, через которую пропускают ток.

— Видите, как возрастает у него скорость обмена веществ? Этот объект сбросил двадцать лет. Блокирование ГСПК позволяет клеткам полностью использовать триоксин — другой гормон, вырабатываемый гипофизом. Триоксин способствует сжиганию калорий, поднимая температуру мозга. Резкое возвращение в юность является побочным эффектом. Сердце, лёгкие, иммунная система омолаживаются.

Крайний справа мужчина безвольно повис на своих цепях. Его монитор показал, что он мёртв. Следующий от него мужчина весь содрогался при каждом ударе сердца в груди. Кривые на его мониторе прыгнули круто вверх, затем опустились вниз. Вой в его динамиках перешёл в бульканье.

— Что дальше? — спросил Мартин.

— Поиски ДНК. Блокирования ГСПК не достаточно. Чтобы продавать молодость, нам нужен суперген.

Мартин покинул комнату наблюдений, когда умер третий мужчина. Коридор справа от него вёл к двойным дверям. Снова его ладонь была проверена идентификатором, затем двери отворились, словно тюремные ворота.

Донорская ферма являла собой картину исправительного дома. Вокруг открытой центральной площадки располагались рядами камеры, каждая из которых служила жильём для одного из беженцев, которого «змеиные головы» контрабандой привезли сюда. Группа врачей двигалась от камеры к камере, подыскивая того, кто станет донором для сына калифорнийца. У мальчика Джексона риск отторжения был невелик, поэтому сердце и почки могли быть взяты от нескольких доноров. Мартина раздражало их патетическое хныканье.

Рядом со стальными воротами располагалась изолированная камера. Табличка рядом с глазком гласила: «Клетка эльмы». Внутри Мартин увидел существо, которое выглядело как обезьяна, свернувшаяся клубком на полу. Его руки были длинными, плечи очень широкими, колени — полусогнутыми. Примат ростом в пять футов был покрыт красноватыми волосами.

Пока он наблюдал за ним, существо встрепенулось.

Продолговатые челюсти и плоские брови повернулись по направлению к двери.

Голова имела коническую форму.

Лицо было человеческим.

ИЗБЕЖАТЬ ВЛАСТИ ВРЕМЕНИ

Ванкувер

воскресенье, 22 марта, 6:10 пополудни

Он постучал в дверь плавучего дома и подождал под дождем. Под его ногами палуба поднималась и опускалась вместе с волнами, с воды доносилось завывание противотуманных сирен. В воздухе висел острый запах чилийской кухни.

— Будь это даже столь низменным... — сказал Джозеф, приглашая Роберта войти. Его палец служил закладкой в «Последнем деле» Трента.

— Замечательный аромат, — сказал ДеКлерк, без всякой уверенности в голосе. Кулинарные способности русского были весьма спорными.

— Теперь я увлекаюсь горячей кухней. Рут — она снимает соседнюю каюту — безработная. Я помог ей найти крышу над головой, и она подкармливает меня. Сегодняшний вечер посвятим Чили. Корона? — спросил Джо.

Роберт сбросил свой плащ и повесил у двери. Газовая плитка нагрела комнату, голос Билли Холидея манил за собой. Рядом с креслом для чтения Джо лежала наполовину завершённая зигзагообразная головоломка, слова её кроссворда не были завершены.

Две головоломки в одной, подумал он, заметив книги на ручке кресла.

Джо появился из кухни с откупоренными бутылками пива. В горлышко каждой из бутылок было вставлено по веточке липового цвета.

— Так что с ними? — спросил Роберт, кивнув в сторону кресла.

— Да уж, — сказал Джо, протягивая ему пиво. — Очаровательные пассажи, оставленные Кванами.

Мак-Дугал в Калгари занимался поисками экспедицию. Погода в Скалистых горах всё ещё не наладилась, делая невозможными любые поиски пропавшего вертолёта. Тем не менее, он нашёл базу экспедиции — мотель между Калгари и Эдмонтоном.

Джек обыскал комнаты в качестве пролога к попытке найти место приземления. Книги лежали под столиком для ма-джонга. Зная об интересе Джо к подобным вещам, он отослал книги ему.

Роберт подошёл к креслу и просмотрел тома. «Большая нога или грудь: справочник криптозоолога» было написано на корешке одной из них. «До сих пор живы? Загадка йети/саскуача» была озаглавлена вторая.

— Думаю, я знаю, чем занимаются Кваны, — сказал Джо. — Карта из Пекина, то, что Дэниэльс сказала Цинку, и эти книги — ключ ко всему. Помнишь Дмитрия?

— Твоего друга на конференции?

— У нас состоялся очень интересный разговор.

Джо поискал на книжной полке позади своего кресла. Он извёк оттуда несколько книг по анатомии, затем показал Роберту иллюстрацию. Это было изображение человеческого мозга, полученное с помощью магнитного резонанса, светло-зелёным цветом было показано поперечное сечение мозга, вид сбоку.

— Спинной мозг, — сказал он, проводя пальцем вдоль хребта. Позвоночник был увенчан полукругом, похожим на пончик, примятый снизу. — Двигательная система, — сказал Джо, — и гипофиз. ГСПК вырабатывается здесь. — Змейку спинного мозга обвинял путаный клубок, похожих на червей нервов.

Били Холидэй приступил к исполнению «Божественной мисс М».

— Первый вопрос, — сказал Джо, — это — «почему мы стареем? Что управляет долголетием?» Кваны считают, что ответ нужно искать в нашем мозге. Вот почему «ГСПК» написано на карте. Изменения в мозгу химически влияют на всё тело, поскольку всё, что находится ниже шеи, это вспомогательные органы. Их вера в то, что ГСПК влияет на возраст, имеет смысл, в свою очередь порождая вопрос: «Что управляет гипофизом?»

Дэниэльс сказала, что Эван думал, будто был суперген, влияющий на возраст. Супергены — это гены, выполняющие функции регулирования и контроля. Гипофиз выделяет гормоны роста, утробного развития и пола, обеспечивая, чтобы ДНК передалась следующему поколению. ГСПК проводит нас через репродуктивный возраст, а затем убивает, когда мы больше не нужны для воспроизводства ДНК. Суперген, управляющий уровнем ГСПК в нашем организме, таким образом, имеет смысл.

Они перешли на камбуз, чтобы перемешать чилийское блюдо.

— Эван считал, что мы унаследовали от Евы дефектный суперген ГСПК. Если бы он смог найти его и выполнить его коррекцию, мы могли бы жить полные сто десять лет вместо семидесяти четырёх.

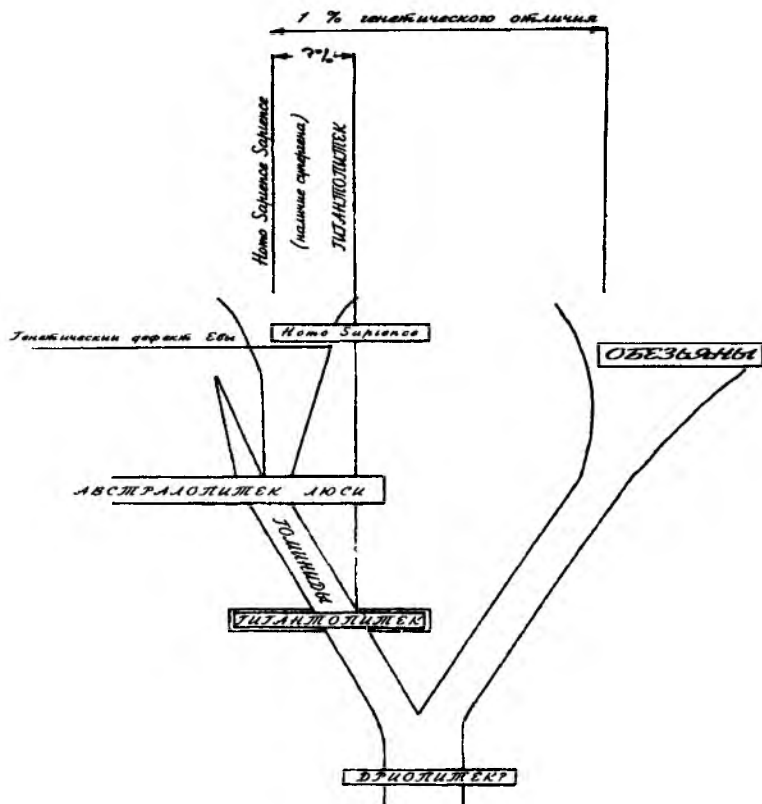
Поиски одного отдельного взятого гена напоминают поиски иголки в стоге сена. Человеческая ДНК имеет сто тысяч генов, только восемьсот из которых идентифицированы. Большинство из них — это гены, вызывающие генетические дефекты, вроде пузырчатой фибромы и мышечной дистрофии. Они были найдены путём сравнения «мутантов» с «нормальной» ДНК — но как можно найти изменённый ген, являющийся обычным для всех?

Они обслужили каждый себя на камбузе и вернулись в гостиную, к столу с двумя лавками в нише одной из стен. Дождь барабанил в окно, солёные волны ударили в борт.

— Наш ближайший живущий сородич — шимпанзе. У него девяносто девять процентов наших генов. От скелета до отдельной клетки оба вида почти идентичны, и то, что делает нас человеком, а его обезьяной, должно содержаться в этом одном проценте. Если этот один процент состоит из регулирующих генов — что вполне вероятно, так как продолжительность жизни обезьян значительно меньше нашей — понимаешь, какую выгоду извлёк бы Эван из ДНК примата *ещё более близкого* к нам? Примата, находящегося на ветви гоминидов, а не в тупиковом ответвлении?

На столе лежал экземпляр «Воынки, крови и славы». Джо открыл его на девятой главе. — Я нарисовал некоторые добавления к твоей диаграмме.

Сравнивая нашу ДНК с ДНК других гоминидов, Эван смог бы выделить мутировавший суперген. Чем ближе родственные отношения между видами, тем точнее его исследования. Если гигантопитек жил на Виндиго-Маунтин, что лучше могло бы сохранить его ДНК? Вершина круглый год покрыта льдом.

— Почему именно гигантопитек? — спросил Роберт. — Любой из гоминидов, предшествующий Еве, подошёл бы.

— Дэниэль сказала, что Эван интересовался работой Сэчера и Каттлера. Они обнаружили, что продолжительность жизни увеличивается от вида к виду в соответствии с увеличением размера мозга по отношению к размерам тела. Чем больше мозг, тем эффективней он заботится о своём теле. Эффективный мозг потребляет совсем мало калорий. Меньшее количество калорий требует меньшего охлаждения. Меньшее охлаждение требует меньшего уровня ГСПК в организме. Более низкий уровень ГСПК означает более медленное старение. Если бы не дефект Евы, то именно это ожидало бы нас.

Джо перевернул несколько страниц в книге Роберта, открыв её на «Журнале Паркера».

— Посмотри на Жёлтый Череп. Его черепная коробка должна была бы вмещать мозг больший, чем у любого из известных приматов. Даже при росте в девять или десять футов отношение размеров мозга к размерам тела должно было бы быть огромным. Вот почему Кваны переполошились из-за твоей книги.

Отлив под ними сменился приливом. Стереоманитофон проигрывал евангелистскую версию «Лестницы Якова».

— Допустим, что Эван находит суперген. Что тогда? — спросил Роберт.

— Генная инженерия вышла из-под контроля. Это революция, сравнимая с расщеплением атома, открытием гравитации и созданием компьютера. Выделения определённых бактерий используется в качестве ферментов, которые вырезают из цепочки ДНК один ген. Лигаза, другой фермент, вклеивает извлечённый таким образом ген в постороннюю цепочку. Полученный гибрид создаёт рекомбинационную ДНК. Помещая ген в бактерию, можно добиться его воспроизведения за несколько часов вместо нескольких поколений при обычных условиях. Если ген в своей родной цепочке создавал какой-либо гормон, то и бактерии, образующие миллиардные колонии, также начинают производить постоянный поток гормона.

— ГСПК *гигантопитека*? — сказал Роберт.

— Или, возможно, гормон, экранирующий его, замедляя старение. Гормон, который мы утратили благодаря Еве.

— Значит, Эван обращается к хорошему гормону и закладывает «Фонтан Молодости»?

— Не обязательно останавливаться на этом, — сказал Джо. — Он мог бы использовать «виндиго»-ген для создания гена вместо нашего дефектного. Поместив его в нашу ДНК, он смог бы переустановить наш биологический порог продолжительности жизни, предоставив нам возможность жить — кто знает? — 969 лет Мафусаила?

— Использовать монстра для создания монстра, — сказал Роберт.

РЕЛИКТОВЫЙ ГОМИНИД

Коулун, Гонконг

понедельник, 23 марта, 10:22 утра

Звук потасовки эхом разносился по подземному коридору, когда элму тащили мимо Ямы и вверх по каменным ступенькам.

Возле люка, ведущего к Жертвенному Алтарю, Голово-рез точил меч для обезглавливания.

Глава был голоден.

Пришло время пожинать янь.

Ванкувер

воскресенье, 22 марта, 6:55 пополудни

— Странно, — сказал ДеКлерк, — что Мэрдок, Максвелл и Дэниэльс умерли, чтобы Кваны могли охотиться на вымерших монстров.

— Вымерших? — сказал Джо. — Быть может, и нет. Вчерашние мифы часто оказываются сегодняшней реальностью.

Конный нахмурился, как бы говоря: «Сколько пива ты выпил до моего прихода?»

В своей биографии Блэйка ДеКлерк написал:

Задолго до того, как испанец Хуан Перез «открыл» Западное Побережье в 1774 году, сюда прибыли люди, которых индейцы называли «пожи-

рателями личинок». В посёлке Чинлак, расположенном вблизи от Вандерхуфа, Британская Колумбия, была открыта китайская монета двенадцатого века, причём в слоях, предшествующих 1730 году. Может, это древние азиатские путешественники принесли с собой Жёлтый Череп, который попал в руки Квакьюлта в результате торговли или войны?

У квакьюлтов был миф, связанный со Скалистыми горами, где, как они верили, в своём призрачном доме жил бог-людоед. Может, они отвезли череп на восток ради какого-то ритуала? Может, именно так он попал к равнинным племенам, а затем к Паркеру?

Поблизости от Пургэтори-Хилл в современной Монтане среди щебня, датируемого миллионом лет, недавно был найден коренной зуб примата. Так что более вероятно, что Жёлтый Череп принадлежал вымершему виду...

Чего он никак не мог допустить, так это того, что этот вид существует и по сей день.

Зачем ломать свои представления без всякой необходимости?

— Мифы — это отражение коллективного заблуждения, — сказал Джо. — Юнг считал, что в них растворено кое-что из нашей психической истории. Сила мифов в том, что фактически легенды рождаются не в разуме отдельно взятого индивидуума, а наследуются вместе с нашей первичной памятью. Мифы — это мысли на чувственном уровне, передающиеся вместе с нашими генами. Вот почему одни и те же мифы присущи различным культурам.

Лодка качалась, а Элвис пел «Я верю».

— Современная антропология размежевала учёных. Тринадцать процентов считает, что «большеног» — не вымерший вид, в то время как двадцать три процента утверждает, что лохнесское чудовище существует на самом деле. Мы продолжаем описывать и классифицировать двадцать новых млекопитающих ежегодно.

— А у тебя есть своё мнение?

Джо кивнул.

— Ну и как бы ты ответил?

— С большим вопросительным знаком. По натуре я скептик. Я едва ли верю, что сам существую. Но в 1958 году Советская Академия признала, что два человекоподобных существа живут в Средней Азии. Оба они обитают на Памире, в Гималаях, Тянь-Шане.

Мой друг Дмитрий прислал мне текст доклада «Комиссии по снежному человеку». Он тебя удивит.

ДеКлерк сложил стопкой книги из комнаты экспедиции.

— Это слишком большой скачок — от костей гигантопитека к тому, чтобы утверждать, что большеног существует. Одинаковые ископаемые останки в Азии ещё не доказывают существование йети.

— Нет, но находка Жёлтого Черепа — это удивительное совпадение. Сперва останки гигантопитека обнаруживаются на «земле йети», а затем похожие кости попадают на территории, якобы облюбованной большеногом.

— В этом нет ничего невозможного, я полагаю. Возьмем, к примеру, целаканта.

В 1938 году учёные думали, что целакант — древняя рыба, эволюционировавшая в амфибию — вымерла шестьдесят миллионов лет назад. Затем капитан Хендрик Гузен, рыбак из Южной Африки, поймал одну у Каморских островов возле Мадагаскара.

То же с гигантской пандой, крошечным гиппопотамом и драконом с Коммодо. Все они были мифами, — сказал Джо, — до тех пор, пока мы не «открыли» их. После чего они перекочевали из криптозоологии в признанную науку. Горная горилла — лучший тому пример.

Белым, путешествовавшим по Руанде, рассказывали об огромном человекоподобном существе, перелетающем по вершинам деревьев, издавая ужасающие крики. Европейцы не обращали на это внимания, считая суеверием чёрных, пока капитан Оскар фон Беринг не вернулся в 1901 году со шкурой горной гориллы.

Было доказано, что «африканский саскуач» является реальностью, — сказал Джо. — Сколько самолётов исчезает ежегодно в местных горах? Таких, которых уже не находят?

— Два-три.

— Идеальное место для реликтового гоминида

— Ты что, разыгрываешь из себя адвоката дьявола? Или ты и сам сейчас веришь в то, что говоришь?

Джо указал на книги, оставленные экспедицией.

— Меня больше интересует, во что верят Кваны.

В «Систематизации природы» (1775 г.) шведский зоолог Карл Линней ввёл современные биологические названия. Он отметил

два подвида человека: гомо сапиенс (нас) и гомо ферус (человека дикого). Он написал свою книгу за семьдесят пять лет до того, как был открыт Неандертальский Человек, в то время, когда не были известны никакие ископаемые останки гоминидов.

В течение столетий дикари и белые утверждали, что волосатое чудовище живёт в диких лесах Северной Америки. В 1784 году «Таймс» сообщила, что такое существо было убито индейцами у Лесного озера. По мере того как европейские поселенцы осваивали прерии, следы «большенога» уходили на запад, к Скалистым горам. Отступление, обычное для теснимой дикой природы.

20 октября 1967 года Роджер Паттерсон ехал верхом в Блафф-Крик-Вэлли на севере Калифорнии. Там он отснял двадцать футов плёнки. Фильм показывает кого-то, кто кажется самкой саскуача ростом в семь футов. При весе около четырёхсот фунтов она покрыта чёрными волосами. Когда фильм был показан специалистам, создававшим Кинг-Конга, они посчитали, что актёр не сможет ходить подобно ей. У «Патти» была совершенно другая мускулатура.

21 октября 1972 года Алан Берри записал свисты и крики в Хай-Сьеррас. Проанализировав их позже на анализаторе звукового спектра, пришли к выводу, что их издавал примат с голосовым трактом большим, чем наш. Запись не была сделана при участии какой либо студии звукозаписи.

Вблизи Валла-Валла, штат Вашингтон, в 1982 году один из егжей службы охраны леса нашёл цепочку следов длиной по пятнадцать дюймов. Выдавленные на почве идеальной для оттисков, они оставили накожный рисунок, похожий на рисунок подошв наших ног.

От тридцати шести до двадцати тысяч лет назад земляной перешеек соединял Аляску с Азией. В течение этого периода свободный от льда коридор тянулся на юг, в сердце Американского континента. Доисторический человек пересёк океан с Востока, вот почему индейцы принадлежат к монголоидной расе. Может, йети мигрировал вместе с ними? Или тогда, когда первый ледниковый период заморозил Берингово море?

Задолго до того, как представители запада достигли Средней Азии, «отвратительный снежный человек» уже был здесь. Тибетская религия Б'он приносила ему в жертву кровь, а буддийские монахи считали мясо йети главным лекарством от всех болезней и половым возбудителем.

С 1820 по 1843 годы Б. Х. Ходсон был послом Британии при непальском дворе. Впервые обратая внимание Запада на йети, он писал, что его слуги опасались волосатого горного человека.

В 1889 году, взбираясь на Сикким, британский майор Л.А. Вадделл наткнулся на гигантские следы на высоте семнадцать тысяч футов. Когда Эдмунд Хиллари покорил в 1953 году Эверест, он рассказал, что заметил подобные же следы. Лорд Хант, возглавлявший экспедицию, слышал в Гималаях пронзительные вопли.

В течение трёх тысяч лет крестьяне утверждали, что волосатое существо живёт в Шеннонхайских горах Южного Китая. Недавние экспедиции в этот район вернулись с образцами волос неизвестного примата. Подобно своим советским коллегам, Китайская Академия Наук признала существование йети.

22 апреля 1979 года лондонская «Санди Телеграф» поместила заголовок «СОЛДАТЫ ЕЛИ ЙЕТИ». Китайский журнал «Хуаши» — что в переводе означает «Ископаемые» — утверждал, что отряды в Гималаях убивали снежного человека ради мяса...

ГОРМОН СМЕРТИ

Коулун/Роузтаун, Саскачеван

понедельник, 23 марта, 12:05 пополудни/

воскресенье, 22 марта, 10:05 пополудни

Если мне стянут горло петлей,
Мати моя, о мати моя!
Знаю, чье сердце будет со мной,
Мати моя, о мати моя!

- Цинк?
- Редьярд Киплинг, ма. С днём рождения.
- Временами ты очень напоминаешь своего отца. Твой голос звучит так издавека.
- Из Гонконга. Здесь полдень следующего дня.
- У тебя изменился голос.
- Сломался зуб. Я только что пришёл от дантиста, поэтому во рту у меня всё заморожено. Всё ещё ощущаю привкус материала, который они использовали, чтобы привести мои зубы в приличное состояние.
- Надеюсь, тебе попался хороший дантист. Не какой-нибудь шарлатан.
- Зубы человека, который посоветовал мне к нему обратиться, напоминают жемчуг.
- Ты кипятишь воду, сынок?
- Всё под контролем. Кстати, когда вернусь, я приведу кое-кого познакомиться с тобой.
- Пора уж, — заметила его мама.
- Её зовут Кэрл Тэйт. Она тебе понравится.
- Где вы познакомились?
- На работе.
- Она не преступница?

— Она коп, мама. Американка.

— Временами я опасаюсь людей, с которыми ты встречаешься на своей работе.

— Том закончил своё бродяжничество?

— Нет ещё. Он прислал мне премиленькую открытку из Греции. Я жду его со дня на день.

— Скажи ему, чтобы он подстригся, если хочет быть неотразимым мужчиной.

— Сынок...

— Да, мама?

— Будь осторожен там. Мы слышали такие ужасные вещи про эти азиатские банды.

— Дорогая моя, — сказал Чандлер. — Всякие головорезы оставляют мне так мало свободного времени. Должен бежать. У меня важная встреча. Позвонил просто чтобы сказать, что ты лучшая мама из всех.

— А ты — *второй* из лучших сыновей, — поддразнила она его. Смеясь, они повесили трубки.

Прежде чем позвонить в номер Чандлера по гостиничному телефону, Онг вошёл в маленький кабинет возле вестибюля «Блекфрайерс».

Там сидел мужчина с болезненного вида лицом, с наушниками и магнитофоном.

— Ну? — спросил Онг, блеснув зубами.

— Парень только что звонил своей матери в Саскачеван. А теперь разговаривает с какой-то Кэрл.

— Узнайте адрес его матери. Он может нам пригодиться.

Гонконг, Гонконг

1:16 пополудни

Онг потерял Цинка на Центральном проспекте, там, где башня офиса «Фанквань Чжу» вздымалась у подножия Пика. Центральный проспект был кипшащим оплотом коммерческих банков, акционерных бирж и модных гостиных за сверкающим стеклом и сталью. Здание смотрело лицевой стороной на поток машин и пешеходов по Коннаут-роуд, вблизи от Эксченж-сквер. Цинк поднялся на лифте на сорок четвёртый этаж.

Когда двери с шипением отворились, внутрь вскочил лакей, прислуживая ему с восточной любезностью. За каждой пальмой в кадке маячили охранники, пока крошка в облегающем *чонгсаме* уводила его прочь, чтобы он мог подождать в роскошной приёмной. Покачивание её бёдер заставило его подумать. «Деньги, власть и секс».

Обзорная площадка была очень просторной и отдавала высокомерием. Помещение, северной стеной которого служила панорама из стекла, возвышалось над заливом, Коулуном, Новыми Территориями и расположенным совсем рядом Красным Китаем. Медный телескоп позволял осмотреть предприятие Кванов. Отражающееся в зеркале воды небо было пронизано султанами коричневатого жёлтого дыма, горы вдали были подёрнуты серой дымкой, а весь фармацевтический комплекс наводил на мысль о концентрационном лагере. Его дороги были оборудованы фортификационными сооружениями, и Чандлер задумался над тем, что же делается там внутри.

Повернувшись спиной к панораме, Цинк оглядел комнату. С противоположной стороны вверх поднимались ступени, покрытые красным ковром, по сторонам лестницы стояли каменные драконы. Справа от лестницы хорошо укомплектованный бар был обставлен кожаными диванчиками и лаковыми шкатулками. Восточная стена была увешана китайскими театральными масками. Западная представляла работы Мане, Дега, Ренуара. Окрашенный в жёлтый цвет глобус семнадцатого столетия возвышался на мраморном пьедестале в центре комнаты, окружённый метками азиатских завоеваний отдалённых земель. Рядом с глобусом располагался архитектурный макет фабрики Кванов, которую собирались построить в Ванкувере. Омываемая рекой Фрээр, подобно какому-то новому райскому саду, она ничуть не напоминала концентрационный лагерь.

Эволюция, подумал он.

Чандлер осмотрел лаковые шкатулки. Он заметил, что каждая из них была подключена к системе безопасности. Ближайшая содержала китайский манускрипт. По его потрёпанному виду он понял, что манускрипт очень древний.

Когда внимание Цинка переключилось на следующий экспонат, на лестнице раздались мягкие шаги. Повернувшись, он увидел высокие каблуки и точёные икры, а затем и всю, напоминающую песочные часы, фигуру, задрапированную в красный шёлк. О-го, подумал он.

— Инспектор Чандлер? Я Лотос Кван.

И, протягивая ему прекрасной формы руку:

— Книге, заинтересовавшей вас, пять тысяч лет. «Лечащая материя» Шеннонга содержит описание 365 препаратов. Манускрипт в той шкатулке, — показывая налево от Цинка, — «Канон внутренней медицины Жёлтого Императора». Она была написана ещё до строительства Великой Стены, за триста лет до Рождества Христова. Мао объявил её китайской традиционной фармакологией.

— «Каноном» всё ещё пользуются?

— Около миллиарда человек. Китайская медицина уходит своими корнями на семь тысячелетий назад. Ещё чуть-чуть — и мы попадаем в доисторические времена.

Когда Лотос садилась, в разрезе её одежды мелькнула подвязка. Красная эластичная полосочка поверх тёмного края чулка. Цинк подошёл к следующему ящичку, когда подвязка исчезла.

«Драгоценные дополнительные предписания», — сказала Лотос. — Классический даосийский трактат времён династии Тань. Одно из предписаний предлагает одно из первых в мире лечений гормонами. Поедание человеческой пуповины вместе со свиной печенью. Это, как предполагается, предохраняет от бешенства. Те же принципы лежат в основе современной иммунологии.

Когда Лотос вставала, в разрезе мелькнули красные трусики.

— Это — один из томов «Всеобщего каталога растений» Ли Ши-чена. Здесь представлен только один из пятидесяти двух томов. В течение двадцати семи лет он собирал семейные фамильные рецепты придворных лекарей династии Минь. Здесь описываются восемнадцать сотен препаратов и одиннадцать тысяч рецептов. Сам Дарвин удостоил Ли своего уважения.

— А что это? — спросил Чандлер. — Они выглядят, словно украшенные резьбой кости.

— *Чиа-ку-вен*, — ответила Лотос. — Здесь содержатся предписания, которые предшествовали первым историческим записям. Их называют «костями-оракулами».

— Замечательная коллекция, — сказал он. — Должно быть, редчайшая в мире.

— История моей семьи уходит на двенадцать тысяч лет вглубь веков. Мы, Кваны, всегда занимались медициной. Мои предки собирали эти работы в течение столетий, сберегая их для будущих поколений. Мой дедушка очень чтит нашу историю.

— Кстати, именно с Кваном Кок-су я пришёл повидаться.

— У него пневмония, так что у меня хватает хлопот. О чем вы хотите с ним поговорить?

— Об Эване Кване, — сказал Цинк, разыгрывая тёмную карту.

— Кто это такой? — У неё на лице не дрогнул ни один мускул. Одна бровь насмешливо приподнялась.

— Студент, приехавший в Канаду в 1978 году. Когда у него случились неприятности, его адвокат прилетал сюда, чтобы посоветоваться с вашим дедушкой.

— И как же зовут этого адвоката?

— Хаттон Мэрдок.

— Я была в отеле той ночью, когда его застрелили.

— Как тесен мир, — сказал Цинк. — И полон совпадений.

— Не совсем так, — сказала Лотос, снова мелькнув подвязкой. — Мой брат участвовал в конференции, поэтому я и отправилась вместе с ним. Это была моя первая поездка в Сан-Франциско. Прекрасный город.

— Ваш брат знал Мэрдока?

— Мы все встречались с ним. Это он предложил Мартину поступить в Университет Теннесси. Вот почему дедушка вызвал его в Гонконг.

— Чтобы расспросить его, на какой юридический факультет собирается поступить ваш брат?

— «Фанквань Чжу» перемещается в Канаду. Перемещение должно осуществиться за период в пределах десяти лет. У дедушки были вопросы, касающиеся канадского законодательства в отношении компаний, так что приглашая Мэрдока, он убивал двух птиц одним камнем.

— Вместо того, чтобы отправиться в Канаду и посмотреть самому?

— Мой отец был убит в 1963 году. Дедушка боится разделить его судьбу. За двадцать четыре года он ни разу не ступал ногой за территорию нашей фабрики.

— Почему ваша компания интересуется Виндиго-Маунтин?

Никакого вздрагивания.

Никакого моргания.

Только двусмысленная улыбка.

Леди, а вы — хладнокровная покупательница, подумал он.

— Что вы знаете о «проклятье гробницы царя Туты», инспектор?

— Это которого играл Борис Карлофф? Или это был Лон Чэй-ни?

Лотос рассмеялась горловым смехом, подражая Лорен Бэкол. Цинк подумал: *она изображает из себя роковую женщину.*

— Гробница Тутанхамона была открыта в 1922 году. Вскоре её первооткрыватели все оказались мертвы. Египтолог Хью Эвелин-Уайт повесился. «Я навлёк на себя проклятье», написал он собственной кровью. Вы можете догадаться, от какого проклятья они умерли?

— Мстительные духи? — сказал Цинк. — Ожившие мумии?

— Фараоны хоронились вместе с овощами и фруктами для загробной жизни. За те 3350 лет, что гробница была засыпана, эти органические продукты разложились в прах. В течение столетий грибки вырабатывали антигены, которые и вызвали аллергические реакции у людей, открывших гробницу. Розовые и серые пятна на стенах свели их с ума.

Пятнадцать лет спустя землемер в Норвегии собрал две ложки грязи из болота. Он был нанят швейцарской компанией «Сандоз». Когда грязь была подвергнута анализу в Базеле, фармацевты обнаружили грибок, который они никогда не встречали раньше. Полученный таким образом циклоспорин противодействует отторжению тканей при пересадке органов. С тех пор, как в 1983 году он появился на рынке, процент успеха при подобных операциях подскочил до восьмидесяти процентов. Именно такие скрытые резервы растений мы и разыскиваем по всему миру.

— На Виндиго-Маунтин? Зимой? Там ведь нет ничего, кроме снега.

— Природа насыщена химическими веществами. Говорить так, как вы — это всё равно что говорить, что в море нет ничего, кроме воды. Ива дала нам аспирин. Наперстянка — дигиталис. Самые сильные лекарства приходят из мест с самым суровым климатом. Кто знает, что мы найдём там?

Лотос подошла к античному глобусу. Покрытые красным лаком ногти придали ему вращение.

— Ежегодно в Бразилии уничтожается всё больше амазонских джунглей. А вдруг среди этих вырубок и пожарниц будет утеряно лекарство от рака? «Фанквань Чжу» сохраняет и клонирует растения, которым грозит исчезновение.

Цинк следовал за азиаткой вокруг медленно вращающегося глобуса. Лотос дотрагивалась до значков, одного за другим.

— Здесь экспедиция собрала урожай с океанских глубин. Множество препаратов скрыто в водорослях. Здесь экспедиция приблизилась к Южному Полюсу. Организмы зоны вечной мерзлоты помогли в криогенных исследованиях. Теперь вы, конечно, понимаете, почему Виндиго-Маунтин привлекла внимание «Фанквань Чжу»? Её научные тайны никогда не исследовались.

— Каким образом суперген большеного вписывается в вашу работу?

Очко.

Это было то, что требовалось.

Захвачена врасплох.

Прекрасное овладение собой, Лотос. Но недостаточно быстрое.

— Вы слышали о ГСПК?

Увеличить преимущество.

— Некоторые называют его гормоном смерти, потому что он вызывает наше старение.

— ГСПК? — сказала Лотос, не слишком вежливо пожимая плечами. — Существует много теорий относительно того, почему мы стареем. Вы можете выбрать на свой вкус.

— Верно, но суперген — это теория «Фанквань».

— Кто вам это сказал?

— В вашей компании имеется утечка.

— Именно поэтому я и отказываюсь ответить на ваш вопрос. Научный шпионаж — весьма распространённое явление.

— Продолжайте. Можёт, вы хотя бы слегка намекнёте? В чём состоит ваша теория? В том, что мы старимся из-за того, что унаследовали дефектный суперген от Евы?

Внимание.

Я таки достал вас, леди.

Попробуйте нейтрализовать это своим нижним бельём.

— Верховный Суд США постановил, что генетически видоизменённые ДНК могут быть запатентованы. Исследования в области биотехнологии — это многомиллиарднодолларовая индустрия. Недавно я приняла участие во встрече фармацевтов в Японии. Докладчиком был поверенный в делах патентования США. Он посоветовал, чтобы мы все наши научные результаты сертифицировали в соответствии с законом прежде, чем выносить их на всеобщее об-

суждение. Вот почему наши коулунские лаборатории защищены таким образом. Я не могу ответить на ваши вопросы.

— Почему кости гигантопитека так интересуют вас? Потому что «зубы дракона» считаются даосийским лекарством?

— Вы продолжаете в том же духе, — сказала Лотос.

— Это моя работа.

— Не слишком ли много вы читали в детстве «Терри и пираты»? Чем, по вашему, мы занимаемся? Китайской алхимией? Оживляем клонированных монстров, чтобы завоевать мир? Мой дедушка — вовсе не Фу Манчу, а я не Леди-Дракон. Зловещие азиаты ушли вместе с 1930-ми.

— Мир не круглый и не плоский. Он изрезанный, — сказал Цинк.

— Сколько вам лет, инспектор?

— Почти сорок.

— Это означает, что уже начался ваш упадок. Через десять лет ваша иммунная система откажет. Масса ваших костей уменьшается на один процент ежегодно. Вы уже стали ниже на одну восьмую дюйма. Волосы пробиваются там, где их никогда не было потому, что разрушается ваш генетический код. Тестостерон делает тоньше волосы на вашей голове. И ваши сексуальные возможности, прошу прощения, достигли пика в двадцать лет.

— Вы знаете, как вернуть дни молодости, миссис Кван.

— По мере того, как кости вашего черепа становятся жестче, ваша голова будет увеличиваться. Но внутри ваш мозг потеряет до двадцати процентов своего веса, замедляя рефлексы и скорость протекания мыслительных процессов. Ваша талия будет расплываться независимо от того, как интенсивно вы будете упражняться, а плечи будут становиться всё уже по мере того, как будет уменьшаться мышечная масса. Лёгкие потеряют сорок процентов своего полезного объёма, а кровеносные сосуды утратят свою эластичность, словно замороженные спагетти. Чем более пористой будет становиться ваша кожа, тем больше будет отвисать ваше лицо. Вскоре вы не сможете услышать высокие частоты. Отвердевший хрусталик глаза затуманит ваше зрение, а ослабевающие голосовые связки изменят ваш голос. Кто бы ни придумал фразу «с возрастом становиться лучше», он сильно лукавил. И вот почему вы, как и все в мире, *нуждаетесь* в «Фанквань Чжу».

Лотос подвела его к панорамному окну, возвышавшемуся над Гонконгом. «Благоухающая бухта», простиравшаяся перед ними,

была грязной и серой. Джонки и сампаны качались на волнах, торговые суда и военные фрегаты ударялись о причалы. Зелёные двухпалубные «Звёздные паромы» сновали от берега к берегу, а улицы по обеим сторонам пролива были загромождены потоками людей.

— То, что вы видите — капитализм в чистейшем виде. Колония является британским экспериментом в соответствии с теорией Дарвина — лабораторией, где рыночная система действует без всякого контроля. Гонконг существует ради получения прибыли, чистой прибыли и только прибыли. И это та концепция, которая понятна американцам.

Вы смотрите передачи американского телевидения, инспектор? Существовала ли когда-нибудь культура, которая бы так была озабочена проблемами сохранения молодости? Вы представляете себе, сколько времени люди тратят ежегодно на подтягивание лица, уничтожение складок на животе, пересадку волос, выкачку жира? Знаете ли вы, что Элизабет Тэйлор, Глория Свэнсон, Джордж Гамильтон и Ларри Хэгмэн делали себе инъекции из околоплодных вод овцы в надежде задержать старение? Почему? Потому, что Америка преклоняется перед молодостью, как перед идолом. Американцы старше сорока попадают в отходы общества. Быть стройными, без единой складки тела — вот чего хотят американцы. Представляете, что будет, если кто-нибудь откроет рынок «Фонтана Юности»? Улицы Америки действительно оказались бы вымощены золотом.

В Америке медицина благосклонна к тем, кто платит. В отличие от Канады, они не позволяют паразитам общества впустую расходовать препараты. Одна шестая часть всего населения — тридцать семь миллионов человек — не имеет никакой медицинской помощи. Тот, кто в Америке преуспевает — преуспевает хорошо; тот же, кто нет — может вянуть и умирать. Зачем бы в противном случае им было устанавливать самый высокий процент детской смертности среди развитых наций? Очевидно, для того, чтобы отсеять слабых и генетически уязвимых. В Америке здоровье покупается и продаётся, как и всё остальное, на рынке. Американцы хорошо поняли, что такое естественный отбор.

Позвольте мне нарисовать вам картину будущего Америки. Дети быстро взрослеют, с каждым годом смещая центр тяжести в сторону более преклонного возраста. Вскоре от побережья до

побережья Штаты будут походить на Флориду сегодня, с сорока пятью миллионами американцев в возрасте старше шестидесяти пяти лет. Даже при шестидесяти процентах федерального бюджета, направляемых для помощи лицам пожилого возраста, при таком положении дел Фонд Милосердия обречён на банкротство. Если бы не введение в строй двухсот больничных коек ежедневно, с настоящего момента до конца столетия не было бы никакой возможности оказывать медицинскую помощь. Здоровье каждого американца будет зависеть от его или её счёта в банке, и «Фанквань Чжу» омолодит тех, кто может заплатить.

Вы интересовались, чем мы здесь занимаемся? Это ответ на ваш вопрос?

— Почему вы эмигрируете в Канаду? Почему не в Штаты?

— Небольшая задержка лишь за тем, чтобы перевести капитал. Но как только появятся свободные средства, американский рынок будет принадлежать нам.

Вы должны быть польщены, — сказала Лотос. — А не раздосадованы. Вплоть до двадцатого столетия на китайский язык нельзя было перевести слово «личный». Всё, что было меньше, чем семья, было несущественным.

Британия снабжает вас деньгами, словно разбалованного ребёнка.

Американцы скупили вашу промышленность и выкачивают из неё прибыль.

Гонконг придаёт весьма ценное качество. Его бизнес — семейный.

— Всё зависит от того, чья это семья, — сказал Чандлер.

Не успел Цинк выйти за дверь, как на лестнице раздались спускающиеся шаги.

— Он добрался до Дэниэльс.

— Очевидно.

— Всадник знает слишком много.

— Ты проверил сообщение?

— Оно подтвердилось. Час назад они арестовали нашего человека в Силах.

— Если Чандлер видел карту ГСПК, то в этом замешан Ци. Если они не работают вместе, то вскоре будут работать.

— Мы должны найти ДНК. Блокиратор бесполезен. Всё будет ни к чему, если наши исследования потерпят неудачу. С ней мы будем желанными гостями в любой части света. Мы должны выиграть время до тех пор, пока не обобщем Виндиго-Мунтин.

КАННИБАЛ

Коулун

5:31 пополудни

Калифорниец стоял рядом с убитым беженцем. Камера приблизилась, показывая извлечение сердца и почек, затем переместилась левее, к пятнам крови на руках Джексона. Сидя в просмотровом зале и просматривая видеозапись, Головорез изучал выражение беспокойства на лице американца. Беспокойства за сына, в настоящий момент готовящегося к трансплантации. Беспокойства за себя из-за видеозаписи.

— Мы должны быть уверены, — сказал Мартин в тот день, когда была заключена сделка, — что обе стороны сохраняют источник органов в тайне. Ваше участие будет записано на плёнку и будет храниться в ящике, к которому есть доступ только у меня. Стоит вам нарушить наш уговор, и запись будет извлечена наружу. Храните нашу тайну, и она останется скрытой навсегда. Если кто-либо доберётся до ящика, запись будет сожжена. Обе стороны находятся под угрозой. И обе защищены. Это называется, если я правильно припоминаю, «мексиканская стойка»?

Головорез перемотал запись и просмотрел её сначала:

...кадр с беженцем на ферме доноров, Джексон отпирает решётку его камеры...

...кадр с беженцем, привязанным к столу, его тело дёргается, когда Джексон стреляет ему в голову скотобойным дротиком...

...кадр с анонимным хирургом, извлекающим органы, рядом с ним виден Джексон...

...кадр того, как органы пересаживаются его сыну, Джексон — у окна операционной...

Удовлетворённый, Головорез перематывает плёнку и прячет её в спораемую коробку. Он покидает просмотровый зал и направляется в подземную лабораторию, сняв защиту на входе рядом с криогенным холодильником. Пройдя через лабораторию и выйдя через вторую дверь, он проходит туннелем мимо Ямы и поднимается по каменной лестнице. Когда он входит в комнату с Жертвенным Алтарём над люком, из Усыпальницы Предков раздаётся громкий смех.

Он нажимает на кнопку под столом и закрывает скользящую крышку люка в полу.

На столе были выставлены маяки, которые ведут за собой Исследование. Кость-оракул, которая первой предсказала Янь Бессмертия. Карта Замтсарано, показывающая, где должны находиться элмы. «Путевые заметки», доставшиеся от генерала Пратта в прошлом столетии. И «Журнал Паркера», похищенный у ДеКлерка. Ключ от Усыпальницы лежал перед ним.

Отпирая дверь, Головорез огляделся. Элма всё ещё была на алтаре, её волосы запачканы кровью. Меч для обезглавливания лежит поперёк среза её шеи. Сальные свечи горят позади туловища, освещающая комнату тусклым светом. Коптя сосуды с духами, дым касается ножей-янь и символов долголетия на стенах.

Головорез вошёл в Усыпальницу.

Воздух внутри насыщен запахом ладана, безумия, разложения. Бумажные фонарики отбрасывали кроваво-красный свет. Глава располагался на Драконьем Троне из отполированного золота; филигранно выполненная спина чудовища служила спинкой, а выдыхаемое рептилией пламя — поручнями. Позади трона располагалась ширма из нефрита и ивы. То, что скрывалось за ней, являлось *зоной* Кванов. Стена вокруг ширмы была разделена на кубические ниши, в каждой из которых был установлен покрытый лаком череп. Некоторые из древних костей были покрыты позолотой. Пока Головорез приближался к несчастному на троне, звон гонга и звук флейты сопровождалась хихиканьем.

— Янь! — захихикал Глава, скалясь словно череп. Некоторые из его зубов были заточены на конус.

— Янь! — прокудахтал он, разрывая на себе одежду и закатив глаза.

— Янь! — выкрикнул он, ударяя в поднос. — Элма янь не могла! Янь Бессмертия!

— Я тоже хочу получить янь Большого Волосатого Существа, — сказал Головорез.

Старик заворчал и вернулся к своей пище.

Перед Драконьим Троном стоял столик из красного дерева. На нём располагался серебряный поднос. Лишённый кожи, венчающий его череп был разбит словно яйцо. Содержимым черепной коробки был наполовину съеденный мозг. Глаза элмы были широко раскрыты от предсмертного ужаса.

Залитый и пахнувший кровью халат Главы был разорван. Его дюймовые ногти загибались, подобно когтям. Он вяло выковыривал мозг своим ножом-янь, поднося кашину ко рту серебряными палочками. По щекам старика стекали слёзы, и в то же время он хихикал.

Если бы Головорез мог поступить так, как ему хотелось, он бы перерезал Главе горло. Ему не терпелось поместить череп деда в один ряд с предшествовавшими Главами. К несчастью, Код Успеха был весьма строг и подкреплялся Внутренним Советом Восьмидесятилетних, которые были преданы Чингхо. — Его смерть должна быть естественной, — предупредил Чанг Чонг. Совет всё ещё обладал властью. Он владел акциями Главы.

Какая ирония судьбы, Головорез был благодарен Коду, зная, как Внутренний Совет относится к нему. Происшествие в лаборатории Дэниэльс явилось испытанием их терпимости, но не произошло ничего похожего на то, что он заслужил после своего возвращения. По-прежнему он старший сын, а они консервативны, поэтому, хоть и скрипя сердцем, совет подчинится правилам. *Первый родившийся сын является Главой. И наследуется его первым сыном.* В течение двенадцати тысячелетий это было Путём «Фанквань Чжу». Если верить мифу.

— Янь! — взвизгнул Глава, колотя по подносу. Раскрытый череп и покалеченный мозг разлетелись по полу. Истерически хохоча, он стал царапать своё лицо.

Головорез улыбнулся.

Несколько дней — может быть неделя — и дедушка будет мёртв.

Как новый Глава, он станет владельцем акций.

Кампания станет принадлежать ему и будет делать всё, как он того пожелает.

Упорядоченная и модернизированная, она будет смотреть в двадцать первый век.

В том случае, если у них ещё будет будущее через неделю.

— Дедушка, твой страх за право наследования привёл нас к краю пропасти.

Не попытайся ты сделать беременной ту женщину, министр Ци не получил бы карты. Без карты конная полиция не узнала бы о наших планах.

Сегодня в полдень, ничего не говоря Онгу, Чандлер выехал в Пекин.

Из-за тебя наше перемещение в Канаду поставлено под угрозу. Если бы ты не вмешался, Ци вскоре был бы мёртв. Теперь же он постарается использовать в своих целях КККП.

Мы должны помешать этому до того, как исследуем Виндиго-Маунтин. Без ДНК всё равно у нас нет никакого будущего.

Если я убью Чандлера, в дело вмешаются конные. Не будет никакой второй экспедиции на гору.

Если я ничего не стану делать, Ци свяжется с ними. И снова — никакой экспедиции.

Единственный способ выиграть время — это привести полицию в замешательство. А единственный способ сделать это — это лишить Чандлера разума.

«Наше самое жестокое наказание», ты учил меня, «это убить девять поколений семьи. От пра-пра-прадедов до пра-праправнуков мы всем перерезаем горло, чтобы стереть семью с лица Земли». Завтра я использую Путь «Фанквань Чжу».

Сегодня ночью я вылетаю в Роузтаун, Саскачеван.

ТЯНЬШАНЬСКАЯ РЕЗНЯ

Пекин

вторник, 24 марта, 8:10 утра

Китай.

Коммунистический Китай.

Трудно поверить, что смерти Мэрдока, Максвелла и Дэниэлса привели его сюда.

Сюда, в город монголов, Минь, маньчжуров и Мао.

Сюда, в северную столицу Чингисхана.

Чандлер, стоя на балконе своего номера в пекинском отеле, завтракал апельсином и думал о Кэрл. Минувшей ночью «жёлтый ветер» задувал среди *хатонгов*, засыпая Пекин серой пылью из пустыни Гоби. За унылыми жилыми зданиями, окружавшими столицу, синие горы указывали на край Северо-Китайской равнины. Высоко над красновато-коричневыми крышами Запретного Города, над площадью Тяньаньмынь реяли раскрашенные воздушные змеи.

Китай.

Красный Китай.

Удастся ли ему здесь сорвать маску с Эвана Квана?

К югу от площади Тяньаньмынь ворота Кьянмен раньше разделяли Внутренний и Внешний город, защищая императора от тех, кому, как считалось, он служил. Сегодня стена, примыкавшая к воротам, исчезла, уступив место красным лозунгам и портретам Мао. Но в *хатонгах* Внешнего города продолжал жить старый Китай.

Каждый *хатонг* обладал своей собственной историей. В Пекине насчитывалось три тысячи мелких улочек, большинство из которых было такими узкими, что по ним могли

проехать только ручные тележки. Все они были одноэтажными, так как никто не должен был смотреть сверху вниз на императора в его паланкине. В Переулке Мокрых Нянь кормилицы вскармливали грудью императорских детей. В Цветочном Переулке вдовствующая императрица покупала шёлковые лепестки. В Стиральном Переулке сплетницы имели обыкновение судачить о делах императорской семьи. В Переулке Травяного Тумана пытки превратились в искусство.

Пекин — это город, в котором десять миллионов человек раскатывают на пяти миллионах велосипедов. Этим утром его широкие проспекты и трёхполосные бульвары являли собой голубовато-серые потоки крутящихся колёс. В хатонгах, между тем, время застыло на месте. В них над запертыми воротами, за которыми теснились домики с бумажными окнами, висел дым от очагов, над которыми готовился завтрак.

Цинк наблюдал за стариком, упражнявшимся в тай-ши.

Двумя переулками дальше ребёнок с обезьянкой играл на флейте.

Мимо прошли трое мужчин с поклажей на спинах, засунув руки в рукава и время от времени сплёвывая.

Его внимание привлекла женщина в соседнем хатонге.

Сперва он решил, что она больна, судя по тому, как она шаталась.

Затем он увидел, что её перевязанные ноги были длиной всего около трёх дюймов.

10:00 утра

Пекинская штаб-квартира Гон Ан Чжу своим фасадом выходила на восточную стену Запретного города. Чан, отвозивший Чандалера в аэропорт Ванкувера, коротко рассказал ему о китайском бюро общественной безопасности. Теперь, сидя в иностранном отделе в ожидании министра Цзи, под взглядами тандема портретов Ден Сяопина и Мао, Цинк вспоминал речь Эрика по поводу полиции Красного Китая.

До Коммунистической революции 1949 года Силы Общественной Безопасности расправлялись со сторонниками гоминдана. Как только армия Чан Кай-ши стала отступать, они обратились к тем, кто совершил преступления перед Освобождением («лицам с

контрреволюционным прошлым») и в последующее время («активным контрреволюционерам»).

Гон Ан Чжу была организована в 1955 году. Ци Юксиань, друг Мао со времени Длинного Марша, стал министром китайской полиции. В том же году он выступил с речью по «Радио Пекин». «Глаза масс сияют, словно снег. Они сообщают мне обо всём pozorительном. Не думайте, что я не знаю, что вы делаете. Я знаю, товарищи».

В годы Бамбукового Занавеса Ци был окутан тайной. На его характер наложила свой отпечаток тюрьма, из которой он бежал.

В номере 13 по Тсао Лэн Тсэ Хатонг, в Тюрьме Переулка Травяного Тумана насильственно начала проводиться линия партии. — Люди совершают преступления, — заявил Ци публике, — потому, что у них в голове имеются дурные мысли. Моя функция состоит в том, чтобы избавить их от таких мыслей, и, таким образом, сделать из них новых людей.

Первым шагом в создании нового человека явилось создание Групп Обучения. Ежедневно в каждой камере организовывалось собрание для вдалбливания руководящих слов Председателя Мао. «Повернувшись лицом к правительству, мы должны вместе учиться и следить друг за другом». Оступившиеся сделали второй шаг, известный под названием Борьба.

Всё начиналось с того, что нарушитель стоял в тюремном дворе, окружённый орущими плотками. «Признавайся» — требовала толпа, встречая его ответы грубыми насмешками. Позже его отводили в Зал Допросов. Это был бесконечный коридор с тёмно-зелёными дверями с висевшими на них табличками: «52 комната», «63 комната» и т.д. Из комнат доносились крики, угрозы, рыдания.

Каждая комната для допроса представляла собой строгое помещение с белыми стенами и кафельным полом. Два стола, разделённые деревянным шкафиком с красной звездой наверху, стояли повернутые лицом к стулу заключённого. Яркие флюоресцентные лампы светили в спину офицерам, сидевшим за столами, безликим партийным функционерам в тёмно-синей форме. Над ними развешался красный флаг с белой надписью: «Снисходительность к тем, кто сознаётся. Суровость к тем, кто отпирается. Вознаграждение тем, кто заслуживает большой благодарности». В спину заключённого смотрел портрет Мао.

Часами, днями, иногда неделями продолжалось промывание мозгов. Допрашивающие были натасканы Ци. «Заключённые де-

лятся на «зубную пасту» и «водяные краны». Заключённого «зубную пасту» нужно периодически выдавливать, чтобы заставить его говорить. Заключённого «водяной кран» нужно один раз как следует встряхнуть, и из него всё польётся наружу. Насколько сильно давить и встряхивать — зависит от конкретного человека».

Самых упорных провинившихся отволакивали в подземную камеру. Там сперва имперские палачи, затем палачи гоминдана, а теперь — коммунистические палачи, совершенствовали своё искусство.

Главным аттракционом камеры была «тигровая лавка» — висячая платформа, которая перегибалась, причиняя мучения пытаемому. В первую очередь ломались кости таза узника, привязанного к ней, затем наступала очередь остальных частей скелета. Полотенце и ведро были сродни китайской пытке водой: не капли, падающие на лоб, что оказывало психологическое действие, а медленное удушье влажной тканью, обёрнутой вокруг лица. Бамбуковые побеги и раскалённые докрасна вилки также были в ходу.

Когда Мао распустил в шестидесятых годах Красную Гвардию, Ци провёл некоторое время в своей собственной тюрьме.

— За что? — спросил Цинк.

— За своё «буржуазное прошлое».

— Что это означает?

Эрик пожал плечами. — Партийный термин.

— Кто его освободил?

— Ден Сяопин. Другой друг дней юности, ставший жертвой «культурной революции». Когда Мао в 76-м умер, Ден взял верх. Звезда Ци взошла ещё раз. Он прошёл весь путь к Управляющей группе по делам политики и законности при Центральном Комитете. Он не только контролирует тюрьмы и полицию, но и является третьим человеком в Политбюро. Это крепкий сукин сын.

Мужчина, который, хромая, вошёл в иностранный отдел, не выглядел крепким. Он выглядел как человек, которому осталось жить не больше недели. Его иссохшее тело было согнуто и опиралось на трость. Рот был перекошен после инсульта. Пожелтевшее от болезни печени лицо кривилось от боли. Сегодня он сменил свой маоистский мундир на плохо сидящий костюм — верный признак того, что Красный Китаец чего-то хочет от Запада. Он похож на бумажного тигра, подумал Чандлер.

Так же, как и его хозяин, кабинет Ци был опустошённым. Там, где ещё вчера висели фотографии Никсона, Тэтчер и Мао, виднелись жёлтые пятна на выцветшей на солнце стене. Свиде-

тельства его партийной жизни были упакованы в ящики; пустой стол и пара стульев — вот всё, что осталось.

— Рак печени, — сказал Ци, закрывая за собой дверь. — Завтра приезжает мой приемник, а я отправляюсь на покой.

Чандлер промолчал.

Что тут было говорить?

Пропасть между ними была слишком широкой.

Он удивился, где это Ци выучил английский с таким сильным британским акцентом.

— Я разговаривал сегодня утром с инспектором Чаном. Состояние моего здоровья заставляло откладывать нашу беседу до сегодняшнего дня. Мы говорили о ваших убийствах и Виндиго-Маунтин. Меня радует, что вы разделяете мой интерес к Квану Кок-су.

Ци вытащил из ящика стола какие-то фотографии. Когда они с Чандлером сели, свет, отразившийся от крыш Запретного города, упал на их поверхность.

— В то, что я должен рассказать, вы, возможно, не поверите. Если бы я не пережил этого, я бы и сам не поверил. Только рассказав вам правду, я достигну своей цели. Искоренно владельцев «Фанквань Чжу».

Ци протянул ему одно фото из пачки. На нём был изображен молодой азиат, подающий с задней линии, Королевский колледж и Математический мост на заднем плане.

— Узнаёте?

— Оксфорд? — сказал Цинк.

— Кэмбридж. 1933 год. Год моего окончания университета.

Следующую фотографию Цинк уже видел раньше — в «Тайме» или «Ньюсуик» — каком-то из этих журналов. Босоногие крестьяне шагают вслед за серпом и молотом, возглавляемые Мао Цзедунем и двумя отрядами.

— Я, — сказал Ци, — один из тех, кто обут.

— Какой это год?

— 1935. Во время Длинного Марша.

На третьей был домик в классическом китайском стиле, со склонившимися ивами и украшенными орнаментом балконами. Перед ним стоял мужчина с суровым взглядом.

— Мой отец, — сказал Ци. — Наш дом в Шанхае. Он был богатым землевладельцем с большими планами в отношении меня. Он знал, что западное образование обеспечило бы быструю карьеру во времена гоминдана. Вы знакомы с историей Китая?

— Только в общих чертах, — сказал Цинк. — С множеством пробелов.

— Император был свергнут с трона в 1911 году. Китай стал республикой под управлением Сунь Ят-сена. Его правительство — гоминдан — контролировало юг страны, а императорские помещики удерживали её остальную часть. Вплоть до смерти Сунь Ят-сена в 1925 году от рака Коммунистическая партия поддерживала гоминдан. После его смерти произошёл раскол. Коммунисты стремились к социальным переменам в соответствии с марксистско-ленинской линией, а Чан Кай-ши настаивал на капиталистическом развитии. Он хотел этого, понукаемый привилегированной элитой и поддерживаемый своей армией, поскольку ненавидел коммунистов так же сильно, как и помещиков.

— Кван Кок-су был помещиком?

— Нет, его отец.

— Где жила их семья?

— Вблизи Шеннонхайских гор, южнее Синьсяня.

— Занимаясь медициной?

— Да, и отыскивая новые лекарства. Чан и мой отец были близкими друзьями. Оба они были против любых реформ, угрожающих их положению. В 1926 году Чан повёл свою армию на север, чтобы расправиться с помещиками. Кваны были захвачены поблизости от Сианя. Вы знаете, какое положение занимала их семья при императорском дворе?

— Они были алхимиками, служившими императору. Тот, который построил Великую Стену...

— Цинь Шихуанди.

— ...пожелал, чтобы они нашли эликсир бессмертия. В течение двух тысяч лет они были аптекарями в Запретном Городе.

— Отец Квана заключил сделку с Чан Кай-ши. В обмен на лекарство для долголетия Кванам была предоставлена возможность беспрепятственно добраться до Синьсяня. Синьсянь — это западная провинция, между Гималаями и Тянь-Шанем. Чан тем временем осадил Шанхай.

Мужчина в форме постучал в дверь и вошёл, заноса китайский чай. Разлив жасминовый напиток по чашечкам без ручек, он вышел.

— Был ли подавлен Шанхайский переворот 1927 года?

Чандлер покачал рукой. — Напомните мне.

— Люди Чжоу Эн-Лая подстрекали рабочих на беспорядки, чтобы подорвать власть помещиков Шанхая. Промышленники,

вроде моего отца, боялись того, какой урон это может нанести их делам, поэтому когда Чан пришёл, чтобы расправиться с помещиками, его армия вместо них повернула свои винтовки против коммунистов. Пять тысяч человек было медленно удушены, когда вспыхнула гражданская война.

— Вы были свидетелем резни?

— За месяц до этого я уехал в Британию.

— Сколько вам было тогда?

— Двадцать один год.

Ци протянул Цинку две фотографии. На одной из них его отец и Чан Кай-ши позировали на фоне фабрики, извергающей чёрный дым. — Она была бы моей после получения образования.

Вторая была сделана на спортивной площадке. — Филби, Бэрджесс, Блант, Маклин и я. Маркс и Энгельс витали над Кэмбриджем в том году.

Ци на мгновение сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Цинк молился, чтобы он не умер, пока они были наедине.

— Дети на этой фабрике работали, словно рабы, ночью засыпая у своих машин. Женщины были вынуждены продавать себя ради еды, а забастовки подавлялись путём обезглавливания бастующих. В сельских поместьях моего отца налоги собирались в течение шестидесяти лет во всё возрастающих размерах, принося прибыль, которая исчислялась семьястами процентами. Должники избегали тюрьмы, посылая своих жён и детей на работу на этой фабрике. Это должно было стать моим будущим.

Чан был охвачен навязчивой идеей уничтожения коммунистов. Мао скрывался в горах на юге. Он обращал на свою сторону крестьян, вербуй добровольцев в партизанские отряды Красной Армии. «Враг побеждает, мы отступаем. Враг разбивает лагерь, мы начинаем ему досаждать. Враг устаёт, мы атакуем. Враг отступает, мы преследуем».

Я вернулся в Китай, когда истребление людей, проводившееся Чаном, достигло своего пика. Коммунисты предлагали братство и надежду. Гомицдан предлагал фабрики рабов. Мог ли я выбрать капитализм и дорогу своих предков? Или же я должен был сменить имя, забыть своё прошлое и присоединиться к революции?

Если бы вы оказались на моём месте, инспектор, что бы сделали вы?

Казалось, мы обречены были сражаться всегда, сказал Ци Цинку. Сперва против болезней и усталости во время Длинного Мар-

ша, когда только один из пяти выжил после шести тысяч миль пути к Шанхаю. Затем против гоминдана в нескончаемой гражданской войне. Затем против японцев в 1937 году. Затем против гоминдана в Битве за Чинхо...

— Когда это было? — спросил Цинк.

— В 1945-м. Битва в Тянь-Шаньских горах Синьцзяна.

— Там, куда отправились Кваны после своей сделки с Чаном?

Министр кивнул.

Синьцзян — это область, объяснил Ци, по площади равная Британии, Германии, Франции и Италии вместе взятым. Две долины — когда-то бывшие огромными озёрами — сглаживают эту изрезанную пустынную территорию; Джунгария на севере, Тарим на юге, с Тянь-Шанем, лежащим между ними. У подножия вечно заснеженных вершин высотой 23000 футов дорога из Или в Урумчи проходит через Чинхо. Там у гоминдана было 15 000 штыков.

— Наш стратегический план заключался в том, чтобы захватить их врасплох, — сказал Ци. — Мой батальон должен был совершить обходной марш на север по дуге в 280 миль, чтобы отрезать дорогу к отступлению, затем наши основные силы должны были атаковать со стороны Или. Сразу после перехода через Тянь-Шань мы должны были пересечь Джунгарскую пустыню по тропе монголов, за Чинхо повернув на юг.

Мы наткнулись на место резни случайно. Чтобы пройти по горам мы разбились на группы по десять человек, надеясь избежать обнаружения с воздуха. Нашей целью в тот день было добраться до покинутого ламаистского монастыря, тропа к которому проходила по скалистому плато. Обходя зубчатую стену, мы наткнулись на трупы. Тридцать тел, гниющих в куче. Череп каждого был вскрыт и из него был изъят мозг.

Старик сделал паузу, восстанавливая дыхание. Цинк вынужден был сосредоточиться из-за последствий инсульта министра. Только одна сторона рта Ци двигалась, когда он говорил.

— От головы до пальцев ног тела были покрыты красноватыми волосами. Всё, кроме лиц, ладоней и ступней. Лица, хотя и похожие на наши, были более примитивными. Плоские лбы, выступающие надбровные дуги, выпирающие челюсти. Колени были полусогнутыми, как у обезьян. Ступни развернуты внутрь, с выступающими большими пальцами. Девять из них были самцами. Остальные — самки и дети. У всех самок были длинные отвисающие груди.

— Йети? — спросил Цинк, удивлённо подняв брови.

— Слишком маленькие и похожие на обезьян, — ответил Ци.

— Вы сделали фотографии?

— К несчастью, нет. Идя налегке для лазанья по горам, мы не имели фотоаппарата.

— Когда я был мальчиком, — сказал Цинк, — в каждом цирке было по несколько уродцев. «Волосатый человек» был самым обычным аттракционом.

— Здесь у нас тоже бывали «волосатые люди». Но они не похожи на тела, виденные мной.

— Что случилось с останками?

— Пошли на корм птицам. Мы ведь совершали форсированный марш по двадцать часов в день.

— Их убили Кваны?

— Так мне сказали. Гоминдан проиграл битву за Чинхо. Я допрашивал пленных. Каждому из них был предоставлен выбор между казнью и очищением и искуплением. Вот каким образом я узнал о причастности Кванов к резне. Они зарезали элм, как мне сказали, ради янь, якобы содержавшегося в их мозгу. Вот почему черепа, которые я видел, были вскрыты.

— Элм? — спросил Цинк.

— Волосатые существа. Кваны считали, что они — переходное звено между нами и Большим Волосатым Существом.

— «Существо» — это йети?

Министр кивнул.

Чандлер подавил в себе желание цинично улыбнуться. Это дело день ото дня становилось всё более грязным.

— В Чинхо я впервые столкнулся с этой семьёй. Те, кого я допрашивал, сказали, что поиск Большого Волосатого Существа был завещан им их предками. Кваны владели *чаа-ку-вэн* — костью-оракулом — которая обещала вечную жизнь тому, кто съест мозг Большого Волосатого Существа. Именно из-за этой кости император Цин принял их при своём дворе.

Чандлер вспомнил *чаа-ку-вэн*, которую они обсуждали с Лотос. — Где, предположительно, они достали эту кость?

— От Фанквань Чжу. Сыновей Отражённого Света. Это доисторическая мифическая раса. Так же, как христиане, каждая даосийская секта утверждает, что она придерживается единственно верного Пути. Кваны приспособили миф для собственного благоденствия.

— Шеннонгайя? — сказал Цинк, вспоминая, что сказал Джо-зеф, когда он звонил, чтобы передать свой рапорт. — Это место, где по слухам обитают йети?

— Синьцзян был древней столицей императоров Циня. Это там были найдены терракотовые солдаты. Трудясь для императорского двора, Кваны обыскали всю территорию юга Шеннонгайи. В течение трёх тысячелетий крестьяне там утверждали, что видели признаки Существа.

Шеннонгайские горы очень изрезанные и удалённые. Высотой в десять тысяч футов они занимают площадь более тысячи квадратных миль. Даже в разгар жаркого июля там преобладает зимний климат. Вершины, изобилующие легендами, благоприятствуют редким видам вроде белого медведя, голубинового дерева, стреловидного бамбука. Шеннонг, наш первый растениевед, собирал там лекарственные растения. Из-за ступенчатости склонов ему пришлось построить помосты, чтобы добираться до растений. Мы называем такую лестницу *джиа*.

У Цинка промелькнуло воспоминание об одном из старых текстов, имевшихся в экспозиции Кванов. «*Лечащая материя*» Шеннонга, сказала Лотос.

— Семья проводила свои исследования в двух регионах, — сказал Ци. — Шенногайя был первым, где нашли «зубы дракона». И ещё в Тянь-Шаньских горах Синьцзяна. В Синьцзяне их приверженцы охотились на эм янь, которых скармливали императору, в качестве замены Существа. Без этого лекарства они никогда бы не пережили наших бурных прошлых лет.

— А после падения императора?

— Они продавали их элите гоминдана. Теперь они продают их самым богатым людям Гонконга. Волосатые произошли от Существ. Эммы Янь, следовательно, продлевают жизнь. Эффект этого более слабый, так как они не столь дикие.

— Дикость столь важна?

— Дикость — это проявление янь. Чем более дико животное, тем сильнее получаемое от него лекарство.

— Тяньшаньская резня была устроена для того, чтобы пополнить запасы?

— Кваны стали не на ту сторону во время гражданской войны. Когда схватка началась и в Синьцзяне, им пришлось бежать. Мозг был стартовым капиталом, чтобы основать дело в Гонконге. Даосийские лекарства применялись и там тоже.

— Зачем было охотиться за элмами? Почему было не вывести домашних их заместителей?

— Потому что Кван сам верил в янь, а пронизательные гурманы узнали бы правду. Дикость слабеет в неволе. На улице Кьянмен, здесь, в Пекине, есть Тонгрентанг. Начиная с семнадцатого столетия его аптекари продавали «летний рог» для повышения детородных способностей. Летний рог заготавливают в июне, когда рога карибу покрываются бархатистым чехлом и наполняются кровью. Одна пластинка скажет аптекарю, является ли образец настоящим или же он получен от домашнего оленя, так сказать, кузена карибу. Он точно такой же, но без какого-либо янь.

— Мозг элмов доступен в ресторанах Кванов?

— Вероятно. За соответствующую плату. Их доставляют «змеиные головы».

— Змеиные головы?

— Контрабандисты. Торговцы плотью. У Кванов имеются сторонники в Синьцзяне. И лекарство и охотники по-прежнему в их распоряжении.

— Они пересылают мозги?

— Пересылают элмов. Чем свежее янь, тем сильнее лекарство.

Цинк покачал головой. — Просто трудно поверить. Если вы говорите правду, то их клиенты — каннибалы.

— Я знаю, что это правда, — сказал Ци, — из-за болезни куру.

— Что это такое?

— Болезнь, вызывающая неудержимый хохот. Вирус, подтачивающий мозг. Он передаётся только при поедании человечины. Инкубационный период составляет тридцать лет. Врач, открывший его, получил Нобелевскую премию. «Куру» — это слово жителей Новой Гвинеи, означающее дрожание или тряску. Когда начинается её приступ, жертва теряет контроль над нервной системой. Националисты, евшие янь, хохотали вплоть до смерти.

— Элмы вызывали последний смех, да? — сказал Чандлер.

ТЫСЯЧА РАЗРЕЗОВ

Роузтаун, Саскачеван

вторник, 24 марта, 7:45 пополудни

— Если ты умрёшь, — сказал Глава, — кто будет твоим наследником? Первый родившийся сын является Главой. За ним следует его первый сын. Чтобы защитить порядок наследования, мы должны сохранить твоё семя.

Каждый понедельник на тринадцатом году его жизни приходила обнажённая женщина, чтобы собрать его сперму.

— Ну-ка, — подразнивала она его, теребя его penis. — Сколько ты прольёшь для своего дедушки сегодня?

Ощущение стыда от происходящего сердило его. Такие бесперомонные руки. Она улыбалась ему, пока он спускал в чашку.

Головорез выдерживал это только благодаря холодному участку в его мозгу

— Чем мельче разрезы ты будешь на нем делать, тем дольше это будет продолжаться.

Глава вручил ему нож-янь.

Раздетый доната и кричащий человек висел на мясных крюках, вонзённых ему в кисти рук. Не доставая ногами дюйма до пола, он дёргался, чтобы уклониться от безжалостного лезвия.

Каждый квадратный дюйм его тела был рассечен по меньшей мере одним разрезом.

Головорезу было девять лет, когда он узнал о Тысяче Разрезов.

Он выдержал это благодаря холодному участку в своём мозгу

Несколько раньше он остановился рядом с заснеженными деревьями.

Скрытый деревьями, он выполнил тай-чи, представляя себе воду, текущую по гладким валунам, словно «получая подарок».

Во время ритуала он отыскал в своём мозгу холодный участок

Снег, насколько хватало взора, ничего, кроме снега.

Он притаился за сугробом в футе от дороги, оглядывая ферму в прибор ночного видения. Фосфоресцирующе-зелёная в биноклях, двускатная крыша имела громоотвод и заржавевший флюгер. Закрытые ставнями окна, увешанные декоративными шнурками, окружали крыльцо, а с них свисали сосульки, похожие на бороду Санта-Клауса. Стёкла по сторонам от передней двери отсвечивали огнём, пылающим в камине.

Головорез был закутан во всё белое вместо своего обычного чёрного одеяния. Белая парка с белым капюшоном, с белыми прорезями для глаз маска. Полная луна и звёздное небо сияли над головой.

Холодная земля.

Холодный разум.

Безжалостное сердце.

Он расстегнул сумку и вынул винтовку.

Её артрит разгулялся сегодня, поэтому она сидела, покачиваясь, у камина. Опухшие пальцы перелистывали альбом, лежащий у неё на коленях. Чай в её чашке совсем остыл, так она была поглощена этим занятием. Воспоминания, запечатлённые в книге, согревали её.

Вот Цинк, когда ему было пять лет, зовущий свою маму, его язык примёрз к железным поручням заледеневшей ограды. Дважды он получил этот урок той зимой. Такой упрямый мальчишка.

На следующей фотографии её сыновья разливают кленовый сироп, настоящие маленькие канадцы, а её отец расчищает участок в

саду, чтобы залить каток. Кленовый сахар и имбирь: то, что любил Цинк. Ваниль и корица: это предпочитал Том.

Она усмехнулась, увидев моментальную фотографию снеговика во дворе, переведя взгляд на того, которого вылепил Цинк, когда был здесь в последний раз.

Из-за ослабевшего зрения она могла только представить шапку из старой каминной трубы и изъеденный молю шарф, уголки вместо глаз и морковку из погреба в качестве носа. Барк и Байт возились в серебристом свете луны.

Ещё несколько минут, и она выпустит собак.

Головорез пристрелил Барка и Байта, когда они оббегали вокруг дома, выпалив по немецким овчаркам из винтовки с глушителем.

Спрятав винтовку, он вытащил нож-янь.

Белый на белом, он направился к заднему двору.

Большие часы с маятником прозвонили восемь часов, когда она с трудом поднялась с кресла. При движении у неё ныли все суставы. Как она боялась, открывая дверь, чтобы выпустить собак и давая тем самым морозному демону зимы шанс впиться в её больные кости. Весна запаздывала в этом году. Так же, как и Том.

В первое мгновение она подумала, что за открытой дверью она увидела призрак, шутку, которую катаракта сыграла с её глазами. Затем нож рассёк её щеку, и она поняла, что видение было настоящим. Капли крови забрызгали снежно-белую маску.

Следующие два удара рассекли пальцы её руки, поднятой в ужасе, чтобы защитить лицо. Остро заточенное лезвие разрезало их до самой кости.

Старуха отшатнулась назад, к мироносице. Её обручальное кольцо звякнуло о медную чашу, когда она оступилась. Убийца секнул по тыльной стороне её шеи, пока она пыталась встать.

Убийца безжалостно протащил её от печи до китайского ларца, мимо одного из первых водяных насосов, под её медными чашами и кружками для коронации, мимо ирландских вязаний, ноттингемских кружев и грубых, выполненных сепией гравюр.

— Со старухой покончено.

Он секнул её ещё раз.

— Теперь дело за молодым.

Он секнул её.

— Ты расплачиваешься за то, что воспитала докучливого сына.

Он снова секнул её ножом.

И ещё раз...

И ещё...

И ещё...

ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО

Ванкувер

9:15 *полудни*

ДеКлерк перечитал протокол допроса шпиона Кванов в Силах. Этот человек был азиатом, поступившим на службу два года тому назад. Проходя подготовку в Сан-Франциско, он сделал компьютерный запрос в отношении Фрэнсиса Паркера и его исследований в Блэк-Хиллз. Второй запрос ушёл в армию США относительно генерала времён гражданской войны по имени Гидеон Пратт. Кем был Пратт, ДеКлерк не имел ни малейшего представления, но оба запроса предваряли его собственные в Силах. Каким образом Кваны вышли на Паркера *прежде*, чем они узнали о Блэйке? Шпион об этом не говорил.

— У тебя найдётся минутка?

Джо просунул голову в дверь.

— Я только что говорил с Дмитрием в Москве.

— Прочёл ему рапорт Цинка?

— Он был поражён. Помнишь, я говорил, что «Комиссия по снежному человеку» считала, что *два* неклассифицированных гоминида живут высоко в горах в окрестностях Синьцзяна? Один — йети. Другой — элмы.

Джо сверился с пометками, которые сделал во время разговора.

— «Элмы» — это монгольское название «странного вида, переходного между обезьяной и человеком». Тянь-Шаньские упоминания о них датируются пятнадцатым столетием.

Тибетцы говорят, что его мясо лечит умственные расстройства. В Ганданском монастыре в нынешнем Улан-Баторе есть деревянная резная фигура «дикого человека», похожего на тех, кого описал Ци.

— Как удалось Кванам найти их, если это не удавалось другим?

— Как и при любой охоте, нужно знать, где искать. В начале века царское правительство послало профессора Замтсарано в Тянь-Шань. Он проводил там полевые работы вплоть до 1928 года. Надеясь убедиться в истинности упоминаний об элмах, он нанёс их на карту вместе с именами тех, от кого получал сведения. Художник рисовал картины в соответствии с каждым описанием.

— В музее Дарвина имеется эта карта?

— Нет, она была похищена. Но бумаги Замтсарано сохранились в Ленинграде и Улан-Уде.

— Наверное, Кваны похитили карту, как и мои записи о Блэйке?

— И стали охотиться на элмов, почти уничтожив их.

— Русские считают, что этот вид — переходный между йети и нами?

Джо покачал головой.

— Поршневу — самое известное имя среди советских учёных, изучающих «дикого человека». Он в течение тридцати лет продолжал работу Замтсарано. В 1974 году он опубликовал свои выводы. Его книга озаглавлена «Неандерталец всё ещё жив».

Роберт глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он чувствовал себя так же, как и в тот раз, когда впервые увидел взрыв атомной бомбы, или как в тот день, когда наблюдал, как Нил Армстронг разгуливает по Луне. Его разуму нужно было привыкнуть, чтобы принять действительность.

— Возможно ли это? — спросил он.

— Схожесть описаний элм с известными останками неандертальцев просто поразительна.

Что случилось с неандертальцами — это самым спорный вопрос палеонтологии. От 125 000 до 30 000 лет назад они населяли всю Евразию, а затем, внезапно исчезли, когда появились мы.

Вымерли ли они? Возможно. Или же мы оттеснили их с лучших охотничьих угодий в отдалённые области, где небольшие их группы выжили до наших дней?

Эволюционировали ли они в нас? Вряд ли. Слишком велики различия в нашем строении. Более вероятно, что мы оба произошли от архаичных гомо сапиенс.

— От Евы? — сказал Роберт.

— Кто знает? — ответил Роберт. — Но если элмы произошли от неё, то их суперген повторяет любой её дефект.

Австралопитек и гомо габилис схожи между собой так же, как и гомо габилис и гомо эректус. Я думаю, что это предварило то, что произошло с неандертальцем и нами.

Полагают, что Дарвин утверждал, будто эволюция -- это постепенный процесс, действующий на каждую особь. В действительности же он утверждал, что естественный отбор влияет на нескольких представителей того или иного вида в каждом отдельном регионе. Эволюция -- это ступенчатый процесс, со вспышками активности и статичными этапами. Вот почему различные гоминиды существуют и почему отдельные виды совершают драматические скачки вперёд, назад и даже в сторону.

Джо поискал сигару в своём пиджаке.

— Тянь-Шаньские горы до конца не исследованы. Мы по-прежнему находим в джунглях племена, живущие в каменном веке.

— Хватит выступать адвокатом дьявола. Что ты сам думаешь по этому поводу?

Джо раскурил сигару и погасил спичку. Он выдохнул колечко дыма, потирая подбородок.

— Элмы -- отступление назад. Дезэволюционные, такие человеческие существа. Нельзя остановить эволюцию и повернуть назад. Поскольку они являются людьми, они передают болезнь куру. И вот почему их ДНК бесполезна для Эвана.

Зазвонил телефон.

— ДеКлерк, — сказал Роберт.

— Шеф, на линии какая-то расстроенная женщина. Настаивает на том, чтобы поговорить с Чандлером. Говорит, что это касается его сына.

— Его сына? — переспросил Роберт.

— Меня это тоже удивило.

— Как её зовут?

— Не хочет говорить.

— Соедини меня с ней.

Не успел он повесить трубку после разговора с Деборой Лэйн, как телефон снова звякнул.

— Шеф, ещё один звонок Цинку.

— Запиши сообщение.

— Это срочно. Из департамента Роузтауна.

Саскатун, Саскачеван/Коулун
вторник, 24 марта, 11:12 пополудни/
среда, 25 марта, 1:12 пополудни

- Сделано.
- Хорошо. Как насчет *coup de grace*?
- Кто? — спросил Головорез.
- Сын Чандлера.

Кантон, Китайская Народная Республика
среда, 25 марта, 2:17 пополудни

Кантон — шумный грязный город с пыльными деревьями, широкими бульварами, узкими аллеями и чадящими фабриками. Илистая Жемчужная река прорезает город с востока на запад, с островом Шамьян, прижавшимся к её северному берегу. Отторгнутый у Китая в качестве уступки во время Опиумных Войн, остров был заповедником величественных зданий, колониальных церквей, посольств, футбольных полей и теннисных кортов. Здания, уцелевшие до нынешних дней, потеряли свой лоск, их внешняя отделка обсыпалась, а рядом с отелем «Уайт Свон» они казались просто карликами.

Севернее острова Шамьян, на другом берегу канала, Кинпинский рынок служил источником, питавшим Кантон. То ли сегодня была ярмарка, то ли обычный торговый день, но только Цинка всего затолкали, задёржали и наставили синяков в неистовой давке. Окружённый толпой, не имеющей ни малейшего представления о том, что такое личное пространство, при том, что многие плевались, натываясь на «немощего» флегматика, он пробирался мимо прилавков с травами вблизи от рыночных ворот, направляясь к тому месту, которое Ци описал как «зоопарк купли-продажи».

Это и был зоопарк купли-продажи.

Первым признаком публичной бойни был рог носорога, выставленный на продажу. На тележке с нарисованными на её бортах луной и гадюкой в стеклянных террариумах скользили и извивались змеи. Как только покупатель делал выбор, хозяин хватал рептилию и отсекал ей голову, разрезая живот змеи, чтобы освежить её. Все виды домашних, диких и вымирающих животных продавались здесь. Обезьянки с грустными глазами сотрясали прутья

своих деревянных клеток, а перепутанные олени были втиснуты в такие узкие загоны, что даже не могли двигаться. Совы были прикованы к будкам, в которых содержались камышовые коты, и черепахи наползали друг на дружку в мелких оловянных подносах. Дикие снежные барсы лежали со связанными лапами, а орлы, барсуки, питоны, собаки, панголины и саламандры сновали в переполненных клетках. Окружённые тушами, всё ещё дёргающимися после недавней смерти, те, у которых были выпущены внутренности, были зацеплены за крюки, висевшие над головой; болтливые мясники с секачами и ножами некоторых обдирали живьём, других оглушали ударом по черепу, прежде чем опустить их в кипящую воду, прекращая тем самым их страдания. Затишьем среди криков диких животных была бойня, где женщина в дизайнерских штанах свежевала окровавленную лагу.

Чандлер ощутил отвращение.

Он стал прокладывать себе дорогу обратно к машине. Все вокруг него представлялись ему в чьём-то чужом обличье.

— Вы и теперь находите, что в мой рассказ трудно поверить? — спросил Ци.

Цинк забрался на заднее сиденье вместе с министром, и машина тронулась. — Для мальчишки прерий, поднявшегося в открытое пространство, это было настоящим живым адом.

— Мы рождаемся в толпе, живём в толпе и умираем в толпе, — сказал Ци. — Такова реальность для большинства китайцев. Я присутствовал, когда Ден Сяопин встречался с Джимми Картером. Президент начал читать ему лекцию по правам человека, особенно подчёркивая тот факт, что наши граждане не могут покинуть страну. Ден улыбнулся и ответил: «Сколько сотен миллионов вам нужно?» На этом лекция закончилась.

Они сидели в душном правительственном автомобиле, вдыхая запах дизельного топлива, медленно двигаясь в потоке велосипедов, тележек и проржавевших машин.

Четырёхэтажные строения с выходящими на улицу аркадами стояли по бокам главных магистралей, тускло-коричневых лент, тянувшихся на север к Уайт-Клауд-Хиллз. Напоминающие полумесяцу ворота вели к боковым улочкам, издающим запахи жареной свинины, гниющей рыбы, застоявшейся мочи и немых тел. Слишком много измождённых лиц выглядывало из переполненных квартир.

Машина свернула на север на Джифанг Зонглу, направляясь к байенскому аэропорту. Делая осторожные шаги к капитализму,

афиши рекламировали батарейки «мун Рэбит» и шины с повышенным пробегом.

— В Уайт-Клауд-хиллз, — сказал Ци, — находится усыпальница Чана. Император Цинь, утверждает легенда, приказал министру Чан Он Ци найти для него траву бессмертия. Через несколько лет Чан нашёл лекарство в Байен Шане, но когда он испытал его, остальные растения исчезли. Стыдясь вернуться с пустыми руками, он бросился с обрыва, где аист подхватил в воздухе и отнёс на Небеса. Если бы только и Кваны были такими благородными, когда им не удалось выполнить приказ!

Когда дорога перешла в Джифанг Бэйлу, впереди появились Сад Орхидей и парк Юксю.

— Тяньшаньская резня произошла сорок лет назад, — сказал Цинк. — Откуда этот внезапный интерес со стороны Гон Ан Чжу?

— Этот интерес — мой личный, инспектор. Гон Ан Чжу не имеет к этому отношения. Младший сын Квана был убит во время бегства в 1945 году. После Революции я обвинил отсутствующую семью в резне и других преступлениях. Кван Кок-су был приговорен к смерти. С тех пор я стал средоточием его ненависти. Он обвиняет меня в потере обоих своих сыновей.

— Это вы подложили бомбу Стивену в 1963 году?

— Нет, но он думает, что это сделал я.

Ци вытащил фотографию из кармана своего пиджака, фото в морге двух тел на тележках для вскрытия. Оба черепа были вскрыты и лишены мозга.

— Женщина — моя жена. Мальчик — мой младший сын. Надругательство над их телами сказало мне, кто их убил.

Моему старшему сыну потребовалось несколько лет, чтобы проникнуть на фабрику Кванов. Там он встретил женщину и влюбился. Недавно Кван вызвал её в свой Зал Предков, феодальное внутреннее святилище в самом сердце его компании. Кван вёл себя странно, произвольно смеялся. Очевидно, он тоже страдает болезнью куру. Он попросил её родить ребёнка путём искусственного осеменения, за что ей бы щедро заплатили. Во время этого посещения она похитила карту, которую мой сын прислал мне, ту самую, которую позже я переслал вам. Кван находился в невменяемом состоянии из-за болезни и позволил просочиться информации о том факте, что у него имеется два внука. Старший причинял хлопоты и не гарантировал, что у него будет наследник.

— Имя упоминалось?

— Эван, — сказал Ци.

Машина приближалась к парку Юксю, когда заработало радио. Водитель что-то докладывал, пока мужчины на заднем сидении разговаривали.

— Кван Кок-су — скользкий угорь. Кто знает, что происходило во Внутреннем Святилище после смерти Стивена? Может, там был и *третий* внук, скрытый из-за страха за него. Факт наличия наследника держался в секрете, чтобы убийцы не могли напасть на его след.

— Должна быть запись о рождении в колонии.

— Гонконгской полиции платят, чтобы она оберегала Кванов. Любые документы исчезают за соответствующую плату.

— Кван принуждал женщину, чтобы она родила ему сына?

— Похоже на то.

— Путём искусственного осеменения? Он что — импотент?

— Вероятно, побочный эффект заболевания. Семья передаёт власть от поколения к поколению через старшего сына. Этот сын — Головорез — исполняет приказы Главы, проходя период ученичества, которое готовит его к управлению. Кван Кок-су был Головорезом во время резни элм. Он принял правление во время бегства в Гонконг, когда был убит его отец. Со смертью Стивена новым Головорезом стал *его* старший сын. Кван должен желать замены Эвана.

Ци подал Цинку ещё одну фотографию. Она показывала тело, насаженное на кол. И снова мозг отсутствовал — визитная карточка Кванов.

— Мой сын и его любовница были схвачены на прошлой неделе. Головорез Квана сделал с ним это. Затем тело было отправлено ко мне домой.

— Слова на стене? Что они означают?

— «Был человек, у которого было два сына...» — сказал Ци.

После Панфу Лу машина свернула налево. Министр что-то сказал водителю по-китайски. Они остановились у здания общественной безопасности, выходящего фасадом на парк.

— Вам пришёл срочный звонок из Канады, — сказал Ци.

Кулаки Чандлера побелели, пока он слушал ДеКлерка. Набухшие вены на обоих его висках посинели и запульсировали. Дрожа от ярости, он передал телефонную трубку Ци и, не говоря ни слова, со смертельно бледным лицом покинул здание.

Снаружи нахмурившееся небо грозило дождём. Побуждаемый иррациональным стремлением слепо хлестать всех подряд, Цинк

побежал через дорогу к южным воротам парка. С колотящимся сердцем, обливаясь потом, он оббежал вокруг памятника Сунь Ятсену с его гранитным обелиском, когда-то бывшим фундаментом храма богини Куан Йинь. Он стремительно пробежал на северо-восток мимо Народного Стадиона, мимо Шанхайской башни, захваченной британцами во время Опиумных Войн, миновал двенадцать орудий перед Пятиярусной Пагодой.

От стены Старого Города династии Минь он сделал круг вдоль озера Нанксю, так что удивлённые родители поскорее старались убрать детей с его дороги. Только когда он выбился из сил и его требующая выхода ярость схлынула, он остановился у подножия скульптуры Пяти Баранов. Поглядывая на него с беспокойством, люди спешили уйти.

Когда Цинку было семнадцать лет, он купил свою первую машину.

Через неделю её занесло на лёду, и она разбилась об ограду их фермы.

Его мать вышла из дому, чтобы успокоить его.

«Никогда не плачь ни о чем, что не станет плакать по тебе».

Она бы плакала по нему.

Он зарылся лицом в ладони.

Он слышал, как вдалеке постукивает трость.

Прошло много времени, пока стук приблизился к нему.

Бутылка в бумажном кульке появилась перед его лицом.

«Джонни Уокер», судя по пробке.

— У меня тоже была мать, — сказал Цзи. — Расскажите мне о своей.

ХИТРЫЙ КОП

Коулун

5:20 пополудни

Чандлер был полупьян, когда его самолёт приземлился в колонии. Из аэропорта Кай Так он взял такси до отеля «Блекфрайерс», собираясь рассчитаться и вернуться в Канаду. Он как раз рассчитывался с кассиром, когда портье вручил ему несколько сообщений.

Глянув на верхнее, он понял, что прошлое настигло его и схватило за горло. — Твою мать, — пробормотал он. — Нет, — ответил служащий.

Цинк столько раз заново переживал ту ночь в «Рэд Серж Болл», что больше не мог представить её как единое целое. Вместо этого одна и та же картина повторялась бесконечно, словно плёнка в проекторе, склеенная кольцом.

Картина увядания в «Рэд Серж Болл».

Сцена происходит на застеклённом балконе отеля «Хьятт». Над головой мерцают звёзды, а из-за французских дверей доносятся звуки музыки из расположенного рядом балльного зала. Цинк одет в парадную форму инспектора КККП: приталенную куртку из красного сукна поверх голубой сорочки, белые кружевные манжеты с чёрными запонками, синие с жёлтыми полосками брюки и чёрные веллингтоновские полуботинки со звякающими шпорами. Золотые венчики поблёскивают на его эполетах. Золотые наградные кресты сияют на лацканах. Озабоченные морщины на его лице.

Дебора Лэйн также одета в наряд для приёмов. Длинное черное платье, пресекаясь на груди, завязано сзади на шее, оставляя спину обнажённой. Когда она всхлипывает, развевающиеся пряди её медового цвета волос слипаются от слёз.

— Дебора, пожалуйста. Я должен был знать. Мы не могли просто...

— Ладно, есть кое-что ещё, что ты должен знать, — говорит она, её голубые глаза очерчены чёрточками туши. — Я беременна на втором месяце...

...беременна...

...беременна...

Петля крутится снова и снова.

— Мы? — говорит он, захваченный врасплох.

— Той ночью, в берлоге Вурдалака.

— Дебора, я...

— Прощай, Цинк.

...прощай...

...прощай...

...прощай...

Когда её обнажённая спина скрывается за французскими дверями, оттуда доносится «Последний срок» Флойда Крэмера.

Воспоминания блекнут и исчезают.

С тех пор прошёл год без единого слова от неё, что убедило его в том, и это она солгала ему о своей беременности, выдвинув этот аргумент под влиянием мимолётного чувства в пылу их спора. Что ж, в семье Деборы наблюдалась шизофрения. Несколько раз он пытался найти её на Род-Айленде, но каждый раз только убеждался, что она оставила свою работу и переехала куда-то в другое место.

Он потерял Кэрл.

Он потерял Дебору.

И поделом ему.

Теперь Кэрл вернулась.

То же сделала Дебора.

Вместе с его сыном.

Коулун/Мауи, Гавайи

среда, 25 марта, 5:35 пополудни/

вторник, 24 марта, 11:35 пополудни

— Хэлло.

Голос напряжённый.

Слышно, как плачет ребёнок.

— Это Цинк. Я должен успеть на самолёт. Что случилось, Дебора?

Теперь плачет она.

Как и их сын.

— Дебора...

— Помоги мне, Цинк. Я так напугана.

— Ты на Гавайях? Что ты там делаешь?

— Скрываюсь от неё.

— Кого?

— Она хочет навредить нашему сыну.

— Кто, Дебора?

— Мать. Она собирается смыть мой грех.

Иисусе, подумал он, вздыхая.

Мать Деборы умерла год назад, сойдя с ума.

Гонолулу

среда, 25 марта, 7 05 пополудни

Головорез осматривал свой рот в зеркале.

Ему улыбались зубы Чандлера.

Для того, чтобы укрепить сломанный коренной зуб Цинка коронкой, дантист Кванов в понедельник изготовил слепок с его зубов.

Смешав соответствующий порошок с водой и получив розовую вязкую массу, он заполнил ею дугообразную посудину и приложил её к верхним зубам Цинка. Когда смесь загустела и превратилась в резиноподобную массу, он убрал посудину и проделал ту же операцию с нижними зубами. Затем он заполнил оба отпечатка зубным цементом.

Итог: великолепная копия прикуса Цинка.

Сегодня дантист использовал эти модели, чтобы изготовить ещё одну челюсть, прижав пластиковые зубы Чандлера к силикону, чтобы получить новый отпечаток. Частично заполнив силиконовую форму быстро твердеющим акрилом, он вонзил модель зубов Головореза в застывающую резину.

Итог: накладка, которая подходит к зубам убийцы и оставляет следы укуса Цинка.

Теперь можно было испробовать их на Деборе Лэйн.

четверг, 26 марта, 7:02 утра

Чандлер был в изнеможении.

Единственный рейс из Гонконга на Гавайи проходил через Японию, где комендантский час в аэропорту и угроза взрыва совсем доконали его.

Всю ночь, пересекая Тихий океан, выпившие японцы распевали песни, сопровождая себя на *караоке*, поэтому на встречу с Деборой он ехал совершенно изнурённым.

Эмоционально он был опустошён.

Цинк стоял в очереди, чтобы приобрести билет до Мауи, когда перехватил взгляд дантиста Онга, сажающегося на азиатский рейс.

Короткий отпуск, подумал он.

Мауи, Гавайи

8:11 утра

Проходящая по берегу, Головорез наблюдал, как она подошла к телефону. По тому, как она теребила свои волосы, он понял, что звонил Чандлер. Секундой позже его крошечный микрофон подтвердил этот факт.

Дебора повесила трубку и проверила ребёнка в его люльке, распахнув дверь веранды, чтобы проветрить помещение. Направляясь в ванную, она распахнула свой халат.

Дверь ванной закрывалась, когда Головорез покинул берег и направился к домику.

8:29 утра

Чтобы провести свою маму в Роузтауне, Цинк нанял машину. Только с его везением могло случиться так, что нагреватель в машине был сломан.

Чтобы приехать к своему сыну в Мауи, он нанял другую машину. На этот раз не работал кондиционер.

Из аэропорта Кахалаи он поехал на юг к Кихеи вдоль долины, отделяющей Пуу Кукуи от кратера Халекала. Машина миновала двойные стожки пууэннской сахарной фабрики; порывы ветра раскачивали заросли тростника беспорядочными волнами. Когда спра-

ва открылся Малайская бухта, горбатый кит в заливе выбросил фонтан воды и пара. Для праздных туристов, собирающихся покинуть «Макдональдс» и расположенный за ним «Бургер Кинг», это был чудесный день в солнечном раю. Кокосовые пальмы высотой по шестьдесят футов встречали береговой бриз, постукивая ветвями, словно клавишами пишущей машинки. Машина ехала вдоль побережья по Саут-Кихеи-роуд, а мимо проходили женщины в лёгких нарядах. Слева от него японцы в свободных рубашках играли в гольф. С другой стороны дороги волны разбивались о великолепный белый песок, а цвет океана менялся от лазурного до аквамаринового и до фиолетово-синего. Но у Цинка было отнюдь не праздничное настроение.

Южнее Камаоле-Бич он разыскал нужный ему участок. Ставая машину возле домика, он облегчённо вздохнул. Говоря с Деборой из Гонконга, он принял решение.

Он знал, что она придёт в ярость, если он предложит медицинскую помощь, поскольку с тех дней, когда её мать умирала в психиатрической лечебнице в Провиденсе, психиатры вызывали в ней параноидное состояние. Можно было сообщить о ней полиции Мауи, но что, если она увидит их и бросится бежать? В конце концов, он решил сам попытаться разобраться с ней, зная, как сильно она любит мальчика. Теперь он был рядом, чтобы защитить их сына.

Никто не ответил, когда он постучал в дверь.

Садовая тропинка вдоль одной стены домика вела к берегу. Величественные эвкалипты нависали над блестящим на солнце прудом. Расположенная рядом тщательно ухоженная лужайка заканчивалась ослепительно белым песчаным пляжем, побережье вдали манило его к себе. Виндсерферы скользили по волнам, словно яхты, направляясь к Молокини-Айленд.

— Дебора?

Никакого ответа.

Его взгляд пробежался по берегу.

— Дебора, ты здесь?

Он шагнул на веранду.

Плюшевый мишка лежал на пороге открытой застеклённой двери.

Справа в манеже виднелись детские ножки.

— Боже, нет, — простонал он, шагнув внутрь.

По поручням манежа полз богомол.

Из всех убийств, свидетелем которых ему доводилось быть, это было самым ужасным. В манеже из-под огромной мягкой подушки выглядывали две пухлые ножки. Крошечные пальчики, скрючившиеся после смерти, вцепились в детскую пелёнку, когда малыш боролся за жизнь.

Весь сжавшись, Чандлер поднял подушку. С выражением в миниатюре повторяющим его собственное, маленькое посиневшее личико смотрело прямо на него.

Она убила его, подумал он.

Цинк уже собирался позвонить в полицию, когда заметил женскую ногу за дверью ванной комнаты. *Убила его и покончила с собой*, мелькнула у него мысль — но она сменилась недоверием, когда он увидел тело Деборы. Кто-то убил их обоих в течение последнего часа.

Мама.

Сын.

Дебора.

Цинк знал — кто.

Совершенно голая, с ногами на полу, с головой погружённой в воду, она лежала лицом вверх, перегнувшись через край ванны. Пояс купального халата был обмотан вокруг её горла, один его конец плавал в пене вместе с прядями белокурых волос.

Он разогнал воду рукой, чтобы очистить её от мыла. Выкатившиеся из орбит глаза с лопнувшими сосудами встретились с его глазами. Как всегда бывает у наиболее сильно сопротивляющихся жертв, язык вывалился наружу, её зубы казались белыми, словно слоновая кость, на фоне посиневшего лица. Умирая, она опорожнила и мочевой пузырь и кишечник, но его внимание привлекли следы на её грудях.

Цинк съел слишком много яблок, чтобы не узнать этого укуса.

Каким образом? — удивился он.

Дантист, мелькнула у него мысль.

Когда он услышал вой полицейской сирены, он уже знал, что убийца вызвал копов, ещё один анонимный звонок, вроде того, что сообщил о его маме.

Как долго полиция Мауи будет держать его, пока будет вести расследование — если и не в тюремной камере, то, по крайней мере, привязанным к острову?

Не для этого ли было всё сделано?

Чтобы выиграть время?

Дёргая его, словно марионетку, ради интересов Кванов?

Цинк не спал с того времени, как они с министром Цзи были в Пекине.

В его перегруженном мозгу все соображения здравого смысла ушли прочь.

Им завладели мысли, идущие из глубин лимбической системы.

— Я найду тебя, ты, ублюдок. И когда я сделаю это, я разорву тебя на части голыми руками.

Гонолулу

11:12 утра

Конная полиция не играет по правилам маркиза Кинсберри.

Особенно, когда те, против кого они борются, играют по законам джунглей.

В аэропорту Гонолулу Цинк на день снял комнату в «Мини-отеле», закупив кое-какие припасы, прежде чем закрыть дверь на два запора. При помощи бритвы он распорол обложку своего паспорта, высвободив изнутри другой паспорт. Прикрепив его в развёрнутом виде к зеркалу, он принялся за работу.

Мужчина, выскользнувший из «Мини-отеля», чтобы сесть на борт самолёта, вылетающего в Азию, имел каштановые волосы, лысину на макушке и толстые выпуклые очки. Усы на его верхней губе напоминали Тома Селлека, а паспорт идентифицировал его как Барри Хорна.

Летя над Тихим океаном на восток, Чандлер записывал свои подозрения на клочке бумаги.

Каким образом Кваны узнали о его матери и о его сыне?

Потому, что его номер в отеле «Блекфрайерс» подслушивался?

Кто предоставил ему этот номер?

Дэвид Онг.

Как удавалось Кванам оставаться неприкосновенными так долго?

Потому, что они были защищены продажным копом?

Кто выдал им карт-бланш для их преступлений?

Суперинтендант Дэвид Онг.

Если предположить, что Эван скрывался за подложными документами, кто был в состоянии снабдить его ими?

Если следы на грудях Деборы совпадали с его прикусом, кто рекомендовал ему дантиста в Гонконге?

Дэвид Трахнутый Онг, подумал он, складывая свои пометки в карман.

Ванкувер

6:05 пополудни

ДеКлерк был в своём кабинете, когда позвонил сержант из Мауи.

Услышав имена жертв, он вспомнил о звонке Деборы.

— Нам нужна его карточка дантиста, — сказал коп из Мауи.

Повесив трубку, ДеКлерк вспомнил битву Цинка с Вурдалаком.

Чандлер был непредсказуем, когда нож оказывался у его горла.

Начинаются неприятности, подумал Роберт. *Серьёзные неприятности.*

Он позвонил Чану и Тэйт.

ЧАЙНЫЙ ДОМИК

Гонконг

вторник, 28 марта, 8:02 пополудни

Дэвид Онг был обеспокоен.

Кваны зашли слишком далеко.

Охота за Чандлером грозила тем, что он сам попадётся в расставленные сети.

Настало время подвести итог.

Настало время уйти.

Суперинтендант провёл день за телефонными разговорами с другими копами: гавайской полицией, ФБР, КККП. Все они имели свои точки зрения на причастность Чандлера к этому преступлению, от обвинения его в двойном убийстве до утверждения, что его подставили. Следы укуса тоже упоминались. Итак, был сломанный зуб. Конные хотели, чтобы он нашёл дантиста в Гонконге. Дантиста Кванов. Дантиста Онга. Что, если они свяжут всю цепочку воедино?

Ещё хуже, что никто не знал, где находился Чандлер.

Ничего не может более смертельно опасным, чем ловкий коп в бегах.

Ловкий коп с намерением посчитаться с Онгом.

Со штаб-квартиры ГКП на Арсенал-стрит он поспешил на юг к Куинзвэй, чтобы сесть на трамвай. Если Чандлер сделал ставку на здание, то он будет следить за стоянкой. Высокопоставленные чиновники не пользуются общественным транспортом.

Сев в трамвай через заднюю дверь, он выбрал себе место так, чтобы видеть и дверь и улицу. словно мальчишка, он предпочёл сесть впереди на верхнем этаже высокого двухэтажного трамвая и следить за мелькающей мимо Ван-

Он заботился о том, кто является самым грозным человеком в Гонконге, Немалодой для Триад и британской полиции. Венцом его желаний было придушить Квана Кок-су, сведя тем самым свои бесконечные счёты с миллионами, в то время как Триады проклинали его имя. Как и большинство гонконгцев, он собирался выехать до 1997 года — сперва на Тайвань, затем в Штаты — но осложнение с Чандлером убедило его, что уезжать нужно теперь же.

Ещё одна поездка ради денег.

Кваны задолжали ему.

Пока трамвай грохотал на запад, к Центральному Району, Онг следил за машинами позади и уголками глаз за теми, кто садился в трамвай. Он посчитал бы любое белое лицо признаком того, что нужно убираться. Полиция Мауи подозревала, что Чандлер был в гриме.

Бросив монетку в ящичек возле водителя перед тем, как выйти, Онг покинул трамвай у отеля «Хилтон». Оттуда он направился по Гарден-роуд к Мид-Левелз, мимо резиденции губернатора и консульства США, высматривая Чандлера на каждом шагу.

Остановка трамвая у Пика была строением со стеклянным фасадом, скрывающим фуникулёр, находящийся рядом. Онг подошёл, когда трамвай был готов отправиться, поэтому он вскочил в последний вагон, когда двери уже заскользили, закрываясь. Сзади не осталось никого, кто бы следовал за ним.

Пик Виктории — самая высокая точка острова Гонконг. Его склоны так круты, что небоскрёбы Центрального района кажутся наклонёнными назад вдоль его склона. Турист, сидевший по соседству с Онгом, поднялся и согнулся под углом сорок пять градусов, чтобы сделать фотографию. Полукруглые скобы в полу упирались в его каблучки. Кабель длиной в пять тысяч футов плавно тащил трамвай по склону, в то время, как рука суперинтенданта нацупывала револьвер в кармане. Город внизу являл собой пурпурный ковер, усыпанный драгоценными камнями. Неоновые огни отражались в чёрных водах пролива, а между шпилями, окаймляющими оба берега, спускались тени. За Жемчужной рекой, видневшейся на западе, заходящее солнце краснело позади Португальского Макао. Колотя хвостом над туманными холмами Коулуна и над Новыми Территориями на севере, дракон Красного Китая приготовился сожрать британского Льва.

Трамвай делал пять остановок, поднимаясь на Пик.

Кеннеди-роуд и Макдоннелл-роуд: Ботанический Сад.

Боуэн-роуд: дикие обезьяны.

Мэй-роуд: самая крутая часть.

Баркер-роуд: красивейшие виды.

Высматривая Чандлера на одной из остановок, Онг заметил крысу. Крысы всегда были одной из главных проблем колонии. Награда в двадцать центов за хвост была когда-то обещана за уничтожение каждого грызуна. Награда была отменена, когда рыбаки стали охотиться за крысами столько времени, что его не оставалось на рыбную ловлю.

Потребовалось восемь минут на путь от подножия до вершины, и трамвай достиг Пик-Тауэр.

Для того чтобы въехать на склон по дороге требовалось больше времени, поэтому если Чандлер охотился за Онгом, то его можно было сбросить со счетов.

Зарытая на две трети в землю и выступающая на одну треть над поверхностью, Пик-Тауэр противостояла ветрам до ста миль в час. Некоторые из пассажиров охали и ахали, взирая на панораму, простиравшуюся внизу. Другие же бодро затрусили по направлению к дорогим ресторанам. Онг свернул налево по Харлеч-роуд.

Пик всегда был престижным местом для жизни в Гонконге. Раньше, когда единственным транспортом для подъёма и спуска были тележки кули, сэр Эркуль Робинсон рекомендовал британской знати строить свои особняки здесь, чтобы уберечься от сырости. Вплоть до Второй Мировой войны стоимость недвижимости на Пике обуславливал белый цвет кожи его жителей. Статус определялся тем, как высоко на склоне вы жили — игра, которую китайцы приняли с готовностью, когда им было дозволено принять в ней участие.

Харлеч-роуд и Люгард-роуд опоясывают Пик словно ожерелье. Заросли бамбука и карликовых сосен перемежаются душистым гибискусом и ползучими лианами. Особняк губернатора на вершине был сожжён японцами, но белые колониальные дома с большими эркерами и украшениями из чёрного дерева по прежнему доминировали на нефритово-зелёных склонах. Парящие ястребы и голубые сороки кружили над головой. Дома на южном склоне смотрели на воды Дип-Уотер-Бэй и джонки Абердина. Плавательные бассейны пришли на смену вчерашним верандам, современные бунгало проступали пятнами на зелени, словно сифилитические язвы, но общее ощущение дикой природы и массивы садов сохранились. Чайный домик был скрыт в одном из них.

Глянув через плечо, Онг покинул дорогу. По извилистой тропинке он прошёл к железным воротам, набрав код на их замке, чтобы проникнуть за старую кирпичную стену. Внутри был запаркован серебристый «Ягуар». Кваны должны были приезжать поодиночке. Только один уже прибыл.

Ключья тумана клубились над аллеей, в воздухе чувствовалась сырость. Между причудливо изогнутыми над головой деревьями расстился парк, напоминающий китайскую акварель. Луна исполняла бешеный танец среди пронсящих облаков, освещая озеро, когда появлялся её лик. Чайный домик венчал собой островок в центре пруда — павильон над водой, сплетённый из ивовых прутьев, с полукруглой входной дверью. Усыпанный галькой мостик соединял островок с берегом а в воде плескалась рыба, купаясь в лунном сиянии. Единственным деревом на островке была цветущая слива, склонившаяся над озером, уменьшая его отражение. Серебряное зеркало воды украшали водяные лилии.

Онг захотелось выкурить сигарету.

Призрачные кусты росли по краю переливающегося всеми цветами радуги пруда. Магнолии, азалии, рододендроны и зимние сорта жасмина. Он отыскал между ними лавку и сел. Ароматы ласкали его обоняние. Единственными звуками, которые он слышал, были шелест ветра, плеск воды и щебетание птиц. Сквозь ветви, казавшиеся чёрными на фоне блестящего озера, он увидел силуэт, двигавшийся позади чайного домика. Он удивился, кто бы это мог быть.

Выбрав из перламутрового портсигара «Бенсон и Хеджес», он размял сигарету, прикурил её и затянулся никотином.

При всех его сделках с Кванами они старались, чтобы он оставался чист, зная, что он уничтожит их, если ему станет угрожать опасность. Теперь по необъяснимой причине они отбросили всякий расчёт, бросив на него подозрение, что он подставил канадца. Был ли Чандлер целью, по которой стоило палить из пушки? Такой большой угрозой?

Звонки иностранных копов лишили его покоя. Кваны не сочли нужным рассказать о стрельбе в парке Стэнли и о двойном убийстве на Гавайях. Каким дураком нужно быть, чтобы выступить против «Узи» с 38 калибром? Онг вспомнил, как Чандлер съел дополнительную порцию муравьёв. Почему-то это беспокоило его больше всего.

Когда он сделал затяжку, позади него хрустнула веточка.

Прежде, чем он смог повернуться, мускулистая рука сомкнулась вокруг его шеи, приподнимая подбородок и открывая горло. Острая, как бритва, сталь оцарапала яремную вену.

— Ты снюхался с плохими парнями, — прошептал Чандлер ему в ухо.

Кляня себя, Онг понял свою ошибку. Пока он избавлялся от несуществующего преследователя, конный проследил за Кваном. Чандлер последовал за серебристым «Ягуаром» до самого Пика.

Ярость дрожала в руке под его подбородком.

Нож у его горла до крови оцарапал кожу.

— Только потянись за своим револьвером, и я разрежу тебя от уха до уха.

Онг слотнул слюну.

Он поднял руки.

— Эван придёт? Солги — и заляжешься кровью.

— Да, — прохрипел Онг, когда нож надавил на его шею.

Стремительность следующего движения Чандлера поразила его.

Онга развернуло крутом так быстро, что он растянул себе плечо.

В свете усмехающейся луны он увидел смерть в глазах этого парня.

Свою смерть.

Здесь и сейчас.

Онг намочил штаны.

— Вот тебе! — прорычал Чандлер, вонзая нож ему между ребер в сердце.

Когда облако скрыло лик луны, Цинк пересёк мостик.

Окна чайного домика были закрыты решётчатыми ставнями, со вкусом украшенными хризантемами.

Стоя спиной к двери, фигура внутри следила за игрой волн на озере.

С револьвером Онга в одной руке и с ножом в другой, Чандлер тенью возник в полукруглом проёме двери.

Лотос Кван повернулась.

— Где Эван? — спросил Цинк, окидывая взглядом павильон.

— Позади тебя, — ответила Лотос. Восток противостоял Западу.

Взгляды, которыми они обменялись, заменили тысячи слов.

Для императорского Китая Срединное Царство было центром мира.

Каждый, не являвшийся китайцем, был варваром.

«Красные бороды» — англичане — были самыми ненавистными.

Лотос Кван была наследницей этой реальности.

Для имперской Британии все земли существовали для того, чтобы они их могли захватить.

Колонизаторы имели право ходить там, где они не имели никакого права находиться.

Господь, Королева, Государство и Бремя Белого Человека посылали армии и корпорации вперёд, чтобы «цивилизовать» мир.

Чандлер был наследником этой реальности.

— Белая обезьяна, — сказала Лотос, выхватывая пистолет.

Цинк услышал позади себя звук бегущих ног, пересекающих мостик.

Зазвучали выстрелы.

Часть четвертая

Разум

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Ницше

ВСЁ ЕЩЁ ЖИВ?

Стон...

Шипение...

Вздувающийся пузырь...

Тяжёлое дыхание...

...блип... блип... блип...

Сопровождаемое последним вздохом, прорывающимся в лёгкие.

Шипение...

Вздувающийся пузырь...

Тяжёлое дыхание...

...блип... блип... блип...

Время и место ничего не значат для него.

Затем, частица за частицей, реальность проступает сквозь его забытие.

Шипение и тяжёлое дыхание принадлежали ему, под кислородной маской.

Пузыри появлялись из отсасывающей трубки, введённой в его рот.

Блип... блип... блип... — эти звуки раздавались из монитора кардиографа, следящего за его сердцем.

Стон и последний вздох, слава Богу, издал кто-то другой.

«...какой стыд...»

Вдох, выдох.

«...такой крепкий с виду мужчина...»

Вдох, выдох...

«...что с ним случилось...»

гудение кондиционера, перекрывающее шум города

храп, кашель, рыгание, шум пылесоса

резиновые подмётки и тележка на колёсиках, громыжающая по коридору

чей звук теряется за *краанг-авангавангаванг!* ночного горшка,
ударяющегося об пол
настойчивый звонок медицинской тревоги.

Первое, что он увидел, открыв глаза — это вазу с бледно-жёлтыми нарциссами

огромные жёлтые трубы с елизаветинскими брыжами
которые превращаются в пурпурные тюльпаны, когда он моргает.

По соседству со стеклянной стеной его палаты стояла установка интенсивной терапии

у которой медицинские сёстры-азиатки в ослепительно-белых халатах колдовали над измерительными приборами, приспособлениями и устройствами сложных медицинских установок

в то время как медики в шапочках и мятых зелёных одеждах сустились, размахивая стетоскопами, в палате напротив.

Покрывало было обёрнуто вокруг кровати, врач делал кому-то укол в сердце

затем другой заставил пациента дёрнуться, приложив к нему электроды дефибриллятора.

Он подумал о садах, мимо которых он прошёл в своей жизни и ни разу не остановился, чтобы полюбоваться ими.

IV мешка над головой, окружённые шторкой из стержней и тягами

другая комната — отдельная — в которой зелёные линии отображают волны его мозга

мягкий, приглушённый свет, расплывчатые человеческие фигуры в карнавальных масках

«...контузия...»

«...задет череп...»

«...где они нашли его...»

«...ранен в чайном домике, здесь, на Пике...»

«...на дюйм левее...»

«...вошла бы в мозг...»

Спокойной ночи, леди.

— Доброе утро, Рип Ван Винкль. Как вы себя чувствуете?

— Как Шалтай-Болтай после падения.

— Болит голова?

— Просто раскалывается.

— Этого следовало ожидать. Шрам у вас на лбу будет подходить к такому же на вашей челюсти.

— Где я?

— Покфулам-роуд. Госпиталь королевы Марии.

— Какой сегодня день?

— Понедельник. Тридцатое марта.

— Я был без сознания полтора дня?

— Примерно так. Совместный эффект лекарств и истощения, плюс лёгкая контузия. Более удачный выстрел, и вы остались бы без сознания навсегда.

От сестры-азиатки, брившей его, пахло мылом «Пирс».

Мама, подумал он, закрывая глаза.

Призрак Дэвида Онга всплыл перед его мысленным взором.

Получай

получай

получай

меж твоих призрачных рёбер.

— Готово, — сказала сестра, поднимая зеркало.

Он открыл глаза, чтобы взглянуть в лицо убийце в нём.
всё, чёрт бы побрал это место!

Час?

День?

Неделю спустя?

Его звал Роберт Де Клерк.

Время и место снова ускользнули

словно

он сейчас

наблюдал

за своей

собственной

жизнью

с высоты

пяти

миль.

— Как голова?

— Задета. Неприятности любят этого сучьего сына.

— То, что ты сделал, было полным идиотизмом. Ты был почти мёртв.

Мехико
Бойня
Парк
Логово
Аквариум
и чайный домик

Кто вспоминает Элфего Бака?
У меня три потерянных жизни.

— Цинк?

— Да.

— Ты меня слышишь? Ты сейчас в сознании. ГКП нашла записи в твоём кармане. Они нашли дантиста, и он подтвердил, что тебя подставили. ДНК, выделенная из слюны вокруг следов укусов, не соответствует твоей. Кэрл убедила копов Мауи, что убийцей был Эван Кван.

— Кого я достал в чайном домике?

— Лотос и Онга. Она лежала в павильоне с двумя пулями в сердце. Он был найден заколотым насмерть возле озера. Мостик был залит кровью, словно кто-то полз по нему или кого-то по нему тащили.

— Полиция знает, что Онг был продажным?

— Теперь знает. Доказательства появились, когда они обыскали его дом.

— Как они относятся к этим смертям?

— Считают самообороной. Револьверы против ножа, и трое на одного.

— Как насчёт Эвана?

— А он был там?

— Мне не удалось разглядеть, кто был на мостике.

— Нет никаких улик, указывающих на Эвана или Мартина. Но Кван Кок-су умер от болезни куру. Полиция сейчас обыскивает его фабрику.

— Куда теперь?

— Виндиго-Маунтин. Мы собираемся покончить с этим. Эван хочет заполучить эту ДНК. Моё нутро подсказывает мне, что он покажется там.

— Это слишком рискованно. Головорез — не дурак.

— Единственное будущее для Эвана — в этой ДНК. Без неё он всего лишь ещё один беглец. Кроме того, он обожает риск.

Колесо Фортуны всё вращается и вращается, рождая в его мозгу мрачные картины...

городские развалины
ядовитые свалки
вдоль Тихоокеанского побережья
нефтяные пятна
и плавающие обрывки сетей
и радиоактивные моря...
расползающиеся пустыни...
исчезающие леса
падающий уровень воды...
халатность при обращении с ядерной энергией
засухи
чума
и отравленная пища...
утечки газа
озоновые дыры
парниковый эффект...
этот вид под угрозой
тот вид исчезает
бессовестные политики...
рост населения
угрожающими темпами
доходя до 14 миллиардов через 50 лет...
слишком много людей, считающих
что им всё мало,
в то время как другие ходят голодными,
не имея достаточно земли,
не обладая и одной комнатой...
массовое сумасшествие
потеря будущего
ради эгоистичной сегодняшней жадности...
с течением времени
обесцениваются мечты
увеличивая счёт бедствий...
свидетельства
спуска
по лестнице
деградации,
спуска
вниз
в
А
д

Очнувшись, он обнаружил себя летящим в самолёте, не имея ни малейшего представления, как он сюда попал. Контузия, лекарства и истощение: сокрушительная комбинация.

Снаружи кабины чужие звёзды сияли над беспомощным миром.

Дикая боль в голове

(получай)

билась непрекращающимися толчками.

Он закрыл глаза, чтобы избавиться от неё.

— Эй, Бешеный Пёс.

— Чандлер.

— Что ты делаешь здесь?

— Перехватываю самолёт в Квиснел. Мы отправляемся на гору.

— Кто?

— Шеф, Джек, Джо и американка.

— Когда?

— Завтра вечером. Погода, похоже, проясняется.

— Задержись. Я получу свой багаж и куплю билет.

— Встретимся у ворот. Мне нужно разрешение на это.

Рабидовски тряхнул тяжёлой оружейной сумкой.

Они заперлись в мужской комнате. Расстегнув сумку, Рабидовски вытащил оружие.

— «Ивер Джонсон» .338/416, — сказал он. — Скользящий затвор. Нарезной ствол. Параллельная подача. Выдаёт 250 пуль со скоростью 3000 футов в секунду. Свалит с ног гризли на реке Каква. Всадит каждую пулю в пирожное блюдо на расстоянии одной мили.

Он вытащил из сумки вторую винтовку.

— «АМ-180», автоматическая лазерная винтовка. Лучшее всего подходит для круговой обороны. Стреляет всего лишь пулями 22 калибра, но зато выплёвывает их по 2500 штук в минуту. Стоит дать очередь, и она рассечёт бетон или металл. Две секунды, и я поконтчил со стаей волков возле Твидсмур-парк.

Бешеный Пёс включил установленный прицел. Тонкий луч красного света ударил в писсуар.

— Передаётся на двести ярдов, — сказал он. — Можно стрелять от бедра или держа её над головой, сверху вниз, пули попадут точно в то место, куда указывает лазерная точка.

Он достал из сумки копию «солдата удачи».

— Помнишь в «Грязном Гарри», когда Клинт убрал панка? «Это «Магнум-44», самый мощный револьвер в мире»?

Завёрнутый в журнал, это был самый внушительный револьвер, когда-либо виденный Цинком.

— Знакомься, «Дэн Вэссон»-445. Если в тебя попадет его пуля, твои яйца подскочат до подбородка. По сравнению с ним 44-й Клинта — детская игрушка. Его ещё нет на рынке. Мой — прототип. Прямо с завода в Монсоне, Массачусетс. Свалил лося на Пинк-Маунтин с одного выстрела.

Последняя винтовка была вся чёрной, с армейской рукояткой.

— «Франчи» 12-го калибра, автоматический карабин. Восемь зарядов в магазине, девятый в патроннике. Пули прошли насквозь лося, которого я загнал в Вандерхуфе.

Эд оттянул затвор и щёлкнул курком.

— Что бы там ни было, на этой горе, одно *буум!* — и оно будет приколочено к скалам.

«Бешеный Пёс» Рабидовски был добровольцем из лесной глуши. Сын юкконского траппера, он жил, чтобы убивать. Эд был мускулистым крепышом с хмурым взглядом из-под густых бровей. Охота была его любимым видом спорта. Одного нельзя было отнять у ДеКлерка: он знал как подбирать команду.

— Правда, что у тебя были неприятности из-за янки?

— Что-то вроде того, — сказал Цинк.

— Как по мне, я никогда не скупился в жизни. Лучше хорошо заплатить профи, чем попасть в беду с любителями. Стоит тебе слететь с катушек, и они бросят тебя одного.

— Ты похож на привидение, — сказал Мак-Дугал, отворяя дверь мотеля на их стук.

Джо оторвал взгляд от книги, которую читал.

— Я думал, что ты выбыл из строя в Гонконге.

— Не мог больше выносить больничную пищу.

— Шефу это не понравится. Тебя это слишком близко касается.

— Это не остановило его с Кэйт и Джейн.

— Нет, — сказал Джек. — И посмотри, какую цену он заплатил за это.

Джо развернул на столе карту Западной Канады. Мак-Дугал обвёл кружком Виндиго-Маунтин.

— ДеКлерк в Джаспере, восточнее пика. Тэйт выехала автобусом, чтобы присоединиться к нему сегодня ночью. Завтра утром, если погода прояснится, они выедут к горе. Мы догоним их у подножья.

Джек ткнул в Квиснел в центре Британской Колумбии.

— Ковбой внизу у озера Вильямс ищет тело. Он пригонит «Лонг-Рэнжер» к ночи. На рассвете мы вылетим на восток к Тет-Жэн-Кэч, заправимся и совершим посадку вблизи пика. Встретившись с ДеКлерком и Тэйт, мы отправимся на гору.

Они разошлись, чтобы немного поспать.

Рассвет в Скалистых.

Величественное зрелище.

«Белл Лонг Рэнжер II» прилетел с запада, его винты разгоняли очарование уходящей ночи. Спереди он напоминал Хью, Луи или Дьюи Дак: похожие на огромные глаза окна кокпита с маленьким голубым клювом. Цинк сидел в пассажирском кресле рядом с Ковбоем, а горы над головой переливались розовым, оранжевым, золотым цветами. Более низкие вершины казались черными силуэтами до тех пор, пока рассвет не давал им жизнь. Северное сияние танцевало под анемичной луной, а вершины простирались влево и вправо на три тысячи миль. Три тысячи миль льда, снега, смертельных провалов, один из которых стал могилой Вилфреда Блэйка.

— Что теперь? — прокричал Ковбой, выгнув шею.

— Облети гору, — ответил Джек сзади.

— А как остальные?

— Изменение планов. Мы должны воспользоваться этим затишьем между двумя буранами. Они вызовут нас по радио, когда придут.

— Роджер, — сказал пилот, сверяясь со своей картой.

Из всех вершин в Скалистых горах та, что над ними, была самой устрашающей.

Землетрясение 97-го расколело её надвое, отделив выпуклую нижнюю часть от остроконечной вершины. Торчащая прямо вверх, словно нож мясника, вспарывающий небо, ребристо-клыкасто-пикообразно-игольчатая вершина была вся облита льдом. Расщелина между частями была глубиной четыре тысячи футов; зияющая пасть, изголодавшаяся по человеческому мясу. Ветер завывал в ущелье, словно трус при пытках.

«Бэлл» пролетел уже половину пути вокруг вершины, когда Джек постучал пилота по плечу.

— Видишь эти хижинки? На другом конце долины? Там мы встречаемся с ДеКлерком и Тэйт. Они приедут со стороны Еллоухид в «Джипе». Задержись у вершины, и давай посмотрим.

Ледяной язык покрывал долину под вертолётом, злоупотребляя её гостеприимством со времён последнего ледникового периода. Вдоль дальнего края языка к подножию Викинг-Пик прилепились три хижинки. С шоссе на севере их связывала полуразрушенная труднопроходимая дорога. Напротив, на другом краю растрескавшегося языка вздымался остроконечный пик Виндиго-Маунтин. Единственной его частью, избежавшей разрушения, было ледяное поле вблизи вершины, покоящееся в складке слегка изогнутого пика. Над полем нависал снежный карниз, который морозный ветер надул в нишу. Если это украшение когда-нибудь соскользнёт со скалы, она устремится в долину в виде лавины. Если карниз придёт в движение, выступ будет похоронен.

— Видишь что-нибудь? — спросил Ковбой.

Цинк оглядел ледяное поле в бинокль.

— Пропеллер вертолёт. Торчащий из снега.

Лёд, намерзший на стёклах Джаспер-Парк-Лодж, искажал вид на Вистлерз и Пирамид-Маунтин.

Вздрыгнув и покрывшись гусиной кожей, Кэрл плотнее запахнула одежду и вышла, чтобы встретить ДеКлерка.

Прошлой ночью её автобус из Эдмонта проехал Миетт-Хот-Спрингз севернее озера Мэдсин.

Это было то место, куда они с Цинком собирались поехать после Виндиго-Маунтин.

ДеКлерк плотно позавтракал в ресторане пансионата, обеспечив свой обмен веществ калориями для борьбы с холодом.

Тэйт спустилась вниз, когда он паковал вещи в «Джип».

— Держитесь, — прокричал пилот, перекрывая *вхуп-вхуп* лопастей. — Лыжи могут провалиться, когда мы сядем.

Авиатор опустил шиток, чтобы защититься от сияния солнца, наушники закрывали уши; он передвинул рукоятку, направляя вертолёт вниз. Когда вертолёт приблизился к земле, белая пелена закрыла окна.

«Лонг-Рэнжер» качнулся, когда его лыжи коснулись льда. — Касание, — сказал пилот, *вхуп* лопастей перешел в свист. Рабидовски открыл боковые двери. Плотной группой конные выбрались наружу.

Все пятеро были одеты в арктическую форму Сил: подбитые пухом парки военного образца с жёлтыми полосками, простроченные штаны, заправленные в унты из тюленьей кожи, и шапки из медвежьей шкуры, завязанные под подбородком.

Они подождали, пока их лёгкие немного привыкнут к разреженному воздуху. Продолжающие вращаться лопасти вздымали снег белым клубящимся облаком. Постепенно проступала вершина горы, нависающая над головой ледяным дамокловым мечом.

Обломки виднелись в тридцати футах от «Белла». На место могилы указывала единственная видневшаяся лопасть винта. Она торчала из снега, словно рука зомби.

— Давайте копать, — сказал Мак-Дугал.

— Кто такой был Джаспер? — спросила Кэрл, сверяясь с «Канадским атласом дорог», лежащим у неё на коленях.

— Сколько за это?

— Даю десять центов.

Они сидели в «Джипе», направляясь из города.

— Джаспер Хауэс тянется до Джаспер-Хауз вблизи от Панчбулских водопадов. Там находилась база Северо-западной Компании для торговцев пушниной, пересекающих Великий Раздел. Вы проехали её на пути из Эдмонта.

— Ещё за один пенс — построена в каком году?

— В 1813-м, на сколько я помню.

Кэрл присвистнула. — Вы действительно знаете свой предмет.

— Не забывайте, что я провёл здесь месяц, занимаясь исследованием.

— Десять центов за ещё один вопрос?

— Увеличьте в четыре раза.

«Голубой Феномен» досаждал Цинку больше, чем другим. Он решил, что это из-за его раны. Галлюцинации, рождаемые разреженной атмосферой, весьма опасны. Горная болезнь слишком многих альпинистов подтолкнула к обрыву без всякой верёвки. Выдохшись, они возвращались к «Беллу» за кислородом.

Во время одного из переходов Цинк увидел Дэвида Онга. Он был пришпилен ножом к фюзеляжу, его тело было распято рядом с крестом КККП. «Maintiens le Droit», девиз Сил, был заменен «Получай», написанным кровью. Глоток кислорода заставил видение исчезнуть.

На высоте двенадцать тысяч футов атмосфера такая разреженная, что никогда не прогревается, хотя кожа, открытая солнечным лучам, загорает в считанные минуты. Снег и лёд усиливают этот эффект, увеличивая силу лучей за счёт отражения. Конные смазали лица кремом и надели тёмные очки.

— Видите что-нибудь? — спросил Мак-Дугал, стоя у края котлована.

Стоя на четвереньках, Рабидовски подышал на лёд. — Окна кокпита побелели от изморози.

— Выглядит как «Сикорский», — сказал Ковбой. — «С-76», возможно.

— Дайте мне паяльную лампу. Мы почти добрались.

Свирепые арктические бураны уплотнили снег в бетоноподобную массу, заперев обломки в глубокой ледяной могиле. В течение часа они долбили лёд ломами и лопатами, заставляя пилота волноваться о том, как бы лыжи не провалились сквозь наст. Теперь, расчистив землю при помощи паяльной лампы, Рабидовски расплавил сугроб вокруг кокпита.

— Отойдите немного назад, я разобью стекло.

Один удар лома высадил стекло. Осколки посыпались внутрь.

Мак-Дугал осветил фонарём внутрь. — Вертолёт пуст. Куда они ушли?

К западу от Джаспера шоссе проходило мимо Вистлерз и Индиан-Ридж, затем взбиралось по Миетт-Вэлли по направлению к Еллоухид-Пасс.

— Кто такой Еллоухид? — спросила Кэрол.

— Сколько я уже выиграл?

— 3 доллара 56 центов.

- Вы уверены, что у вас хватит средств?
- Я ограблю банк.
- Еллоухид — Тэт Жэн — был индейским траппером с пышными волосами. Его белое имя было Пьер Хэтсинэтон. Тэт Жэн Кэш — было место, где он хранил свою пушнину.
- Почему граница между Британской Колумбией и Альбертой такая изрезанная на юге?
- Потому, что она тянется вдоль Великого Раздела.
- Пописай от Раздела на запад, и ты осквернишь Тихий океан. Пописай на восток, и в какое море попадёт твой вклад?
- На пять центов?
- Идёт.
- В Ледовитый океан. По рекам Миетта, Атабаска и Макензи.
- Пора жульничать, — сказала Кэрл.

Они нашли пещеру на стыке ледяного поля и вертикальной стены пика, её вход был скрыт за сугробом снега. Трещина являла собой четырёхфутовое углубление в скале. Бешеный Пес изготовил винтовку. — Я пойду первым.

Мак-Дугал пролез за ним, потом последовали остальные.

Пещера с чёрными стенами напоминала пасть кита, сталактиты и сталагмиты торчали словно гигантские зубы. Дневной свет, проникающий со входа, затухал через несколько ярдов, заставляя каждого, кто попадал сюда, задумываться, что скрывается внутри. Лучи их фонарей пересекались, словно шпаги дуэлянтов.

— Смотрите под ноги...

— ноги...

— ноги...

— ноги...

раздавалось эхо в пещере.

— Скалистые горы образовались из разломов земной коры, — прокомментировал Джо. — Представьте себе масштабы разломов, если они заставили колебаться почву в окрестностях Калгари в двадцати пяти милях к западу. Все горы изрыты туннелями...

— туннелями...

— туннелями...

— туннелями...

— Святые угодники!

Конные замерли на месте, когда Бешеный Пёс выругался.

— Там, — сказал он, показывая стволом винтовки.

Остальные четверо направили лучи своих фонарей в ту же сторону.

В их свете виднелась куча окровавленных костей.

Не доезжая мили до пресечения Еллоухидского шоссе с Великим Разделом они свернули на юг на горную дорогу. Позади них «кобыльи хвосты» предвещали очередную бурю.

— Всё или ничего, — сказала Тэйт. — Вы — азартный человек?

«Джип» подскакивал на промоинах.

— Этот вопрос состоит из двух, но они связаны между собой. Ответьте на оба, и обед за мной. Ошибитесь хотя бы в одном, и я получаю весь ваш выигрыш.

«Джип» вильнул, чтобы не задавить выскочившего кролика.

— Вдоль Великого Раздела расположен парк Маунт-Робсон. Какие два обстоятельства делают его уникальным?

Парк содержит самую высокую вершину в канадских Скалистых горах и самую глубокую пещеру Канады.

— С точностью до фута, какова глубина Арктической пещеры?

— Не пойдёт, — сказал ДеКлерк. — Мы пользуемся метрической системой.

— Сожалею, — сказала Тэйт. — Но вопрос остаётся. Много лет назад я потеряла здесь деньги и так и не получила их обратно.

Пошёл снег.

Человеческие кости, разгрызенные, чтобы достать мозг.

Человеческие черепа, размозжённые с этой же целью.

Они сгрудились вокруг скелетов, словно древние охотники, читающие следы.

— Страшные отметины, — сказал Цинк. — Их съели заживо?

— Должно быть, так, судя по тому, сколько здесь крови, — ответил Джо.

Мак-Дугал показал на клочок волос. — Ты ведь охотник, Бешеный Пёс. Узнаёшь это?

Рабидовски дотронулся до шерсти, покачав головой.

— Ярлыки на обрывках — китайские, — сказал Джо. — Это определённо экспедиция Кванов.

— Подождите здесь, — сказал Мак-Дугал. Я принесу остальное оружие. И попробую вызвать ДеКлерка по радио...

— радио...

— радио...

Звук его шагов удалился.

Ослеплённые снегопадом, они не видели ни зги. — Единственное, что я знаю точно, это что мы съехали с дороги, — сказал ДеКлерк.

— Надеюсь, что остальные не в воздухе. Только не при таком ветре.

— Ещё хуже, если они на горе. Это может затянуться на неделю.

— Погода в этой стране действительно...

Подпрыгнув, «Джип» попал в замёрзшую трещину и начал соскальзывать вниз.

— Держись, — предостерёг ДеКлерк, когда они боком задели за дерево.

Машину тряхнуло и мотор заглох.

— Вот, — сказал Рабидовски, вытягивая «Дэн Вэссон» из кармана парки. — Возьми его, а свой «Смит» отдай Джо.

Чандлер взвесил в руке .445, когда они поменялись револьверами.

— Что это? — сказал Ковбой, луч его фонаря прорезал темноту.

— Где?

— Вон там.

— Похоже на ещё одну пещеру.

— Очень может быть, — сказал Чандлер. — Вспомните эти кости.

Пещера внутри пещеры вела в глотку горы, вена, наполненная бархатистой чернотой, теряющейся внизу. Вокруг них слои намёрзшего льда покрывали стены передней пещеры, сквозь их серебристую голубизну проступали кристаллы кварца. Пол мини-пещеры был скользким от льда, его гладь нарушалась полукругом из гигантских черепов. Черепа взирали на грубый трон, выбитый в скале.

— Я видел много жутких вещей, — сказал Бешенный Пёс. — Но ничего более жуткого, чем это.

— Давайте выбираться отсюда, — предложил Ковбой.

Цинк и Джо осторожно приблизились к трону, осторожно совершая каждый шаг.

Вокруг него были пиктограммы, нарисованные на скале, изображения, похожие на те, что были найдены в пещере Ласко во Франции. На одном человек с красной грудью бился с волосатым существом, молния из его кулака ударила в голову гиганта. На следующем тот же человек стоял лицом к похожим монстрам, а один из них протягивал ему сердце, вырезанное из поверженного примата. На третьем он сзади покрывал волосатую женщину.

Мумия, сидевшая на троне, была покрыта коркой льда. Иней скрепил его белые волосы и торчащие усы, состарив напоминающую пергамент кожу, покрыв глазурью молочные белки глаз, которые бесстрастно взирали перед собой. Высохшая плоть отошла от зубов, скривив посиневшие губы в сверкающей слоновой костью ухмылке. Туника, примерзшая к груди, словно вторая кожа, бугрилась там, где грудная клетка придавала ей форму. За годы, что труп просидел в зале горного короля, алый цвет превратился в бледно-розовый.

В одной из мумифицированных рук он держал Жёлтый Череп.

— Блэйк, — сказал Цинк.

— Что теперь? — сказала Тэйт, дрожа возле «Джипа». Белизна была такой плотной, что она ничего не могла рассмотреть и в трёх футах. — Мотор сломался. Нагреватель тоже. Радио — капут. Если мы не найдём укрытие, то замёрзнем насмерть.

— Они должны были оставить вертолёт, — сказал ДеКлерк, встряхивая портативный передатчик. Всё, чего он добился — это треск разрядов и шипение.

— Если мы попытаемся добраться до него пешком, то какой дорогой идти? Снег такой глубокий, что нет никакой дороги.

— Нужно держаться просеки среди деревьев, и мы доберёмся до хижин.

— Деревьев? — спросила Тэйт. — Вы видите деревья?

Череп, взирающие на трон, были похожи на тот, что был нарисован в «Журнале Паркера».

Кости, кольцом разложенные на полу, отдавали дань почтения мумии.

— Ты — антрополог. Объясни это, Джо.

— Кости гигантопитека были найдены в китайских пещерах. Блэйк находился на горе, когда разразилось землетрясение. Он застрелил вождя большеногов и занял его место. То же, что и у обезьян Африки.

— Могли ли эти уцелевшие после землетрясения дожить до наших дней? Запертые внутри горы, что бы они стали есть?

— В пещерах существует своя экосистема. Может, они поедали друг друга, когда дела становились совсем плохи. Если этот вид был обречён на кровосмешение в течение столетия, то Виндиго скорей всего деградировали.

Цинк осмотрел пиктограммы, затем черепа. — Вот почему револьвер Блэйка был найден у подножия этого обрыва.

Джо дотронулся до сагиттального рубца одного из черепов. — Вы являетесь свидетелями самой значительной зоологической находки всех времён. Утерянное звено в цепочке нашей эволюции, которое всё ещё существует.

Вой, выражающий дикий голод, эхом разнёсся в недрах горы.

— Что это было? — Рабидовски глянул в сторону входа в пещеру.

— Всего лишь ветер.

— Не то. Я слышал винтовочный выстрел.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Рабидовски, а за ним Чандлер, пролезли через отверстие позади сутроба. Снаружи снег падал большими белыми хлопьями, переносимыми усилившимся ветром. Как могла погода перемениться так быстро?

— Там! — сказал Цинк, показывая вперёд.

В двадцати футах от «Бэлла» и в шестидесяти футах от них по снежному полю по направлению к «Лонг-Рэнжеру» с трудом пробирался Мак-Дугал. Позади него тянулся по снегу кровавый след, а над их головой, раскачиваемый ветром, над долиной завис вертолёт, похожий на разбившийся вертолёт Кванов. «Сикорский» был повернут боком, его основная дверь была открыта, а в нише на коленях стоял снайпер в чёрной маске. Когда ствол винтовки осветила вспышка, рядом с Джеком взвился фонтанчик снежной пыли.

— Давай! — выкрикнул Бешеный Пёс, дёргая Цинка за руку. — Ты давай за ним, а я достану стрелка.

На расстоянии десяти футов друг от друга, чтобы сбить прицел снайперу, оба копа бросились через снежное поле.

Поставив карабин на полуавтоматическую стрельбу, Бешеный Пёс открыл огонь. *Буумпф! буумпф! буумпф!* — карабин выплёвывал пулю за пулей. Заряды впивались в металл вокруг снайпера.

Вертолёт держался на расстоянии из-за угрозы нисходящих воздушных потоков. Ветер обдувал Викинг-Пик и завывал в долине, затем, натаккиваясь на Виндиго-Маунтин, сливался с основным потоком.

Вертикальные порывы ветра грозили разбить «Сикорский» о скалы, поэтому до тех пор, пока буря не утихнет, вертолёт не мог приземлиться.

Когда Чандлер приблизился к Мак-Дугалу, пуля просвистела мимо его уха. Осколки льда оцарапали ему лицо. Засунув свой .445 в карман, он дотянулся до Джека и сбил его с ног. Раненый вскрикнул от боли.

— Куда он тебе попал?

— В ногу.

— Обопрись на меня. Мы не можем здесь оставаться.

Чандлер обхватил Мак-Дугала рукой за талию, в то время, как на них обрушился снежный заряд.

С приглушенно работающим ротором во время крутого спуска, «Сикорский» пронёсся над головой. Затишье в буре дало ему возможность приблизиться.

— Цинк! — крикнул Мак-Дугал.

Чандлер глянул вверх.

Винтовка снайпера была нацелена ему в сердце.

Отпустив Мак-Дугала, чтобы дать ему возможность увернуться от выстрела, он сунул руку в карман парки за .445.

Слишком поздно он услышал в воздухе свист и весь сжался, ожидая удара пули в грудь.

Одно из стёкол кокпита «Сикорского» исчезло, внезапно рассыпавшись на мелкие осколки. Кровь забрызгала окно напротив. Навалившись на ручку управления, пилот развернул вертолёт вокруг оси. Когда он навалился на рукоятку управления углом атаки винта, ротор дёрнулся вверх, увлекая вертолёт к склону. Он ударился о ледовое поле, выбросив снайпера наружу так, что тот сбил несколько сосулек с нависающего карниза. Дождём дротики они ударили во вращающийся винт, разлетаясь на части. Вертолёт пропал из виду.

— Ложитесь! — крикнул Бешеный Пёс, выбрасывая из патронник «Ивер Джонсон» использованную гильзу. Он находился в грузовом люке «Бэлла». — Они не замедлят явиться со своими игрушками в руках.

Когда Цинк и Джек приникли к земле, он сменил «Ивер Джонсон» на «АМ-180». Красный лазерный луч вонзился в клубящиеся снежные хлопья. Он упёрся в лоб азиата, появившегося из тумана.

Пфффддт! Пфффддт! Пфффддт! Снег сдуло с одежды мужчины. Его спина прогнулась назад, палец дёрнулся, разряжая «Узи» прямо в воздух.

Цинк вгляделся в падающий снег в поисках маски Головореза.

Бешеный Пёс послал вслед первой ещё три пули.

Она была там.

Слева.

Прикрытая капюшоном парки, как у «Грим Рипер».

Цинк уцелился «Вессоном», когда лазерный луч нацупал его мишень.

— Нет!

Пфффддт!

Цепочка отверстий прошила парку.

— Он мой!

Снова слишком поздно.

Бешеный Пёс хотел их всех.

В голове у неё звучала «Холодная прозрачная вода» Марти Роббинса, потому что именно так она чувствовала себя на этой богом забытой земле. Словно обречённый на смерть бедняга, ползущий по пескам Долины Смерти — за исключением того, что температура была ниже сорока.

Усилившись, порывистый ветер завывал между нагромождениями скал.

Здесь, внизу, он поднимал в воздух сугробы снега, которые, смешиваясь со снегом, падающим сверху, совершенно сбивали её с толку.

Ко всему прочему, она ещё знала, что они бредут по кругу.

Заморозив её одежду и волосы так, что они едва не выкалывали ей глаза, буря являла собой фурию из летящего льда.

Её лицо было таким распухшим, что она едва могла дышать.

Её бельё стало таким жёстким, что царапало кожу.

Только не останавливайся, Тэйт, думала она.

Словно фрахтовое судно в тумане, снова появился «Сикорский».

Бешеный Пёс, держа в руке карабин, побежал к нему.

Цинк стоял над распростёртым на снегу телом Головореза, ощущая пустоту от незавершившейся мести.

Протянув вниз руку, он сорвал маску, открывая лицо Эвана Квана.

Происхождение Мартина и Лотос было очевидно по форме челюсти, выгнутой линии губ, другим генетическим признакам.

В противоположность им, у Эвана было лицо человека из толпы.

С точки зрения Цинка, маска и лицо не отличались друг от друга.

Какая ирония судьбы.

Ни Джекилла, ни Хайда.

Чандлер напрягся, когда глаза внезапно открылись.

Головорез лежал на спине с четырьмя пулями в груди в луже крови, впитавшейся в снег. Язык выступал между зубов, словно он собирался засвистеть. Его рот слегка скривился, когда он узнал Цинка. Чандлер в руке держал свой .445.

Мак-Дугал и Авакомович были в «Бэлле», повернувшись к нему спиной, пока Джо перевязывал ногу Джеку.

Бешеный Пёс и Ковбой находились рядом с «Сикорским», поглощённые тем, что было внутри.

Никем не замечаемый, Чандлер присел рядом с Кваном.

Он взвёл револьвер.

— Это тебе за Дебору.

Он прицелился между глаз.

— За моего сына, ты, сукин сын.

Зубы оскалены...

Ноздри раздулись...

Палец на спусковом крючке...

У него просто чесались руки разнести Головорезу голову (получай)

Получай.

— Получай, — прорычал он.

Рана на его голове пульсировала от ненависти.

О, прекрати! Неужели же должны вернуться ненависть и смерть?

Прекрати! Неужели же люди обязательно должны убивать и умирать?

Прекрати! Прибереги себя для других подонков, с которыми столкнёт тебя твоя жестокая профессия.

Назови поэта, сын.

Шелли, папа.

Его палец замер на спусковом крючке, когда громче зазвучали доводы здравого смысла.

В случае с Онгом он позволил чудовищу взять верх.

В случае с Эваном победил человек.

Цинк как раз отпуская курок револьвера, когда подошёл Рабидовски. Приложив ствол к голове Эвана, Бешеный Пёс выстрелил из карабина. Выстрел в упор разнёс череп, разбрызгав кровь в яре вокруг.

Мозжечок Эвана остался подрагивать на вершухе хребта.

Отсюда начиналось человеческое в человеке.

Здесь оно заканчивалось.

— Теперь ты себя лучше чувствуешь? — спросил Бешеный Пес.

К счастью, в вертолёте никого не было, когда в него ударила молния.

К несчастью, они были на карнизе, когда вслед за ней последовало землетрясение.

Выстрел из карабина собрал всех вместе в тесный кружок вокруг труп Эвана. Бешеный Пёс описывал, как Головорез потянулся за своим «Узи», когда тяжёлый удар грома потряс пик.

— Что...

— Нет...

— Держись...

— Мы...

Слабые голоса потонули в оглушительном грохоте. Охватив гору языками трепещущего пламени, эпицентр урагана взорвался над головой. Призрачные вспышки засияли на их мокрой форме, в то время как огненные сгустки охватили «Сикорский» и «Бэлл». Напоминающие пауков трёхдюймовые ауры заплясали на их винтовках.

Не успела гроза сместиться, продолжая греметь на юго-востоке, как карниз у них под ногами покачнулся и обрушился вниз.

С оглушительным КРАААККК!, швырнувшим их на землю, шпиль Виндиго-Маунтин дрогнул, словно дерево под напором урагана. Расселина между его половинами стала шире.

КРАКК! КРакк! Кракк! Кракк! *Кракк!* Плита под ними треснула на несколько частей, повторные толчки сотрясали остроконечный шпиль.

Сбитые с ног, они заскользили к пропасти.

Затем, словно трамплин, уступ поддался обратно, заставляя их скользить к пещере.

Сишшвууугххх! Вхххоушш... Двадцатифутовая сосулька сорвалась с карниза, устремляясь мимо них в долину.

Сххххвоууугххххх! Фффваккк! Следующее ледяное копьё проткнуло «Сикорского», приколов его к полю, словно бабочку.

Сххоугхх!

Ффуууук!

Ффууууук!

Они находились под обстрелом, пока сверху срывалась сосулька за сосулькой.

— В пещеру, — выкрикнул Мак-Дугал, — или нас накроет!

Скользя на льду, они подползли ко входу, залезая внутрь, словно неандертальцы.

Разрушая подходы далеко внизу, буря завывала в устье пещеры.

— Землетрясение может разрушить вход, — сказал Джо.

Пронзительный вопль торжества гулко разнёсся по туннелю.

— Это не ветер, — сказал Ковбой.

— Что-то заходит внутрь? — Предположил Мак-Дугал.

— Что-то *выходит*, — ответил Джо.

— Посмотрите, — сказал ДеКлерк, показывая сквозь покрытые льдом наросты, когда-то бывшие деревьями.

— Слава Богу. Хижина, — вздохнула Тэйт.

Толчок придал новое направление их намерениям: ледяная плита сорвалась с пика Виндиго. Они услышали свист невидимых осколков, несущихся с неба, истерический визг неожиданного падения раздался в долине, словно вой артиллерийского снаряда. Трепещины зазмеились к ним по леднику.

Но на этот раз у них было укрытие.

Домик был построен из брёвен, уложенных друг на друга, срубленных топором, с затёсами на концах, щели между брёвнами были заделаны дубовой корой. Сделанная в форме буквы «А» крыша была наклонена в соответствии с преобладающим направлением ветра — предусмотрительность, необходимая, чтобы уравнять снежную нагрузку. Дверь выходила на крыльцо на уровне на второго этажа, чтобы избежать заносов. Окна были закрыты ставнями, чтобы уберечь их от ураганов. Из очага шёл дым, затем рассеиваясь на ветру.

— Огонь горит, — сказал ДеКлерк, с облегчением вздрагивая.

— Сауна, если нам повезёт, — ответила Тэйт.

— Эта кому-то принадлежит. Достанем-ка наш ключ.

— Где наша хижина?

— Дальше по тропинке.

Страхивая снег с обуви, они стали подниматься по лестнице.

Продев правую руку в лямку, Тэйт ухватила за поручень.

Поднявшись на крыльцо, ДеКлерк сделал ей знак остановиться.

Сорванная с одной из петель дверь раскачивалась на ветру.

Оленьи рога, висевшие над порогом, разломанные, лежали на крыльце.

Когда Роберт шагнул внутрь, Кэрл вытащила свой «Кольт».

— Давайте-ка выбираться из этой горы прежде, чем произойдёт основной толчок.

— Основной толчок? — произнесли Цинк и Эд в один голос.

Джо первым направился к выходу из пещеры.

— Во время последнего ледникового периода этот район перенес сжатие. Изостатические удары происходили и раньше. Связанное с этим уменьшение давления приводило к землетрясениям. Если уж землетрясение началось, трещины и обвалы неизбежны. Шпиль Виндиго-Маунтин — самое слабое место в Скалистых горах.

Дверь хижины открывалась в «декомпрессионную камеру» с основной лавкой для того, чтобы можно было снять обувь. На колышках висела пара охотничьих лыж, по обеим сторонам от которых на крючках висела верхняя одежда. Слева вниз спускалась лестница, ведущая на спальный этаж. Рядом со входом располагалась тёмная прихожая, откуда можно было попасть в ванную, сауну и кухню. Гостиная в дальнем конце коридора была слабо освещена огнём, падающим из камина, гостеприимное тепло манило их к себе. Тэйт следовала на шаг позади ДеКлерка.

Приблизившись к концу коридора, они увидели стол на козлах с четырьмя сделанными из бочонков стульями, два из них были перевернуты, остальные — сломаны.

Затем в поле их зрения попал камин, по одну сторону от которого стоял бочонок, а по другую — молочный бидон.

На лежащем перед ним коврик из макраме было рассыпано домино.

Стоящая перед камином церковная скамья была сбита в сторону.

Каминная резьба была запачкана кровью.

Из лампы торчали выдернутые провода.

— Назад! — крикнул ДеКлерк, когда что-то перекрыло коридор.

Затем громадная волосатая рука схватила его за горло.

— Примёрз намертво, — сказал Ковбой, стоя на коленях между полозьями «Лонг-Рэнжера». — Придётся воспользоваться паяльной лампой, чтобы сорвать их.

Удар молнии в вертолёт расплавил под ним лёд, который затем снова замёрз вокруг лыж. «Бэлл» был теперь забетонирован в лёд террасы.

— С ротором всё в порядке, — сказал Ковбой, открывая кожух, чтобы проверить двигатель. 500-сильный турбо-двигатель «Аллисон 250-C28B» был покрыт льдом.

Мак-Дугал находился в кокпите, проверяя радио.

Чудовище было похоже на те, что могут привидеться в кошмарном сне. К какому бы виду оно ни принадлежало первоначально, его голова по форме напоминала Жёлтый Череп — генетический инбридинг исказил его мутациями. Его туловище, напоминающее Кинг-Конга, было согнутым и неопределённой формы. Его тёмное, кожистое лицо было сплюснутым, как у Человека-слона. По волосам, свисавшим с его морщинистой, в грязно-розовых пятнах кожи на свалявшийся мех стекала слюна. Слюна, пахнущая протухшим яйцом, стекала с клыков длиной в два дюйма с кусочками застрявшего между ними сырого мяса. Налитые кровью глаза были совершенно безумными, состояние, которое подтверждалось и его каркающим рычанием. Ростом в девять футов, вымирающий сасквоч заполнял собой конец коридора.

Вытянув руку поверх плеча ДеКлерка, Тэйт выстрелила ему в глаз.

Издав разъярённый вопль, бестия выпустила свою добычу.

Роберт упал на четвереньки, хватая ртом воздух.

Радио, которое он нёс, ударилось об пол.

Кэрл выстрелила ещё четыре раза.

Каждая из пуль попала в глаз, который являл теперь собой зияющую рану.

Большеног качнулся назад и рухнул с грохотом, который потряс домик до основания.

В дверях появился ещё один монстр.

Тэйт послала последнюю пулю ему в пасть.

— Бежим! — закричала она.

Паяльная лампа, заправленная горючим, проделала уже половину работы.

Ветер стал ещё холоднее во время затишья в буре, вонзаясь тысячей ледяных игл в открытую кожу.

Цинк плотнее запахнул капюшон парки на лице, затем обмотал голову шарфом.

Напрягая мышцы так, что их сводило судорогами, он пытался освободить полозья с помощью лопаты.

Внутри его рукавиц полопались волдыри.

С укусов пираний поотваливались струпья.

Перед глазами плясали вспышки света.

Затем его сердце сжалось, он потерял чувство реальности.

Среди урагана открылся проход к Викинг-Пик. Там, на вытесанных из скал тронах, сидели три гиганта: Один, Тор и Тир, окружённые валькириями. Один из богов выдувал ветер; другой грохотал громом; а третий — метал молнии. Валькирии манили его в Валгаллу.

— Легче, — сказал Джо, хватая его за руку. — Низкое давление азота воздействует на твой мозг. Если дыхание автоматически продолжается, наступает эффект Чейн-Стокса. Ты начинаешь кружиться на одном месте, издавая предсмертное бормотание, и тогда уже никто не в силах помочь.

— Голова у меня раскалывается.

— У-гу.

— И у меня галлюцинации.

— Что ты видишь сейчас?

— ДеКлерка. Зовущего нас.

Они неслись по лестнице, словно «Летучий Голландец»: сломанная шея казалась предпочтительнее, чем то, что оставалось позади.

— Туда, — сказал ДеКлерк, показывая на тропинку. Он всё ещё сжимал в руке радио.

Заметённый снегом проход, ведущий к остальным хижинам, был едва заметен среди вихляющихся хлопьев. Откуда бы ни появились эти великаны-людоеды, но, во всяком случае, не из домика, следовательно, за дверьми было безопасней, чем драться с ними в лесу. Под прикрытием кустов и нависающих ветвей они совершили шестидесятифутовый рывок к следующей хижине. Тэйт бежала впереди, а вплотную за ней — ДеКлерк.

— Джек? Джо? Эд? Вы меня слышите?

Роберт пытался на бегу связаться по радио.

— Мы возле хижин. На нас напали.

Волосатая рука метнулась из-за деревьев, хватая его поверх головы сильными пальцами.

ДеКлерк дёрнулся в сторону, оставив в руках бестии только шапку, затем создание выскочило ему наперерез.

Когда он повернулся, чтобы вернуться по пройденному пути, на него напал большеног, которому Кэрол выстрелила в рот. Он размахивал человеческой рукой, словно дубиной.

Попад в коробочку между двумя верзилами, он швырнул радио в монстра, рвавшего его шапку.

Гоминид отшатнулся, когда снаряд угодил ему по носу, дав конному шанс проскользнуть мимо него.

Тэйт была на середине лестницы следующей хижины, когда вспомнила, что у них нет ключа.

Это была задняя сторона хозяйского двора.

— Слыхали? — сказал Джек из кокпита. — Хватит там возиться вокруг, и давайте взлетать.

Бешеный Пёс обыскал «Бэлл» в поисках сифона. Он появился с куском трубки в руках. Открыв топливный бак, он принялся всасывать через трубку горючее, пока она не заполнилась, затем разбрызгал бензин вдоль лыж.

— Нет, — предупредил Ковбой. — Это самоубийство.

— Запускай винт или...

Гора начала сотрясаться.

— Говорили же тебе, — сказал Джо. — Начинается.

Дверь оказалась не заперта, словно в предвидении их прихода. Ключ лежал на лавке в «декомпрессионной» комнате.

Эта хижина имела такую же планировку, как и предыдущая: прихожая при входе, упирающаяся в коридор; ванная комната, сауна и кухня, выходящие в него; в задней части — гостиная, защищённая от ветра. Дверь была сбита из сосновых досок, приколочённых по диагонали, с привинченными железными упками и декоративным йельским замком. Здесь, в самой глуши, преступления были маловероятны, поэтому один хороший пинок сбил бы замок.

— Поищи топор, — сказал ДеКлерк, закрывая замок, когда один из монстров затопал по лестнице.

Тэйт пробежала коридором в кухню, обшаривая глазами помещения в поисках какого-либо оружия. Потолок из растрескавшихся брёвен. С одного из брёвен свисала пустая керосиновая лампа. На стенах была развешана старинная кухонная утварь. Полочки с основными пищевыми продуктами и бутылка рома. Большая эмалированная дровяная плита. Корзина из медной проволоки для дров и в ней топор с ореховой рукоятью.

Схватив топор, она побежала обратно.

ДеКлерк подпёр дверь лавкой для обуви. С помощью топора он вырубил в полу глубокую выемку. Подсунув один конец лавки под ручку двери, он опустил второй конец в выемку. Теперь дверь была укреплена.

— Окна, — сказала Тэйт.

Все восемь окон закрывались ставнями снаружи. Северные и восточные смотрели на лес. Южные и западные открывались на крыльцо. Так же, как и вторая дверь из гостиной. Им было слышно, как скрипят снаружи доски крыльца.

— Забудь про окна, — сказала Тэйт. — Баррикадируй дверь.

Они передвинули к двери мебель гостиной. Они приставили кресло к двери, выходящей на крыльцо, затем укрепили её столом и стульями. На камнях камина лежал заржавевший медвежий капкан столетней давности. Не имея больше ничего, чтобы перекрыть дверь в коридор, они поставили капкан на порогеБ совместными усилиями разведя его челюсти.

Вспотев от напряжения, Тэйт торопливо открыла свой «Кольт». Она высыпала пустые гильзы в молочный бидон, затем сунула руку в карман, чтобы перезарядить револьвер. Патронов там не оказалось.

— Чёрт! — выругалась она, вспомнив о пальто. Она надела парку недалеко от Джаспера. Её собственное лёгкое пальто осталось в «Джипе».

— У меня кончились патроны. Мы на твоём снабжении.

— Я их не ношу, — ответил ДеКлерк.

Тэйт была в кухне, когда бестия ворвалась внутрь. Ставни в гостиной были сорваны, и окно, выходящее на крыльцо, разлетелось на куски. Держа топор, два ножа и бутылку рома, она возвращалась в гостиную, когда монстр просунул свою голову в комнату. ДеКлерк пустил ему в лицо струю из огнетушителя.

Весь домик затрясся, когда большеног пустился наутёк.

Сперва Кэрл подумала, что это бежал по крыльцу большеног, которого ослепил Роберт, прежде, чем свалиться через перила. Затем вся хижина вздрогнула, и крышу проломило дерево.

Поскользнувшись, она уронила один из ножей и бутылку рома. Лавка, подпирающая главную дверь, выскочила из углубления. Через секунду после того, как она свалилась на пол, дверь распахнулась под напором чьего-то плеча.

Беловолосый, с розовыми глазами и клыками цвета слоновой кости, в коридор ввалился большеног-альбинос.

Резко обернувшись, она увидела снаружи на крыльце самку-людоедку, её соски выпирали из меха, с них стекала желтоватая жидкость.

Кэрл засунула рукоятку топора себе за ремень. Она вонзила кухонный нож в руку монстра. Взыв, самка просунула голову в окно, обдав Кэрл зловонным дыханием.

Перекрытие над головой закачалось, когда ноги затопали по чердаку. Одна или несколько тварей взобрались по дереву, упавшему на крышу.

Избегая медвежьего капкана, альбинос двинулся к ДеКлерку. Тот как раз обливал ещё одного сасквоча у окна, когда кулак гиганта отшвырнул его на середину комнаты.

Огнетушитель вылетел у него из рук. Он приземлился на ковёр из медвежьей шкуры перед камином. Он попытался встать на ноги, но толчок землетрясения опрокинул его на спину. Стоя на четвереньках, альбинос бросился на него.

По домику разнёсся грохот посуды, срывающейся со стен, рождая симфонию звяжущего металла.

Тэйт с силой обрушила удар топора на череп самки так, что он угодил ей в сагиттальное сочленение. Клок волос, срезанный с кости, упал на пол.

Взыв, полускальпированная бестия освободила ей дорогу.

Отшатнувшись назад, самка зацепила подоконник, который прижал её голову к оконной раме. Тэйт рубанула топором её по руке. Порошкие шерстью пальцы упали на пол.

Схватив Кэрл за парку окровавленной рукой, разъярённый монстр открыл свою пасть.

Тэйт наотмашь ударила её топором, выбив зубы обухом.

Откинувшись назад, она изо всех сил снова ударила обухом топора по черепу.

В другом конце комнаты, обнажив клыки, альбинос подбирался к горлу Роберта.

Тот сделал единственное, что ему оставалось.

Он затолкал свою руку ему в рот.

Стоя одной ногой в вертолёте, Бешеный пёс поджёг лыжи. Пламя взметнулось с громким *вххууш!* так, что он едва успел взобраться в вертолёт. Языки пламени лизнули голубой королевский герб КККП на его борту.

В кокпите глаза Ковбоя были прикованы к панели управления. Он следил за давлением в приводе и количеством оборотов ротора. Когда он перекрыл дроссель и поставил лопасти на подъём, стрелка прыгнула за ограничительную линию.

Снаружи пик держал его лыжи, словно обвившаяся змея. Толчок землетрясения привёл к тому, что лёд растрескался во всех направлениях, создав условия для схода снежной лавины. Устав держать его, промёрзшая полка освободилась от своей ноши, швырнув огромные плиты льда вдоль склона горы. Обнажившиеся скалы были покрыты трещинами.

Весь «Бэлл» тем временем продолжал сотрясаться. Пик, к которому они примёрзли, исполнял пляску святого Витта, дёргаясь взад и вперёд в соответствии с положением рукоятки управления.

Вертолёт содрогался, пока его двигатель набирал обороты, уменьшая подавляющий эффект Нода-Матика. Сколько это могло продолжаться? До тех пор, пока какой-нибудь разболтавшийся болт не вылетит прочь, если только обрушившиеся глыбы не накроют их раньше?

Одного бульжника было бы достаточно, чтобы вывести винт из строя.

С душераздирающим стоном утёс над головой пришёл в движение.

С приглушенным хрустом запястья ДеКлерка сломались. Клыки альбиноса вонзились в его плоть.

Большеног с разmozжённoй головой забился в конвульсиях, упав на настил крыльца, с топором, вонзившимся в череп.

Кэрoл повернулась, когда конный закричал от боли. Острые белые осколки кости торчали из его запястья.

Рост альбиноса заставил её отбросить надежду на ножи. Сжав зубы, чтобы не разрыдаться, Тэйт обеими руками подняла с пола медвежий капкан. Она развернула его верхним концом к голове альбиноса.

Челюсти захлопнулись, словно акулы. Из-под металлических зубьев брызнули кровавые фонтанчики. Бестия стала двуцветной, красной сверху. С громовым грохотом она замертво повалилась рядом с ДеКлерком. Слишком большое для окна, чудовище на крыльце испустило ужасающий предсмертный вопль.

Наверху одно из тех, что находились на чердаке, направилось к лестнице, спускающейся в прихожую, перекрывая всякий путь к отступлению.

Теперь чудовища на крыльце направлялись к двери, сорванной с петель ударом альбиноса.

Тэйт подхватила с пола бутылку рома. Сто пятьдесят один раз испытанный для приготовления пунша после лыж, «Эплатон Дж. Фэй» имел крепость 75 градусов.

Потянувшись к коробке со спичками над камином, она наткнулась на ещё один топор в ящичке с гвоздями. Зажав коробку со спичками в зубах, а бутылку под мышкой, она обвила ДеКлерка рукой, сжимающей топор. Его кисть болталась, когда она вела его коридором.

Большеног, которому она выстрелила в рот, появился в проёме двери.

Ещё двое спускались по лестнице, ведущей с чердака.

Отпустив ДеКлерка, Тэйт подрубила основание лестницы, свалив двоих, спускавшихся по ней.

Сменив топор на бутылку рома, она изо всех сил швырнула её в дверь.

«Эплатон» разлетелся на мелкие осколки, обрызгав большенога в дверях и остальных на крыльце.

Тэйт зажгла спичку и швырнула её за дверь.

Воля, словно ведьмы, поджариваемые на сковородке, чудовища снаружи вспыхнули. Коридор наполнился запахом палёной шерсти.

Один из покалеченных сасквочей схватил её за ногу. Он лежал на полу у основания лестницы. Широко размахнувшись, она рубанула топором ему по лицу.

Снаружи пылающие чудовища колотились о крыльцо или же валялись через поручни, чтобы приняться кататься по снегу.

Сопровождаемый Тэйт, ДеКлерк вывалился за дверь, истекая кровью из покалеченной руки. Схватив его за воротник парки, Кэрол постаралась направить его к лестнице.

Из леса доносился шум других монстров.

Тэйт поняла, что ДеКлерку через кусты не пройти.

Оставался только один путь.

Через ледник.

Проклиная турбину и свою боязнь того, что двигатель выйдет из строя, Ковбой выдернул дроссель и потянул ручку подъёма. Протестующе взыв, ротор дёрнулся, отрывая «Лонг-Рэнжер» от ледяного поля.

Пилот наклонил ручку управления в направлении долины, уводя вертолёт с пути лавины.

Обломки утёса миновали их в каких-то дюймах.

— Мы сделали это! — воскликнул Ковбой, когда «Бэлл» набрал высоту.

— Хорошая работа, — сказал Мак-Дугал. — А теперь опусти нас вниз.

Пилот повернулся, чтобы посмотреть ему в лицо. — Вы с ума сошли? Мы едва спасли свою шкуру. Вы хотите подвергнуться риску посадки на лёд, лавин, порывов ветра, трещин и нулевой видимости? Вся эта трахнутая гора может рухнуть в любую минуту.

— Наши люди внизу, сынок. У нас нет выбора.

— Мы не сделаем этого, чёрт побери. Мы здесь — единственные, кто остался *жив*. Я капитан этого судна, и я говорю нет.

Джек Мак-Дугал окинул его взглядом сверху вниз. Страх говорил в одном из мужчин. Традиция — в другом.

— Ты — старший констебль. Я — инспектор. Ты находишься на службе в конной, а здесь это так не делается. А теперь опускай нас вниз. Это приказ!

Кэрол обмотала свой пояс вокруг руки ДеКлерка, надеясь, что такой импровизированный жгут остановит его кровотечение.

Пик над головой проступал в последних хлопьях, падающих с неба, видимость увеличивалась по мере того, как уменьшался снегопад.

Отстав на сто футов, банда из четырёх монстров устремилась за ними.

Задувая вдоль долины, ветер завывал внутри ложной горы, трещина у её основания преобразовывала звук в барабанную дробь.

Теперь же совершенно иной звук примешался к смертельной погоне на ветру; потрескивающий, скрипучий, стонущий шум над головой. С шипящим грохотом вершина Виндиго-Маунтин развалилась, обрушиваясь куском за куском к подножию. Рассыпая осколки льда и разбитых скал, она покрыла край ледника обломками, словно атомный взрыв.

Сила удара подбросила их в воздух.

Вертолёт боролся с восходящим потоком вдоль склона горы, упи им заложило, завихрения воздуха проверяли работу их дантистов.

Наблюдая за тем, как Рабидовски перезаряжал свой арсенал, Цинк думал о том, жива ли ещё Кэрл.

Всё зависит от этого, сэр. Когда человек знает, что наступающей ночью он должен быть повешен, это замечательно помогает ему собраться с мыслями.

Пуля в чайном домике, процарапавшая его голову, проделала это с ним.

Он обнаружил, что мечтает о жизни, о том, какой она должна была бы быть, прежде чем его мысли городского жителя не сделали его мир сюрреальным.

Как он будет любить зимние дни с покрытыми свежим снегом полями, с обдающими их своим тёплым дыханием лошадьми.

Как ему будет нравиться плавать в бассейне и ловить рыбу в хрустальных потоках, коротая летние дни, где бы это ни происходило.

Как ему будет нравиться прогуливаться по влажным тропинкам среди зарослей, опустив руки так, что зелень будет задевать его ладони.

Через сорок лет он завершит круг, придя к тому, что оставил позади.

Он затосковал по домику фермы.

Его потянуло к уходу за землёй.

Он позавидовал своему брату в Саскачеване.

Ему захотелось, чтобы во дворе играли дети, перепачканные в пыли.

Если бы он предложил это Кэрол, посчитала ли бы она его сумасшедшим?

Бешеный Пёс протянул ему лазерную винтовку.

Упав на сломанную руку, ДеКлерк потерял сознание.

Тэйт с трудом поднялась на ноги и увидела, что ледник покрылся паутиной трещин. Перед ней зияла глубокая расщелина шириной в шесть футов. Позади, быстро приближаясь, были четыре чудовища.

Разбежавшись, она могла бы перепрыгнуть через трещину, оставив неуклюже ковыляющих тяжеловесов на этой стороне.

Они никак не смогли бы последовать за ней.

Она была бы спасена.

Нужно было только бросить ДеКлерка.

Завывая от жажды крови, голодные твари были в тридцати футах...

Двадцати пяти...

Двадцати...

Они обнажили свои клыки.

Что же делать, Тэйт?

Пора решать.

Леги или Тигр?

Кто из них победит?

Если она повернётся и побежит, никто даже не будет знать.

Кроме неё.

Каждый день видеть в зеркале трусику.

Трусику, которая доказала бы, что её отец был прав в отношении женщин.

Пятнадцать футов...

Четырнадцать Футов...

Они съедят её заживо.

Со слезами, струящимися по щекам, она двумя руками сжала топор.

Хрипло дыша, она пыталась успокоить нервы.

Как обычно говорили индейцы?

Сегодня хороший день для смерти.

Издав отчаянный вопль в качестве боевого клича, Кэрол бросилась вперёд.

«Бэлл» двигался над белым пятном ледника, Рабидовски стоял на коленях возле открытой двери.

— Прольём-ка немного крови, — сказал Бешеный Пёс, целясь из «Ивер Джонсон».

— Не стреляй! — воскликнул Цинк. — Там Кэрол!

Треск выстрела заполнил «Лонг-Рэнжер». Пуля пролетела в шести дюймах над головой Тэйт, пробив отверстие точно в горле больноного.

— Думал, я промажу? — сказал Бешеный Пёс, извлекая гильзу.

— Нужно подобрать их одновременно, — сказал Мак-Дугал, — нам нельзя ошибиться. Мы потеряем вертолёт, если приземлимся на эти трещины. Джо, возьми лебёдку. Цинк, ты пойдёшь вниз. Бешеный Пёс...

— Давайте. По местам.

Чандлер одел обвязку, пока Джо прицепил к лебёдке три страховочных троса. С парой поясов в руках, Цинк свесился с вертолёта. Авакомович опустил его на лёд.

— Кэрол! — крикнул Цинк, бросаясь к ДеКлерку.

Позёмка, поднятая вертолётном, завихрилась вокруг них.

В десяти футах от него Тэйт повернулась, чтобы броситься бежать.

Её нога попала в одну из трещин, и она упала.

Ближайший монстр схватил её за предплечье.

Раздалось такое количество выстрелов, что Цинк не смог различить, какое оружие стреляет. «Ивер Джонсон» разорвал лицо напавшего на Кэрол, дав ей возможность отползти по направлению к нему. Джо выпустил два заряда из «Франчи», дважды поразив дальнюю тварь. Джек срезал третьего из лазерной винтовки.

Когда Цинк застёгивал один из поясов вокруг ДеКлерка, над головой раздался грохот.

Словно твёрдая лава, сто тысяч тонн камней обрушилось с Виндиг-Маунтин.

В пяти футах от него Кэрол тянулась к Цинку.

Он выдвинулся, насколько позволила стропа.

В зависшем вертолёте Ковбой запаниковал. Каждый, кто не привязан к вертолёту, должен быть оставлен, или они все превратятся в

окровавленные останки, раздавленные валунами. Он поднял вертолёт и направил его к Викинг-Пик.

Пальцы Кэрол и Цинка соприкоснулись в тот момент, когда ротор взвыл.

Ещё секунда — и она соскользнёт.

Он натянул страховочный канат, словно двухлетний ребёнок, противящийся воле своей матери.

Его рука сомкнулась вокруг её запястья и держала дорогу для него жизнь.

Они поднялись вверх, словно марионетки,

а ледник

провалился

вниз

Гонконг

вторник, 28 марта, 10:22 пополудни

вниз

вниз

вниз

вниз

Цинк Чандлер лежал на операционном столе с пулей в мозге. Его голова была полностью обрита, приготовленная к операции. К черепу были прикреплены электроды, снабжающие информацией нейрологические установки, чьи мониторы отражали его альфа, бета и дельта ритмы.

Несколько специалистов изучали пики его мозговых волн на экранах.

— Сны? Истории? Мифы? Что происходит там?

— Сказать, что вызывает это — непосильная задача.

Валлиец посмотрел на лондонца поверх своих очков. — Чувствуем философское настроение, а, Тэйлор?

— Эти ритмы имеют очень глубокое основание. Скорей всего, они лимбического происхождения. Может быть, высвобождается его коллективное подсознание

— Боже правый, — вздохнул валлиец. — Последователь Юнга — среди нас.

— Какой позор, — сказал кениец. — Такой приличный с виду мужчина. Что с ним произошло? К чему все эти полицейские?

— Парень обвиняется в убийстве на Гавайях, как я слышал. Убийство на сексуальной почве женщины и её ребёнка. Болтают, что он заколол суперинтенданта Онга.

— Террор Триада?

— Зарезал его здесь, на Пике. Санг говорит, что Онг находится в нашем морге.

— Кто оперирует?

— Готовится Хуанг.

— Я думал, что он был в Австралии.

— Конференция закончилась.

— Говорят, что перед смертью видишь всю свою жизнь. Может быть, как раз это и происходит в голове у парня.

— Говорят, что после смерти тело становится легче на шесть унций. Может, как раз имеет место эта потеря веса.

Валлиец одарил лондонца осуждающим взглядом. — Уж не хочешь ли ты сказать, что веришь в существование души, Тэйлор? И это говоришь ты, врач?

Часть пятая

Душа

Самым величайшим достижением природы вплоть до наших дней безусловно остается изобретение ДНК. Мы получили её с самого начала, встроенной в первую клетку, появившуюся где-то в напоминающих суп водах остывающей планеты.

Льюис Томас

ВОЛНЫ МОЗГА

10:43 пополудни

Карол стояла и не думая о сне в коридоре госпиталя. Конные ушли, пытаясь выяснить, что произошло в чайном домике. ДеКлерк оказался прав в своём предположении, что Цинк вернётся в Гонконг, поддавшись искушению отомстить убийце, всё ещё не имеющему лица. При таких махинах получить пулю — дело почти предопределённое. На Востоке И Цзин определяет судьбу человека. Теперь она осталась наедине с пониманием того, что, быть может, никогда не произойдёт.

Летя сюда, она думала об их разговоре в парке Стэнли, как раз перед тем, как убийца скормил Дэниэльс медведям.

Единственное, что мы не обсудили, сказала она, это где мы собираемся жить.

Ответ, который пришёл ей в голову в воздухе, был *Почему не на ферме?*

Цинк рассказывал ей, как его отец оставил её своим сыновьям и как он покинул её из чувства противоречия.

Ферма приносила доход. Половина принадлежала ему. И брат Цинка, Том, жил довольно неплохо.

А почему не мы? думала она. По крайней мере, нужно попытаться. Если люди не остановятся, весь мир вскоре прекратит своё существование. Петух, кукарекающий утром. Следить за закатом с крыльца. Если я предложу Цинку жить на ферме, не посчитает ли он меня сумасшедшей?

Как бы она удивилась, если бы только знала.

ДеКлерк, одетый в форму, шагнул из лифта. Синий суконный китель и фуражка с кокардой. Соответствующие синие брюки с жёлтыми полосами. Чёрные туфли с позвякивающими шпорами. В руках он держал пару белых перчаток.

— Как он, Кэрол?

— Они его оперируют. Его мозговые волны активны. Это хороший признак. У него в мозге мелькают какие-то мысли.

— Когда мы узнаем?

— Через несколько часов.

— Я говорил с Мак-Дугалом. Они с Джо приземлились на вершине. Они нашли первую экспедицию Кванов у подножия. Департамент Калгари задержал вторую в аэропорту.

— А что насчёт Жёлтого Черепа? Насчёт Блэйка?

— Они нашли их на горе, но так и не разрешили загадки. Тело Блэйка было скрыто шестью футами льда. Его голова была отрезана, а на её месте находился Жёлтый Череп.

— Кто-то — или что-то — похоронил его? — воскликнула Тэйт.

ДеКлерк пожал плечами. — Они оба, похоже, так и останутся мифом.

— Мой Бог, — сказала она. — Стать жертвой призраков. Выходцы из девятнадцатого века отнимают у меня Цинка? Отношения, а не призраки, вот что остаётся. Прошное переходит в настоящее. Оно навещает всех нас.

Кэрол вопросительно глянула на него, глядяваясь в его лицо. — Что-то не так?

— Полиция Гонконга — закрытая каста.

Она глубоко вздохнула и прислонилась к стене. Пальцами руки она пробежалась по своим волосам. — Покрывают всё?

— Что-то вроде того. Через час у нас встреча на высшем уровне.

— Что вы обнаружили?

— Очень мало. Полиция отреагировала на сообщение о выстрелах на Пике. Они нашли раненного Цинка в чайном домике. Чайный домик венчает собой остров в центре озера. Мостик, соединяющий его с берегом, был залит кровью. Кто-то по всей видимости уполз по нему, или же его утащили. Дэвид Онг, поддерживавший с нами контакт здесь, лежал мёртвый возле озера. Цинк держал нож, которым тот был заколот, и пистолет Онга.

— Отстрелянные гильзы?

— Три.

— Кровь на мосту?

ДеКлерк кивнул. — Мы проверяем эту зацепку.

— Онг был продажным?

— Тут у нас затруднения. Он до настоящего времени был золотым мальчиком ГКП. Пресса называет его грозой Триады. Он был Неприкасаемым из Отдела по борьбе с Триадами.

— А как насчёт действий Цинка?

— Полиция не позволяет нам участвовать в расследовании. Не смогли мы присутствовать и при обыске дома Онга.

— Почему? — спросила Тэйт.

— В самом деле, почему?

— Будучи американкой, я не слишком доверяю британцам.

— Так же, как и я, будучи франко-канадцем. Мы находимся в последнем аванпосте империи, которой больше не существует. Прощайте, трубы. Приспустить флаг. Они захотят уйти чистыми.

Кэрол глянула на дверь операционной. — Всё это ни к чему, разве нет?

— Нет, не ни к чему, — сказал Роберт. — Кое-кому придётся платить.

— Простите, пожалуйста. Вы из полиции?

Азиат пагнул из лифта, когда они входили туда. Мужчина был одет в белую больничную одежду.

— Да, — сказал ДеКлерк. Кэрол напряглась.

— Это осталось в палате. Мы только что это нашли. Выпало из его кармана, когда мы делали массаж сердца.

Медик протянул клочок бумаги. На нём были пометки, которые Цинк делал в самолёте.

11:30 пополудни

Старший суперинтендант Хамфри Торп-Бэйкер был слегка пьян, и пьян величественно. Хамфри был реликтом вымирающего рода: колониальный умиротворитель её величества Королевы. Он расправлялся с мау-мау в Кении, когда почти вся карта была красной, и с другими восставшими в Родезии, Малайе, Адене. После судебных процессов, связанных с коррупцией, он был послан к «Хонкерам», чтобы очистить ГКП. Этим вечером Хамфри отметил хорошо проделанную работу, перед тем, как вернуться в Лондон за наградой. А теперь вмешались эти двое, и собираются описать его ковёр.

— Ерунда, — проворчал Торп-Бэйкер. — Где доказательства?

— Это заявление — просто вздор. Или вы отвергли презумпцию невиновности вместе с париками?

— Я не закончил, — сказал ДеКлерк.

— Меня ждёт мой клуб. И я услышал достаточно. У меня нет лишнего времени, чтобы тратить его попусту с запутавшимися Холмсами.

Увешанный медалями, выставленными напоказ на его выпяченной груди, Торп-Бэйкер напомнил Кэрл капитана Блая. Он стоял важный, со стеклом в руке, у портрета королевы в позолоченной раме, со щеками, порозовевшими от слишком большого количества джина с тоником, выпитого на верандах по всей округе. На одной из стен висела шкура зебры, увешанная копьями кикуйев. На другой стороне висела «Защита Течения Рорка» Элизабет Батлер. Под колокольчиком на его столе лежала ссохшаяся голова.

— Вы что же, думаете, я такой идиот, что поверю во все эти глупости?

Дыхание Хамфри отдавало сплошным солодом.

— Вы говорите, что мой лучший человек был подкуплен Кванами. Игнорируя тот факт, что «Фанквань» — ведущее в своей отрасли предприятие, у которого нет никакой нужды ввязываться в преступление. Игнорируя тот факт, что Дэвид Онг наполнял тюрьму негодяями, несмотря на бесчисленные попытки подкупить его. Вы говорите, что он оберегал Кванов от осложнений с правосудием и что, когда ваш человек подобрался слишком близко, подставил его при помощи фальшивых зубов. Право же, старина. Какая чушь.

— Мы располагаем заметками Чандлера.

— Мера предосторожности. Ваш человек, — он посмотрел на Тэйт, — был в бегах?

— Что нашли в доме Онга?

— Ровным счётом ничего.

— Расследование закончено?

— Осталось только написать рапорт.

— Когда вы рассчитываете получить его?

— С минуты на минуту.

— Хорошо. Я подожду.

Хамфри закурил трубку, словно надувая шар. Дым окутал индонезийские куклы теней над обеими дверями. Когда в одну из них постучали, он торопливо произнёс:

— Войдите.

В комнату шагнул азиатский коп в форме.

— Кто-нибудь из вас говорит на кантонском наречии? — спросил Торп-Бэйкер.

Северо-американцы только покачали головой, когда колонисты заговорили на этом языке.

— Вкратце, — сказал Хамфри. — Дом Онга — чист.

Кэрл перехватила взгляды, которыми обменялись гонконгские копы. Торп-Бэйкер кивнул азиату на дверь. *Они нашли что-то, что собираются скрыть*, подумала она.

Торп-Бэйкер увидел, как поникли её плечи, в то время как в глазах мелькнуло подозрение. Он окинул её тем специфическим взглядом, какой британские военные приберегали для янки. — Кавалерия разъезжает только в ваших вестернах.

Азиатский коп приблизился к одной из дверей, когда вторая широко распахнулась. В её проёме стоял китаец, которого Торп-Бэйкер никогда не встречал.

ДеКлерк вытащил микрофон, скрытый у него в рукаве.

Незванный гость держал в руках диктофон.

— Они, быть может, и не говорят на кантонском. Зато я говорю, — сказал инспектор Эрик Чан.

Будучи посторонней из другого государства, Тэйт не могла до конца ухватить психологические аспекты происходящего здесь — но она понимала, что двое королевских служащих собираются схлестнуться как мужчина с мужчиной. Оба они, ДеКлерк и Торп-Бэйкер, обладали таким количеством значков, наград, корон и подвесок, нашивок за выслугу лет и сияющих медных пуговиц, что она чувствовала себя обязанной отдавать честь. Если бы только они были одеты в красное, а не в голубое.

— Инспектор Чан, что они сказали?

— Обыск выявил доказательства того, что Онг работал на Кванов. Они были спрятаны в сейфе. Старший суперинтендант велел своему подчинённому скрыть это. Он решил бы, что делать дальше, как только вы бы ушли.

ДеКлерк шагнул к Торп-Бэйкеру.

Старший суперинтендант стоял не шелохнувшись.

— Вы подкуплены? Или находитесь под влиянием алкоголя?

Ещё два шага поставили их лицом к лицу.

— Мой человек находится в госпитале с пулей в мозге. Ваш человек помог отправить его туда.

Торп-Бэйкер, задрав подбородок, не сдвинулся ни на дюйм.

— Я настаиваю на том, чтобы увидеть доказательства, находящиеся в ваших руках. Предоставьте мне то, что я требую, или вам придётся иметь дело с прессой. Не забывайте, что ваши слова записаны на плёнку, *старина*. Или вы поступите так, как надлежит, или я утоплю вас.

Один из них отвёл взгляд.

— Хорошая работа, Эрик. Это была отличная идея.

— Чёрт побери, — сказала Кэрол. — Почему я оставалась в неведении?

Они ждали, чтобы осмотреть тайник Онга. Тот находился в его гараже.

— Имея перед глазами вас, кто бы стал присматриваться ко мне? Я хотел, чтобы Торп-Бэйкер думал, что обвёл нас вокруг пальца. Ваше разочарование было для него ловушкой.

Когда Стивен Кван был взорван в 1963 году, Онг сделал себе капитал на вызванном этим страхе Главы. Кван Кок-су платил ему миллионы за защиту, подозревая Триады, ГКП и Гонг Ан Чжу. Его всеподавляющей манией было сохранить семейную линию, что, без сомнения, объяснялось ставшей привычной маской. Эван должен был выжить любой ценой, включая и родовую гордость Кванов.

Онг был слишком сообразителен, чтобы не обезопасить себя. В течение долгих лет он собирал компрометирующие материалы, собирая всё, что могло угрожать Кванам. Если бы что-нибудь с ним случилось, с ними тоже было бы покончено.

Среди этих материалов было заключение психиатра во время депортационного слушания.

Там были фотографии Эвана Квана.

Там была схема системы безопасности коулунского комплекса.

Там были *два* свидетельства о рождении в колонии.

Джекилл и Хайд.

ДЖЕКИЛЛ И ХАЙД

Коулун

воскресенье, 29 марта, 3:41 утра

Нет лучших воинов, чем гурки Непала. С 1815 года они служили в британской армии, тринадцать раз выиграв Кресс Виктории. В последние годы они охраняли границы Гонконга, размещаясь на базе на Новых Территориях. Этой ночью гурки шли в авангарде штурмовой группы.

В соответствии со схемой, найденной в сейфе Онга, из Зала Предков имелся потайной ход. Он выходил в туннель под Жертвенным Алтарём, затем тянулся под землёй к тайному убежищу в нескольких кварталах от фабрики.

Пока ДеКлерк, Чан, Тэйт и Торп-Бэйкер ожидали снаряды, штурмовая группа ворвалась внутрь дома, нашла подземный коридор и исчезла в нём.

Сначала пришло известие, что Онг мёртв. Не удивительно, что он не появился сегодня ночью в чайном домике. Затем в панике позвонил дантист. ГКП крутилась у его дверей. Теперь хирурги сообщили ему, что его брат умер. Несколько часов они пытались спасти его в госпитале «Фанквань». Головорез был с ними, когда раздался сигнал тревоги. Кто-то в убежище нашёл тайный проход. Игра была окончена.

Убийца побежал подземным коридором в Лабораторию. Он вошёл через дверь рядом с криоохладителем.

Экран системы безопасности, висевший над противоположным выходом, светился. Камера в проходе показала быстро продвигающихся непальских солдат.

Никому, кроме Кванов, не было известно, что исследовательский центр представлял собой гигантский горячий ящик. Только семья знала компьютерный ключ, который запирает Лабораторию и превращал подземное помещение в крематорий.

Выходя, Головорез воспользовался дверной панелью, чтобы набрать код уничтожения, затем пробежал мимо Ямы и поднялся по каменной лестнице.

Он сдвинул люк, ведущий к Жертвенному Алтарю, в тот момент, когда внизу грохнула оглушающая граната гурков. Нажав кнопку, запирающую люк, он схватил ключ со стола, в котором хранились «Журнал Паркера» и «Путевые заметки». Он отпер дверь в Усыпальницу Предков.

Глава, совершенно лишившись разума, стал настоящим скелетом. Он сидел на Драконьем Троне, вцепившись в подлокотники обломанными ногтями. Одна сторона его лица была разодрана до мяса в тщетных попытках избавиться от вируса в мозге. Глазное яблоко свисало из глазницы на жгутике плоти. Залитый светом красных бумажных фонариков, он трясся, словно страдающий церебральным параличом. Его зубы, открытые смеющимися губами, стучали, как кастаньеты.

Головорез столкнул его с трона. Он вытащил из-за пояса «ЗИГ/Зауэр» .380. Приставив дуло к голове Главы, он нажал на курок. Сгустки крови и сгнившей серой массы забрызгали черепа на подставках, расположенных на некотором расстоянии. Они забрызгали и ширму из нефрита и слоновой кости, исписанную их *зонг лу*. Бормотание прекратилось.

Оттолкнув разможжённую голову обмякшего тела на пол, Головорез сорвал с костистого пальца кольцо с печатью.

Когда он поднял сидение Драконьего Трона, открывая скрытую внутри шкатулку-головоломку, мина гурков взорвала крышку люка. Воинские башмаки загрохотали по лестнице.

Кольцо подходило к отверстию в верхней части шкатулки. Вставив его туда, он поднял крышку, открывая связку ключей внутри. Эти ключи отпирали банковские сейфы, разбросанные по всему миру, в которых хранилось сто миллионов долларов наличными. Этого было более, чем достаточно, чтобы он мог всё начать сначала.

В усыпальницу влетела оглушающая граната гурков.

С ключами в одной руке, с пистолетом в другой Головорез навалился на ширму позади трона.

Зонг пу из нефрита и слоновой кости распахнулась в крутой спуск, по которому Головорез соскользнул в тот момент, когда граната взорвалась.

Ряды прутьев скользнули на своё место, преграждая доступ кому бы то ни было.

Явная дерзость побега удивила Кэрл.

Как только штурм начался, если судить по взрывам — хотя никто не мог пояснить адский жар, которым внезапно пахнуло из входа в потайной коридор — она оставила троих мужчин, чтобы поискать телефон.

Бродя по улицам вокруг фармацевтического комплекса, она наткнулась на него напротив кирпичной стены.

Когда она набирала номер госпиталя, чтобы справиться о Цинке, в лунных лучах, блескующих на колючей проволоке, идущей поверх укрепления, из стены высоко над улицей вырвалась тёмная фигура.

Сперва она подумала, что это галлюцинация, вызванная стрессом и недосыпанием.

Акробат ударился о возвышающийся над улицей навес, проломил его, упал на тротуар и устремился к ближайшему переулку.

Тэйт в это время находилась на углу следующего переулка.

Это он, подумала она.

Головорез бежал, скрываясь в тени многоквартирных домов.

Неожиданности каждый раз ставят в тупик людей, лишённых воображения. Уклоны, подобные этому, были обычным аттракционом в парках развлечений. Средневековые замки тоже практиковали такие трюки. Фальшивые кирпичи над окружающим рвом.

Убийца глянул через плечо, чтобы бросить прощальный взгляд. Стена, за которой он родился и вырос, отдалялась с каждым шагом. При этом он не заметил ногу, которая резко высунулась из бокового переулка.

Раскинув руки, Головорез споткнулся и повалился на мостовую.

«ЗИГ/Зауэр» .380 вылетел из его руки.

— ФБР, — выкрикнула Тэйт. — Замри, или я разнесу тебе голову.

Головорез посмотрел в лицо своего нового противника.

«ЗИГ/Зауэр» лежал в двух футах от его руки.

— Я имею в виду именно то, что говорю, Эван. Или мне следует называть тебя Лотос?

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

4:09 утра

— Я не понимаю, почему старик принял эту подмену, — сказал Торп-Бэйкер. — Разом перемахнув через все китайские традиции. Насчёт того, что мальчики предпочтительней, и тому подобного.

— Вернёмся к 1963 году, когда был убит Стивен Кван. При этом взрыве Глава потерял своего Головореза, — сказал ДеКлерк, — что серьёзно поставило под угрозу продолжение семейной линии. Он остался с двумя маленькими внуками, которых нужно было защищать: Эваном, своим новым наследником, и годовалым Мартином, рождённым в Канаде.

— Стивена убил Онг?

— Возможно. Он, конечно, воспользовался этой смертью, чтобы приблизиться к Кванам. На чьей бы совести это ни было — Онга или кого-либо ещё — но Глава обвинил в этом министра Ци. Ци пытался возложить на него ответственность за резню в Тянь-Шане и за другие преступления, преследуя с тех пор его людей в Синьцзяне. Мстя за смерть Стивена, Кван убил жену и сына министра.

Торп-Бэйкер кивнул. — Они продолжали вести гражданскую войну. Два старых вепря, полосующие друг друга клыками.

— Кван боялся, что агенты Ци проберутся за ограду Коулуна, и поэтому решил переодеть Эвана девочкой. Если бы Мартин был единственным мальчиком, то он должен был бы быть Головорезом, защищая настоящего наследника от нападения.

— Странная роль, — сказал Торп-Бэйкер, — которая делала его приманкой для убийцы.

— В своём свидетельстве о рождении Эван был зарегистрирован мальчиком. Когда он родился, в 1961 году, никакой угрозы не было, но после взрыва бомбы два года спустя он оказался в опасности. Онг подменил свидетельство о рождении в списках колонии, превратив мальчика в Лотос Кван. Эван перестал существовать, за исключением свидетельства, хранящегося в сейфе Онга.

— А как насчёт тех, кто знал его раньше?

— Насколько можно судить, Эван не покидал Коулун до своего совершеннолетия. Чуть ли не до того момента, пока не отправился на учёбу в Канаду.

Торп-Бэйкер фыркнул. — Странная одежда и его самого сделала странным, да?

— Нет, женственность мальчика подала Квану идею. По иронии судьбы, министр Ци не охотился за наследником. Ему нужен был только Кван Кок-су.

— Так когда же Эван заполучил соски и влагалище?

— После того, как Дэниэльс застала его за непристойным занятием в 1978 году. Половое извращение было частью того, чему она стала свидетелем в лаборатории. Начиная с периода полового созревания, сперма Эвана хранилась в холодильнике, снимая необходимость для него переодеваться. Поскольку продолжение рода было обезопасено от нападения, «Лотос» могла бы продолжать жить в мужском обличье.

— Если не считать того, что он не хотел этого? Он был настоящим голубым?

— Рождение Мартина в Канаде обещало Кванам настоящий рай. Если бы Гонконг когда-нибудь оказался закрыт для них, они могли бы эмигрировать. Чтобы заложить для этого базу, оба внука были посланы сюда в колледж, Эван на естественнонаучный, а Мартин на юридический факультет. Какая возможность могла быть лучше для того, чтобы Эван вновь появился на сцене? До тех пор он никогда не был за пределами предприятия. «Лотос» была похоронена в Гонконге, и он приехал как мужчина. Онг обеспечил новые документы, идентифицирующие личность.

— Так что же случилось? — спросил Торп-Бэйкер.

— Культурный шок. Мы имели запутавшегося ребёнка, никогда не покидавшего своего кокона, а теперь живущего в чужой стране сам по себе. Впервые от него ожидали, что он поведёт себя как мужчина, в то время как психологически у него было смешанное чувство своего пола и он был психопатом. Однажды

ночью, наглотавшись наркотиков, он кончил в лаборатории, переодевшись женщиной, пока занимался экспериментами с замораживанием. Дэниэль застала его за этим и сообщила в Иммиграционную службу. Всё это имеется в рапорте психиатра в сейфе Онга.

Кван нанял Мэрдока, чтобы спасти их будущие планы, поскольку депортация закрыла бы Эвану доступ в Канаду. Эван вернулся в колонию, настаивая на операции, после которой он смог бы *физически* превратиться в Лотос Кван.

— Я не понимаю, почему старый жук согласился на это, — сказал Торп-Бэйкер.

— Он противился, но Эван угрожал вообще уйти.

— Почему бы ему самому не зачать наследника?

— Возраст и длительная болезнь куру сделали его импотентом.

— А женщина, которую он пытался оплодотворить? Любовница сына Ци? Зачем было ждать так долго, чтобы зачать наследника Эвана?

— Чем дольше они ожидали, тем дальше продвинулась бы генетика. Они надеялись исправить у наследника ген старения.

— Если бы Эван был убит, разве Мартин не занял бы его место?

— У него был не тот интеллект, чтобы найти Фонтан Молодости. К тому же, он был стерильным.

Всё развалилось, когда Глава заболел. Внезапно их циферблат выпал из общего хода времени. Лотос была чиста перед иммиграционной службой, и компания наполовину переместилась, но всё ещё оставались депортационные материалы. Кван настаивал, чтобы внуки следовали за моей книгой, надеясь найти лекарство от своего нового недуга. Семьи, такие известные, как Кваны, привлекают к себе внимание средств информации, а те, кто знал об Эване, всё ещё были живы. Если бы Эвана связали с Лотос, с их раем можно было бы попрощаться, поэтому всех участников слушания следовало убить. Это могло бы сработать, не сойди тот, кто руководил всем этим, с ума.

— Таким образом, ваш человек тоже поплатился, получив пулю в мозг.

— Как и все мы, — сказал ДеКлерк, — он был введен в заблуждение маской. Много лет назад я был как-то в помещении суда, когда к судье приблизилась самая ошеломляющая красавица из всех, когда либо виденных мной. Шерифы вокруг меня болтали,

что были бы не прочь заполучить кусочек её, до тех пор, пока чиновник не прочёл обвинение против Вильяма Холла.

Пол определяется единственным геном — определяющим пол фактором в «Y»-хромосоме.

Объективно мы остаёмся запрограммированными в половом отношении на уровне наших клеток независимо от того, что мы делаем со своей оболочкой.

Субъективно, однако, глаза нас обманывают, поэтому мы игнорировали Лотос в поисках Эвана Квана.

— Он или она, — сказал ДеКлерк. — Всё зависит от точки зрения.

— Это было очень хитро, — сказала Тэйт. — Соблазнить Арни Смоленски в его номере на верхнем этаже. Это обоим вам обеспечивало алиби и открывало доступ на крышу по пожарной лестнице. Что ты делал, Эван? Подмывался между траханьем? Застрелил Мэрдока, пока бежала вода, а потом скользнул обратно в постель? Это легко было сделать, если винтовка уже находилась на крыше.

Приподняв грудь над мостовой, чтобы взглянуть на неё, Голово-рез узнал Тэйт по перестрелке в зоопарке. Она стояла на расстоянии двух ярдов, револьвер был направлен ему в голову. Её взгляд был прикован к «ЗИГ/Зауэру» вблизи от его вытянутой руки. Поэтому, как покачивалась рука с револьвером, он понял, что её более сильная рука находилась на перевязи. Его вторая рука была под грудью, давая возможность резинке, привязанной вокруг запястья, вытянуть немецкий нож так, чтобы он скользнул в его ладонь. *Нужно ударить её в сердце*, подумал он.

— Я хочу убить тебя, — сказала Тэйт, — за то, что ты сделал с Чандлером.

Поглаживая на «ЗИГ/Зауэр», она следила за его вытянутой рукой.

— Давай. Дай мне повод. Попытайся.

И он попытался.

ЗАМЕТКИ АВТОРА

Эта книга — вымысел. Сюжет и персонажи — продукт воображения автора. Там, где в повествовании появляются реальные лица, места, организации для того, чтобы создать ощущение подлинности, они используются произвольно.

Многие повороты сюжета были вдохновлены приведенными ниже вполне реальными источниками, хотя научные и исторические факты были изменены произвольным образом в соответствии с нуждами повествования.

AC/DC, от которых кровь у нас бежала быстрее — когда мы были моложе.

Arens, W. *The Man-Eating Myth: Anthropology and Anthropophagy*. (Аренс В. «Миф о людоеде: антропология и антропография») Oxford University Press, 1979.

Bao Rue-Wang & Rudolph Chelminski. *Prisoner of Mao*. (Бао Рюо-Ванг и Рудольф Челмински. «Заключённый Мао») Coward, McCann, 1973.

Berton, Pierre. *The Wild Frontier: More Tales From the Remarkable Past*. (Бэртон, Пьер «Дикая граница: ещё несколько историй из великолепного прошлого») McClelland and Stuart, 1978.

Brinnistool, E. A. *Troopers with Custer: Historic Incidents of the Battle of the Little Bighorn*. (Бринингстол Е.А. «Эскадроны Кастера: исторические очерки о битве на Литтл-Бигхорн») University of Nebraska Press, 1989.

Butler, William F. *The Great Lone Land*. (Батлер, Вильям Ф. «Великая необитаемая земля») Hurtig, 1968.

Campbell, Joseph. *The Power of Myth*. (Кэмпбелл, Джозеф «Сила мифа») Doubleday, 1988.

Chiarelli, A. B. *Evolution of the Primates: An Introduction to the Biology of Man*. (Чирели А.Б. «Эволюция приматов: введение в биологию человека») Academic Press, 1973.

Ching, Frank. *Ancestors: 900 Years of the Life of a Chinese Family*. (Чинг Франк. «Предки: 900 лет из жизни китайской семьи») Morrow, 1988.

Colombo, John Robert, ed. *Windigo: An Antology of Fact and Fantastic Fiction*. (под редакцией Дж. Р. Коломбо «Виндиго: антология фактов и фантастического вымысла») Western Producer, 1982.

- Cowan, Don. "Medicine That Killing". (Кован Дон. «Медицина, которая убивает») *The Globe and Mail*.
- Gaute J. H. and Robin Odell. *Murder "Whatdunit": An Illustrated Account of the Methods of Murder*. (Готэ Дж.Х.Х. и Робин Оделл «Убийство: как это делается. Иллюстрированное описание методов убийства») Pan, 1984.
- Gillespie, Neal C. *Charles Darwin and the Problem of Creation*. (Гиллеспии, Нил С. «Чарльз Дарвин и проблема Творения») University of Chicago Press, 1979.
- Graham. W. A. *The Custer Myth: A Source Book of Custeriana*. (Грэм В.А. «Миф о Кастере: литературные источники кастерианы») Bonanza, 1953.
- Graysmith, Robert. *Zodiac*. (Грэйсмит, Роберт. «Зодиак») St. Martin's 1986.
- Hogg, Garry. *Cannibalism and Human Sacrifice*. (Хогг, Гарри. «Каннибализм и человеческие жертвоприношения») Pan, 1958.
- Horral, S. W. *The Pictorial History of the Royal Canadian Mounted Police*. (Хоррала С.У. «Иллюстрированная история канадской королевской конной полиции») McGraw-Hill, 1973
- Hunter, Don and Rene Dahinden. *Sasquatch* (Хантер, Дон и Рене Дэжинден. «Саскуач») McClelland and Stewart, 1973.
- Hsu, Hong-yen and William G. Peacher. *Chinese Herb Medicine and Therapy*. (Хсу Хонг-йен и Вильям Дж. Пичер. «Китайская растительная медицина и терапия») Oriental Healing Arts Institute, 1982.
- «Interview: Richard Cutler». («Интервью: Ричард Катлер») *Omni*, 1986.
- Johanson, Donald C. and Maitland A. Edey. *Lucy: The Beginning of Humankind*. (Йохансон, Дональд К. и Мэйтленд А. Эди. «Люси: истоки человечества») Simon and Schuster, 1981.
- Lasker, Gabriel Ward. *Physical Anthropology*. (Ласкер, Габриэль Вард. «Физическая антропология») Holt, Rinehart, 1976.
- Le Gros Clark, Sir Wilfred E. *History of the Primates: An Introduction to the Study of Fossil Man*. (Ле Грос Кларк, сэр Вилфред Е. «История приматов: введение в изучение останков человека») British Museum, 1970.
- Lotz, Jim. *The Mounties: The History of the Royal Canadian Mounted Police*. (Лотц, Джим. «Конные: история канадской королевской конной полиции») Bison, 1984
- Lueras, Leonard and R. Ian Lloyd. *Hong Kong*. (Луирас, Леонард и Р. Иан Ллойд. «Гонконг») APA, 1987.
- Maitland, Derek. *The Insider's Guider to Hong Kong*. (Мэйтленд, Дерек. «Путеводитель по Гонконгу») Hunter, 1988.
- Malloy, Ruth Lor. *Fielding's People's Republic of China* 1988. (Мэллой, Рут Лор. «Китайская Народная Республика» Филдинга, 1988») Fielding Travel, 1988.

- Mandelbaum, David G. *The Plains Cree: An Ethnographic, Historical and Comparative Study*. (Мэндельбаум, Дэвид Дж. «Равнинные кри: этнографическое, историческое и сравнительное изучение») University of Regina Press, 1979.
- Morris, James. *Heaven's Command: An Imperial Progress*. (Моррис, Джеймс. «Небесная команда: развитие империи») Penguin, 1979.
- Napier, John Russell. *Bigfoot: The Yeti and Sasquatch in Myth and Reality*. (Нэпьер, Джон Расселл. «Большего: йети и саскуач в мифе и в действительности») Cape, 1972.
- Poirier, Frank E. *Fossil Evidence: The Human Evolutionary Journey* (Поирер, Фрэнк Е. «Останки свидетельствуют: эволюционное путешествие человека»). Mosby, 1977.
- Posner, Gerald L. *Warlords of Crime: Chinese Secret Societies: The New Mafia*. (Познер, Джеральд Л. «Главы преступного мира: китайские тайные общества: новая мафия») Penguin, 1988.
- Restak, Richard M. *The Brain: The Last frontier*. (Рестак, Ричард М. «Разум: последний рубеж») Warner, 1980.
- Royal Canadian Mounted Police Fact Sheets*. («Канадская королевская конная полиция. Фактический материал») RCMP, 1990.
- Rosenberg, Bruce A. *Custer and the Epic of Defeat*. (Розенберг, Брюс А. «Кастер и эпос поражения») Pennsylvania State University Press, 1974.
- Samagalski, Alan, Robert Strauss, and Michael Buckley. *China: A Travel Survival Kit*. (Самагальски, Алан, Роберт Страус и Майкл Бакли «Китай: Набор необходимого для выживания») Lonely Planet, 1988.
- Simpson, Keith. *Police: The Investigation of Violence*. (Симпсон, Кейт. «Полиция: исследование насилия») Macdonald and Evans, 1978.
- Shackley, Myra. *Still Living? Yeti, Sasquatch and the Neanderthal Enigma*. (Шекли, Мира. «Все ещё живущие? Загадка йети, саскуача и неандертальца») Thames and Hudson, 1983.
- Sheehy, Gail. *Passages: Predictable Crises of Adult Life*. (Шижи, Гэйл. «Перевал: предсказуемый кризис зрелой жизни») Dutton, 1976.
- Sherman, Patrick. *Cloud Walkers: Six Climbs on Major Canadian Peaks*. (Шерман, Патрик. «Идущие по облакам: шесть восхождений на главные канадские вершины») St. Martin's, 1965.
- Shipman, Pat. *Baffling Limb on the Family Tree*. (Шипмэн, Пат. «Тупиковая ветвь на генеалогическом древе») Discover, 1986.
- Simons, Elwyn L. *Primate Evolution: An Introduction to Man's Place in Nature*. (Симонс Элвин Л. «Эволюция приматов: введение к месту человека в природе») Macmillan, 1972.
- Smith, Frank. *Cause of Death: A History of Forensic Science*. (Смит, Фрэнк. «Причина смерти: история судебной науки») Rap, 1982.

- Soo, Chee. *The Taoist Ways of Healing*. (Су Чи. «Даосийские способы лечения») Aquarian Press, 1986.
- Stewart, Edgar I. *Custer's Luck*. (Стюарт, Эдгар И. «Удача Кастера») University of Oklahoma Press, 1955.
- Teresi, Dick and Patrice G. Adcroft, eds. *Omni's Future Medical Almanac*. (Тереси, Дик и Патрик Дж. Эacroфт, и др. «Медицинский альманах будущего») McGraw-Hill, 1987.
- Tierney, John, Lynda Wright, and Karen Springen. *The Search for Adam and Eve*. (Тьерни, Джон, Линда Райт и Карен Спринген. «Поиски Адама и Евы») *Newsweek*, 1988.
- Turner, C. Frank. *Across the Medicine Line*. (Тёрнер К. Фрэнк. «Через Медсин-Лайн») McClelland and Stewart, 1973.
- Turner, J. P. *The North-West Mounted Police 1873-1893*. (Тёрнер, Джей. Пи. «Северо-западная конная полиция 1873 — 1893 гг») Queen's Printer, 1950.
- Williams, B. J. *Evolution and Human Origin: An Introduction to Physical Anthropology*. (Вильямс Б. Джей. «Эволюция и предки человека: введение в физическую антропологию») Harper and Row, 1973.
- Young, J. Z. *An Introduction to the Study of man*. (Янг Дж. З. «Введение к изучению человека») Claredon Press, 1971.

В отличие от мифа, Кастер не был генералом во время Литтл-Бигхорн. У него был чин подполковника.

Начиная с 1979 года на смену методу Вэйда-Жилеса пришла манера романизации китайского написания. Мао Тсе-тунг теперь — Мао Цзедун, Пекин — Бэйджин. Чтобы не озадачивать читателя, сохранена наиболее привычная транскрипция.

Для большей наглядности штаб-квартира Гон Ан Чжу перемещена в отдельный офис рядом с Запретным Городом. В действительности штаб-квартира размещается на площади Тяньаньмынь.

Чтобы выразить мою благодарность всем тем, кто отвечал на мои вопросы в процессе исследований, потребовался бы ещё один том. Вы знаете, кого я имею в виду, так что я поднимаю за вас тост и снимаю перед вами шляпу.

Особая благодарность «Хору «Энвил» — Биллу, Тэду, Бев, Джиму, Сюзан, Глену, Ли, Эрин; и Лис — за сочные подробности описаний стычек.

И Рене — за путешествие по загадкам Китая.

И Джону с Барни — за плетение сюжетных линий.

Герои, уцелевшие в романе, вернутся в «Черепе и перекрещенных костях».

СЛЭЙД

Ванкувер, Британская Колумбия

С о д е р ж а н и е

Головорез	5
----------------------------	----------

Литературно-художественное издание

Майкл Слэйд

ГОЛОВОРЕЗ

Выпуск 41

Сдано в набор 03.01.96. Подписано в печать 16.02.96 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 26 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

МАЙКЛ СЛЭЙД

Эта книга знакомит Вас
с проблемой, которая до сих пор
является загадкой и предметом
поиска доказательств
происхождения человека.

Сюжет и персонажи —
продукт воображения автора.
Многие повороты сюжета были
вдохновлены вполне реальными
источниками.

Научные и исторические факты
были изменены произвольным образом
в соответствии с нуждами повествования.